Тесла Лейла Хугаева

Клиника доктора Бене Финкеля

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 159.9
ББК 88
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тесла Лейла
Х98 Клиника доктора Бене Финкеля / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 440 с.
ISBN 978-5-0055-2622-9

Эта книга — попытка доказать справедливость движения антипсихиатрии, поставившей целью смену объекта исследования. Отличие нового подхода к антипсихиатрии состоит в отказе от субъективизма экзистенциальной феноменологии, который смешивал границы здоровья и патологии, теряя объективность научного метода. Новый фундамент философии рационализма позволяет четко отделить здоровье и патологию, соединив научный метод и новый объект исследования: психическую энергию сознания вместо физиологии мозга.

УДК 159.9
ББК 88

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-2622-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Биопсихиатрия стоит на позиции материализма, согласно которой, в соответствии со знаменитым определением Ленина, сознание — это «продукт деятельности высокоорганизованной материи-человеческого мозга». Из этого определения следует, что мозг напрямую отражает действительность и продуцирует мысли. Однако, еще Лейбниц утверждал, что если даже увеличить мозг до размеров мельницы, так что мы могли бы ходить по нему и изучать его, мы не сможем увидеть там связь мысли с материей.

Известно, что мозг работает подобно электрогенератору, и что он излучает электромагнитные волны. Гипотеза теории психической энергии состоит в том, что мозг продуцирует не мысли, а поле психики, а уже поле психики продуцирует мысли. Поэтому мы, вместе со всем движением антипсихиатрии, признаем методы биопсихиатрии неээфективными и негуманными: прямое вмешательство в работу мозга не может оказать влияния на здоровье психики. Зато может разрушить мозг, и разрушает его. Только через изучение поля психической энергии, и воздействие на это поле, можно влиять на состояние психики и контролировать здоровье психики.

В данной книге, как в ряде других монографий, мы подробно описываем два силовых поля психической энергии, закон сохранения силы, который в основе обоих полей, закономерности каждого из полей и историю изучения этих полей психики в философии, психологии, антропологии и психиатрии.

Теорию психической энергии, которая положена в основу данной монографии, не следует смешивать с направлением «антипсихиатрии», хотя, безусловно, теория ПЭ также разоблачает методы современной психиатрии как неэффективные и негуманные. Более того, теория ПЭ также как антипсихиатрия видит основной источник заблуждения современной психиатрии в ложном объекте исследования: психиатрия исследует мозг вместо того, чтобы исследовать сознание, или иначе психиче-

скую энергию. Антипсихиатрия в этой связи подчеркивает, что ставит на место биопсихиатрии психоаналитику фрейдизма, имеющую в качестве объекта научного исследования не мозг, а психическую энергию.

Статья Википедия: «Антипсихиатрия направлена на демифологизацию, разоблачение и радикальную перестройку современной психиатрии как массовой формы насилия. Развитие антипсихиатрии является скорее частью исторических потрясений данного периода, чем результатом эволюции научных идей; по некоторым оценкам, антипсихиатрические модели не подтверждаются эмпирическим материалом, а порой и ему противоречат, не имеют научного подтверждения и не соответствуют методам медицинской диагностики, лечения и реабилитации психически больных. Взгляды антипсихиатров явились предметом бурных дискуссий и критики, резко негативный характер которой был обусловлен радикализмом этого движения, но, несмотря на спорность и малообоснованность предложений антипсихиатров, многие из их критических замечаний оценивались как правильные и заслуживающие более глубокого рассмотрения. Антипсихиатрическое движение способствовало повышению внимания психиатров к личности, судьбе, правам психически больных; оно существенно повлияло на организацию и качество психиатрической помощи, представители антипсихиатрического движения много сделали для её гуманизации. Оно явилось предтечей радикальных изменений в 1970—80-е годы, повышения внимания к правовым аспектам психиатрии, способствовало переносу акцентов на внебольничную помощь и созданию сетей социальной поддержки лиц с психическими расстройствами. Антипсихиатрия содержитидеи феноменологической психиатрии, экзистенциализма, герменевтики, структурализма, неокантианства, марксизма и радикальной политики. Идеология антипсихиатрии основывается на психоаналитическом подходе к психиатрии, в противовес биологическому, который подразумевает, что в основе психических болезней лежит нарушение деятельности мозга, и которого придерживается биопсихиатрия. Антипсихиатрическое движе-

ние поставило два принципиальных вопроса: 1. классификации и критерии психических расстройств являются нечёткими и произвольными, допуская множество толкований и мнений о том, насколько они соответствуют основным медицинским стандартам; 2. широко распространённые психиатрические методы лечения приносят пациентам гораздо больше вреда, чем пользы. Антипсихиатрия чаще всего рассматривается как одно из направлений психиатрии или психотерапии; наиболее авторитетные критики психиатрии во второй половине XX века были психиатрами. Выделяют два течения антипсихиатрии: направленное на уничтожение клинической психиатрии и направленное на реформирование и дополнение клинической психиатрии. В 1960—70-е годы в сотрудничестве с разными группировками проводились акции против психиатрических клиник, возникла и действует „интернациональная сеть" антипсихиатрии, которая ставит перед собой целью ликвидацию психиатрических клиник и ряда медицинских институтов. Антипсихиатрия объединяет несколько тысяч психиатров, медицинских работников, бывших клиентов и пр. С антипсихиатрией, критикой и нападками на психиатрию связана деятельность Церкви саентологии и учреждённой ею совместно с Томасом Сасом Гражданской комиссии по правам человека (ГКПЧ)».

Итак, мы разделяем возмущение антипсихиатров 20-го века против биологизма современной психиатрии, выбирающей ложный объект научного исследования. Мы также полностью согласны с выводами антипсихиатров в отношении неэффективности биопсихиатрии как в диагностике заболеваний, так и в их лечении, в жестоком обращении с пациентами, и в использовании современной психиатрии как рычагов политической репрессии. Все это правда, и эта правда себя проявила и в экспериментах Д. Розенхана, Д. Купера, Р. Лэйнга, и в экспериментах, которые ставила сама жизнь. Вспомнить хотя бы практику карательной психиатрии в СССР.

О. Власова «Антипсихиатрия»: «Эксперименты первой группы носили исследовательский характер и стали опытом приме-

нения радикальной теории антипсихиатрии. К таковым можно отнести эксперимент Д. Л. Розенхана, „Игровую комнату“ Р. Д. Лэйнга, „Виллу 21“ Д. Купера и др. Обобщив все данные и результаты антипсихиатрических экспериментов, можно сказать, что они привели к следующему: была показана необоснованность психиатрических диагнозов, их несоответствие действительному психическому состоянию, неэффективность традиционных методов лечения и диагностики. Фактически теория антипсихиатрии, хоть и частично, была подтверждена на практике».

Однако, мы утверждаем, что философская платформа антипсихиатрии, которую психологи этого направления противопоставили современной биопсихиатрии, такая же ложная философия, которая не может привести ни к какому другому результату кроме дискредитации всех попыток конструктивной критики биопсихиатрии. Эта философская платформа — субъективизм кантианства, феноменологии Сартра и Хайдеггера, историзм Гегеля и развитие идей этих субъективистов в философии М. Фуко, К. Леви-Стросса и других современных неокантианцев. Это тот случай, когда вместе с водой выплескивают и ребенка.

Изучать психическую энергию вместо мозга — вот цель конструктивной критики биопсихиатрии. Это совершенно не означает, что новый объект исследования стирает границы между разумом и безумием, что проблема «сумасшествия» вообще снимается, что мы оказываемся «по ту сторону ума и неразумия». Отказаться от проблемы не значит решить проблему. Но именно такое решение проблемы предлагает субъективизм кантианства: он и не мог предложить никакого другого решения. Конечно, наука, построенная на объективных методах исследования, будет опровергать выводы субъективистов и в теории, и на практике. В итоге, небольшие успехи антипсихиатрии в экспериментальной сфере (как эксперименты Д. Розенхана) перекрываются массой ложных сентенций и опытным опровержений этих сентенций.

О. Власова «Антипсихиатрия»: «Именно по этой причине все люди являются «равными», и ни один из людей не может исклю-

чаться из онтологической системы. Можно сказать, задействовав «словарь» Фуко, что «неразумие» не должно исключаться из «разумной системы», поскольку на онтологическом уровне нет никакого неразумия и разума. Лэйнг пишет: «Никакой онтолог не имеет право исключать из онтологии человека, поведение которого он считает необъяснимым, даже если это поведение ему чуждо так же, как птицы в его саду»

Статья Википедия: «Антипсихиатрия утверждает, что внутренняя реальность и личная свобода должны быть независимы от любых критериев психического здоровья и психических заболеваний, которые пытаются разработать психиатры. Основателем считается английский психиатр Рональд Лэйнг. К наиболее известным представителям антипсихиатрии относят также Мишеля Фуко, Дэвида Купера, Томаса Саса и Ирвинга Гофмана, Франко Базалью»

Философия экзистенциальной феноменологии, широко применяющейся во всей гуманистической психологии, не только в антипсихиатрии, построенной на этой гуманистической психологии — просто результат кризиса рационалистической философии в науке, уступившей место философии материализма, эмпиризма, а затем и субъективизму немецкого идеализма (Кант, Фихте, Гегель). Мы ставим своей задачей в этой книге показать, что только философия рационализма способна стать прочным базисом научного метода, суть которого в объективности и связи с опытом. Мы постараемся показать, что кризис в биопсихиатрии — это только часть общего кризиса в социальной науке, связанного с неадекватностью философии материализма и эмпиризма, на базе которых была установлена дарвиновская парадигма социальной теории. Неокантианство, возникшее как альтернатива материализму в виде «наук о духе» В. Дильтея, нисколько не решило проблему удушающего влияния материализма, поскольку стало также ее разрушителем, теперь уже посредством субъективизма. Материализм теряет объект исследования — душу, психическую энергию, дух, зато сохраняет научный метод. Неокантианство возвращает

объект исследования, но теряет научный метод — объективность и связь с опытом.

Теория психической энергии, отстаивая философию рационализма, сохраняет и объект исследования в виде психической энергии человека, и научный метод исследования, утверждая законы природы в основе психической энергии также, как в основе других природных энергий. Об этом и пойдет речь в книге. Об общем кризисе дарвиновской парадигмы, основанной на материализме и эмпиризме, и о тщетности попыток неокантианства, с его субъективизмом и обскурантизмом, с его схоластикой и софистикой, противостоять этому кризису, разлагающему современную социальную науку. О необходимости смена научной парадигмы.

ГЛАВА 1. СЛУЧАЙ АНДРЕЯ ОРЛОВА

Доктор Бенедикт Яковлевич Леви-Финкель давно ждал такого случая, чтобы доказать справедливость своего когнитивного метода в отношении шизофрении. И вот дождался. Психоз пастора Андрея Орлова вполне подходил под описание тех «исключительных, духовно творческих людей, заболевших людей, душевные переживания которых могут приобретать культурное значение», как говорил о них Карл Ясперс в своей известной книге «Стриндберг и Ван Гог».

К. Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «В принципе центральным для данной проблемы является вопрос существования духовного мира — как бы в некоем ином измерении. Либо существование этого мира должно быть объективно доказано средствами чувственно-пространственного опыта, либо это духовное содержание соответствует некоей поэтически-мифологической потребности, для которой проблема действительности всерьез не ставится, либо это духовное содержание соответствует некое мировоззренческой потребности, которая вообще не нуждается в шизофреническом обосновании, либо, наконец, существование этого мира может проявится через субъективное, чувственно

> наполненное переживание У Стриндберга и Сведенборга такое переживание и было собственно доказательством. И поскольку такие больные способны с необычайной полнотой представлять вещи как воплощенные переживания, постольку их представления способны приобретать культурное значение. Если мы хотим получить несколько более отчетливые представления, нам не следует рассчитывать на клинические наблюдения обычных больных, мы должны искать исключительных, духовно творческих людей, заболевших шизофренией, как Гельдерлин или Ван Гог.»

Ценность выводов Ясперс для гуманистической психологии состояла в том, что он был не только философом, но и практикующим врачом-психиатром, автором одного из самых популярных учебников психиатрии, выдержавшим несколько изданий. И вот, этот самый психиатр, утверждает в пику доминировавшей в его время материалистической парадигме, что изучать надо не мозг, а некую «духовную энергию», «духовную реальность»! По крайней мере когда речь идет о шизофрении и других психозах, не связанных с органическим повреждением мозга. Его книги стали откровением для доктора Бене. Только раз или два, Ясперс употребляет в своей «Психиатрии» термин «психическая энергия» вместо «душа», «духовная реальность», «демоническое», «абсолютное», которые только запутывают. А вот эти два раза стали молнией, осветившей мир среди ночи.

«Конечно, — думал он, — „психическая энергия“! Как у Фрейда, как у Юнга! Это же совершенно другой объект исследования! какого эффекта в лечении больных, в профилактике психозов мы можем достигнуть, если у нас ложный объект научного исследования! Если вместо того, чтобы изучать психическую энергию, душу, мы изучаем мозг, который нам ничего не скажет. Это знал еще Лейбниц, когда говорил, что если даже мозг станет большим как мельница, мы и тогда не увидим мыслей человека. И как прав Гордон Олпорт когда говорит что эмпирики и позитивисты выбросили из психологии истинный объект исследования: сознание, личность, душу, наконец! Остались только инстинкты, рефлексы и мозг! Какая ерунда! Ответ придет отсюда, „психическая энергия“, конечно! Это душа на новом научном языке!»

Ясперс рассуждает о шизофрении как о взрыве духовной энергии. Он прав в том, когда на место мозга ставит душу, как разные объекты исследования, но в определении этой души, он сам уходит в поэтико-мистическую неопределенность, где теряется вся ценность сделанного им переворота в ракурсе зрения на психические расстройства. Конечно, душа, как «демоническое и абсолютное» ничего не может сказать науке. А вот случайно употребленный им термин «психическая энергия» — может! Доктор Бене был совершенно в этом уверен. Его так взволновали эти мысли, что он вскочил на костыли из своего инвалидного кресла и засновал по кабинету.

К. Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «Складывается впечатление, словно бы в жизни этих людей им когда-то что-то мимолетно открылось, вызвав трепет и блаженство, чтобы затем, завершиться неизлечимым слабоумием конечного состояния. Не раз сообщалось, что в начале заболевания эти люди столь потрясающе играли на фортепьяно, что слушатели вынуждены были признать: ничего подобного они не переживали. Возникают и художественные произведения в области поэзии и живописи. Само переживание жизни становится более страстным, аффектированным, безудержным и естественным, но в то же время и более непредсказуемым, демоническим. Словно некий метеор появляется в этом мире с зауженным человеческим горизонтом, и прежде чем окружающие успевают полностью оправиться от изумления, это демоническое существование уже оканчивается психозом или самоубийством. Таким образом, при анализе мы имеем не только реальность, но — в ней — еще и постигающий ее мир духовного, причем это духовное существует отчасти объективно, в противостоянии реальности. Так вот можно представить себе, что существует некое субъективное духовное, что дух есть нечто вечное и вневременное, открывающееся во временной экзистенции в формах, которые психология подводит под одно понятие и, не различая, называет чувствами и эмоциями. И вот это демоническое существование, это вечное преодоление и всегдашняя наполненность, это бытие в ближайшем отношении к абсолютному, в блаженстве и трепете, и в вечном беспокойстве, — совершенно независимо от нас проявляется психозом. То есть складывается такое впечатление, словно бы это демоническое, ко-

> торое в здоровом человеке приглушено, упорядочено, может в начале душевной болезни с огромнейшей силой прорваться на поверхность. И не то, чтобы это демоническое, этот дух был болезненным: он вне противопоставления больной-здоровый, но болезненный процесс создает повод и условия для такого прорыва — пусть даже только на короткое время. Душа словно бы расслабляется и открывает свою глубину, чтобы затем, когда это расслабление закончится, окаменеть в хаосе и разрушении. Быть может, величайшая глубина метафизического переживания, ощущение абсолютного, священного и благодатного дается в сознании восприятия сверхчувственного лишь тогда, когда душа расслабляется настолько, что после этого остается уже в качестве разрушенной».

Леви-Финкель долго ждал такого случая шизофрении, где больной сохранил бы сознание после сильных шубов в достаточной ясности, чтобы описать свои переживания, и чтобы с ним позже можно было работать через дискуссию, через познавательный процесс, через смену когнитивного содержания его сознания. Он жаждал работать с сознанием, а не с мозгом. Он давно убедился, что работа с мозгом — это деструктивный процесс, который лишает пациентов последнего шанса на выздоровление (когда речь о шизофрении и других психозах неорганической этиологии).

Его вторым любимым автором и психиатром был А. Кемпинский, автор нашумевшей книги «Психология шизофрении». Кемпинский в своей монографии впервые подходит к проблеме шизофрении не с точки зрения психиатрии и физиологии мозга, центральной нервной системы, а с позиций — психологии. И это его исследование, в котором описаны психологические особенности шизофреников, больше помогло доктору Бене, чем тома написанные по физиологии мозга и психиатрии.

Он давно задавался одним вопросом. Почему шизофренический психоз — это психоз с четкой бредовой структурой, тогда как циркулярные психозы маниакально-депрессивного характера не имеют бредовой структуры вовсе? Почему бред всегда приобретает форму борьбы двух противоположных сил, из-за чего сознание шизофреников получило знаменитую характеристику

«черно-белого сознания»? Почему метафизическая интоксикация шизофреников? Что это значит? Как отделить философию, которой занимаются здоровые люди, метафизики и материалисты, от метафизической интоксикации? Эти вопросы не давали ему покоя, и он знал, что только если он изменит объект исследования, если вместо мозга станет изучать психическую энергию, он сможет получить ответы на эти вопросы. А значит, найдет ключ к загадке шизофрении.

«Черно-белый мир» шизофреников, «борьба двух противоположных сил обычно морального характера», — писал Кемпинский о структуре бреда шизофреников. Если думать о шизофрении как патологии мозга, то эта информация нам ничего не даст. Но если поставить на место мозга — психическую энергию, то совсем другое дело! А что если «черно-белый мир» — это полюса силового поля психической энергии, которые обнаруживаются при шизофреническом психозе? Эта мысль заставила его трепетать в предвкушении скорой разгадки большой тайны.

Наконец, ему представился случай поработать с таким шизофреническим психозом, описанным Ясперсом, с тонким и умным человеком, сохранившим сознание и после первых сильных шубов. Леви-Финкель знал, что у него совсем немного времени, чтобы успокоить кататонию, иначе следующие шубы могут разрушить психику окончательно.

Это был красивый молодой человек лет 28, среднего роста и хорошего телосложения, с большими черными глазами и выразительными чертами лица. Он выучился на священника, и какое то время был отцом католической церкви. Потом резко перешел в лютеранскую церковь. И наконец, совсем оставил свою духовную службу. Он говорил, что всю свою жизнь страстно искал бога, но не нашел его ни у католиков, ни у протестантов, и с тех пор задался целью создать собственную школу христианства. Он писал свои сочинения одно за другим, ушел с поста священника, потом с поста пастора, замкнулся в себе, перестал общаться с людьми. Только мать, художник и переводчик Ольга Никитишна, оставалась его близким и преданным другом все это

время. Она и доставила его в больницу Бене Финкеля, когда у сына случился первый психоз.

Бредовая структура у пастора Андрея Орлова была наполнена элементами христианской мифологии: в ней сражались христос и сатана, черти и ангелы, ад и рай. В психозе ему казалось что адское пламя пожирает его, и он подобно Лютеру, бросившему чернильницу в лицо дьявола, бросал в его проклятую морду все что попадало ему под руку. Когда к нему вернулось сознание, доктор Бене очень подробно расспросил его о жизни, и о том как формировалось его мировоззрение.

— Что заставило вас покинуть католическую церковь? — спросил его доктор Бене.

— Вы помните тот большой скандал в католической церкви, который потряс весь мир? О сотнях католических священников, на самом верху церковной иерархии, которые годами насиловали детей? Мальчиков и девочек? От 3 до 14 лет? Помните этот кошмар?

— Конечно. Я читал об этом в прессе. Вы тогда разочаровались в католической церкви?

— Вы бы не разочаровались? Это совсем не то слово — разочаровался! Я был сражен словно громом небесным. Я не хотел верить своим глазам, не хотел верить своим ушам. Я выл от боли по ночам как волк, пока однажды вид католических священников не стал для меня непереносимым. Я встал и ушел, хотя мне прочили большую карьеру. Я ушел в лютеранскую церковь. И сначала все было замечательно. Я словно открыл новый мир. Я стал читать много истории. Особенно Реформации. Прочел книги Кальвина, Лютера, Цвингли, Виклифа, Яна Гуса. Снова божья благодать наполнила мое сердце. Я проклинал Папу Римского вместе с Лютером, вместе с ним называл его сатаной, занявшим престол божий, вместе с ним обещался бороться с папистами. Я стал читать евангелие и ветхий завет. И я понял, что это единственный путь, на котором можно найти бога. Только изучать его священные тексты в оригинале. Не слушать никаких Пап и Кардиналов, слушать только свое сердце и свой разум.

Это воскресило меня и дало силы жить дальше. Это стало живительной водой, которая излечила кровавые раны моего сердца. Но только поначалу. Когда я уже думал, что нашел выход, что совсем излечился от того страшного потрясения, когда я в лоне католической церкви потерял бога, что я нашел бога заново, оказалось это только призрак. Я вдруг осознал, что во мне больше нет веры, нет бога. Что я потерял его. Это было страшным открытием. Сколько бы я не молился и не призывал его спасти меня и озарить мою душу спасительным нектаром веры, бог отвернулся от меня.

— И что было потом?

— Тогда я стал серьезно болеть впервые. У меня начались сильные головные боли. Я давно забросил и лютеранскую церковь тоже. Я не мог смотреть в глаза ни коллегам ни прихожанам. Я не верил им, не верил себе. Я хотел кричать на проповедях: бог — это истина! Но какую истину несете вы людям? Детскую мифологию Евангелия? Проснитесь, это же чепуха!». Но я знал, что ничего не могу предложить им взамен. Детская мифология Евангелия все же давала этику и дух людям, а что давал им дарвинизм современной науки? И я молчал. И этот внутренний крик стал разъедать мне внутренности, как лисенок под рубахой того подростка в Спарте, который стерпел, а не закричал. И когда больше не было сил терпеть, я просто однажды ушел и из лютеранской церкви.

Вот тогда я остался совсем один. Бывшие коллеги объявили меня сумасшедшим. Представляю, как они рады были услышать, что я в сумасшедшем доме. Теперь, вы говорите, звонят и сочувствуют? Но тогда, никто кроме двух моих близких друзей, никогда не спросили как у меня дела. А мне становилось все хуже и хуже. Я тогда размышлял над теорией происхождения человека Дарвина. Прочел несколько книг по антропологии, которые доказывали справедливость его учения. И уже считал себя Гераклом, который ради истины залез в самое пекло ада, и бесстрашно смотрит в глаза чудовищу, не боясь вытащить из его пасти истину. Я воображал себе, что еще немного,

и я смогу отказаться от евангелия как от детских пережитков и встать на твердую почву науки и истины. И вдруг... Доктор Бене, вы слышали когда-нибудь о Библии Сатаны некоего Ла Вея? Это церковь последователей Дарвина, которая доказывает, что порок и грех — это счастье, доказанное наукой. Дарвином! Больше миллиона последователей в Америке! Они ведь как рассуждают: все так называемые пороки — суть естественные потребности, а эгоизм и борьба за выживание — священный долг и смысл жизни. Значит, сатана есть истина, а Христос напротив вводит людей в заблуждение и погибель как слабак бесхребетный. Это была новая мифология на почве самой современной науки.

Вот где я хохотал, доктор! Вот где я до слез нахохотался над своими поисками науки и истины! Стоило делать этот огромный крюк от мифологии Евангелия, чтобы опять прийти к мифологии, только противоположной, где бог и дьявол поменялись местами? Где Христос стал ничтожеством, а сатана — вершиной истины и счастья?

Неделю я жил словно во сне. Я дошел до книг Ницше. Ницше, который клянет Христа, и прославляет войну и подлость. Я прочитал о его безумии. И тогда я понял, что точно такое же безумие неминуемо ждет и меня. Я оказался прав, доктор. Не прошло и месяца, как меня накрыл психоз.

Сатана стал посещать меня по ночам. И теперь я не знаю, что думать, был ли это сатана, или это были приступы и галлюцинации, ведь потом начались настоящие галлюцинации. Я еще не настолько рехнулся, чтобы не уметь отделить реальность от галлюцинаций, хотя все мы священники конечно немного того.

«Хороший уровень самокритичности, — подумал доктор Бене, — здесь есть с чем работать».

— А потом? Что было потом?

— Раньше я еще мог ДУМАТЬ, доктор. Мои МЫСЛИ были все еще МОИМИ, под МОИМ КОНТРОЛЕМ, я мог их выбирать. Мог принимать одни, и отрицать другие. Все закружилось и заверте-

лось, словно в адовом котле, и я потерял себя в страшном сумраке нечеловеческого страха, лика дьявола надвигающегося и пожирающего меня. Дальше вы все знаете. Меня потрясла эта потеря контроля над мыслями, когда я пришел в сознание. И эта потеря способности философии. Мысли перестали быть философией. Они стали словно минным полем, по которому надо ступать очень осторожно, чтобы не подорваться на новом психозе. Это было самым страшным следствием приступов. Вся моя жизнь была рефлексией о дьяволе и боге, а тут они перестали быть рефлексией, они стали реальными живыми фигурами, которые дрались за меня в моем сознании: хватали, возносили, убивали. И меня это удивило, потому что веры больше не было в моем сердце, откуда же в нем вдруг взялись живые фигуры сатаны и бога, сражавшиеся за меня помимо меня самого?

«И Ван Гог так говорил, — вспомнил Леви-Финкель книгу Ясперса, — откуда у меня бред с христианской мифологией с моим увлечением Золя и Гонкурами», этими материалистами.

Доктор Бене много думал над этими словами. Он и раньше отметил эту особенность психологии шизофрении: шизофреники живут философскими вопросами говорит Кемпинский, не умея объяснить этого феномена иначе. Здесь у доктора Бене был шанс проверить свою гипотезу о силовом поле психики: что если эта «жизнь философией», когда теряется способность рассуждать, а фигуры философии застывают как бы на противоположных полюсах электрического поля, и есть силовое поле психики? Что если это результат когнитивного дисбаланса, когда информация, усвоенная человеком о себе и о мире, приводит его к осознанию своего поражения? И тогда рушится вся абстрактная система, приобретая вид силового поля: с одной стороны угроза, с другой выживание?

Так рассуждал доктор Бене, сводя всю этиологию шизофрении к ложной информации абстрактного мышления, чрезмерно удалившегося от действительности в своих метафизических спекуляциях. «И тогда, — думал он, — законы психики возвращают его к реальности, указывая, что дальше возникает угроза жиз-

ни». Таковы были его первые, поверхностные приближения к теории психической энергии, и ее двух силовых полей, еще очень далекие от того открытия, которое ему предстояло сделать. Но уже очень важные, поскольку у него было теперь главное: верная дорога, работая на которой, он неизбежно найдет истину.

Он решил, больше полагаясь на интуицию, потому что у него еще не было четко сформулированных определений, предоставить Орлову побольше информации о вопросах которые стали жизненно важны для него и довели его до расстройства психики. И это действительно помогло. Он сам активно включился в процесс, не только для того, чтобы помочь ему в усвоении информации, но чтобы он чувствовал его человеческое тепло, постоянно приободряя Андрея словом и жестом, вниманием и заботой, похвалой и восхищением, и во всем выказывая уважение. Доктор Бене всегда предупреждал свой персонал, чтобы все старались поддерживать самооценку пациентов на максимально высоком уровне. Эта общая атмосфера уважения и сочувствия была отличительным свойством клиники доктора Бене, и она действительно принесла и результаты и успехи, создав Финкелю репутацию не только самого человечного психиатра, но и самого эффективного в своем деле профессионала.

Он принес Андрюше Реймаруса и Лессинга, Вольтера и Спинозу, Робертсона Смита и Томаса Пейна, Альберта Швейцера и Бертрана Рассела, Ренан и Штрауса, Толстого и Спинозу, Жорж Санд и Ганди. Они читали вместе, они разбирали вместе философские и богословские вопросы, и все это время доктор Бене был предупредителен и заботлив как родная мать. И вот однажды он почувствовал перелом. Кататония стала отступать, напряжение страха между полюсами бога и дьявола в сознании Андрея понемногу спадало.

«Началось! — выдохнул доктор Бене. — Получилось! У него формируются новые представления бога и дьявола, а те старые, которые его разрушили теряют реальность в связи с новым потоком информации! Я был прав! Только когнитивный

метод может разрушить напряжение страха в катании психозов».

Его глубоко возмущала современная практика психиатрии, так бесцеремонно вторгавшаяся в мозг пациентов, о котором они ничего не знали. Он называл их «мясниками», разрушающими самую тонкую и самую сложную ткань организма — мозг, лишая этим несчастных последнего шанса на выздоровление. Что мозг только начали изучать знали все. Что связь мозга с мыслительными процесса совершенно не поддается научному определению и контролю тоже известно было всем. Что фармакология разрушает мозг, а вместе с ним и весь организм, также ни для кого не было секретом. Но они продолжали свои агрессивные попытки разворотить мозг больных людей, вплоть до лоботомии и электрошока. Они оправдывали себя идиотской теорией «баланса пользы и вреда», уверяя, что если оставить психотиков как они есть им будет хуже, чем если они отрежут им половину мозга или разрушат его электричеством. Помимо всего прочего, это была самая удобная теория для оправданной казни невинных людей деспотами и тиранами всего мира, применяющих сомнительные способы современной психиатрии в качестве «карательной психиатрии». И если этот процесс не остановить, тюрьмы вскоре совсем не понадобятся, думал доктор Бене.

Ортодоксальным психиатрам, часто высмеивавшим его когнитивный метод лечения шизофрении Леви-Финкель любил напоминать эксперимент Давида Розенхана, опубликованный в 1973 году в статье «Здоровые люди в психиатрической клинике», и доказавший абсолютную несостоятельность диагностики современной биопсихиатрии. Тем не менее, доктор Бене решительно противопоставлял свой когнитивный метод, основанный на рационалистической философии, методу антипсихиатрии, ссылавшихся на субъективизм неокантианцев.

И вот теперь казалось Леви-Финкель был готов еще раз взорвать весь мир психиатрии: его теория силового поля психики, обнаруживающегося при бредовой структуре шизофрении получала свое подтверждение в случае с Андреем Орловым. Доктор

Бенедикт Леви-Финкель сам не верил в свою удачу. Он был так возбужден, что не заметил как пробежал на костылях весь длинный путь от палаты Андрюши до своего кабинета, где его уже заждались коллеги. Это был красивый, рослый мужчина лет сорока пяти, с черными курчавыми волосами и аккуратной бородкой. Он попал в автокатастрофу, когда ему не было и тридцати лет, и с тех пор мучился с последствиями травмы позвоночника. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы взять себя в руки и продолжить борьбу за жизнь. Жить ему совершенно не хотелось. И только когда у него появился интерес к науке, он снова стал молодым и здоровым, сумев преодолеть все препятствия на пути к своей заветной цели — утверждению гуманистической психологии в психиатрии. Цели, в реальность которой никто кроме него самого поначалу не верил. Наука стала его жизнью, его страстью, его детищем, — всем. И сколько бы не сокрушалась над такой монашеской жизнью его мать, Тамара Тенгизовна Леви-Финкель, он не хотел ее слушать. Тамрико значила очень много в жизни сына, особенно в годы после автокатастрофы, поскольку Бене органически не выносил заботы посторонних.

— Если бы не вы, мама, — говорил он своей матери, — я бы сразу сдался. Ваша забота спасла меня.

И действительно, он очень быстро вернулся к спорту, оборудовав себе тренажерный зал. Врачи были удивлены скоростью с которой он встал на костыли. Ему приходилось пользоваться коляской, поскольку он научился только опираться на обе ноги, но по прежнему не мог ходить. На этом прогресс в его выздоровлении надолго остановился. Однако, Бене не оставил занятий спортом, так что его торс был непропорционально больше развит исхудавших, но все таких же длинных ног. Внутренняя сила, которая отличала его с детства, сосредоточилась в глазах и в руках.

Бене поправил выбившуюся от быстрой ходьбы прядь на большом выпуклом лбе, и с громко бьющимся сердцем открыл дверь своего кабинета. Какие новости он нес своим товарищам-скептикам!

ГЛАВА 2. ПРОФЕССОР БЕЛОГОРОДСКИЙ

Леви-Финкелю было всего 17 лет, когда он познакомился с Петром Николаевичем Белогородским, профессором психиатрии и отцом его друга, — человеком, которому суждено было определить все последующее направление его жизни. Он тогда совсем не думал о карьере ученого, и тем более никогда не задумывался о психологии и психиатрии. С психиатрии у него были связаны самые отвратительные ассоциации с тех пор, как его отец, Яков Иосифович Леви-Финкель, стал жертвой репрессий советского периода, попав под принудительную госпитализацию. Его держали там несколько месяцев, он ушел здоровым человеком, а пришел разбитым стариком, который умер всего через год. Бене не было и десяти лет, когда не стало его отца. Он помнил его добрые глаза, его теплые колени, когда он вечерами сажал его к себе и рассказывал такие трогательные волшебные сказки. И все это украло у него страшное слово «психиатрия». Больше он ничего тогда не хотел об этом знать.

Бенедикт Яковлевич был очень способным мальчиком, настоящим вундеркиндом. Ему понадобилось только шесть лет, чтобы закончить школу, и еще четыре года, чтобы закончить Бауманский университет. В 17 лет, когда к власти пришел М. Горбачев, его пригласили в Высшую школу разведки. Бене восхищался Горбачевым именно за широту ума сердца, за то что сидя на вершине власти, построенной горой из человеческих костей, он отказался от власти, и указал людям дорогу к свободе и гуманизму. Его восхищение таким неординарным поступком, выдававшего титана ума и совести, на которых держится род человеческий, было так глубоко, что Бенедикт Яковлевич сразу согласился. Он мечтал работать в команде такого человека как Горбачев. И ему действительно повезло: его успехи были оценены, и его рекомендовали в личную охрану Горбачева. Работа с Горбачевым была лучшими годами в жизни Бене. Он был молод, полон надежд и энтузиазма, он верил людям и действительно видел вокруг себя великих людей. Ему каза-

лось еще один шаг, и мир встанет с головы на ноги, хаос закончится, и везде в мире водворится гуманизм, свобода, знание.

В эти лучшие годы своей жизни он и встретил Петра Николаевича, который быстро указал ему на его юношеские заблуждения. Это был отец его друга по школе разведки, Гриши Белогородского. Однажды, когда Гриша пригласил Бене на день рождения отца, Петр Николаевич, хмуро молчавший вначале, вдруг обратился к Бенедикту Яковлевичу:

— А вы, молодой человек, зачем же согласились сломать себе жизнь службой в госбезопасности? Разве историю не читаете? Ладно, еще в прежние времена туда шли, чтобы обезопасить себя и родных, да и выгоды были материальные и другие. А теперь то, после Горбачева, зачем молодежь туда идет? По личной расположенности? Вот, мой шалопай, сколько я ему твердил, что худшего выбора он сделать не мог, он меня не послушал. Не авторитет я для него, мое мнение ничего не значит. И аргументы мои не подействовали. На зло все делает, умный больно. А вы тоже на зло своему отцу пошли?

— У меня отец умер, — поперхнулся Бенедикт Яковлевич, которому уже становилось неловко от молчания виновника торжества. — Умер после репрессий. Его принудительно поместили в психиатрическую лечебницу на восемь месяцев. Через год он умер.

— А! — торжествующе воскликнул профессор Белогородский. — Значит, вы не понаслышке знаете, что ваши чекисты вытворяли в те славные времена. — Зачем же вы туда пошли?

— Так ведь Горбачев, который отменил всю эту систему, тоже из коммунистов, Петр Николаевич. Значит, есть порядочные коммунисты и непорядочные коммунисты. Да вот возьмите хотя бы, Ландау! Это мой кумир еще со времен Бауманского университета, где я прочитал все его книги и мемуары его жены. Он ведь был убежденным коммунистом. Сколько раз ему Нильс Бор предлагал остаться в Европе, когда Ландау ездил туда для повышения квалификации. Возьмите Высоцкого, и тот и другой отка-

зались от самых заманчивых предложений. И оба воевали с плохими коммунистами. Ландау распространял листовки против репрессий Сталина, писал, они предали дело революции, и за это год провел в тюрьме. Там бы и умер, если бы Капица его не вытащил: нет, говорит Сталину, у нас других гениев. Ну, а Высоцкий песнями над ними смеялся, возьмите хотя бы «Охоту на волков». Мне обидно, Петр Николаевич, что теперь социализм весь гребут под одну метелку, дескать, не эти конкретные люди и режимы были плохие, а именно социализм как система виноват. Это неправда. И да, может быть я из протеста и пошел в разведку. Но если бы к власти не пришел Горбачев, никогда бы не пошел. Горбачев для меня олицетворяет тот самый хороший социализм которому я предпочитаю все остальные социальные системы.

Петр Николаевич внимательно посмотрел на Леви-Финкеля.

— Хоть что-то умное сделал мой сын. — выдохнул он. — Наконец, у него хорошие друзья появились. Вы правильно рассуждаете, Бенедикт Яковлевич. Не социализм виноват в репрессиях советского режима, чтобы там не писал Ф. Хайек. С самых первых государств древнего востока деспотия правительств произвольно казнила тысячи людей, и советские репрессии только продолжение этого извечного механизма. Социализм был попыткой построить лучший, свободный мир. И если эта попытка обернулась в обыкновенную восточную деспотию, так виноват марксизм с его материализмом и диктатурой пролетариата, а не весь социализм. Почитайте «Жизнь Иисуса» Ренана, как красиво он там пишет о «социализме духа» еврейского народа. Вы ведь еврей? Вам надо почитать исследование христианства Ренана.

Тогда Бене впервые услышал это имя, и дал себе слово прочитать все книги Ренана, которые найдет. Как много они ему дали в понимание своего народа, и как сильно помогли со случаем Андрея Орлова. А слова Ренана, сказанные об истинному духе социализма, как о мире идей Платона, он запомнит навсегда. «Республика» Платона и станет его идеалом государства.

Э. Ренан «Жизни Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься».

В тот день Петр Николаевич горячо пожал ему руку, а напоследок даже обнял; и просил почаще навещать старика в его одиночестве.

— Григорий Петрович не снисходит до бесед с отцом, дорогой Бенедикт Яковлевич, считает меня выжившим из ума стариком. Всегда буду рад поболтать с вами о жизни, я чувствую в вас душу, которой суждено будет дать большие побеги. Как знать, может и мне удастся заронить семена в эту плодородную почву. Я был бы горд иметь такого сына.

Бене не заставил себя просить. Старик тоже пришелся ему по душе; настолько, что разбередил его болезненные воспоминания об отце, от которых Леви-Финкель защищал себя как мог. Теперь он мог думать, что снова нашел отца, мог почувствовать, какого это иметь отца, иметь моральную поддержку, сильного и умного человека, готового со всей искренностью близкого человека делиться своим жизненным опытом. К тому же в тот же вечер он познакомился с сестрой Гриши, Анной. Она произвела на него неизгладимое впечатление, так что Бене почувствовал, что им предстоит общаться дальше, несмотря на разницу в воз-

расте. Анна была старше на 12 лет, но это не помешало им пожениться через три года.

И Леви-Финкель не ошибся. Профессор Белогородский сориентировал его и в науке, и в политике, определив его мировоззрение на всю его дальнейшую жизнь. Сколько раз потом Бене в душе благословлял старика, когда очередной раз убеждался, как прав он был. «Что бы я делал без вас, Петр Николаевич, — думал он в такие минуты. — Что бы я делал без вашего мудрого руководства!». Профессор Белогородский сначала заинтересовал его психологией, а потом разъяснил ему положение дел в психологии. Прежде всего, он принципиально не разделял психологию и психиатрию, и смеялся над биопсихиатрией, которая считала такое разделение необходимым.

— Я помню те времена, сынок, — говорил Петр Николаевич Леви-Финкелю, — когда после указа Андропова психиатрические лечебницы превратили в подразделение МВД для массовых репрессий всех инакомыслящих. Я представляю, что ты пережил. Нам, врачам, у которых были ум и совесть, пришлось еще хуже. Порядочному человеку легче пасть жертвой, чем стать пособником палача.

> «29 апреля 1969 года Андропов направил в ЦК проект „плана расширения сети психиатрических больниц и предложения по усовершенствованию использования психбольниц для защиты интересов советского государства и общественного строя". В позднем Советском Союзе были помещены в психиатрические больницы около трети всех политических заключённых. Тысячи инакомыслящих были госпитализированы по политическим мотивам. Уже с начала 1960-х количество лечебниц стало расти как на дрожжах. В 1935 году на территории СССР 102 психиатрических больницы и 33 772 койкоместа; к 1955 — около 200 психиатрических больниц, 116 тысяч коек. С 1962 года по 1974 количество койкомест возросло с 222 600 до 390 тысяч. (ТЫСЯЧ!) Это „благополучный" застой. Это были учреждения закрытого типа в ведении МВД СССР — юридически и фактически бесконтрольные со стороны врачебного сообщества в целом. Фактически же все спец. психбольницы были в подчинении 5-го управления Комитета госбезопасности, и поэтому все санкции по отношению к заключённым на „излечение" диссидентам

применялись с ведома комитетчиков. А. Д. Сахаров писал, что в некоторых центральных учреждениях, таких как приёмные Прокуратуры СССР и Верховного Совета, существовала система направлять особо настойчивых посетителей в психиатрические больницы. К числу этих посетителей относились люди, безуспешно добивавшиеся справедливости. Согласно данным, опубликованным Международным обществом прав человека, в целом по стране жертвами злоупотреблений психиатрией стали порядка 2 миллионов (2 000 000!) человек. В 1988—1989 году по требованию западных психиатров как одному из условий принятия советских психиатров во Всемирную психиатрическую ассоциацию около двух миллионов человек было снято с психиатрического учёта (за год!!!) Вот такова была „народная власть" тех времен. В отличие от тюрьмы, заключение в психбольницу не имеет срока, не требует суда и доказательств. Все заявления состоящих на психиатрическом учете (о пытках, лишении свободы и т.п.) не рассматриваются официальными органами. Человек недееспособен (т.е. не распоряжается ни своим имуществом, детьми, даже своим телом). За две недели до больших советских праздников — 7 ноября и 1 мая — райкомы и горкомы КПСС секретно направляли главврачам психбольниц распоряжения на время госпитализировать в психиатрические больницы людей с „непредсказуемым поведением" (инакомыслящих и верующих. Чтобы обеспечить общественный порядок во время праздников, и психиатрические больницы становились временными тюрьмами для „социально опасных" людей. Сходная ситуация имела место во время партийных съездов, визитов зарубежных государственных деятелей. Обвиняемые не имели права на обжалование, не имели права привлечь других психиатров для участия в процессе, поскольку психиатры, привлекавшиеся для участия в процессе государством, считались в равной мере „независимыми" и заслуживающими доверия перед законом. Михаил Шемякин, известный художник, друг Высоцкого, эмигрировавший во Францию, писал о своем опыте принудительной госпитализации, и сделал яркие иллюстрации к нему с „бор-машиной" и врачами, пытающими ею пациента».

Увы, — заключил Петр Николаевич, — биопсихиатрия немногим лучше в других странах. Там, по крайней мере можно бороться за права. Там есть независимые СМИ и институт прав человека. Это немного облегчает ситуацию, но сама психиатрия в ее нынешнем варианте остается такой же безнадежной, и таким же потенциальным рычагом массовых репрессий везде в мире.

Именно с этим связано движение «Антипсихиатрии» получившее широкое признание во всем мире. Причем, и это критический момент, инициаторами движения были сами психиатры! Да, Бенедикт, сынок, такие же как я, честные люди, которым противна эта система мясничества современной биопсихиатрии. Рональд Лэйнг, Мишель Фуко, Давид Купер, Томас Шаш и Ирвинг Гофман, Франко Базальо, Давид Розенхан — все это психиатры, которые восстали против материализма биологической психиатрии и закричали всему миру правду! Правду, которая в том, что материализм потерял свой настоящий объект исследования: они потеряли душу, они ищут истину и законы природы в мясе, в мозге, в теле, а там их нет! Потому что у человека есть душа и исследовать надо душу! Вот в чем был их прорыв их крик мировому сообществу. И их услышали, их не могли не услышать, потому что это была правда. Гордон Олпорт писал что современная психология потеряла свой объект исследования из-за модной философии эмпириков, позитивистов, материалистов.

Гордон Олпорт «Становление личности»:

> «Полный упадок понятия души и частичный упадок Я произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, — короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подозрительны, Я выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдает слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии Я престижа не извлечешь».

К сожалению, и этот протест «Антипсихиатрии» ничего не принес, Бенедикт. Разве что несколько облегчил положение пациентов на западе. У нас, надо прямо сказать, никаких изменений это протестное движение не повлекло. Потому что они ударились в другую ошибку. Если материалисты теряют душу как объект исследования, и дальше уже вся их психология и психиатрия не стоит выеденного яйца, то антипсихиатры

теряют научный метод исследования в субъективизме своего неокантианства. Слышал о «науках о духе» В. Дильтея, большого поклонника философии Канта? Слышал критику Канта Шеллингом? Так вот, эти науки о духе Канта не ищут общих закономерностей человеческой природы, они утверждают, что каждая душа уникальна и индивидуальна! Какая же наука может родиться из такого субъективизма. Это абсолютный агностицизм и роспись в бессилии, которой они только подтвердили правоту биопсихиатрии!

— Но ведь вы сами говорите, что они изучают душу человека? Дух? Какие же общие закономерности могут быть у души человека, Петр Николаевич? — тогда Леви-Финкелю стало по настоящему интересно.

— Общие закономерности психической энергии! Здесь будущее науки! Эти сосунки антипсихиатры ссылаются на Фрейда когда воюют с биопсихиатрией, а сами не смогли толком сформулировать в чем разница между теми и Фрейдом. А разница в объекте исследования: те изучают мозг, а Фрейд — психическую энергию! Надо изучать не уникальную душу, эти глупости субъективизма сами себя высмеяли в работах Мишеля Фуко. Тот дошел до того, что хвалит маркиза Сада! Видишь ли, Бенедикт, если отказаться от объективности, от единой истины, если сказать, что у каждого своя истина и нет разницы между умным и глупым, между нормальным и сумасшедшим, то мы оказываемся в хаосе, мы теряем науку, мы теряем себя. А именно так противопоставили себя биопсихиатрии наши «Антипсихиатры»: нет никакой истины, поэтому каждый прав по своему, поэтому сумасшедших нет. Фуко восхищается каждым известным сумасшедшим которого может вспомнить в «Истории безумия», и это уже жалкий лепет вместо аргументированного протеста против биопсихиатрии.

Наша задача была другая. Не в том наша задача, чтобы отрицать проблему: отрицать проблему не значит решить проблему. Наша задача была решить проблему, показав как с новым объектом исследования, решаются старые задачи, которые по-

ставили в тупик биопсихиатрию. Не отказываться от симптоматики шизофрении, а объяснить ее с точки зрения психической энергии! Понимаешь, Бенедикт? А для этого нужно было изменить объект исследования, но сохранить научный метод, а не впадать в детство сартровского субъективизма. Вот, где беда, и никто не видит этой беды. Старая парадигма материализма и дарвинизма — вот с чем надо бороться. А биопсихиатрия только одно из следствий. И на место метариализма придет не субъективизм немецкого идеализма, а единая истинная рационалистической философии Платона, Декарта, Спинозы, Шеллинга, Лейбница, Эйнштейна!

Сколько раз я говорил об этом в институтах и университетах. Меня никто не хотел слушать, а потом и вовсе уволили. Теперь я сижу дома, выживший из ума старый дурак, чья мудрость никому не нужна. Никому кроме моей красавицы дочери. Если бы не ты Бенедикт, она бы никогда не вышла замуж. Ничего и никто не были ей интересны, кроме науки. И она пошла по моим стопам. — гордо выпрямился старик. — Я знаю, как это опасно плыть против течения, — спохватился он минуту спустя, — но что нам остается кроме древней истины римлян: «Делай что должно, и будь что будет»?

— И все же, — говорил профессор в другой раз, — антипсихиатры кое-что сделали настоящего! Эксперименты Давида Розенхана! Они доказали, что диагностика биопсихиатров ничего не стоит, когда симулировали болезнь, а психиатры не смогли их отличить от настоящих психотиков!

О. Власова «Антипсихиатрия»:

> «Д. Л. Розенхан пытается доказать факт, что постановка психиатрического диагноза не зависит от реального состояния „пациента". В начале статьи, содержащей изложение хода и результатов проведенного им эксперимента, он пишет: „Вопрос о нормальности и ненормальности никоем образом не должен подвергать сомнению то, что некоторые действия являются ненормальными или странными. (...) Но нормальность и ненормальность, разумность и безумие, а также диагнозы, которые следуют за ними, могут быть совсем не привязаны к реальному состоянию". Для доказательства

этого утверждения в 1972 г. Розенхан и проводит несколько экспериментов. В первом эксперименте участвовали 8 добровольцев (3 женщины и 5 мужчин): три психолога, педиатр, психиатр, художник и домохозяйка, восьмым добровольцем был сам Розенхан. Эксперимент проводился в США, в двенадцати совершенно различных по оснащенности и профилю больницах, которые были расположены в пяти различных штатах на Восточном и Западном побережье. Персонал больниц ничего не знал об эксперименте. Перед добровольцами (Розенхан называет их псевдопациентами) стояла следующая задача: все они должны были симулировать слуховые галлюцинации, говорить, что слышали голос того же пола, что и они сами. Все остальные события жизни и личностные качества пациентов не фальсифицировались. Как только псевдопациенты попали в больницу, они прекратили симулировать галлюцинации, не предъявляли жалоб и вели себя как полностью здоровые люди. Четкого срока пребывания в психиатрической больнице заранее не оговаривали, это зависело от усилий самого псевдопациента, именно он должен быть убедить персонал в том, что здоров. В итоге все псевдопациенты пробыли в психиатрических больницах от 7 до 52 дней (в среднем 19 дней), их подвергали медикаментозному лечению и выписали с диагнозом „шизофрения в состоянии ремиссии“. Фактически в этой части эксперимента Розенхан исследует процесс стигматизации. В конце своего „отчета“ он пишет: „Как только человека называют ненормальным, все его действия и качества окрашиваются этим ярлыком. И действительно, этот ярлык настолько силен, что большинство нормальных поступков псевдопациентов не замечались или были истолкованы сквозь его призму“. Второй эксперимент был проведен на базе клинической больницы, сотрудники которой, услышав о результатах первого эксперимента, утверждали, что у них бы таких ошибок быть не могло. Персоналу сообщили, что в течение трех месяцев один или несколько псевдопациентов попытаются попасть в их больницу. На протяжении этого времени все сотрудники сдавали письменные отчеты о каждом новом больном. В итоге из 193 пациентов, которые за эти три месяца „прошли“ через больницу, 41 были признаны псевдопациентами хотя бы одним членом штата, 23 — хотя бы одним психиатром, 19 — одним психиатром и одним сотрудником. На самом же деле не одного псевдопациента за три месяца в эту больницу не попадало».

Тогда Бенедикт Яковлевич впервые услышал об экспериментах Розенхана, и уже всегда будет держать их в мозгу, как дер-

жал впоследствии весь важный экспериментальный материал, который указывал на крушение старой парадигмы, и на необходимость новой научной парадигмы: исследование самоактуалов Маслоу, эксперименты Милграма, исследование визинарных компаний Д. Коллинза и Д. Пораса, эксперименты Розенхана и др.

Профессор Белогородский, которого Бенедикт успел полюбить как родного отца, оказал также глубокое влияние и на его политические взгляды. Леви-Финкель смутно представлял себе все также, но он не сумел бы тогда так четко все сформулировать, как это сделал Петр Николаевич в их частых задушевных беседах.

— Холодная война периода двух сверхдержав никогда не была противостоянием двух противоположных систем, — любил говорить он. — Никогда не верь пропаганде ни одной из сторон, врут обе. Читай Бертрана Рассела: «Образование и здоровое общество», «Власти и личность», «Власть», «Воздействие науки на общество», «Борьба за счастье», «Дороги к свободе», «Практика и теория большевизма». Он, кстати, в книге «Воздействие науки на общество» предсказывает, что биопсихиатрия выродится в формы биологического контроля психики властями. Но не об этом речь. Артур Шлезингер пишет в «Циклах американской истории», что пропаганда обеих супердержав стала зеркальным отражением друг друга, когда демонизировали противоположную сторону и идеализировали свою собственную. Действительно: нам запад рисовали империей зла, а западу — безбожный большевизм виделся империей зла.

Но если посмотреть в суть идеологий, на которых держались обе системы, так ли уж они различны? Там Дарвин и Адам Смит, здесь — тоже Дарвин и Маркс. Обе системы самого вульгарного материализма и экономизма, а различие их только в том, что один материализм утверждает, что люди — индивидуальные животные и живут в конкуренции, а другой материализм утверждает, что люди социальные животные и живут... нет, дарвинизм не признает мира, в марксизме всеобщая борьба приобретает

вид смертельной борьбы классов. Вот и все различие, которое мнимое, как ты можешь видеть, между этими двумя системами.

В этом беда обеих систем, которая стала причиной их ложного противостояния как якобы противоположных идеологических систем. На самом деле это было старое противостояние на почве национальных предрассудков, известное испокон веку, когда одно государство просто хочет поглотить другое, безо особых идеологических на то причин.

Но было и что-то новое и хорошее в обеих системах — ведь эти две супердержавы были первыми попытками построить научные государства! Грубыми попытками, и все таки попытками положить в основу государственного устройства не догмы мифологий и не поклонение жреческим кастам, а действительно научное обоснование мира и государства. Наука оказалась ложная, это правда. Но ложная она оказалась одинаково здесь и на западе. Марксизм — такой же дарвинизм и экономизм, как та теория, которая сегодня в основе современного капитализма. Частная и государственная собственность — это только частности системы, которые не затрагивают фундаментального базиса теории, одинакового у обеих стран. Вот возьми хотя бы «Открытое общество» Поппера и сразу убедишься. Он хвалит Маркса за Экономизм и ругает Милля за психологизм. В этом общее этих систем: они обе за материализм и экономизм, и обе против метафизики духа и психологизма!

К. Поппер «Открытое общество и его враги»:

> «Милль считал, что изучение общества, в конечном счете, должно быть сводимо к психологии, а законы исторического развития должны быть объяснимы в терминах человеческой природы, «законов психики» и, в частности, законов ее прогрессивного развития. Милль, как мы установили, верил в психологизм. Маркс бросил ему решительный вызов. «Правовые отношения, — утверждал он, — так же точно как и формы государства, не могут быть поняты… из так называемого общего развития человеческого духа…». Глубокое сомнение в психологизме — это, пожалуй, величайшее достижение Маркса как социолога»

Борьба левых и правых высосана из пальца. Настоящая борьба идет между наукой и невежеством. А левые и правые примеряют разные научные теории: левые говорят, что человек может стать цельным индивидом только в цивилизованном сообществе, правые говорят, что индивид всегда противостоит другим индивидам, и цивилизация состоит в том, что единение людей отрицается. Это все теории грубого материализма, которые разработали смешной «научный эгоизм», оправдывая все невежество и низость человека «борьбой за выживание». Но ты только посмотри на людей и природу, и истина станет самоочевидна. Природа разве живет индивидами? Разве биологический мир не есть такой же мир силового поля, одного огромного силового поля, где все элементы системы взаимосвязаны и определяют друг друга? Дарвин говорит, что мир животных — это мир эволюции приспособления к среде в борьбе за выживание. Возможно, так и есть, возможно, меняются когти и пуховое оперенье, челюсти и зубы, но ведь силовое поле всегда одно и то же! Ты думал об этом, Леви-Фикнель, мой мальчик? В чем это силовое поле? Да, в том что животным миром правит голод и холод: половой голод, пищевой голод, тепловой голод. Голод, как основа цикличного неравновесия, запускающего энергию биологического поля. Как бы не шла эволюция животного мира, он всегда останется этим силовым полем голода. Разве также с человеком? Разве человек не способен научным мышлением решить проблему голода? Разве человек не открыл все энергии природы и не взял себе их силу? Разве человек не богач и миллиардер по сравнению с самым приспособленным животным миром? Как можно сравнивать несравнимое? Биологическую энергию и психическую энергию интеллекта человека?

— Но ведь и там и там голод, Петр Николаевич? — засмеялся тогда Бенедикт. — Здесь голод пищевой, а там голод — интеллектуальный! Разве страсть к познанию не есть голод?

— Совершенно верно, этот голод и лежит в основе психической энергии: голод познавать! Знание ради самого знания, а вовсе не ради биологического выживания. Если человеку надо

выбирать между смертью за истину и жизнью во лжи, что во все времена делали порядочные люди? Это и есть силовое поле интеллекта: мышление о мышлении как говорил Аристотель, или «просто жажда знания», как говорил Бертран Рассел.

Но смотри, какая большая разница между интеллектуальным голодом и голодом биологическим! Интеллектуальный голод можно насытить, можно снять, а пищевой — нельзя! Голод материальный движется по кругу, потому что это силовое поле материальных энергий, которые способны двигаться только по кругу, потому он ненасыщаем: от равновесия к неравновесию. Голод интеллектуальный движется по прямой: он насыщаем, это силовое поле интеллекта, которое растет и набирает энергию в процессе познания, и меняет мотивацию голода на мотивацию удовольствия!

Как же можно сравнивать эти две энергии я тебя спрашиваю, Бенедикт, нищую биологическую энергию, которая всегда будет двигаться по кругу пищевого, полового и теплового голода, тогда как психическая энергия способна своим интеллектом взять себе силу всех прочих энергий космоса?

И зачем человеку подражать животным, которые вынуждены жить в боли и страхе, пожирая друг друга, когда человек может жить в любви и дружбе, работая сообща и справедливо распределяя заработанное? Единая истина науки и единое поле дружбы и искренности — вот основа левой теории. Что могут противопоставить этой красоте очевидной истины правые: свой дарвиновский мир крови и страха, оправдывающий «научным эгоизмом» патологию человеческой психики?

Почитай непременно «Циклы американской истории» А. Шлезингера. Это лучшая книга об американской истории, которую я читал. Шлезингер — профессор и друг Джона Кеннеди. Ты небось слышал о Кеннеди? И как Кеннеди и Франклин Рузвельт он был левым, он был демократом. В этой книжке и пишется, что вся история Америки — борьба левых и правых. Он называет эту борьбу циклами, потому что думает, что эта борьба — части единой системы равновесия, что левые и правые

составляют одну систему, и движутся по типу цикличного дисбаланса, от неравновесия левых к равновесию правых и наоборот. Там же он цитирует других писателей, которые говорят, что исследования показывают, что те кто поддерживает демократию, не поддерживают капитализм и наоборот, так что навряд ли, делают они вывод, капитализм и демократия части одной системы. Я рекомендую тебе эту книгу, чтобы ты понимал всю широту понятия «левый», и не слушал вульгарную пропаганду, где левыми называют только марксистов.

Чтобы понять Маркса, хорошо бы тебе почитать «Открытое общество» К. Поппера. Поппер — самый большой враг социализма (недаром же он друг Ф. Хайека), у него легко понять, почему такая радикальная критика социализма несправедлива. При этом он хвалит Маркса, как философа свободы! Да-да, так и пишет что Маркс искал свободы. Он хвалит его за то, что Маркс отказался от психологизма, и утвердил историю на экономизме! Вот где вселенская глупость, потому что без законов психологии человек никогда не познает общества! Маркс пытался со своим психологизмом и провалился! Все видели живой эксперимент длинной в 70 лет и видели его результат! Таковы следствия экономизма, который хвалит Поппер. Он ненавидит психологизм, не может быть говорит законов психологии в основе общества. И когда Милль утверждает, что именно законы психологии в основе общества, он нападает и на Милля.

Да кто только не писал об этом отвращении Маркса к психологии! Бертран Рассел видел его главную ошибку именно в отказе от психологии! Поэтому когда Поппер хвалит его за это, сразу обнажается слабость критики социализма. Он не видит истинных прегрешений Маркса. Ошибка Маркса не в идее единства людей — это единство само собой разумеется. Его ошибка в философии материализма и в мистике гегельянства, а уже из этой лживой философии родился смешной мутант его диалектического материализма и его отвращение к настоящей науке — к психологии. Маркс считал, что он перевернул с головы на ноги идеализм Гегеля, и что он стал реали-

стом, когда идеальная диалектика Гегеля стала материальной диалектикой у него. На самом деле он перешел от одной смешной мистики к другой еще более смешной мистике, ведь у Гегеля хотя бы сохраняется понятие духа в философии. Маркс смеялся над Шеллингом, который якобы начал критиковать Гегеля, и остановился на полпути из трусости, и не стал материалистом, а завис в поисках жалкого компромисса между идеализмом и реализмом. А прав оказался Шеллинг: компромисс между идеализмом и реализмом и есть рационалистическая философия, которая сохраняет и метафизику и научный метод, и дух как энергию познания и общие законы природы как связь теории с практикой. Маркс ушел в мистику, Шеллинг остался на почве науки и рационализма.

Кьеркегор развивает идеи Шеллинга в «Болезни к смерти» и «Или-Или» — гениальных психологических и психиатрических трудах, на которых выросла вся современная гуманистическая психология. И это противоположный Марксу подход о психологической основе человека и общества и есть настоящая наука.

Общая природа человека — это законы природы его энергии. От этой общей природы никуда не уйдешь. Это и есть социализм, которым так пугают современные капиталисты. И напрасно пугают, левые ничего не проиграли кроме юродивой философии Маркса, их путь только начнется с настоящей наукой, которая вырастет на базе психологии. Сейчас ведь нет никакой науки, Маркс был еще большим мистиком, чем немецкие идеалисты, над которыми он смеялся, и у которых перенял все их фантастические глупости в виде диалектической логики (почитай об этом в «Бунтующем человеке» Камю и в «предательстве интеллектуалов» Ж. Бенда). Поппер говорит, что все социалисты противны «племенным духом» — так он называет «коллективные представления» первобытных людей. Он утверждает в «Открытом обществе», что сначала появились институты общества в виде этих коллективов дикарей, и только потом из этой неразличимой массой вместе с разумом отделился индивидуум. Из этого факта он делает вывод, что сначала были институты общества, а не законы психоло-

гии, потому что законы психологии начинаются с индивида. Вот какая глупость, Бенедикт, ты только послушай! Да ведь эти самые институты в виде «коллективных представлений» дикарей, о которых писали все уважающие себя антропологи, и Леви-Брюль и Дюркгейм, ведь это не более чем силовое поле психики! Что знает г-н Поппер о единице психологии? Сегодня никто не может сказать что есть единица психологии, уже точно не индивид ее единица! Один человек может быть меньше единицы, когда его психика включена в более широкое силовое поле, а может быть больше единицы, потому что в нем возможно два или больше силовых полей! Важно что единица — не индивид, а силовое поле!. И тогда вся аргументация Поппера рушится как снежный замок!

Да, сначала были этот «племенной дух» дикарей, да, тот же дух во всех «Левиафанах» деспотий, от древнего востока до советского коммунизма. Но ведь этот племенной дух ничего общего не имеет с единством разумных людей, ты понимаешь, Бенедикт? Это совершенно разные силовые поля, и потому качество их единения будет совершенно разным! Когда их изучат, они подтвердят правоту моих слов! Это качественно совершенно разные силовые поля: первым не нужен разум, у дикарей и всех примитивных обществ его нет, они держатся на насилии; вторых держит разум и совесть. Поэтому первые будут трухлявыми и будут легко разваливаться — что может продержаться на страхе и боли? А вторые будут крепкими как цемент, и не будут поддаваться коррозии. Почитай, Бенедикт, исследование самоактуалов Маслоу, он подтверждает мою правоту: он говорит, что самые здоровые люди, с умом и совестью, лучше других умеют дружить, и в то же время больше других любят одиночество. То есть смотри какой казус: чем лучше ты индивид, тем лучше ты социален! А они, эти бездари, противопоставляют социальное и индивидуальное, понимаешь? Никогда так не делай. В настоящем социализме индивид будет самым свободным, потому что дружба увеличивает энергию индивида. Деспотия убивает энергию индивида — но это совершенно другое соединение силового поля, и они врут, когда каждое соединение людей называют

деспотией! И вот тебе доказательство. Совсем свежие эксперименты ученых Стендфордского университета о визинарных компаниях, Джерри Пораса и Джима Коллинза. Они так назвали компании с мировым именем, которые многие годы оставались лидерами рынка, и оказали необратимое воздействие на мировую культуру. Оказалось, что все эти компании левые-левые в смысле отказа от иерархии и и поддержания самой широкой социальной политики. Почитай, тебе будет интересно.

— Тогда что же такое индивидуализм капитализма? — спросил заинтригованный Бенедикт. — Понятно, что и экономическая и правовая система современного капитализма в самом деле много лучше того, что мы имели в советской республике. По крайней мере, там есть средства защищаться от государства и постараться выжить на рынке, даже если конкуренция и коррупция будут мешать. Какая-то свобода индивида.

— Ты все правильно сказал, Бенедикт. Современный индивидуализм капитализма — это промежуточная стадия между двумя этими крайностями, между «плохо и хорошо», так сказать. Это лучше, чем «племенной дух» деспотий, где все держится на страхе, на насилии и на конформизме; и в то же время это много хуже, чем взаимопомощь и единство истинной дружбы развитой цивилизации, где править будет совесть и единая истина зрелой науки. Ты только представь себе общество, где все люди дорастут до интеллекта Пифагора и Сократа, Перикла и Анаксагора, Платона и Цицерона, Декарта, Спинозы и Лейбница, Бертрана Рассела и Эйнштейна, Ренана и Швейцера, Толстого и Герцена, Кропоткина и Чехова, Уеллса и Шоу, Марк Твена и Селинджера, Ремарка и Кафки, Шеллинга и Ясперса, Лессинга и Чернышевского, Белинского и Милля, Свифта и Карлейля, Гоголя и Булгакова, Теккерея и Мильтона, Руссо и Ромена Ролана, Газданова и Тургенева, Вольтера и Дидро, Флобера и Золя, Достоевского и Ганди, Спенсера и Камю, Жорж Санд и Байрона, Гете и Шиллера, Вильгельма и Александра Гумбольт и тд!

Социализм духа — это единство дружбы, единство совести и разума, которое Маслоу заметил у людей самого высокого ин-

теллекта, а Порас и Коллинз у руководителей самых успешных компаний. Именно о таком социализме писали русские духоборцы, которые с самого начала не хотели иметь ничего общего с диктатурой пролетариата марксизма: Кропоткин и Герцен, Чернышевский и Толстой, Белинский и Огарев, Чехов и Некрасов. Марксизм объединяет людей палкой, диктатурой, государственной собственностью, угрожая войной буржуев и пролетариев. Это и не есть единение в истинном смысле. Поэтому несмотря может быть на искренние поиски науки и справедливости, получилось как всегда в таких случаях все наоборот: классическая деспотия с насилием и подчинением, бесправием народа и произволом власти, с господами, которые беззастенчиво грабят рабов, и наконец, с мистикой в виде марксистско-ленинского катехизиса, и инквизицией, которая боролась с еретиками. Еще Рассел сравнивал коммунистическую партию с католической церковью.

Духоборцы ищут совсем другого единения, настоящего, которое возможно только при свободном научном мышлении, когда едины совесть, сочувствие и разум. Они могут быть сколько угодно различны во вкусах и количественных уровнях способностей; но в этом главном, в совести и постижении истины законов природы они едины как близнецы братья. О таком социализме говорили все великие мыслители, потому что лучше других понимали природу человека, и чувствовали какова эта природа на высших стадиях эволюции духа, сознания. Ведь взять скандинавский социализм: разве государственная собственность сделала его социализмом или диктатура пролетариата? Нет! Забота друг о друге, протестантская этика, христианская культура. Социальная поддержка неимущих — это всего лишь реализация древнего принципа самых первых левых общин пифагорейцев, «а у друзей все общее» — они дают столько, сколько считают нужным, и только если считают нужным. Коммунизма из под палки не получается.

— А С. Хантингтон? Который пишет, идеологии вообще все искусственные и только религиозное сознание — настоящее? Он ведь посмеялся над идеологическим противостоянием времен

холодной войны, как над недоразумением, и заявил, что только теперь, когда все идеологии доказали свою несостоятельность мир обретает свое истинное лицо в религиозных культурах планеты.

— Хантингтон «Столкновение цивилизаций»? Это смешная книга, которая доказывает факт «самоубийства разума» в философии субъективистов. Разум, который отрицает сам себя, обосновывая «истинность» магического сознания, и отрицающий научный прогресс — это разум-самоубийца. Невежды хотя бы ничего не знают о разуме и просто ненавидят цивилизации, которых они не понимают. А современная философия субъективизма логическими доводами, своими софизмами и спекулятивной мистикой схоластов отрицает рационализм: получается, что доводами разума отрицают сам разум.

Конечно, ничего кроме глупости он не мог сформулировать на такой философской платформе. Что мир делится на различные культуры религиозного сознания, которые все стремятся уничтожить друг друга чтобы доминировать, и что только западная цивилизация имеет универсальные ценности. Как можно утверждать какие-то универсальные ценности, если отрицать науку и общую природу человека? Только наука может сформулировать универсальные ценности как открытые законы природы человека.

— Значит, религиозное сознание — это сознание невежд? — Бенедикт вспомнил, как много значили для его отца его священные книги, и каким умные и глубоким человеком он был.

— Вовсе нет. Посмотри у Ясперса его теорию осевого времени: разум начался с началом этических религий. Само слово «религия» очень многозначно, оно приобрело множество смыслов за тысячелетия полемики, в центре которых была религия разных времен и народов.

Религия как первая рефлексия об этике, как первая метафизика законов природы человека — это разум и предтеча науки. Религия — как магическое мышление, как догмы мифологии — да, это сознание невежд, первобытное сознание, и именно

в этом смысле говорит о религиях как самоидентификации народов Хантингтон. К каким выводам может прийти человек, который начал свой анализ с таких ложных посылок? Нет, магическое сознание — это просто победа невежества, которая говорит о грандиозном кризисе науки, а вовсе не доказательство незначительности любой идеологии и возврат к истинности сакрального сознания. Прямо, Мирча Элиаде какой-то.

Вот тогда Леви-Финкель стал всерьез думать о том, чтобы заняться наукой, так заинтересовали его эти беседы с профессором Белогородским, а позже и с Анной, которая пошла по стопам отца. Но пока продолжалась его служба у Горбачева, до самого 1995 года, он мог посвящать книгам только небольшую часть своего времени. После ухода Горбачева, Леви-Финкель оставил службу, решительно порвав со своим военным прошлым. Он направил все силу души и тела на одну цель, на науку, где он уже ясно видел свою задачу: отказ от старой парадигмы материалистов и субъективистов, и утверждение новой парадигмы рационалистов. Но тема была так огромна, что он не видел ни начала, ни конца этого океана, и не верил в возможность выплыть из него невредимым. Тогда они оправились в путешествие вместе с Анной, доцентом кафедры психологии к тому времени. Петр Николаевич умер за год до автокатастрофы, отнявшей у Бенедикта Яковлевича любимую жену. Бене едва исполнилось тридцать, когда он остался совсем один. Ведь все эти годы Петр Николаевич был рядом, был его учителем, был его отцом, был опорой и научным руководителем. И когда его не стало Бене почувствовал себя осиротевшим во второй раз. Только теперь утрата не была такой горькой, потому что, уходя Петр Николаевич оставил ему главное: направление в жизни, смысл жизни, любимую работу, которой Леви-Финкель посвятил жизнь. И любимую дочь, которая помогала ему и поддерживала его во всем. С Гришей Белогородским Бенедикт рассорился после ухода со службы, а после смерти Анны разошелся с ним окончательно. Он не мог понять, чему служил Гриша после ухода Горбачева. Гриша, сын профессора Белогородского, диссидента и борца

с режимом не понял, что страна взяла курс назад сразу после ухода ее великого реформатора! Бене расценивал эту намеренную слепоту как предательство, особенно после смерти Анны. Его мучила мысль о возможном нападении. Причины их устранить могли найти легко, если бы захотели: его как ренегата, который слишком много знал, ее, как активного лидера движения антипсихиатрии в стране. Но как у несчастной принцессы Дианы, у Леви-Финкеля не было никаких доказательств, и он просто замкнулся в себе, отдавшись работе.

ГЛАВА 3. АНТИПСИХИАТРЫ ДОКТОРА БЕНЕ

В кабинете доктора Бене Финкеля собрались все его немногочисленные сотрудники: четыре врача-психиатра, давние друзья и соратники Бенедикта Яковлевича по антипсихиатрии, его мама Тамара Тенгизовна, которая, не будучи врачом, не стеснялась никакой другой работы от санитарки до завхоза, и медсестра Вера, которую Тамара Тенгизовна в последнее время брала повсюду с собой.

— Тамрико опять пришла с красавицей Верочкой, — тихо шепнул Веня Петров на ухо Светлане Алексеевне. — Наивная старушка. Если она вбила себе в голову женить его на Леви-Финкеле, так это последнее, что надо было делать. Он уже зол как варенный рак.

— Какая же Тамрико старушка, Винцент Григорьевич! — возразила Светлана Алексеевна, которой совсем не хотелось сплетничать о докторе Бене. — Она может на пару лет старше меня. Вы правы в том, что теперь разговоров об этом больше чем нужно. И именно это может помешать ее планам. А вообще я считаю, идея превосходная. Вера Сослановна — настоящий ангел во плоти. И не только красавица, но и умница.

— О чем шепчетесь? Конечно, как и все, брак Верочки Газдановой с Бенедиктом Яковлевичем обсуждаете? Бене видимо единственный кто об этом не знает. — нервно рассмеялась красивая шатенка, врач-психиатр Нина Александровна Тополева. —

Ну какая она пара Бенедикту Яковлевичу, Светочка? Красавица и умница! Она примитивна как доска. Вы знаете, я не злобный человек, но истина дороже. Тамара Тенгизовна со своими мечтами устроить будущее сына очень трогательна, я согласна. Но ведь нельзя в самом деле поручать выбор невесты маме, тем более если сын — профессор. Мне тоже этого не понять.

— Бенедикт Яковлевич грозился зачитать нам статью о нашей клинике! Кто знает, где она опубликована? — громко сказала Светлана Алексеевна, чтобы перевести тему

— Сейчас придет, и узнаем. Что вам все не терпится? — огрызнулся Винцент Григорьевич. — Вы же знаете, Бенедикт Яковлевич всегда начинает день с визита к Андрюше Орлову, его новый пациент, с которым он связывает большие надежды.

— Я верю в когнитивный метод Финкеля. — сказала Светлана Алексеевна. — С Андреем или без он рано или поздно докажет всем свою правоту. Вот посмотрите. Орлова он сравнивает со случаем Ван Гога и Гельдерлина. И много ждет от этой терапии для науки. — возразила Светлана Алексеевна, сухая женщина лет 60, которую очень украшал выдающийся орлиной горбинкой нос.

— Увы, вангоги и ницше рождаются раз в двести лет. А это обычные шизофреники. А вот Бенедикт Яковлевич завис в воздухе со своей теорией психической энергии. Это его теория и не рыба и не мясо: с одной стороны, это не биопсихиатрия, с другой стороны, это не антипсихиатрия экзистенциальной феноменологии. Первые лечат мозг, вторые — уникальную душу. Наш доктор Бене вознамерился найти универсальную душу, общие закономерности человеческой души. Это утопия. Вы знаете, я всегда говорю ему это в глаза.

— Мне вас жаль, Веня, с вашим допотопным дарвинизмом и материализмом. Рональд Лэйнг хоть и был «кислотным марксистом» подобно Сартру, на философию которого он ориентировался, он хоть признавал наличие души у человека. Вы остаетесь в ортодоксальной биопсихиатрии, которая не признает ни души, ни сознания. Все что вы смогли увидеть у Фрейда, так это его

теорию звериных инстинктов, «научный эгоизм», как говорит Бене, и еще половой инстинкт в основе всех импульсов психической энергии. Бене наоборот, стоит на позиции аналитической психологии Карла Юнга и не связывает психическую энергию с биологическими импульсами. В этом смысл гуманистической психологии: искать природу человека, сознания, души, и не сводить все к биологии животного начала, как делают дарвинисты.

— Роналд Лэйнг не считал себя антипсихиатром, он говорил, что не больше антипсихиатр, чем Пастер был анти-врач. Он считал себя самым настоящим психиатром, который несет реформу в психиатрию и борется с лже-психиатрами биологического направления. Я не дарвинист, дорогая Светлана Алексеевна, я вам сто раз говорил. Я — психоаналитик, фрейдист, и как все психоаналитики я немного антипсихиатр в том смысле, в каком говорил о себе Лэйнг. Вы же помните, что все направление выросло на протесте Фрейда, который впервые начал применять психоаналитическую терапию. Мы все за реформу психиатрии. Но я стою на позициях настоящего фрейдизма, которые видит истоки психики в биологических импульсах, да, здесь вы правы. То, что говорит о психической энергии доктор Бене — уже никакого отношения к психоанализу не имеет. И здесь у меня скептическая позиция.

— А я вам говорю, что критика Бенедикта Яковлевича в отношении антипсихиатрии и биопсихиатрии бьет в десятку. — упрямо возразила Птицына. — Он прав, когда говорит, что антипсихиатры потеряли связь с наукой, когда объявили душу «демонической экзистенцией», у которой нет общих для всех закономерностей. Он абсолютно прав, когда смеется над реформацией психиатрии, которая отрицает границу между психическим здоровьем и психической болезнью. И мне также противна книга Мишеля Фуко «История безумия» как и ему.

С другой стороны, биопсихиатрия не менее абсурдна. Изучать мозг, чтобы понять психику, также нелепо как изучать почву цветка, чтобы понять строение его тканей. Но биопсихиатрия хотя бы сохранила научный метод, хотя бы продол-

жает утверждать общие закономерности человеческой природы!

А Финкель соединил научный метод с новым объектом исследования антипсихиатров, то есть с исследованием души, сознания, психики вместо мозга. Это он и называет своей теорией психической энергии. Где вы здесь видите уязвимое место? По моему победа его метода гарантирована.

— Мы скоро все сможем в этом убедиться, дорогая Светлана Алексеевна, — примирительным тоном заключил Винцент Григорьевич. — Вот, Бенедикт Яковлевич излечит Орлова своим когнитивным методом, и мы будем воочию лицезреть свет его психической энергии. Он всерьез полагает, что болезнь происходит от умственного несварения и когнитивного дисбаланса, и что стоит только исправить этот когнитивный дисбаланс у пациентов, у которых сохранилось сознание и мышление, и излечение гарантировано. И Орлов как раз такой случай — очень умен, начитан, в сознании, прямо какой-нибудь Стриндберг или Ван Гог в самом деле. Заметьте, ни Ницше, ни Гельдерлин после психоза в себя уже не пришли.

— Почем вам знать, Веня, пришли или не пришли? Мы располагаем очень небольшой информацией. О лечении Гельдерлина в течении года в психиатрической клинике нам вообще ничего не известно, ни о методах, ни о теориях, господствовавших в той больнице. Очень может быть, что на начальной продромальной стадии и Ницше и Ван Гог были доступны когнитивному контакту. Никто после начала шизофренического процесса надолго не сохранит трезвого мышления. Суть именно в том, чтобы когнитивная терапия подоспела вовремя, так говорит Бенедикт Яковлевич. И да, не сомневайтесь, Веня, он вылечит Орлова, и докажет справедливость теории психической энергии.

— Он утверждает, что шизофрения — болезнь умственно одаренных подростков. Об этом пишет вся психиатрическая литература: способности к абстрактному мышлению, построению теоретических систем, чувствительность, способности к творчеству, спонтанный интеллект не обусловленный обучением.

Но там речь идет о физиологических факторах, повлекших болезнь вопреки этой одаренности: наследственности или строению тела или еще чего-то. Финкель хочет доказать, что именно одаренность шизоидов приводит их к болезни, вот что удивительно в его позиции. Вот с чем я не могу согласится, Света. Разве одаренность мышлением может стать источником помешательства?

— Ах, Веня, - вмешалась в разговор Нина Александровна, - а мне вот страшно как о своем одаренном балбесе подумаю. Он ведь у меня тоже с детства пятерки хватал, да с книгами по углам забивался. Я радовалась, думала гений растет, Сашка мой. А как стала работать у Бене все больше мне страшно. Талант он конечно талант. Но и все остальное, и замкнутость его, и раздражительность, и неуживчивость, и философствование обо всем. Мне страшно за него. Я такого горя не перенесу.

— Тебе давно пора жениться, Василий, — по своему обыкновению громким голосом зазвенела на него Тамара Тенгизовна. Она не умела выговаривать его имени, и заменила Винцента на Василия. — Были бы у тебя свои дети, ты бы понял о чем мы тебе говорим. У меня тоже сердце разрывается на этих детей смотреть.

— Бенедикт Яковлевич не женится, так что ж я буду! — засмеялся Веня, специально задевая больное место Тамрико

— И ему давно пора жениться. Сколько я ему твержу, женись, создавай семью! Хоть вы ему скажите!

Все взгляды невольно устремились к съежившейся фигуре Верочки, прекрасной рыжеволосой блондинке, словно сошедшей с картины Ботиччели. В свои 36 лет она выглядела двадцатилетней девочкой, и оставалась этой девочкой и ментально и физически. Ее скромность успела войти в поговорку. Именно поэтому ее так полюбила Тамрико, не понимая, что превращает ее жизнь в пытку своей особой заботой. Верочка густо покраснела под взглядами коллег, мечтая теперь только о том, чтобы вылизнуть как-нибудь незаметно за дверь.

— Не слушайте провокаций Винцента, Нина. — улыбнулась Птицына. — Где же Михельсон? Бенедикт Яковлевич будет с минуты на минуту, а Михаила Исааковича все нет и нет.

— Я здесь, Света! — громким басом перебил Светлану Алексеевну высокий мужчина, с длинными седыми волосами и примерно одного с ней возраста. — С трудом добрался с этими пробками, да еще жара меня чуть не убила. Я смотрю, Веня уже разделся без лишних церемоний.

— Да чего тут церемонится, Миша, все же свои. А я ушел за халатом. Если Бене придет, скажите, буду с минуты на минуту.

— Здравствуй, Миша. — улыбнулась Птицына. — Ну, теперь все в сборе: Тамара Тенгизовна, Михаил Исаакович, Винцент Григорьевич, Нина Александровна, и ваш покорный слуга, Светлана Алексеевна. Вот и весь наш небольшой коллектив, а вот статья, где про нас написано! Вы только почитайте! Какая прелесть, товарищи, аж жить захотелось. Как нас хвалят, «коллектив небольшой клиники Бенедикта Леви-Финкеля»!

— Вы забыли Веру Сослановну! — громко поправила Светлану Алексеевну Тамрико. — Она такой же член коллектива как и все мы. У нас не так много медсестер, но Верочка — наша лучшая медсестра.

Вера густо покраснела и хотела было выйти, но Тамрико решительно ее остановила.

— Садись Вера Сослановна. Средний персонал — еще важнее чем врачи. Уверена коллеги согласны. Ты будешь представлять здесь всех медсестер клиники.

— Конечно же вы правы, дорогая Тамара. — поспешил согласиться Миша Михельсон, чтобы спаси скромную Веру от удара, столько внимания привлекла к ней неуместная забота Тамрико. — Читай вслух, Света!

— Да, с удовольствием. Слушайте, господа. Статью назвали «Когнитивный метод Леви-Финкеля». Часть статьи написана в форме интервью с Бенедиктом, часть в форме его биографии. Тут интереснейшие подробности. Наш Бене был разведчиком, не поверите, товарищи!

— Чего-чего?

— Да, вы не ослышались. Правда, недолго, пока у власти был Горбачев. А вот здесь еще интереснее, оказывается, вместе с ним в автокатастрофе погибла его жена Анна Белогородская! Дочь профессора психологии П. Н. Белогородского!

— Петра Николаевича? Он преподавал нам в МГУ! — воскликнул Винцент Григорьевич. — А я все думал, как это Бенедикта из Бауманки занесло в психиатрию? Значит, дело жены продолжает. И почему нам никогда не сказал о ее смерти?

— Он не может говорить о своей жене, — громко вмешалась Тамара Тенгизовна. — Очень любил ее. И теперь еще любит. Словно бы помешался на ней. Других женщин не видит совсем. Она для него жива. Всегда с ним. Мне иногда кажется, он постоянно с ней разговаривает. И психиатром он стал, чтобы ее дело продолжить.

— А что же разведка, Тамрико? Почему он нам никогда не сказал? — спросил Миша.

— Какой из него разведчик, Миша, не смеши меня. Он там служил пока совсем юношей был, с 17 до 25 лет. И пока Горбачев заполнил его молодую голову романтикой демократии, он верил в демократический социализм. И сейчас верит. Потом, когда ушел Горбачев, ушел и Бено. А в 30 лет случилась та катастрофа, Бено всегда подозревал, что нападение, тогда жена его умерла, первый антипсихиатр в России. Многим ее антипсихиатрия была поперек горла. Они оба продолжали дело ее отца-диссидента профессора Белогородского, Бено любил старика как отца.

— Значит еще не пережил смерть жены. 15 лет для такой трагедии — ничего. Может и никогда не справится. — Светлана Алексеевна всегда брала сторону Бенедикта Яковлевича, и сейчас тоже никто не удивился ее словам. — Посмотрим, что дальше пишут:

«маленький Бено, так называла его мать, Тамара Тенгизовна, был очень способным ребенком. Настолько, что его отец, Яков Иосифович Леви-Финкель, который происходит из еврейской се-

мьи раввинов, принял решение помочь мальчику получить хорошее образование, и переехал из Тбилиси в Москву. Ребенка отдали в школу для одаренных детей, где он усиленно изучал иностранные языки, математику и физику. Уже в 14 лет он поступил в Бауманский университет, в 17 окончил его. Примерно в это время юноша остался без отца, одного из руководителей синагоги, репрессированного за пропаганду анти-марксистских идей в русле иудаизма. Яков Леви-Финкель умер через год после освобождения из принудительной госпитализации в психиатрическую клинику. Как особо одаренного в 1985 году его приглашают в Высшую школу разведки. Это как раз время прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева. Бенедикт Яковлевич Леви-Финкель так говорил об этом периоде своей жизни: «Я был юношей, почти ребенком, который жил в романтические времена великой горбачевской оттепели. Мы все, восторженные юнцы, гордились им, и верили, что это продолжение курса социализма, той прекрасной левой философии, которая лежала в основе всех великих революций: Английской, Французской, Американской, Русской. Мы не стеснялись советского прошлого нашей страны, мы были убежденными социалистами. Когда я в университете увлекся трудами Эйнштейна и Ландау, меня нисколько не удивило, что оба они были социалистами. Нам казалось, что это естественно для каждого разумного человека. Потому нас переполняла гордость за Михаила Сергеевича: он сохранял в своей философии главное, философию братства и единства человечества, и резко критиковал все злоупотребления, которые имели место во времена репрессий. Да, я был польщен, когда меня попросили стать частью этого государства. Чего никогда бы не случилось, если бы не мое восхищение политикой и личностью Горбачева. И сразу после того, как Ельцин лишил его власти, мы, наше поколение романтиков, ушли из политики и с государственной службы.

— То есть вы не связываете тоталитарное репрессивное государство с философией социализма?

— Конечно, не связываю. Вся либеральная философия — это философия социализма. Возьмете ли вы Евангелие Христа или

Общественный договор Руссо, Государство Платона или Очерк о правительстве Локка, Права человека Томаса Пейна или естественное право Гуго Гроция и Кондорсе. Неслучайно ведь, Реформация Лютера сделала первую великую революцию Европы, а реформация индепендентов Кромвеля — вторую. Американская и Французская революция — уже были следствиями этих христианских революций. А русскую революцию подготовили не Ленин с Марксом, а великая русская литература: Толстой и Чехов, Достоевский и Герцен, Чернышевский и Некрасов, Белинский и Тургенев. И все что сегодня есть в мире либерального и социально справедливого, это тот самый демократический социализм христианства и борцов за права человека. И самое главное об этом всегда говорил и писал Михаил Сергеевич Горбачев»

— Узнаю восторженность Бенедикта, — воскликнула Светлана Алексеевна. — Он никогда не идет на компромиссы, если считает, что правда на его стороне. Есть в нем что-то от его отца раввина, какой-то религиозный энтузиазм, с которым он словно бы несет свой долг, миссию. Какая-то святость, я бы сказала, с которой он служит людям. Как сейчас не можно быть социалистом, а он грудь колесом. Заклюют его теперь и свои и чужие: свои за левизну, чужие за реформацию левизны, он ведь не признает у них именно то, что им нравится: диктатуру государства и собственность государства.

— Что он левый романтик знаем мы все. Что он в оппозиции к власти — тоже. Но что однажды он был разведчиком — ничего не могло шокировать меня, старика, больше, — улыбнулся Михельсон.

— Ладно тебе прибедняться, Миша, ну какой ты старик. А Бено все правильно сделал: и то что тогда пошел поддержать Горбачева, и то, что вместе с ним вышел со службы, опять таки в поддержку Горбачева.

— Читай дальше, Света. Меня словно током электрическим прошило. Это сколько же лет было нашему Бене, когда он ушел со службы? В каком году он ушел?

— А в 1991, сразу после Беловежских соглашений и отставки Горбачева с поста Президента СССР, он выходит со службы, но не из политики. Он активная оппозиция Ельцину. Только после гражданской войны 1993 года он окончательно выходит из политики. Вот его собственные слова: «Тогда стало ясно, что политика Горбачева была во многом миражом, каким то фантастическим сном, не имеющим под собой базы в реальной действительности. Ибо люди, которые якобы отстаивали его политику, и противостояли Ельцину в той гражданской войне, были ничем не лучше Ельцина, или тех коммунистических лидеров, которые предшествовали Горбачеву. Мне стало очевидно, что Горбачев был просто нашим сном о свободе, социализме и демократии, сном, который к великому сожалению прервала грубая действительность, в которой не оказалось места для политики Горбачева. Мы все вдруг стали ирреальностью вместе с ним». В 1993 году ему было всего 23 года. И он уже нес на своих плечах все разочарование человечества.

— Дорогая Светлана Алексеевна! — возразил Петров, — Я уважаю Бенедикта Яковлевича не меньше вашего. Но для меня тоже открытие его служба в разведке. Вы правы в том, что 23 года и служба в личной охране Горбачева его в какой-то мере оправдывают.

— В 20 лет он женится на Анне Белогородской, сестре его коллеги по разведке в окружении Горбачева, Григория Белогородского. Вот что он пишет о своей женитьбе: «Анна появилась в моей жизни подобно нимфе на гребне волны, научив меня понимать волшебную страну женственности, которая до нее была для меня наглухо закрыта. Я был таким стеснительным подростком, что дожил до семнадцати лет, ни разу не сходив на свидание с девушкой. Анна была старше меня на 12 лет. Ей было 29 и она была доцентом кафедры психологии, дочь профессора психологии П. Н. Белогородского, моего первого учителя и второго отца. Я встретил ее в гостях у Григория, друга по разведшколе. Она научила меня анализировать себя. А Петр Николаевич, отец Анны и Григория, в то время уже пожилой диссидент, не раз обвиняв-

шийся за свою резкую оппозицию официальной психиатрии в стране, научил меня ориентироваться в психологии, тогда я впервые узнал об антипсихиатрии, и очень заинтересовался политической подоплекой этой, как мне раньше казалось, такой далекой от политики науки. Я вспомнил о репрессиях, которым подвергли моего отца, Раввина Якова Леви-Финкеля, я был бесконечно благодарен профессору Белогородскому за те откровения, которые прояснили для меня ситуацию в этой важной науке и ее связь с политикой. Я понял, что отныне только наука имеет для меня настоящее значение, и что наука — единственный путь к честной и эффективной политике. Тогда я впервые понял, как большая сила сокрыта в психологии. Я закончил и факультет психологии, и специальность психиатрии. И только после гибели жены, я всерьез занялся своей клиникой, навсегда связав с ней свою жизнь».

— Бог ты мой, — воскликнула Нина, — Он никогда не рассказывал нам о своей погибшей жене. Он казался такой загадкой в своем замкнутом образе жизни. оказывается, он глубоко страдал из-за открытой раны. Бедняга Бене.

— А ведь прошло 15 лет с автокатастрофы. Вот что он пишет о катастрофе: «Я всегда увлекался Ландау. Я мог часами слушать преподавателей физики, которые знали его лично и любили рассказывать о нем анекдоты. Я нашел мемуары Коры Ландау. Я читал о страшной катастрофе, превратившей жизнь любящих супругов в ад. И никогда я не мог подумать, что вся эта история повторится в моей семье. В каком то смысле она и не повторилась. Могло это быть связано с моей службой в разведке? Я не знаю. Я не могу обвинять без твердой уверенности, но сомнения никогда меня не покидали. Я выжил чудом. Анна погибла. Я остался на костылях, она в сырой земле. Конечно, это не совсем трагедия Ландау. Но все же. Есть какой-то рок в том, как я был им увлечен, и как катастрофа разбила и мою жизнь тоже. С другой стороны, в определенном смысле я родился после этой катастрофы. Пока была жива Анна, я был безоблачно счастлив. Я жил для нее, для нас. Только когда ее у меня так безжалостно от-

няли, я стал тем, кто я есть сейчас. Я стал доктором Бенедиктом Леви-Финкелем, главврачом известной психиатрической клиники. Я посвятил всего себя науке, работе, пациентам. Я перестал жить для себя, и стал жить для них. Моей целью перестало быть счастье. Теперь я живу, чтобы в мире стало хоть немного меньше боли. Хоть на капельку. Я буду считать, что жил не зря»

— Молодец, Финкель, дружище. Растрогал старика. — сказал Михельсон, утирая слезу. Я знал, что из него херовый разведчик. Но человек он первоклассный. И если я до сих пор не уехал в Израиль, то только потому, что нашел в нашей клинике второй дом. Мои дети и внуки давно уехали из страны, и я терплю разлуку с ними, потому что не могу оставить наше общее дело.

— Это очень благородно с твоей стороны, Миша, — сказала растроганная Светлана Алексеевна, которая любила Бене Финкеля как сына.

— Поддерживаю, Финкель — хороший человек. Но — фантазер! Ой, фантазер! — сказал Винцент Григорьевич. — Вспомните мое слово. Он еще найдет себе приключения с этой его теорией психической энергии. У меня всегда уши краснеют, когда он начинает эту свою любимую тему прессе изъяснять. Именно потому, что я не меньше вашего люблю нашего Финкеля, и краснеют у меня уши за него! Я ведь и в глаза ему говорю, что он фантазер. Он мог бы меня уволить. Ан нет! Слушает с уважением! Потому и я его уважаю.

— Веня, я тоже тебе всегда правду в глаза говорю. — сурово сказала Светлана Алексеевна. — Твой дарвинизм — это не наука. Одно паскудство. И если ты умный человек, не можешь этого не понимать. Бене — гений, он это понял и ищет новые пути в психиатрии на основе гуманистической философии. А ты со своим дарвинизмом и фрейдизмом — обезьяне прошлое бихевиоризма Павлова.

— Хахаха, Нина, как она меня, оцените! Обезьяне прошлое! Ну, Светочка, держитесь, мы еще встретимся на узкой тропинке, когда ваш фантазер Финкель разобьет себе лоб в кровь, отказываясь от фармакологии. Я буду его страховать и отговаривать

ради него самого. Но я вижу, что он такой же упертый фантазер, как и вы, и что все мои увещевания будут тщетны.

— Светлана Алексеевна, читайте уже про нашу клинику. Биографию Финкеля мы дальше знаем! — очнулась и Нина.

— Клинику очень хвалят. Вот что они пишут: «Клиника Бенедикта Леви-Финкеля, известная в Москве как клиника Бене, выгодно отличается от государственных психиатрических учреждений. Отличия столь разительны, что все кому дороги их родственники, согласны платить любые деньги, только бы обеспечить своим близким место в клинике Бене Финкеля. Известны даже случаи, когда в клинику Бене обращаются пациенты из других стран. Чем же Финкель заслужил такое доверие пациентов? Никакого секрета из методов своего лечения Бенедикт Леви-Финкель никогда не делал. Он смело выступил с новой идеей психотерапии, противопоставив свои методы в равной степени и старой биопсихиатрии, и более молодому течению антипсихиатрии, обращаясь к авторитетам психиатров 20 века — Карлу Ясперсу и Александру Кемпинскому. Идея Финкеля состоит в том, чтобы соединить научный метод эмпириков с объектом исследования субъективистов. Он утверждает, что биопсихиатрия потеряла объект исследования, отказавшись от души, от психики в пользу мозга; но при этом сохранила научный метод, объективность и связь с опытом. В то же время, антипсихиатрия, вернув объект исследования в виде сознания, души, потеряла научный метод, отказавший от объективности. «Субъективизм в науке, — говорит Леви-Финкель, — это потеря науки, это ее самоубийство. Право же, кто станет всерьез обсуждать заявления психиатра Фуко о том, что нет границы между разумом и безумием, что есть только относительная истина в духе историзма Гегеля. Мы стоим за реформацию психиатрии, начатую антипсихиатрами, но мы отказываемся от философии экзистенциальной феноменологии, восходящей к субъективизму немецкого идеализма. Мы настаиваем, что душа — такая же объективная реальность, как все энергии природы. Это психическая энергия, которая имеет свои общие закономерности, выражающие общую природу человека.

Таким образом, мы опираемся на рационалистическую философию, и сохранив новый объект исследования отказываемся от субъективизма реформаторов».

Его клиника, реализующая на практике методы гуманистической психиатрии, действительно очень успешна! Именно это обстоятельство и привело нас в клинику Бене Финкеля. Вот что он говорит об этом сам:

— Нам пришлось столкнуться со стеной непонимания. Над нами смеялись, нам не верили. Но мы шли к своей цели, не обращая внимания ни на насмешки, ни на злопыхательство. Мы никогда не игнорировали критику по делу, и всегда давали развернутый ответ на все замечания по существу. В чем состоит новаторство нашего метода? Мы отрицаем пропасть между психиатрией и психологией, то есть между здоровой психикой человека и последующим психозом. Мы утверждаем, что причины психоза не биологические в тех случаях, когда речь идет о неорганических заболеваниях мозга. Ясперс утверждал, что психозы, вызванные органическими и неорганическими заболевания мозга, отличаются также как часы разбитые молотком и часы, которые стали неправильно ходить. В первом случае разрушен механизм, во втором случае механизм цел, но работает иначе. Это очень важное отличие, которое не принимают в расчет, когда ведут с нами полемику о гуманистической психиатрии. Пожалуйста, услышьте нас: мы говорим только о психозах с неорганическим заболеванием мозга: шизофрении или маниакальной депрессии. Мы ни в коем случае не говорим о психиатрии органических повреждений мозга. Вот с этого следует начинать.

— А правда, что вы утверждаете, что можете вылечить шизофрению когнитивным методом, без фармакологии?

— Да, это правда. Однако, и здесь меня не хотят услышать. Я не говорю о Лечении шизофрении, я говорю о Предупреждении, Профилактике шизофрении! То есть я утверждаю, что если правильно воспитывать и питать сознание подростков, давать им правильное образование и правильную социальную среду, то

шизофрению можно полностью предотвратить. Я это утверждаю, так как связываю этимологию шизофрении с работой сознания, а не мозга, с полем психической энергии. Что же до лечения, то в массовом порядке оно маловероятно. Однако, есть шанс излечить особо одаренных шизофреников, о чем пишет Ясперс в своей книге «Стриндберг и Ван Гог». Но это излечение может быть только как доказательство неорганической природы шизофренического психоза. А вовсе не лекарством для всех шизофреников. Для массы остается только одно средство — Профилактика. Рядовых шизофреников излечить не удастся после дебюта шизофрении. Это возможно только на стадии преморбида, то есть на стадии так называемой шизоидности, или в самом начале шизофрении, на продромальной стадии.

— Это ваша идея найти современного Ницше или Ван Гога. Мы наслышаны о том, что вы ищите особо одаренных подростков по примеру Карла Ясперса и надеетесь на примере их лечения найти, наконец, тайну шизофрении. Вы связываете эту тайну со снятием границы между психологией и психиатрией, я правильно вас понял?

— Да, вы абсолютно правы.

— Вас также остро критикует в связи с вашим отказом от фармакологии. Это правда, что вы считаете, что психиатрии должна отказаться от нейролептиков?

— Психиатры сами очень хорошо знают о катастрофическом вреде, который нейролептики наносят организму. Их аргументы в этом случае таковы: какой вред больше? Вред от психоза или вред от нейролептиков? Но если нейролептики не лечат, а часто усиливают психозы, или же «лечат» психозы по принципу нет человека и нет психоза, я не вижу, какова может быть польза от подобной «терапии». Я говорю в данном случае о терапии в кавычках.

— Какую альтернативу нейролептикам вы можете предложить?

— Профилактику! Мы утверждаем, что в правильной социальной среде, при правильном образовании, психозы, которые

не связаны с органическим повреждением мозга, возникнуть не могут.

— В чем секрет успеха вашей клиники?

— В гуманистическом подходе. Мы окружаем пациентов такой любовью и такой заботой, чтобы они получили хоть представление о том тепле, которого они были лишены. И в скором времени планируем начать терапевтическом образование, мы называем это интеллекта-терапией. Это мало связано с когнитивной психологией»

— Ну что скажете, друзья? По моему, наши дела идут как нельзя лучше. Такая гордость взяла и за клинику, и за нашего доктора Бене.

— Вот ведь фантазер! — даже вскочил с места Винцент Григорьевич и нервно заходил по кабинету. — Не работал бы с ним бок о бок каждый день, сказал бы, что он в жизнь не видел живого шизофреника.

ГЛАВА 4. КОГНИТИВНЫЙ МЕТОД ДОКТОРА БЕНЕ

Леви-Финкель никогда не преувеличивал своего собственного вклада в то большое дело, которое он делал. Для него за теорией психической энергии, с которой теперь связывали его имя всегда стояло светлое лицо изможденного старика, которого он привык считать своим вторым отцом. если бы Петр Николаевич тогда не сориентировал и не направил его, у него не было бы никаких шансов самостоятельно, вслепую нащупать истину.

Теперь все складывалось иначе. Где-то у Петра Кропоткина он вычитал, что чтение книги эффективно только тогда, когда в тебе есть вопрос к этой книге, на который ты хочешь ответить. Он убедился в справедливости этого утверждения на себе. В его голове теперь всегда звучал вопрос о силовых полях психической энергии: сколько этих силовых полей, каковы полюса каждого из них, как они себя проявляют в здоровой психике, и как

в нездоровой, что такое психоз с точки зрения силовых полей, как можно интерпретировать факты психологии и психиатрии на основе теории силовых полей?

Этот внутренний дискурс настолько поглотил его, что он не заметил как пробежали 15 лет со дня смерти жены. ее смерть стала для него новой вехой ментального одиночества, которую он испытал уже однажды в детстве после смерти отца. Бене любил и почитал свою мать, но она не была его товарищем в научном поиске, и ее любовь не спасала его от ментального одиночества. С тех пор он много работал, чтобы найти себя вновь, и его клиника, его друзья-сослуживцы стала такие его воскресением, когда жизнь вновь обрела смысл и засияла новыми красками.

Каждая прочитанная с тех пор книга что-то разъясняла в его внутреннем дискурсе, складывая по кирпичикам его представление о силовых полях психики, и формируя общую схему теории психической энергии. Сначала чтение Кьеркегора, Карен Хорни, Эриха Фромма, Карла Роджерса убедило его, что силовых полей психики может быть только два, причем одно поле интеллектуальное, а другое материальное. «Истинное и ложное Я», центральный личностный конфликт, «спонтанность и маска», гуманистическая и авторитарная совесть — все эти определения противоборства двух сил в психике не оставляли в этом сомнений. «Энергий может быть только две, — говорил он себе, — и одна из них будет составлять фундамент психики, а другая — патологическое образование по принципу бактерий в биологии, паразита, разъедающего источник живой энергии души. Видимо с этим поверхностным силовым полем и будут связаны все патологии, все психопатии и психозы». Это открытие окрылило его. Он чувствовал себя героем захватывающего детективного романа, напавшего на след опасного преступника, — романа, который становился все более интересным с каждой прочитанной главой. Книга Леви-Брюля «Первобытное сознание» утвердила его в сделанных выводах: да, действительно имеется два силовых поля психики, и Леви-Брюль называет их логическим и до-

логическим сознанием, четко разделяя их как качественно различные сознания, которые могут уживаться в психике одного человека. Леви-Брюль противопоставил свою теорию теории эволюционистов, которые утверждали, что тотемизм первобытного мышления — это первичная стадия сознания, из которой потом разовьется научное мышление цивилизованного человека. Нет, говорит Леви-Брюль, тотемизм дикарей и логика цивилизованных людей — живут одновременно в психике одного человека, в том числе и в сознании современных людей; сосущесвуют как два качественно различных сознания. Эта книга тоже стала большим прорывом, потому что Финкель увидел подтверждение своей теории двух силовых полей, двух качественно различных энергий в психике одного человека; центрального личностного конфликта, о котором писала мудрая Карен Хорни. Эта книга также подтвердила его догадку о том, что только одна энергия будет энергией интеллекта, а другая будет материальной энергией. Вот только почему эта материальная энергия обязательно «мистическая»? Что такое мистическая в переводе с языка символов силового поля? Почему сознание аборигенов насквозь мистическое, заполненное страхом сверхъестественных сил и демонами всех калибров, колдовством и магией? Как эту информацию, подтверждаемую всеми антропологами, имевшими дело с дикарями, перевести на язык силовых полей психики?

Помогла ему другая книга, монография известного антрополога-позитивиста Эмиля Дюркгейма, писавшего о тотемизме австралийских аборигенов. Дюркгейм, подобно всем позитивистам, ставит себе задачу найти общие закономерности природы человека, но подобно всем эмпирикам он отвергает сознание и душу как объект исследования. Чтобы объяснить мистическое сознание аборигенов, которых он считает равными цивилизованным людям в отличии от Леви-Брюля, Дюркгейм вводит понятие психической энергии! И хоть он трактует его с позиций материализма, как Фрейд и как Оствальд, все таки только введение этого понятия позволяет Дюркгейму объяснить существо мистического сознания. И только путем перевода его на язык энергети-

ки! Итак, Дюркгейм пишет, что строгая черта, которая разделяет сознание аборигенов на обычное и сверхъестественное, на сакральное и профанное — это всего лишь разница между уровнями энергии психики. Под психической энергией он понимает не душу человека, а физическое объединение людей в эмоциональном экстазе. Такие ритуалы общего физического и эмоционального экстаза, говорит Дюркгейм, есть не служение тотемам, как вы думаете, а всего лишь поиск психической энергии в единении, где тотемы только символы.

Обратите внимание, что тотемы всегда символы силы для дикарей, говорит дальше Дюркгейм, что вся мистика аборигенов есть не больше и не меньше как своего рода спекулятивное мышление дикарей, обобщающих весь мир в представлении о противоборствующих силах. Эти обобщения и есть причина их мистического мышления: они просто ищут силу, и находят ее как умеют своим примитивным мышлением.

Эта идея Дюркгейма стала следующей важной нитью к распутыванию детективного сюжета, увлекшего Бене много лет назад. Действительно, как же он раньше не догадался. «Мистика» дикарей — это чувственное отражение информации о соотношении сил «Я» и «среды», окружающего мира. Так появляются две фигуры сверхъестественной силы в сознании, сверхъестественность которых состоит только в том, что они результат грубой абстракции, обобщившей всю энергию космоса в две количественно противостоящие силы. Эти две силы и должны вероятно составлять полюса силового поля материальной энергии. Это был огромный прорыв в распутывании того клубка, который когда-то вручил ему Петр Николаевич, заинтересовав его теорией психической энергии.

Следующим важным шагом стало понимание, что в основе обоих силовых полей лежит закон сохранения силы психической энергии, и что именно этот закон формирует полюса интеллекта как информацию о двух противостоящих силах. На эту мысль его натолкнула многочисленная литература о значимости самооценки для психического здоровья: значимость самооценки

для поддержания здоровья психики отмечают все психологические исследования и психиатрические материалы, равно Фрейд и Маслоу, Хорни и Олпорт. Альфред Адлер сделал тему комплекса неполценности как основной причины психический расстройств — центральной темой своего исследования. Хорни соглашается с ним в основных выводах, но упрекает Адлера за то, что тот не видит качественного различия между двумя энергиями психики и проводит только количественные различия. Так или иначе, Адлер также рисует силовое поле психики, где уровень самооценки определяет все. Значит, заключил Финкель, болезненность самооценки есть проявление закона сохранения силы психики.

Следующими важными именами в формулировании теории психической энергии стали имена Фрейда, Маслоу и Милграмма. Фрейд оказался тем самым первопроходцем, который сформулировал структуру силового поля материальной энергии, с двумя ее противоположными полюсами, составляющими систему. Его знаменитая система Эго и СуперЭго, которую он сам называл «психическим аппаратом» и была тем самым искомым силовым полем первобытного сознания аборигенов. Фрейд стал самой трудной задачей для Бенедикта Яковлевича. Его открытие двух полюсов материальной энергии психики было спрятано настолько надежно под толстым слоем его собственных мистификаций, которыми он пробовал дать правдоподобное объяснение этим двум фигурам бессознательной психики. Везде он подчеркивает главное, что они бессознательны (не связанны с интеллектом), что они составляют систему (не существуют одна без другой), что они имеют противостоящий характер, что проявляется в сильном чувстве страха. Наконец он говорит о том, что это фигуры через которые происходят «загрузки» окружающего мира, связанные с искажением восприятия. Все это в точности отвечало определению двух противоположных полюсов силового поля материальной энергии, как его Финкель обнаружил еще у Леви-Брюля и Дюркгейма, где идет речь о сильном страхе сверхъестественных сил, как основной эмоциональной тональ-

ности первобытного сознания. Не может ли быть этот мистический страх связан с кататоническим страхом шизофреников, думал тогда доктор Бене. Он убедился в правоте слов Леви-Брюля об одновременном наличии обоих силовых полей в сознании человека. Эволюция приводит не к тому, что из одного поля развивается другое поле, как думали Тейлор и Фрейзер, а к тому, говорит Леви-Брюль, что у цивилизованного человека преобладает поле интеллекта, а у первобытных людей больше развито поле Эгосистемы материальной энергии.

3. Фрейд:

> *«Можно однако сказать, что скрывается за страхом „Я“ перед „Сверх-Я“, перед страхом совести. Высшее существо, ставшее „Идеалом Я“, когда-то угрожало кастрацией, и эта кастрация, вероятно, является тем ядром, вокруг которого откладывается страх совести; кастрация именно то, что продолжает себя как страх совести».*
> *«Хотя и доступное всем дальнейшим влияниям, оно на всю жизнь сохраняет характер, полученный им вследствие своего происхождения от Эдипова комплекса, а именно — способность противопоставлять себя «Я» и преодолевать его. Оно — памятник былой слабости и зависимости «Я» и продолжает свое господство и над зрелым «Я». Как ребенок был принужден слушаться своих родителей, так и «Я» подчиняется, категорическому императиву своего «Сверх-Я».*
> *«Вопрос, ответ на который мы отложили, гласит: как это происходит, что „Сверх-Я“, в основном, проявляет себя как чувство вины (лучше — как критика: чувство вины есть соответствующее этой критике восприятие в „Я“) и при этом развивает по отношению к „Я“ такую исключительную жестокость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то найдем, что могучее „Сверх-Я“, захватившее сознание, неистовствует против „Я“ с такой беспощадной яростью, как будто бы присвоив себе весь имеющийся в индивиде садизм. Согласно нашему пониманию садизма, мы сказали бы, что в „Сверх-Я“ отложился разрушительный компонент, обратившись против „Я“. То, что теперь господствует в „Сверх-Я“, является как бы чистой культурой инстинкта смерти, и действительно ему довольно часто удается довести „Я“ до смерти, если только оно до того не защитится от своего тирана обращением в манию».*

Значит, делал вывод ФИнкель, здоровый человек будущих цивилизаций — это человек, у которого поле Эгосистемы будет окончательно деактивировано. Э. ФРомм подтвердил его мысль о том, что загрузками Сверх-Я (СуперЭго) могут быть не только тотемы аборигенов, но и обожествляемые «авторитеты» в современных обществах, в этом и состоит секрет их обожествления (в загрузках через поле Эгосистемы). О том же писал и Дюркгейм, когда проводил параллели между поклонением тотемам у аборигенов, и поклонением авторитетам в современном обществе (и там и там нет логики говорит он, оправдывая аборигенов). Дюркгейм хочет сказать, что аборигены правы потому что и современные люди ведут себя также, на самом деле нужно сделать обратный вывод: современные люди, поклоняясь аборигенам, уподобляются примитивному магическому сознанию дикарей. Что собственно и доказали эксперименты на «Подчинение авторитету» Милграма».

Эрих Фромм «Иметь или быть»:

> *«Однако существует также символическое и магическое инкорпорирование. Если я верю, что инкорпорировал образ какого-либо божества, или образ своего отца, или животного, то этот образ не может исчезнуть или быть отобран у меня. Я как бы символически поглощаю предмет и верю, что он символически присутствует во мне. Так, например, Фрейд объяснял суть понятия „Сверх-Я“ как интроецированную сумму отцовских запретов и приказаний. Точно так же могут быть интроецированы власть, общество, идея, образ: что бы ни случилось, я ими обладаю, они как бы „в моих кишках“ и навсегда защищены от всякого внешнего посягательства».*

Наконец, теория Абрахама Маслоу о самоактуалах окончательно утвердила доктора Бене в его формулировании теории психической энергии, как конфликта двух силовых полей в психике человека, двух различных энергий психики: базисной энергии поля интеллекта и совести с одной стороны, и материальной энергии поля Эгосистемы, являющейся поверхностным патологическим образованием, провоцирующим неадекватное восприятие, и последующие психопатии и психозы.

Абрахам Маслоу поставил себе противоположную Фрейду цель: если Фрейд исследовал людей с больной психикой, чтобы найти механизмы патологии, то Маслоу исследовал людей со здоровой психикой, чтобы понять существо здоровой психики. Доктора Бене поразила в его находке то обстоятельство, что здоровая психика сводилось в точности к тому, что было сформулировано в его теории: поле интеллекта и совести, при этом свободное от поля Эгосистемы! И если доктор Бене пришел к своей формулировке теоретически, то Маслоу сформулировал «синдром здоровья психики», или иначе понятие самоактуалов исключительно на базе опытного материала! Значит, Леви-Финкель был прав, когда предположил, что все болезни психики от поля Эгосистемы (обнаруженное Фрейдом у больных людей, и антропологами в первобытном сознании); и что быть здоровым — значит уметь нейтрализовать это поле Эгосистемы. Маслоу описывает здоровых людей, как людей большого интеллекта, адекватно видящих действительность (без мистики загрузок поля Эгосистемы), не эгоцентричных, ставящих интеллектуальные и социальные задачи, людей сильной воли и самостоятельных решений, совести и человечности, людей умеющих дружить и независящих от окружающих, людей творчества и философского юмора. Это в точности портрет человека, свободного от страха мистических авторитетов поля Эгосистемы, от тщеславия и страха стыда, от больного самолюбия и злорадства, от отношений насилия и подчинения, от расстройств воли в навязчивых влечениях влюбленности и самовлюбленности. Все складывалось в одну картину как в детском пазле. Эксперименты на подчинение авторитету Стенли Милграма подтвердили наличие конфликта двух противоположных силовых полей психики: испытуемые испытывали сильное напряжение от одновременного желания послушать голос совести или подчиниться приказу авторитета. Это убедило доктора Бене в его выводах относительно общей патологии современной цивилизации, где у подавляющего большинства людей все еще активно поле Эгосистемы, хоть уже и не так доминирует над научным сознанием как у дикарей. Время, когда поле

Эгосистемы будет окончательно нейтрализовано, и планету населят здоровые люди, самоактуалы Маслоу, оставалось неопределенным будущим. Не об этом ли втором осевом времени говорил Ясперс?

И только механизмы распада психики в неорганических психозах все еще оставались загадкой для доктора Бене.

Почему, если поле Эгосистемы активно у всех, с ума сходят далеко не все? Как объяснить энергетические механизмы психоза? Почему одно и то же поле Эгосистемы приводит к разным неорганическим психозам: шизофрении и маниакальной депрессии? В чем различие энергетических механизмов этих психозов? Почему шизофрения часто необратима, а маниакальная депрессия напротив, обратима? Как именно поле Эгосистемы провоцирует психозы?

На все эти вопросы у доктора Бене все еще не было ответа. Да и свою схему конфликта двух силовых полей психики он построил далеко не сразу.

— Андрюша пошел на поправку! Это явный успех, я могу уже говорить об этом. теперь я уверен, что смог все таки сдвинуть его психоз с мертвой точки: он явно выздоравливает.

Вы представляете какой шум сделает наш успех среди этих старых скептиков и материалистов, которые все это время над нами смеялись. А последний аргумент — опыт, практика! Андрей Николаевич, здоровый человек после годичной когнитивной терапии.

Я думаю можно рискнуть попытаться защитить диссертацию. Я так долго откладывал, потому не было подходящего эмпирического материала.

— Полноте себя обманывать, Бенедикт Яковлевич, — озвучил общее опасение Винцент Григорьевич, пряча глаза в пол. — Мы ведь и раньше увлекались ложной тревогой, помните? А потом оказывалось, что Андрей Николаевич боится выйти на белый свет больше, чем своих демонов. Вы знаете, Эмиль Крепелин говорил в таких случаях о прогрессирующем слабоумии.

— Винцент Григорьевич, позвольте и мне напомнить вам, как сильно скорректировал теорию Крепелина Эйген Блейлер, который утверждал, что исход шизофрении в слабоумие — ни в коем случае не предрешен. Что возможна остановка прогрессирующего слабоумия и более того, обратный ход болезненного синдрома! То есть излечение, не только ремиссия. Это говорил уже Блейлер! Нам бы пора дополнить и развить его позицию. И заметьте, Винцент, что Блейлер — коллега Фрейда, и говорит уже не как доктор медицины о биологической этиологии и патогенезе, а как психоаналитик. То есть ищет психические, психологические источники болезни. Что гораздо ближе к нашему подходу.

— Дорогой друг, — осмелился выступить вперед Миша Михельсон, которому очень не хотелось портить радужное настроение Бенедикта Яковлевича. — Я вынужден поддержать Винцента Григорьевича, — начал он мрачно. — Лучше сейчас испортить тебе настроение, Бене, чем потом грандиозный скандал перед всем научным сообществом. Это скажется не только на тебе, Бене, но на всей клинике, и главное на пациентах. Сейчас нам дают работать и нас хвалят. Потом нам могут запретить работать, если вдруг твоя диссертация с треском провалится. А такой исход не трудно предвидеть. Поверь опытному психиатру. Я старше тебя на двадцать лет. Андрюша нездоров. Скорее всего, у него шизофрения примет характер вялотекущей, и он проживет долгую жизнь. Но он никогда больше не будет здоров. Не было еще случая, чтобы шизофрения не оставила после себя шизофренического дефекта, постпсихотического сидрома. Тебе легко это докажут на защите диссертации.

— Спасибо, Миша, дружище. Я ценю вашу заботу обо мне, о клинике, о пациентах, о науке наконец. Мне очень важна ваша критика. Я ценю вас как друзей и коллег именно потому, что вы так искренни и в своей критике, и в своей поддержке. Чем строже вы раскритикуете меня сейчас, тем лучше я буду защищен перед аттестационной комиссией и научным советом. Поэтому прошу вас говорить по существу, дорогие коллеги. Вицент, Миша, вашу точку зрения на состояние Андрюши я понял. Вы счита-

ете, что он все еще нездоров. Но поверьте, это я, а не вы, все эти долгие месяцы беседовал с ним на философские темы. Да, шизофреники все склонны к философии и метафизике, но вы знаете что при шизофрении философствование принимает карикатурный характер. Уверяю вас, Андрей Николаевич, говорит не как карикатура на философа, а как глубокий и одаренный философский ум. Настолько, что он показал мне пробелы в моем философском образовании и задал правильное направление моим мыслям в этой сфере. Вот так то друзья!

Итак, идем дальше. Я не согласен с вашим диагнозом, но ваше мнение учел. Теперь мне хотелось бы услышать критику с научных позиций моей методологии. Только, пожалуйста, будьте основательны. Нина Александровна, что вы имеете сказать?

— Бенедикт Яковлевич, я как мои коллеги присоединюсь к позиции осторожности, и не буду вам рекомендовать спешить с датой защиты диссертации. Мне также кажется очевидным, что мы, то есть вы, не готовы к защите. — Нина Александровна позволила себе эту маленькую уловку, с ошибкой на «мы», чтобы смягчить пилюлю. Все в этом чудесном коллективе, не только заботились о профессионализме и честности, но и о чувствах друг друга. — Даже если наш Андрюша здоров, а это был бы один из самых счастливых дней и моей жизни, то все же теоретические основы гуманистической психологии в психиатрии, или как вы еще говорите «когнитивной психиатрии» на мой взгляд еще далеки от полноценной научной разработки. Вы сделали огромное дело, практически затеяли революцию в психиатрии, своим смелым вызовом всем биологическим и материалистическим основам нашей науки, когда противопоставили им свою теорию психической энергии. Но такая революция требует соответствующего научного обоснования, которого у нас, то есть у вас, пока еще нет. Вы знаете, я сама в прошлом дарвинист. В прошлом, потому что вы переубедили меня, и научили смотреть на дарвинизм как на грубый вульгаризм. Однако, уважаемый Бенедикт Яковлевич, я все еще вынуждена говорить на языке дарвинизма и пользоваться биологическими терминами этиологии, патогене-

за, патоморфогенеза. Если мы следуем нозологическому методу Крепелина, несмотря на всю жесткую критику, которому он подвергался, мы все еще стоим на твердой почве. Даже его теория шизофрении как прогрессирующего слабоумия плавно втекает в дарвинизм, поскольку обе теории рассматривают человека как биологию мозга. Что же имеем, когда обращаемся к экзистенциальной психологии Карла Ясперса? Она утекает от нас как вода и песок сквозь пальцы. Он кантианец, я вам признаюсь, что как не старалась, вообще не смогла понять философию Канта. И как Ясперс пытается выстроить башню на этом фундаменте из песка кантовской философии мне совершенно непонятно. Не сделали и вы для меня понятней психиатрию Карла Ясперса. Почему же вы думаете, что сможете убедить научный совет на защите?

Вот взять хотя бы малую психиатрию Петра Ганнушкина. Как сопоставить выводы о психопатах, сделанные у Ганнушкина с выводами о шизоидах, сделанными у Карла Ясперса? В первом случае, речь идет о полном разложении того, что принято называть гуманистической этикой — потеря совести, сочувствия, юмора, работоспособности. Во втором случае, совершенно напротив, у шизоидов обостренная совесть и сочувствие. Что в данном случае есть общего в психозе, если смотреть на психоз с точки зрения психологии, как предлагает Карл Ясперс, и вы, доктор? Вы готовы ответить на этот вопрос научному совету?

— Блестяще, Нина Александровна! Вы читаете мои мысли. — не стесняясь более своего возбуждения вышел вперед Винцент Григорьевич. — Дорогой Бене, Ганнушкин и Кречмер — два самых известных ученика Эмиля Крепелина. И они оба продолжили в своих работах его ведущую идею о так называемой крепелиновской дихотомии: циклические психозы с одной стороны, и психозы с прогрессирующим слабоумием с другой стороны. Кречмер разделил их как диатетическую пропорцию и психэстетическую пропорцию. Ганнушкин также вводит в своей классификации психопатий циклоидов и психастеников. Причем заметьте, Бене, что речь идет именно о психологии, ведь малая психиатрия, то есть психопатии — это еще не психозы, это толь-

ко характеры. Пограничные состояния так сказать. То есть как раз то, о чем вы говорите как о неорганических психозах. Кречмер доказывал, что диатетическая пропорция циклоидов приводит к маниакально-депрессивному психозу. А психэстетическая пропорция шизоидов — к шизофрении. И то и другое — это неорганическая этиология психозов. Кречмер объясняет ее строением тела, как известно. Чем объясняет различие между этими двумя характерами гуманистическая психология? Вот что мне никак не понять.

Доктор Бене казался озадаченным.

— Да, уважаемые коллеги, я конечно, помню обо всех этих трудностях и возражениях. И как всегда сошлюсь на Карла Ясперса. Ибо вся наша революция в психиатрии невозможна без его философии, психологии и психиатрии. Ясперс говорит, что в отличие, например, от прогрессивного паралича, где соматическая основа заболевания очевидна (органические повреждения мозга), шизофрению и циркулярные психозы нельзя диагностировать с той же уверенностью. Если, говорит Ясперс, при прогрессивном параличе психика подобна грубо разрубленному механизму часов, то при шизофрении и циркулярном психозе она напоминает сбой часов, которые, то идут, то вновь останавливаются. Поэтому диагноз может быть только психологическим.

Итак, не будем смешивать органические и неорганические психозы. Вы правы в том, что циркулярные и шизофренические психозы как раз и есть — психозы с неорганической этиологией, и что впервые эту дихотомию нащупал Крепелин. Но ведь он сам ничего не смог объяснить в этой дихотомии, равно как Ганнушкин и Кречмер, его ученики. Кречмер дает объяснение физиологическое — якобы характеры связаны с анатомическим строением тела, что смешно само по себе. Ганнушкин также ищет биологические причины как всякий материалист. Наша позиция в том, что мы ищем психологические причины.

Мне кажется, самое удовлетворительное объяснение дает гуманистическая психология Карен Хорни, которая писала что психика человека — это поле «центрального личностного кон-

фликта», где борются «истинное Я» и «ложное Я». Она опиралась на философию и психологию Серена Кьеркегора. В каком то смысле об этом противоборстве двух разнонаправленных сил в психике говорит вся гуманистическая психология. И философия тоже. Уже у Платона и Спинозы эта мысль очень четко сформулирована. Очень хорошо об этом написано в «Социальной статике» Герберта Спенсера и в «Борьбе за счастье» Бертрана Рассела. Эксперименты Стенли Милграма полностью подтвердили эту осевую идею гуманистической психологии о двух разнонаправленных силах в психике. По всей видимости эта крепелиновская дихотомия объясняется не анатомическим строением, а именно этими двумя психическими силами в личности.

— Меня лично вполне удовлетворяет ваше объяснение, доктор. — потупила глаза Нина Александровна. — И я интуитивно чувствую, что где-то здесь и будет разрешение вопроса. Но удовлетворит ли такое объяснение научную комиссию? Не кажется ли оно вам сыроватым для революции в психиатрии? Что значит психические силы? Что значит истинное и ложное Я? Как их измерить? Как идентифицировать? Пока мы не можем дать феномену настолько точного определения, чтобы оно позволяло его измерять и контролировать — это только гипотеза. До научной теории, увы, еще далеко.

— Поддерживаю. — кивнул в восхищении головой Винцент Григорьевич, которому давно нравилась красивая Нина Александровна.

— Вы конечно, правы, дражайшая Нина Александровна, — нервно вскочил на костыли доктор Финкель, и зашагал по кабинету с такой энергией и проворством, что его коллеги невольно любовались силе и ловкости его рук. — и эта глубокая мысль, признаюсь, не только посещала меня, но и является одним из моих постоянных кошмаров. Как идентифицировать и измерить истинное и ложное Я? Как определить вообще эту субстанцию? Вы знаете, Фрейд, а вслед за ним Юнг говорят о «психической энергии»! Даже Ясперс не смог обойтись без этого термина, хоть и употредляет его в единичных случаях

в своей «Психиатрии». Вроде бы вот оно! Психическая энергия! Два разных поля, или два разных тока психической энергии! Но тогда сразу встает вопрос об определении самого понятия энергии, поля и тока! И все, мы проваливаемся в область фантастики, поскольку энергия в физическом смысле неизмерима в психологии! Однако, же не будем забывать опыта Фрейда, Юнга и Ясперса, господа! Несмотря на всю размытость понятия, они продолжали им пользоваться! И мы сделаем такой же ход конем. Будем им пользоваться, а там как бог даст. Ведь сошел же психоанализ Фрейда и с такой размытой психической энергией? Поймите меня правильно, господа. Это не мошенничество, а необходимость двигаться дальше, иначе мы увязнем в песках сомнений и педантизма. Что бы мы имели сегодня, если бы Фрейд и Юнг ждали когда у понятия психической энергии появиться точное научное определение?

— Однако, позвольте мне возразить дорогой друг, — еще более мрачно начал Михаил Исаакович. — С теорией психической энергии Зигмунда Фрейда увязать когнитивную психиатрию нашего, то есть вашего метода, тоже не получится. — Михельсон с благодарностью прибегнул к спасительной уловке Нины Александровны. — Видите ли, у Фрейда тоже БИОЛОГИЧЕСКИЙ подход, хоть он и вводит понятие психической энергии. Однако, его либидо — это энергия сексуальных инстинктов, а вовсе не энергия разума и совести, как это имеет место у гуманистов. Ведь разум у Фрейда — всего лишь рационализация задним числом, оправдание животных инстинктов. Такую психическую энергию связать с психической энергией гуманистов вряд ли получится. Более того, Бене, Эго и СуперЭго у Фрейда — это ЕДИНАЯ СИСТЕМА единственного истинного Я, просто элементы системы. Не вижу никакой возможности увязать теорию психической энергии как ее понимают гуманисты, и теорию психической энергии Фрейда. Теория Юнга ближе к вашей теории, но там все так намешано, что черт ногу сломит. Он ведь мистик и большой друг столпа мистиков — Мирчи Эллиаде. У него вообще в психике оживают все эти боги бессознательного, одинаковые для животных и людей!

— Ну что же вы, друзья, так остервенело нападаете на отважные попытки доктора Финкеля внести струю свежего воздуха в прогнившие кулуары современной психиатрии. Идею о теории психической энергии полностью поддерживаю! — решительно встала со своего места Светлана Алексеевна. — Мне хватает ума и эрудиции друзья понять всю серьезность ваших аргументов. Неужели вы думаете, что Доктор Финкель не думал об этом все это время? Однако, НАДО действовать несмотря на все это, чтобы хотя бы задать направление новой мысли.

О психической энергии писали не только Ясперс, Фрейд и Юнг. Эмиль Дюргейм например, или Арнольд Тойнби не смогли обойтись без этого понятия. Другой антрополог, Лесли Уайт также основал свою теорию на понятии психической энергии. Наконец, теория психический полей Курта Левина. Уверена, это далеко не полный список. Но уже что-то! Полностью поддерживаю вашу идею, уважаемый Бенедикт Яковлевич, выступить с идеей психической энергии, и теорией истинного и ложного Я гуманистической психологии, как теоретического фундамента когнитивной психиатрии на защите диссертации!

Коллегам не оставалось ничего другого как поддержать доктора Бене, хотя трепетное выступление Светланы Алексеевны в поддержку своего извечного любимчика нисколько не поколебало их убежденности в абсолютной провальности идеи о защите диссертации по теме когнитивной психиатрии. Само название казалось им оксюмороном. Но им были известны отчаянность и упрямство доктора Бене Финкеля на пути к своей цели. И они не сомневались, что он не дрогнет представить научному совету свою теорию гуманистической психологии в психиатрии, и с хладнокровным высокомерием выслушает равно серьезную критику и ироничные издевательства своих коллег.

Когда уважаемое собрание готовилось уже разойтись вдруг встала Нина Александровна:

— Господа, дорогие други! Мой сын жениться. Я так счастлива, вы не представляете. Уважьте, свадьба в воскресенье, прошу всех быть! Непременно быть!

И пока коллеги в восторге поздравляли Нину, Бене Финкель проворно выскочил на своих костылях из кабинета. Он был слишком перевозбужден, и слишком потрясен разговором с Андрюшей. Он знал в глубине души, что коллеги его правы, и что они заботятся о нем, и честно высказывают свои сомнения. Да, вне всяких сомнений, его теория была сыра и не зрела. Но он также был глубоко уверен в том, что это было зерно великой истины, которая однажды перевернет всю науку, возможна станет новой парадигмой. И что он будет бороться за эту истину, пока дышит. Это столкновение двух противоположных откровений в подсознании — понимания сырости теории, и ее фундаментальной важности — и стало причиной нервного перевозбуждения, которое он поспешил скрыть от своих коллег. Пусть думают что это высокомерное хладнокровие с которым он борется за научное открытие дается ему легко. «Парадигма», — только одно слово засело у него в мозгу, сверля его всей силой зарождающегося озарения.

ГЛАВА 5. СВАДЬБА У НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Свадьбу справляли в саду-ресторане. Угощение было скромным, зато вино лилось рекой. Тамара Тенгизовна много хлопотала, чтобы доставить из Грузии несколько ящиков красного и белого вина. «Если бы я знала, что на столах нечем будет закусить, — сказала она Бене с досадой, когда уселась за стол в саду-ресторане, — я бы и мясо и сыр заказала». Перед ее мысленным взором стояли столы со знаменитым грузинским изобилием, европейская изысканность не была ей ни близка, ни понятна. Она интуитивно угадывала, что скудость угощения больше связана с расточительностью Нины Александровны, чем с европейским воздержанием.

Зато на Сашу Тамрико порадовалась вместе со всеми, тепло и нежно обняв его красивую голову с тяжелыми русыми кудрями. «Какой красавец вырос, какой красавец! — прослезилась несчастная Тамрико, которая любила всех детей на свете. — Чемо

бичи!». Когда ее переполняли эмоции, она всегда переходила на грузинский язык. Нина Александровна светилась от гордости. Счастливой она себе не чувствовала, тревога за сына, которая все последнее время подтачивала ее силы и здоровье, была по прежнему с ней и в этот радостный день. Но не гордиться своим мальчиком, который вымахал в такого прекрасного статного орла, она не могла. Саша весело отвечал на приветствия, смеясь своими бездонными голубыми глазами, обнажая два ряда ослепительно белых зубов. Могучая шея, вся пластика движений были настолько завораживающими, что Светлана Алексеевна сравнила его со статуей «Давид» Микеланджело. Саша разразился в ответ таким звонким смехом, что даже Нина Александровна на какое то время почувствовала себя счастливой. Невесту в густой фате никто не брал на себя труд разглядывать, тем более что Саша, встретив гостей, сразу украл свою невесту, и уже до конца свадьбы скрывался с ней по самым отдаленным и романтическим уголкам сада-ресторана.

Гостей было немного. Коллектив клиники Бене Финкеля составлял почти треть всех гостей. Муж Нины Александровны, Тополев Борис Павлович, пришел всего с одним другом, художником, как и он сам. Еще несколько человек составляла родня. Саша и его невеста пригласили несколько однокурсников. Тем не менее, было очень весело. Гости были предоставлены сами себе. Борис Тополев, талантливый художник и добрейший человек, был искренне счастлив счастьем сына. Но каждый раз как он отвлекался разговором со своим приятелем, он неизменно забывал и о свадьбе и о сыне, даже о пространстве и времени, переносясь душой и телом в тот мир большого искусства, который горел синим пламенем в сердцах обоих художников. Он выучил рисовать и сына, но Саша наотрез отказался выбирать профессию художника. Он страдал всю жизнь из-за разъездов отца, искавшего красивые пейзажи для своей живописи, и ни за что не уступил его уговорам, даже самым лестным уверениям, что он хоронит большой талант. А в этом Борис Павлович был совершенно убежден. Саша настоял

на том, чтобы поступить на философский факультет университета, чем одинаково расстроил обоих своих родителей.

— Более никудышней профессии выбрать было невозможно, — в отчаянии заявила тогда Нина Александровна.

— Ну почему, мы должны уважать его выбор, — мягко возразил Тополев, хотя в душе хоронил талант своего сына

— Он такой же бестолковый, как и ты! — в сердцах крикнула ему Нина. — Мне даже некому поплакаться на его бестолковость. Вот увидишь, чем это все опять закончится!

И вот, на третьем курсе Саша надумал жениться. Пока все шло не так уж плохо. Если бы не… если бы не это странное поведение Саши в последние годы, когда он стал таким замкнутым и раздражительным. Нина Александровна встряхнула головой, и ушла развлекаться к гостям, пообещав себе хотя бы один вечер не думать о плохом, и выкинуть в этот прекрасный праздничный день все тревожные мысли о Саше из головы. Она бодрой походкой направилась к тесному кружку, образовавшемуся вокруг коляски Бенедикта Яковлевича. Она предвкушала радость общения с любимыми коллегами, с удовольствием вслушиваясь в раскаты веселого смеха. Только они могли спасти ее от тревоги, разъедавшей ее сердце. И точно, стоило ей поравняться с коллективом, как мысли ее приняли совершенно иное направление. Бене о чем то смеялся с Мишей Михельсоном; Вася, как всегда все бросил только завидев Нину Александровну издали.

— Моя ведьма! Я вас везде искал!

— Ах, Веня, опять вы со своими глупостями, — улыбнулась Нина, которая давно чувствовала себя самой одинокой женщиной на свете. Она знала, что коллеги в шутку сравнивают ее с «Попрыгуньей» Чехова, а ее Тополева с доктором Дымовым. Действительно, было какое то сходство в его смиренной простоте с персонажем Чехова, равно как и в импульсивном характере Нины проглядывало что-то от попрыгуньи. Однако, во всем остальном все конечно было совсем не так. Одинокой себя чувствовала именно Нина, потому что муж был всегда

в разъездах, и настолько увлечен своим искусством, в котором был успешен, что казалось забывал даже имя жены. Он был вежлив и никогда не приезжал без подарка. Нина могла поручиться, что у него не было любовницы, у такого «бестолкового» человека не могло быть никаких земных интересов. Но он не замечал ее существования, и это стало ее тайной болью, о которой она никому не говорила. Как часто ее поздравляли друзья с новой выставкой мужа! Какой успех! Столько распроданных картин! Такие отзывы в прессе! Такой добрый и такой успешный муж! Она улыбалась, а в сердце у нее ширилась зыбкая пропасть, которая затягивала постепенно ее всю. Вот тогда она стала писать свои шутливые, полные сарказма стихи. Про коварную любовь, про ведьм и рыцарей из куртуазных романов, про искусителя демона, и коллеги стали считать ее взбалмошной бездельницей в погоне за вульгарной романтикой. Нина смеялась, но про свою боль молчала. Она нашла, где спрятаться от этой зыбкой пропасти: в курчавой головке обожаемого сына, в его прекрасных полных наивной голубой влаги глазах, всегда отвечавших ей взаимностью. Его смех и теплые ручки, обвивавшие шею красавицы мамы, долгое время спасали ее от этой пропасти. Пока однажды она не поняла, что ее Саша также безудержно отдаляется от нее, как когда то отдалился Тополев. Вот тогда, пропасть стала затягивать ее со страшной силой, и она уже не знала, что ей противопоставить. Ее стихи становились все вычурнее, и все вульгарнее. Коллеги посмеивались, Вася стал клясться ей в любви, уверенный, что она тоже ищет романа, и только, казалось, глаза Бене Финкеля, подобно рентгену, видели ту крутую линию обрыва, над которой в отчаянии билась ее душа. Он никогда не смеялся над ее стихами, хотя она подавала их так, словно и ждала только смеха, и благодарила за него. Либо отмалчивался, либо хвалил как тонкую поэзию. И она была ему глубоко благодарна за его такт и понимание, в душе побаиваясь этого пронзительного взгляда, от которого нельзя было спрятаться в самом укромном уголке сердца.

Впрочем, литературой увлекался весь коллектив клиники Бене Финкеля. Даже скромная Верочка очень любила почитать в свою юность. Светлана Алексеевна была дочерью филолога и рассуждала о литературе как профессор. Миша Михельсон писал всю жизнь одни роман, часто и эмоционально говорил о каторжном труде, которого он ему стоит, но никогда не согласился прочитать ни одну главу. Вася Петров прекрасно играл на гитаре, и иногда сочинял песни; но чаще он писал коротенькие рассказы о своих приключениях с любимым пуделем Муму. Леви-Финкель знал классику, периодически освежал свое знакомство с ней, любил литературные вечера с коллегами, но интересовался только психологией и психиатрией. Его новый метод, его открытие, как не смел его еще называть, настолько увлек все силы его ума и души, что на остальное у него просто не было сил и времени.

Когда Нина подошла к коляске доктора Бене, увидела его большой выдающийся лоб с прилипшими от пота черными кудрями, его волевое лицо и те самые пронзительные черные глаза, она с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, так глубоко ее поразило только что сделанное открытие. Она вдруг поняла как сильно, как глубоко, как нежно и преданно она любит этого беззаботно смеющегося человека в инвалидном кресле. И как велико расстояние, которое их разделяет. «Анна Белогородская, тень умершей жены, — вспомнила она невольно статью, — вот кто стоит между нами». Доктор Бене повернул голову, и в тот момент, когда встретились их глаза, Нина знала, что он прочитал все, что творилось в ее душе: весь трепет ее только что сделанного открытия и все безнадежное отчаяние назвать его когда-нибудь своим. Он продолжал улыбаться с прежним задором, но глаза наполнились совсем другим светом.

— Идите к нам, Ниночка, — сказал он с такой теплотой в голосе, что Нина должна была прятать глаза, чтобы не заплакать. Неужели он ее любит? Неужели вся эта доброта и проницательность и есть любовь? Она заставила себя поднять глаза, когда совсем уже поравнялась с его коляской

и посмотрела прямо в его влажные черные глаза. Они улыбались ей в ответ.

— Нина Александровна, меня опять втягивают в литературные споры. Миша Михельсон не хочет прочитать нам свой роман, уверяя, что это гениальное произведение и что мы должны верить ему на слово. Ну как вам такое нахальство, Ниночка?

— Я покажу вам сразу все произведение! Когда оно будет готово! А пока что вам ничего не остается, как верить мне на слово. Я потомок еврейских пророков, я не могу не быть гениальным. Тем более, что роман мой как раз о древних библейских пророках.

— Как мы можем знать, Миша, дорогой? — продолжал смеяться Леви-Финкель. — Я вот тоже потомок еврейских раввинов, но никогда не напишу ничего похожего на роман, тем более на гениальный роман. Ты мне друг, но истина дороже. Вот помнишь, к примеру, того мужика в романе Альбера Камю, который тоже как ты всю жизнь писал роман. А когда прочли его книгу, там оказалась всего одна строчка, переписанная на сотни ладов: «Дама в шляпе галопом скакала по Булонскому лесу»!

Миша стал хохотать вместе с Финкелем, и благодарная Нина спрятала свое волнение в этом общем хохоте, разрядившем обстановку.

— Ну какой из тебя еврей, да еще потомок раввинов, Бене! — все еще невольно смеясь, возразил ему Миша. — У тебя мама грузинка. По еврейским законам — ты грузин! А я то совсем другое дело, Леви-Финкель. Я — чистокровный еврей, и по маме и по папе. И если бы не твоя клиника давно был бы на родине земли обетованной. Вот так то.

Нина Александровна давно потеряла нить разговора. Ее взгляд упал на прекрасное лицо Веры Сослановны, которое в свете вечерних огней еще больше поражало своей удивительной красотой. Ее рыжие косы были распущены и свободными волнами ниспадали до самого пояса. Глубокие зеленые глаза зажигательно смеялись о чем-то, а полные белые руки доверительно обнимали за плечи Светлану Алексеевну. Она

улыбалась ей в ответ с материнской нежностью, и Нина, как не старалась, не могла представить себе тему их беседы. Эта нежная белая кожа, этот девичий румянец, эта простота и искренность в глазах и движениях. Даже Тополев остолбенел, когда увидел Веру Сослановну, и только строгий взгляд жены предупредил его от внезапного порыва умолять ее быть его моделью. Вера рассказывала Светлане Алексеевне о своей юности, когда только и было вокруг разговоров о ее красоте, а она сама совсем не считала себя красивой. Она смеялась своим юношеским восторгам с детской непосредственностью, захлебываясь от переполнявших ее наивных воспоминаний. Теперь ей казалось, что с тех пор прошла целая вечность. Один за другим умерли ее обожаемые родители. Она настолько любила их, и настолько была проста в душе, что не хотела другого счастья, кроме жизни с боготворимыми ею родителями. Но вот они ушли. Сначала мама, потом отец, и весь мир перевернулся вверх дном. Они остались со старшим братом, который уже успел развестись, одни. Квартира ушла за долги, и они решили ехать в Москву на заработки. Дома, в Северной Осетии, Вера никогда не работала вне дома. У себя дома она крутилась словно белка в колесе, поражая своей чистоплотностью и умением. Но стеснительность останавливала ее от поисков работы вне дома. Теперь ей пришлось впервые выйти на работу. И она бы долго не продержалась, если бы Тамрико не взяла над ней сразу шефство и не подчинила ее своей властной натуре. Теперь Верочка боялась одного строгого взгляда Тамары Тенгизовны, и никогда не смела ей противоречить. Светлану Алексеевну она сердечно любила, Тамару Тенгизовну почитала как свою госпожу. Она так боялась ее властного взгляда, что не могла даже ответить любовью на искреннюю привязанность Тамрико, полюбившую ее как родную дочь. Верочка, конечно, сразу догадалась, какие планы строит Тамрико в отношении нее и своего сына доктора Бене, или Бено, как называла его Тамрико. Только от этого ей стало еще страшнее. Ее инстинкт, которого она не умела себе объяснить, учил ее

уходить именно от тех мужчин, которые ей нравились, и особенно от тех, кто начинал разговоры о браке. Так она и осталась одна со своей дивной красотой на четвертом десятке. И вот теперь она не смела подходить к коляске доктора Финкеля, и старалась удержать Светлану Алексеевну в стороне своими наивными рассказами о счастливой юности, проведенной под крылом обожаемых родителей. Увидев приближающуюся стройную фигуру Тамрико, она сразу поникла, понимая, что Тамрико не позволит ей оставаться в отдалении от Бенедикта Яковлевича.

— Чего тут одни стоите? — начала и в самом деле шутливо возмущаться Тамара Тенгизовна, увлекая девушек поду руки в сторону коляски Бене. — Пойдемте к моему Беношке. Вы оставили нас скучать. Бено, сынок, посмотри, кого я привела. Мою красавицу, мою доченьку. Бено, ты когда-нибудь видел такую красивую девушку? А такую скромную? Посмотри, как она густо покраснела. Верочка, моя девочка, это же наш Бено, зачем смущаться. Я решила взять ее помогать в дом. — решительно повернулась Тамрико к сыну, давая взглядом понять что не потерпит никаких возражений.

Верочка так испугалась последней фразы, что в ужасе взглянула прямо в насмешливые глаза Бенедикта Яковлевича. Бене сразу оценил ситуацию, и только засмеялся в ответ:

— Вера Сослановна давно член нашего коллектива, всей нашей дружной семьи. Конечно, я буду только рад, если она согласится помогать тебе по дому. Но согласится ли она?

Тамрико привыкла к повиновению Верочки, и даже не потрудилась ее спросить. Теперь она посмотрела на Верочку тем своим властным взглядом, от которого в ее жилах стыла кровь.

— Конечно, конечно, если нужна моя помощь, как я могу отказаться, Бенедикт Яковлевич. Я так благодарна вам и Тамаре Тенгизовне за все, что вы делаете для меня. Я в Москве совсем чужая, без вас бы совсем потерялась. — она покраснела еще больше, так что на матовой белизне ее кожи заиграли два бардовых румянца. — А сейчас я пойду, с вашего позволения.

Вера Сослановна вдруг выпрямилась и с вызовом посмотрела в глаза Тамрико. Она и сама не ожидала от себя такой дерзости. Однако, смущение и стыд настолько переполнили ее сердце, что она уже знала: или она сейчас же отсюда уйдет, или она наговорит дерзостей Тамрико и рассорится с ней навсегда. Тамар Тенгизовна сразу поняла настроение Верочки, и в душе еще больше восхитилась своей питомицей.

— Я провожу Верочку. Отдыхайте. Мы уже не вернемся. Бено, я жду тебя домой, сильно не задерживайся. Нина Александровна, счастье нашему Сашеньке!

Нина Александровна стояла, словно пораженная громом. События разворачивались с такой неумолимой быстротой. Сначала это прозрение о ее любви к Бене. Такое глубокое и пронзительное, что ей казалось, она закричит о своей любви. И вдруг, сразу вслед за этим, почти такой же шок от чарующей красоты Верочки и почти откровенное сватовство Тамары Тенгизовны. Что значил ответ Бене? Он согласился? Или просто подыграл, чтобы отвязаться? Нина чувствовала, что ей в сердце воткнулись тысячи ножей, и видела, как она ходит между ними, лавируя, словно джигит. «Я брежу», — тихо сказала она, отирая пот со лба.

— Позвольте анекдот о моей Му-Му! Чудо, вы умрете со смеху! — возник вдруг уже порядком набравшийся Винцент Григорьевич. — Значит, спасли мужики Му-му, и она ну их благодарить. Спасибо, говорит мужики, от верной смерти спасли. А те в шоке: «Говорящая собака». Муму как услышала, еще больше офигела: «Говорящие мужики!» Ха-хахаха! — хохотал Винцент Григорьевич в пьяном задоре смешивая свою Муму с тургеневской. — Бене дорогой, низкий поклон матушке вашей, Тамрико Тенгизовне. Давно я настоящего грузинского вина не пил. Целую ручки, кланяюсь в ножки. Боже ж мой! Я ВАС не заметил, Нина Александровна, королева моя! Королева Марго!

Нина ощутила прилив паники от мысли, что надо будет поддерживать разговор с ее пьяным поклонником, и почти умоляюще взглянула в глаза Мише Михельсону.

— Михаил Исааакович, выручите, голубчик.

Миша пожал плечами и взял Васю под руку.

— Пойдемте, друг, возьмем у Тополева гитару. Какой из вас влюбленный без гитары. Тополев всегда возит в машине гитару, я с ним ездил, и знаю.

— Чудесная идея, Миша! Мы сейчас вернемся! Конечно, я спою свои любимые вещи... вот послушай Миша, моя последняя... сам сочинил.

— Какой же поэт из фрейдиста! — нервно засмеялась Нина. — Разве что либидо с дефекацией воспевать.

По мере того как стихали их голоса, Нина все больше боялась посмотреть в глаза Финкелю, с которым они наконец то остались наедине. Прежде чем она успела сообразить, что делает, она нашла себя на коленях у Финкеля, страстно целующей его мокрые губы.

— Бене, Бене, я вас люблю. Неужели вы не видите, дорогой? Неужели не видите?

Бенедикт Яковлевич дал себе время собраться с мыслями, осторожно отвечая на ласки Нины нежным поглаживанием ее ухоженных каштановых волос. И наконец, обнял ее лицо горячими ладонями, решительно ее остановил.

— Подожди. Я не могу тебя любить, Нина.

— Я знаю, Бене, мы прочитали про Анну... я все знаю! Но ведь она мертва. А я здесь, и я жива. Я люблю тебя. Позволь мне тебя любить милый. Скажи мне Бене, ответь: ты ведь видел, видел эту пропасть, это зияющее смертельное чрево, над которым я висела все это время? Ты видел и жалел меня?

— Это моя работа, Нина. Да, я вижу боль людей, особенно дорогих мне людей. Конечно, я люблю тебя, дорогая. Но я не смогу любить тебя всегда.

— Всегда, Бене? Что такое всегда? Разве мы будем жить вечно?

— Нина, я не знаю, сколько я буду любить тебя. Может год, может пять лет, а может месяц, но однажды я уйду.

— Год, Бене, любимый, дорогой! Это много как океан, это много как вечность. Целый год я не буду видеть эту страшную

пропасть, целый год я буду в безопасности, как у Христа за пазухой. Бене, какая я счастливая.

Она покрыла взмокшее лицо Бенедикта Яковлевича нежными, как ветер поцелуями, чувствуя, как горячая волна счастья блаженными волнами растекается по всему ее телу. Ее ноги на его горячих ногах, его дыхание смешивалось с ее дыханием, его губы касались ее щеки. Ради этого мгновения стоило жить и мучиться предыдущие сорок лет. Как вдруг истошные крики внезапно оборвали идиллию влюбленных. Кто-то кричал в исступлении, и Нина не сразу узнала в этой дикой истерике голос своего Саши:

— Убирайся вон! Пошла вон, шлюха! У меня нет ничего общего с этой женщиной, слышите! Ничего общего! И никакая это не свадьба! Это вечер по случаю выставки моего отца! Я не знаю, что здесь делает эта шлюха! Шлюха! Пошла вон!

— Это Саша, Бене, это Саша... — закричала Нина Александровна, вырываясь из его объятий. — Это мой Саша, — кричала она в порыве добежать до своего сына. Бене видел, как обмякло ее тело, и как она без чувств упала на траву неподалеку. Двое мужчин подняли ее за руки и понесли в машину.

Вскочив на костыли, которые ловко вкладывались в его коляску и были всегда при нем, он с проворством кошки побежал к той части ресторана, откуда доносились крики. Миша и Вася уже держали Сашу за руки, а Светлана Алексеевна покрывала поцелуями его перекошенное от боли лицо, лаская, и успокаивая его, как могла. Тополев стоял возле сына с белым, как полотно лицом, растерянный словно школьник.

— Отвезите меня домой! Сейчас же отвезите меня домой! — вцепилась в его рукав невеста, под ногами которой валялась ее густая фата. — Никогда ему не прощу! Никогда не прощу! — рыдала она на глазах сочувствующей публики.

— Конечно, милая, конечно! — спохватился Борис Павлович, чье доброе сердце исходило кровью. — Пойдемте, пойдемте, вы только скажите, куда вас отвезти. Утро вечера мудренее, завтра все наладится. Все разъяснится. Это какое-то недоразумение.

Конечно, недоразумение. Вы прекрасная, милая девушка. Спасибо вам, спасибо милая моя. — и он, нежно взяв ее под руку, повел ее к машине, успокаивая словно больного ребенка.

Оказалось, пришла какая-то женщина с фотографиями и показала их прямо Саше. На фотографиях его невеста в компании женатого мужчины, а также ее обнаженные фото в социальных сетях, в самых вызывающих позах. Она утверждала, что Лариса, невеста Саши, спала с ее мужем, и вообще подрабатывала, торгуя собой. Гости были в шоке, Лариса уверяла, что впервые видит эту женщину, Саша поверил настолько быстро, что навсегда оскорбил чувства Ларисы. Однако, его приступ был уже чем-то патологическим, и она почувствовала это прежде, чем смогла осознать. Он не был просто взбешен и расстроен, он бился в конвульсиях, и только это немного смягчило ее боль.

Бене раздумывал несколько минут. Потом переснял все фото на свой телефон, и уверенно набрал номер Гриши Белогородского, своему другу по разведке, которому не звонил уже 15 лет, со дня смерти жены.

— Гриша, это Финкель. Потом поговорим. Я послал тебе фото. Посмотри для меня. Настоящие они? Кто эти люди на фото. Фамилии и ситуацию перешлю сообщением. Да спасибо, буду ждать.

Он сразу не поверил в правдивость обвинения просто потому, что совсем недавно по телевидению рассказали точно такой случай, произошедший где-то в Северной Осетии. Женился известный спортсмен, потратил бешеные деньги на свадьбу, а в конце пришла жена любовницы его супруга с подобными фото. Там все оказалось правдой. Но второй раз это правдой быть не могло. Скорее всего, кто-то посмотрел передачу и решил использовать для себя. Гриша перезвонил уже через час, сказал, что фото фальшивые. Бене поспешил объявить всем, что это дело рук мошенников, что пока неясно кто и зачем, но уже совершенно ясно, что все вранье, и девочку оболгали. Дал трубку Саше, чтобы он сам услышал аргументы Гриши.

— Ну, ты успокоился? — строго и ласково спросил он его юношу.

— Мне стыдно, мне так стыдно, — расплакался Саша, уткнув лицо в дрожащие руки. — Где моя мама? Где мама?

— Я здесь, сынок, — прибежала Нина Александровна. — Я уже здесь. Вон и папа вернулся. Он отвез Ларису домой. Завтра поговорите и помиритесь. Все будет хорошо.

— Она меня никогда не простит, мама, — плакал Саша, в плечо матери. — Мне так стыдно, так стыдно.

— Вот, выпей вот это. — Нина достала из сумки таблетку и дала ее сыну. — Борис, отвези Сашу домой и уложи спасть. А я тут распоряжусь, и приеду вслед за вами.

Гости постепенно разошлись, Бене и Нина остались в саду-ресторане одни. Нина больше не выпускала его из своих объятий.

— Не плачь, дорогая, Саша будет здоров.

— Это был шуб, да, Бене? Это был шуб? Паранойа? Мания ревности? Я замечала, замечала, что он менялся все последнее время, особенно когда влюбился. Бене, мой сыночек, мой Сашенька, Бене!

— Нина, дорогая, успокойся, жизнь моя, сердце мое. Видишь, я твой, я с тобой, я всегда буду рядом. Мы спасем Сашу. Ведь он мне как сын. Разве я дам ему утонуть. Мы его вытащим!

— Ты знаешь, — говорила сквозь слезы Нина, — я как будто чувствовала, что он будет с нашим Андреем Николаевичем, в твоей экспериментальной группе. Я давно поняла, Бене, но не знала что делать, не знала! Я отдавала ему все тепло и всю заботу. За что мне, Бене?

— Андрей Николаевич –тоже сын потрясающей мамы. Разве ты не видела эту славнную женщину? Я даже не знаю кто из них интеллигентнее, сын или мать.

— Поцелуй меня милый, прошу тебя. Люби меня. Люби меня, Бене. Или твоя любовь, или поднимусь к себе, и прострелю себе голову.

Бене отвез Нину Александровну домой. Она все не могла насладиться его целительными объятиями, и когда они уже приехали, опять нырнула к нему на колени, и опять ласкала его черную кудрявую голову с ненасытностью дикой кошки. Бене терпеливо ждал, когда она успокоится. Потом набрал Тополеву, и попросил его спуститься за женой. Тополев открыл дверь и увидел Нину Александровну, мирно спящую на коленях Финкеля. Он видел и блаженную улыбку на ее лице и нежные обхват его шеи, и честные глаза Финкеля. Он все понял, и знал, что должен благодарить Финкеля за жизнь своей жены.

Он ответил ему таким же твердым и искренним взглядом.

— Спасибо Бене, друг. Я тебе не забуду. Этим вечером ты спас нас всех. И больше всего ее. — он кивнул на жену. Потом аккуратно взял ее на руки, и понес домой. Бене смотрел с какой нежностью он несет свой драгоценный груз, и чувствовал как слезы текут по его щекам. Когда-то он также вынес свою жену из раздавленной машины. Но его жена уже была мертва.

ГЛАВА 6. ПРОВАЛ ДОКТОРА БЕНЕ

Было решено выписать Андрея Николаевича Орлова с тем, чтобы он смог вернуться к нормальной жизни. Андрюша уже не трепетал свободы, и больше не чувствовал себя таким зависимым от бесед с доктором Леви-Финкелем. Это было очень кстати, поскольку только возвращение к нормальной жизни могло утвердить и самого Андрея Николаевича, и окружающих в мысли, что Андрей окончательно здоров. Действительно, Андрей Николаевич поспешил вернуться на службу в лютеранскую церковь, где он служил пастором, и жизнь его потекла прежним размеренным ходом. Он все еще часто созванивался с Леви-Финкелем, на чем последний и сам настаивал, чтобы контролировать процесс выздоровления. Они по прежнему много времени уделяли вопросам философии, но теперь уже Бенедикт Яковлевич учился у своего пастора. Беседы с Орловым открыли для самого доктора Бене всю

важность поставленных Андреем вопросов для современной науки.

Доктор Бене не послушал своих коллег, и не стал откладывать защиту диссертации. Комиссия была готова выслушать научный доклад Леви-Финкеля всего через месяц. Бенедикт Яковлевич в глубине души очень переживал, как справится Андрюша. Поэтому решено было, что Андрей будет приходить каждую субботу до дня защиты диссертации, и проходить вместе с коллективом клиники Бене импровизированную защиту. Так и поступили. Андрея Николаевича ставили у кафедры, а коллектив клиники во главе с Финкелем садился напротив. Чтобы воссоздать весь официоз атмосферы, которая будет на защите, Финкель и его коллеги обращались к пастору Орлову со всеми формальностями, и со всей строгостью, которую могли предположить у аттестационной комиссии. Андрей рассказывал о себе снова и снова, во всех подробностях вспоминая три периода своей жизни: до болезни, болезненный период, и период выздоровления. О каждом периоде говорили отдельно, и в каждом периоде его научили выделять и уметь аналитически рассказать о самом главном.

Месяц близился к концу, и пока все было хорошо. Андрюша успешно реабилитировался на работе, прихожане с любовью встретили своего пастора. Три репетиции защиты диссертации с участием Андрея Николаевича прошли спокойно и обстоятельно. Доктор Бене и весь коллектив клиники внимательно изучали реакции Андрея, и пришли к выводу, что он уравновешен, спокоен, уверен в себе, и даже ироничен. Коллеги поздравляли Бенедикта Яковлевича, которому поначалу совсем не хотели верить. Однако, беседы с Андреем убедили их в том, какую титаническую работу проделал Бенедикт Яковлевич за этот год каждодневных многочасовых бесед с Орловым.

Наконец, диссертационный совет, председатель, заместили председателя комиссии, экспертный совет были назначены. Финкель громко зачитывал коллегам состав диссертационного совета, когда они как обычно собрались у него в кабинете после работы.

— Вы только посмотрите, они назначили Манкевича председателем, а Рыжайло и Галытьбу его заместителями. Мои самые ярые оппоненты. Десять докторов медицинских наук, два доктора биологических наук, пять докторов психологии и два доктора философских наук. Серьезно подошли к составу экзаменаторов. Чувствую себя школьником.

— Откажись Бене, пока не поздно, — серьезно возразил ему Михельсон. — Я знаю, что не послушаешь, но я должен тебя предупредить. Все может закончиться очень плохо. Вплоть до закрытия клиники. Слишком революционная у тебя тема. Тебя запишут в обычные антипсихиатры, а к ним давно никто серьезно не относится. С такими новаторскими темами можно писать романы, а вот работать на практике могут просто запретить. Подумай о нас и о клинике. Если не хочешь подумать о своей репутации ученого.

Бене только пожал плечами. Когда все разошлись, и они с Ниной Александровной остались одни, он спросил ее о здоровье Саши. Нина расплакалась.

— У меня больше нет сомнений, что это был шуб, Бене. Он стал совсем другим. Две недели он послушно продолжал ходить на лекции в университет, словно бы хотел что-то себе доказать. Ларису больше не хочет ни видеть, ни знать. Логические аргументы больше на него не действуют. Он опять верит всему бреду, что тогда услышал. Он страшно зол на нее, и считает погубленной и свою репутацию, и свою жизнь. Он рассказал мне все это вчера. Я проплакала всю ночь. У меня больше нет сомнений. Я предложила ему лечь в клинику, к тебе на обследование. Что тогда началось, Бене! Он стал кричать что мы все хотим от него отделаться, запереть его в сумасшедшем доме, что он не позволит сделать его безумцем и тп. Оказалось, все ему милее психиатрической клиники. Даже нашей клиники, где все знают его и он всех. Если бы он сказал о других местах, я бы его поняла. Но всем известен твой гуманизм, а для него здесь все просто родные люди. Ему было легче заставлять себя две недели сидеть на лекциях и терпеть разговоры вокруг о скандале на свадьбе,

чем одна мысль лечь к нам на обследование. Но вчера он сдался. Больше говорит ни ногой в университет. Я не знаю, что мне делать, дорогой. Научи меня, я совсем растерялась.

— Ты ведь понимаешь, что есть только один выход. Или к нам, или куда-то еще. Надо успеть положить его к нам, пока он не наделал глупостей и его не заперли где-то еще.

— Да, я сама все время думаю об этом. Попробую с ним еще раз поговорить.

Защита диссертации была открытая. Коллегам доктора Бене было позволено присутствовать на защите. Весь состав врачей-психиатров клиники Финкеля изъявил желание явиться. Не все они верили, что Финкель победит. Искренне верила в его победу только Светлана Алексеевна. Нина Александровна слишком желала ему победы, чтобы верить в свою удачу. Однако все пришли, чтобы поддержать его. И только Тамара Тенгизовна настолько разнервничалась, что отказалась приезжать. «Я буду молиться за тебя здесь, сынок, — сказала она с глазами полными слез. — Ты столько страдал, господь да смилуется над тобой».

— Уважаемые дамы и господа! — вышел, наконец, к кафедре Леви-Финкель. — Мне бы хотелось, чтобы вы не истолковали превратно тему моей диссертации: «Когнитивная психиатрия и психология шизофрении». Речь идет не обо всех психических расстройствах, я хочу это подчеркнуть! Вы знаете, я главврач функционирующей психиатрической клиники, и знаю что такое органическое повреждение мозга. Разумеется, «когнитивная психиатрия» не может иметь никакого отношения к органическим этиологиям психозов. Мы говорим о том важнейшем разграничении, которое вводит в своем знаменитом учебнике психиатрии Карл Ясперс! Мы говорим о шизофренических и маниакально-депрессивных психозах, а также о малой психиатрии психопатий, как о психозах с неорганической этиологией. Прошу вас зафиксировать внимание на этом основном тезисе нашей диссертации: разграничение органической и неорганической этиологии психозов.

Там, где психоз связан с разрушением мозга — это по прежнему вне всяких сомнений область медицины, классической психиатрии.

И только там, где речь идет о неорганических причинах психоза, как в психопатиях Ганнушкина, или в крепелиновской дихотомии шизофренических и маниакально-депрессивных психозов — мы настаиваем на психологической терапии, то есть на «когнитивной психиатрии».

Только после этого предварительного замечания мы можем излагать суть наших рассуждений на тему когнитивной психиатрии или же, иначе, о гуманистической психологии в психиатрии.

Бенедикт Яковлевич отчетливо слышал насмешливые возгласы, ропот, возникший вслед за его горячим и уверенным вступлением на столь зыбкую почву, но был так увлечен своим докладом, что почти не обращал на эти помехи никакого внимания. Он знал, что коллеги восхищаются его самообладанием, и чувство ответственности перед ними еще больше увеличивало его выдержку.

— Следует ли нам, уважаемый Бенедикт Яковлевич, — встал вдруг председатель комиссии, доктор медицинских наук Манкевич, — так понимать ваше заявление о «когнитивной психиатрии», что вы утверждаете, что способны излечить шизофренический психоз, маниакально-депрессивный психоз и психопатии малой психиатрии одной, с позволения сказать, психологией? Без лечения самого мозга?

— Да, г-н профессор Манкевич, вы абсолютно точно ухватили мою мысль. Только в данном случае речь идет о первой попытке излечения шизофренического психоза на базе когнитивной психологии. Именно такой катамнез я и попытаюсь представить на защите моей докторской диссертации. Что касается психопатий и маниакально-депрессивного психоза, то это пока только сфера гипотезы.

— Превосходно. Значит вы, г-н Леви-Финкель, готовы представить нам случай излечения шизофренического психоза методом когнитивной психиатрии, я вас правильно понимаю? Вы

будете говорить собравшемуся здесь совету докторов медицинских и биологических наук, что шизофренический психоз — это не их сфера деятельности? Потому что изучение и терапия мозга никак не связана с изучением и терапией психозов? Я правильно вас понял?

— Все правильно, только одно важное уточнение. Только психозов с неорганической этиологией. И позвольте вам напомнить, что известное движение антипсихиатрии инициировали и возглавили сами психиатры по всему миру, и что тысячи других психиатров их поддержали. Да, мы считаем, что методами прямого вмешательства в работу мозга, физическим воздействием на мозг, не только нельзя излечить психозы неорганического происхождения, но напротив, можно только лишить пациентов последнего шанса на выздоровление.

— Да, разумеется. И вы здесь следуете за Ясперсом, который относит к таким психозам шизофрению. Превосходно. Позвольте теперь вас спросить, дорогой доктор, каковы же тогда источники заболевания, если это не мозг? Из космоса что ли прилетает психоз?

В зале поднялся гул и хохот. Финкель терпеливо ждал, пока все умолкнут.

— Да нет, господа, конечно не из космоса. В составе диссертационного совета помимо докторов медицинских наук, указаны также доктора психологии и философии. Я буду обращаться к ним с вашего позволения, г-н Манкевич, если вас это смущает.

Как вы знаете, господа, связь сознания и мозга — далеко не установленный факт в философии и науке. Вспомним Готфрида Лейбница и его пассаж о мельнице и мозге: даже если мы увеличим мозг до размеров мельницы, мы не сможем увидеть в нем мыслей. Это связанные системы, но не идентичные. Сознание и мозг — это разные системы, господа. Здесь философию пусть каждый выбирает свою: это может быть философия Декарта, или философия Канта, или философия Платона и Лейбница — все они разделяют мозг и сознание, душу и тело. Ясперс, как известно, выбирал философию Канта, Эйнштейн — филосо-

фию Спинозы и Платона, Декарт и Лейбниц сами были учеными экспериментаторами, математиками и физиками.

— Однако, г-н Леви-Финкель, позвольте вам возразить. Я доктор философских наук, профессор Рыжайло, и мне непонятна ваша апелляция к метафизической философии там, где речь идет о чисто медицинской проблеме. Да, формально вы можете ссылаться на всех этих авторов, но практически вы не можете нам, как научному совету предъявить конкретную субстанцию, которую вы изучаете и лечите, если вы отказываетесь считать такой субстанцией мозг. Вы сказали сознание и мозг, душа и тело! Г-н Леви-Финкель, неужели вы собрали научную комиссию из уважаемых докторов медицины, чтобы предъявить им вместо мозга в качестве объекта исследования такое эфирное, мягко говоря, понятие как душа? Вы ведь помните, что уже позитивизм Огюста Конта исключил понятие «сознания» из объектов научного исследования, потому что его невозможно фиксировать на опыте. Философия философией, г-н Леви-Финкель, но если вы не способны придерживаться общепризнанного научного метода мы будем считать вашу защиту несостоявшейся. В чем состоит современный научный метод? В том, что вы способны описать и измерить объект научного исследования. Итак, задаю вопрос снова: если вы не считаете заболевания мозга источником психозов (некоторых, пусть будет по вашему), то какой конкретно объект вы считаете источником психических расстройств? Как нам его определить и измерить? Чтобы был научный разговор, а не ребяческое суесловие. Думаю, мне не надо вам напоминать, что не вы первый делаете попытку революции в биопсихиатрии, уже в 70-е годы было очень популярно движение антипсихиатрии, которое выступило со схожими требованиями. Антипсихиатры предлагали отказаться от мозга как объекта научного исследования: Мишель Фуко, Рональд Лэйнг, Давид Купер, Франко Базалья! мы знаем, мы слышали о них. Но ведь что они предложили науке вместо мозга в качестве объекта исследования? Они предложили экзистенциальную феноменологию Сартра, науки о духе Дильтея, которые прямо отрицают научное познание, объективную истину,

общие закономерности человеческой природы! Душа, или сознание, предсказуемо расплылись в их попытках дать определения этим туманным неуловимым понятиям! Такой обскурантизм допустим в религии, даже в философии, но только не в науке, и не в медицине!

В зале раздались громкие аплодисменты и крики «Браво». Многие из собравшихся в зале докторов медицины знали Финкеля лично, и не переставали удивляться его сумасбродству. Бене Финкель был прославлен своим острым умом, и такая грубая ошибка и репутация Финкеля никак не увязывались у них в головах. Выступать с инициативами антипсихиатрии, давно дискредитировавшей себя очевидным субъективизмом и потерей научного метода, и предлагать такое решение в качестве новой революции в психиатрии, все это было не похоже на успешного врача и талантливого ученого, которого они все знали. Теперь многим стало жаль своего давнего знакомого, и они только ждали развязки, чтобы незаметно улизнуть из зала. Однако, Финкель и не думал так рано сдаваться.

— Конечно, я не мог не думать о том, как определить и измерить объект исследования когнитивной психиатрии, если мы отказываемся считать таковым мозг. Вы также правы в том, что понятия «душа» и «сознание» слишком размытые понятия. Однако, есть еще одно понятие, которым активно и давно пользуется самая настоящая наука, и которое также противопоставляется мозгу и биологической теории происхождения психических расстройств.

— Вы нас заинтриговали? Что же это за понятие?

— Это понятие психической энергии, господа. Да, да, да! Попрошу тишины в зале! — нервы Финкеля натянулись словно струны. — Скажите, пожалуйста, разве современная наука не признает психоанализ Фрейда? Аналитическую психологию Юнга? Антропологию Дюркгейма или Лесли Уайта? Это все авторы, которые построили свои теории на понятии психической энергии. Так вот господа, мы заявляем, что объектом исследования психозов с неорганической этиологией является не мозг,

а психическая энергия. Иными словами: не биологическая субстанция, а психическая субстанция.

Я должен признать вашу критику антипсихиатрии в целом справедливой. Действительно, на базе субъективизма немецкого идеализма или же экзистенциальной феноменологии Сартра, последователя Гегеля и Маркса, построить научный метод исследования невозможно. Именно философский базис стал той ахиллесовой пятой, которая разрушила справедливые в остальном попытки антипсихиатрии реформировать современную биопсихиатрию. Они совершенно справедливо восстали против мозга как биологического объекта исследования, и совершенно справедливо предложили вместо мозга — сознание, душу, то есть энергию психики. И в этом антипсихиатрии также опиралась на достижения психоанализа Фрейда, успешно сменившего объект научного исследования.

Однако, субъективизм философии, к которой они обратились, привел к потере научного метода, в этом вы правы. Поэтому прошу отметить, что мы формулируем понятие психической энергии на базисе совершенно другой философии. На базисе рационализма Платона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Шеллинга. Для нас психическая энергия — такая же энергия природы, как например электрическая, биологическая или механические энергии. И мы конечно говорим о об общих закономерностях природы человека, как о закономерностях психической энергии. Нам не придет в голову утверждать уникальность или свободу выбора души индивида как это делают субъективисты: психика человека также детерминирована как вся природа. Но есть и важное отличие — способность человека познавать и контролировать законы природы. В этом его относительная свобода, отличающая его энергию от материальных энергий природы.

Мы, авторы теории психической энергии, ни в коем случае не разделяем положение антипсихиатрии о том, что сознание, которое они понимают как онтологию или экзистенцию, по ту сторону ума и безумия, что смена объекта исследования снимает вопрос о безумии, о норме и патологии психики.

Напротив, мы признаем всю выявленную сегодня симптоматику психических расстройств методами объективного наблюдения, и беремся объяснить эту симптоматику, исходя из теории двух качественно различных энергий сознания. Об этом говорил Леви-Брюль в первобытном сознании, об этом пишет вся гуманистическая философия и психология.

В зале возникла такая тишина, что слышно было, как пролетит муха. Потом медленно стали возникать спонтанные хлопки, и наконец, громкие аплодисменты приветствовали смелый ответ Леви-Финкеля.

— Молодец Финкель! Так держать! — кричали его друзья, которые радовались тому что старый товарищ их не разочаровал.

— Позвольте, позвольте, — очнулся от недоумения Рыжайло, — психическая энергия совсем не более определенное понятие, чем душа или сознание. Как измерить эту энергию? Что она есть такое? Это энергия в физическом смысле? И ее измеряют в количестве работы, как в физике?

— Не могу с вами согласиться, уважаемый профессор Рыжайло. — Финкель не собирался уступать этим демагогам и бюрократам, «жрецов науки» в том смысле как их определил почитаемый им Ландау: только жрут за счет науки, а никакого другого отношения к ней не имеют. Он не смел пока говорить о той схеме двух силовых полей психики, к которой он шел долгими годами исследования практики и теории. Не смел по той причине, что все еще не знал как определить полюса обоих силовых полей и как их измерить. Он решил говорить только о гипотезе, и только об общепринятых формулировках психической энергии, как бы расплывчаты они не были. — Конечно, я не могу вам пока дать такого четкого определения и измерения как в физике, но ведь известны определения и измерения психической энергии у Фрейда, к примеру. Какой психоанализ без психической энергии либидо? Выдерните это понятие, и вся система разрушится в прах. Следовательно, понятие психической энергии прочно укрепилось в науке. И наконец, неужели вы будете утверждать, что можете определить

и измерить связь биологических процессов в мозгу с шизофреническими симптомами как мы их знаем в психологии шизофрении? Конечно же нет! Следовательно, научность понятия психической энергии, при всей его пока что малоопределенности, в чем вы правы, должен признать, столь же удовлетворительна как научность гипотезы о биологическом происхождении психозов, из заболеваний мозга.

Зал вновь поддержал Леви-Финкеля аплодисментами, и экзаменаторы вынуждены были позволить дискуссии перейти к другим вопросам диссертации. Финкель тяжело выдохнул. Самое трудное место было пройдено: вопрос о новом объекте исследования в психиатрии! Краеугольный вопрос, с которого начинали все реформаторы психиатрии и на котором строилось все новаторство его метода когнитивной психиатрии.

— Хорошо, г-н Леви-Финкель, будем считать ваш ответ на вопрос о новом объекте научного исследования удовлетворительным. У кого еще есть вопросы к доктору Финкелю?

— Мне хотелось бы знать, с вашего позволения, как г-н Леви-Финкель определяет различия между шизофреническим и маниакально-депрессивным психозом? То есть различия мы все знаем, нам их описали Крепелин и Кречмер, но как он понимает источники этих болезни? Если это не заболевания мозга, то как его психическая энергия, с позволения сказать, приводит в одном случае к одному психозу, а в другом случае к другому? — спросил профессор Галытьба

— К сожалению, должен признать, что пока не могу дать на этот вопрос развернутого ответа. Должен, однако, заметить, что хоть заслуга Крепелина и Кречмера велика в том, что они описали специфику этих психозов, особенно Кречмер показал совершенно гениальную проницательность, а тем не менее ни один из вышеуказанных психиатров не дал сколько-нибудь правдоподобного объяснения ПОЧЕМУ эти психозы отличаются и что есть источник каждого из них. То есть они не дали ответа на ваш вопрос, г-н Галытьба. Ответ Кречмера в том, что это вопрос «строения тела», которое якобы является причиной харак-

тера, не выдерживает никакой критики. Это не более чем фантазии г-на Кречмера.

Увы, когнитивная психиатрия тоже пока не готова дать ответ на этот вопрос. Мы только в начале пути, очень долгого и тернистого пути, господа, не будем себя обманывать. Задачу своей диссертации я не считаю столь объемлющей, чтобы рассказать уже сегодня как функционирует вся система психической энергии. Когда-нибудь, и у меня нет в этом сомнений, будет открыта психическая энергия во всей ее полноте и это открытие перевернет мир. Сегодня господа о таком открытии говорить рано. Задача моей диссертации много скромнее: поставить вопрос о смене объекта исследования в психиатрии для неорганических психозов в качестве научной гипотезы. И на клиническом примере доказать, что такой подход также приносит видимые результаты в конкретно взятом случае.

— Очень хорошо, г-н доктор. В таком случае просим изложить сенсацию вашего нового психологического метода лечения психозов, и приступать уже к рассмотрению успешного случая лечения шизофрении, о котором вы заявили.

Зал поддержал предложение Галытьбы аплодисментами, и Финкель начал с трепетом в сердце.

— Уважаемые господа, вся методика когнитивной психотерапии, равно гуманистической психологии построена на одном общем принципе. Это принцип разделения двух потоков сознания, или если вам угодно двух потоков психической энергии. Уже Платон, Спиноза и Кьеркегор очень четко разделяют эти два потока сознания (психической энергии) как адекватное и неадекватное. Вы конечно знакомы с гуманистической психологией таких столпов психологии как Эрих Фромм и Абрахам Маслоу. Как Карен Хорни и Карл Роджерс. Как Альфред Адлер и Виктор Франкл, как Гордон Олпорт. Все они в той или иной связи говорят о двух таких потоках в сознании, адекватном и неадекватном. Карен Хорни обозначает противоборство этих двух потоков психической энергии в сознании человека — центральным личностным конфликтом.

Это не досужие разговоры, господа. Вы все должно быть слышали о тысячах экспериментов, проведенных вслед за знаменитыми экспериментами Милграма на «Подчинение авторитету» в университетах всего мира. Так вот, господа, главным выводом этих экспериментов стало обнаружение двух противонаправленных сил в психике, которые Фромм обозначал как авторитарную совесть и гуманистическую совесть! Хочу подчеркнуть, что обнаружение этих двух антагонистичных сил в психике человека стало ОПЫТНОЙ находкой, и было подтверждено тысячами экспериментов по всему миру.

— Значит, вы утверждаете, что в психике человека существуют две психические энергии, которые находятся в конфликте друг с другом и что эксперименты Стенли Милграма подтвердили этот факт?

— Именно так, господа!

— Как же это связано с вашей методикой психотерапии? С вашей когнитивной психологией?

— Напрямую, господа! Мы утверждаем, что ЗНАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТ — материальны, и имеют ПРЯМОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ, в том числе НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ. В этом основной тезис нашей психотерапии. Впрочем, всей когнитивной психологии.

Мы хотели бы подчеркнуть, что отказываемся от нозологического метода Крепелина в пользу психологического метода Блейлера. Мы ни в коем случае не согласны с гипотезой Крепелина о биологическом происхождении шизофренического психоза и его определением как «раннего слабоумия». Мы настаиваем на позиции Блейлера о том, что источники заболевания психологические, и принимаем определение болезни как психологического синдрома, данного Блейлером. Прошу отметить, друзья, что Блейлер — коллега Фрейда, и он соответственно переходит на фрейдовский новый научный объект исследования: он уже говорит о психической энергии, раз дает психологическое определение. Да, господа, мы считаем, что главное достижение школы психоанализа — это переход к но-

вому объекту исследования в психиатрии: от биологии мозга к психологии психической энергии!

Итак, господа, наша мысль только продолжает мысль гуманистической психологии, но уже на почве психиатрии. Мы утверждаем вслед за упомянутыми мыслителями, что эти два потока психической энергии происходят из адекватного и неадекватного отражения (понимания, восприятия) действительности. То есть имеют прямую зависимость от уровня и качества образования человека. Вот почему гуманистическая психология сводится в основном к когнитивной психологии. Коротко говоря, ложная информация о мире стимулирует «ложное Я», как его обозначила Карен Хорни, а научная информация о мире стимулирует «истинное Я». И следовательно, методика лечения психозов сводится к качественному образовательному процессу.

Однако, прошу меня услышать! Я ни в коем случае не говорю, что ОБРАЗОВАНИЕМ МОЖНО ЛЕЧИТЬ ШИЗОФРЕНИЮ! Прошу меня услышать. Я говорю только о ПРОФИЛАКТИКЕ! Я утверждаю что лечить шизофрению невозможно, а если возможно то далеко не во всех случаях, и это очень длительный и трудоемкий процесс. Я утверждаю, что ВОЗМОЖНА и НЕОБХОДИМА ТОЛЬКО ПРОФИЛАКТИКА ШИЗОФРЕНИИ. Прошу меня услышать, господа!

В зале повисла напряженная тишина. Леви-Финкелю удалось совершить чудо: его не засмеяли и не освистали с его теорией когнитивного лечения психиатрии. К нему прислушались, и это уже была большая победа. Профессор Манкевич осознал этот маленький триумф Финкеля и предложил двигаться дальше:

— Что же, уважаемый доктор, вы были настолько красноречивы, что уважаемый совет ждет только убедиться собственными глазами в правоте ваших слов. Прошу представить нам клинический случай, где вам, как вы утверждаете, удалось излечить в условиях вашей клиники шизофренический психоз.

Бенедикт Яковлевич не чувствовал под собой ног от счастья. Он спустился в зал к своим коллегам и попросил их привести Андрея Николаевича. Теперь Финкель не сомневался, что все

получится, и что они непременно победят. Он вспомнил счастливые глаза Андрюши, когда они ехали сюда:

— Я самый счастливый человек! — сказал он утром доктору Бене. — И сегодня самый счастливый день в моей жизни! Я смогу помочь тысячам людей! И мы вместе помогаем в божеском деле открытия истины для всего человечества! Ах, я готов благословлять свою болезнь, доктор Бене, и все это благодаря вам! Вы подарили мне этот праздник!

Бенедикт Яковлевич смотрел, как Андрюша прошел мимо него и поднялся на кафедру.

— Здравствуйте, господа, — улыбнулся он всем присутствующим своей обаятельной улыбкой, которая стала неотразимой из-за светившегося в ней счастья. — Меня зовут Андрей Николаевич Орлов, я — пастор лютеранской церкви. Около года назад я тяжело заболел. Все началось с того скандала в католической церкви, о котором вы наверняка слышали: о массовой педофилии в среде католических священников по всему миру. В результате я покинул католическую церковь, но удар оказался слишком велик. Он пробил всю толщу моего этического и философского мировоззрения и заставил искать новые истины, и новую философию.

Это был, как говорит доктор Леви-Финкель, когнитивный и этический кризис, но я тогда этого не понимал. Я считал, что мир поглотил дьявол и что я сам становлюсь частью этого дьявола, служу ему. Тогда у меня началась болезнь, которую доктор Бене называет шизофреническим психозом. Мне везде мерещился дьявол, и жизнь потеряла для меня смысл. Мне было страшно и больно, я потерял способность свободно размышлять, я мог только бояться. Тогда мама, Ольги Никитишна, определила меня в клинику доктора Бене. Доктор Бене провел целый год в каждодневных многочасовых беседах со мной на философские и религиозные темы. Это он называет когнитивной терапией. И я на своем опыте убедился, что эта когнитивная терапия — великая вещь. Вот он я перед вами, здоровый и счастливый человек. Я снова в строю, я вернулся к своей любимой работе священника, у меня в душе мир и покой, и я снова могу читать

и размышлять. Это чудо сотворила со мной психотерапия доктора Бене. Вот я принес с собой отзывы прихожан и администрации церкви, если у вас возникнут сомнения в моей трудоспособности. Спасибо, господа, у меня все.

Напряженная тишина разразилась криками «браво». Зал встал и приветствовал выступление Андрюши громкими аплодисментами. Андрей Николаевич даже прослезился от счастья. Он был так взволнован, что дрожал всем телом. Он несколько раз поклонился в пояс чествовавшей его публике, и направился было к выходу. У Бене от сильного сердцебиения туман застилал глаза. Это была даже не победа. Это был триумф! Настоящий римский триумф с торжественным въездом в триумфальную арку! Как вдруг его мысли прервал резкий голос председателя комиссии Манкевича, который воспринял триумф Финкеля как личное оскорбление.

— Будьте любезны вернуться на кафедру, святой отец. Вам ведь не привыкать читать проповеди, что то вы быстро решили нас покинуть. Председатель комиссии решает, когда закончен опрос и защита. Попрошу всех вернуться на свои места.

Этот грузный человек 60 лет, с багровым лицом и близорукими глазами, вдруг с легкостью мальчика подскочил к кафедре Андрея Николаевича, прижался к ней всем своим бесформенным телом, и заглянул ему прямо в глаза:

— Значит, вы уверяете нас, что вы здоровы? Вы здоровы? Смотрите мне в глаза, пожалуйста. Зрительный контакт очень важен при постановке диагноза. Диагноз доктора Леви-Финкеля мы слышали. Мы тоже профессиональные психиатры. Итак, вы милостивый государь, утверждаете, что вы здоровы? Не отворачивайте своего лица!

Бене побледнел от бешенства. Он понял тактику Манкевича. Тот явно старался спровоцировать приступ у наивного Андрея Николаевича, привыкшего к самому любезному обхождению в клинике Бене. И Бене, который как никто другой знал невинную душу Орлова, в ужасе признался себе, что Андрей беззащитен перед агрессией Манкевича.

Андрей действительно сразу потерял способность смотреть в полные агрессии и злорадства колючие глазки профессора Манкевича, сновавшего вокруг него словно цербер вокруг ворот ада. Сначала он смотрел на всех доверчиво и открыто, его переполняла радость и любовь ко всем этим людям. Но как только Манкевич наорал на него, унизил своим авторитарным тоном, и показал всю глубину своей агрессии и неприязни, он больше не мог себя заставить посмотреть ему в глаза. Он был совершенно сбит с толку и не понимал, что происходит. Он что-то сделал не так? Он подвел доктора Бене? У него в глазах что-то не так? Он чувствовал, как только что переполнявшая его волна счастья постепенно уступает место сильному напряжению. Его ладони, только что такие горячие, вдруг обледенели и покрылись испариной. Он стал в отчаянии молиться о том, чтобы этот человек в очках поскорее отпустил его домой, и чтобы он не сделал ничего плохого ему и доктору Финкелю. Особенно доктору Финкелю. Андрюша почувствовал, как покрывается весь холодной испариной от одной мысли, что он подведет человека, который сделал для него столько добра. Который буквально вытащил его за шкирку из ада, когда он уже совсем было утонул и не чаял когда либо обнаружить себя снова среди живых. И вот как он ему ответил. Андрей медленно поднял глаза и умоляюще взглянул в лицо профессору Манкевичу. Может это недоразумение? Может он увидит искренние глаза Андрея Николаевича и оставит его в покое.

Манкевич ответил ему полным злорадства и насмешки взглядом, приблизив к нему вплотную лицо.

— Смотрите мне в глаза и отвечайте: вы здоровы?

— Да! — тихо ответил Андрюша, чувствуя как паника подступает к самому горлу. Но он все еще держал себя в руках.

— И вы называете это здоровьем? Посмотрите на вашего пациента, доктор Финкель, он весь дрожит! Дайте мне ваши руки, святой отец! У него холодные мокрые руки. — разразился зловещим смехом Манкевич, продолжая сновать вокруг Андрея Николаевича с видом спущенной с цепи собаки. — Позвольте вам на-

помнить господа, что мы с вами не о выпускницах пансиона благородных девиц говорим. И что ваше благодушие совершенно неприемлемо и недопустимо! Мы говорим о тяжелых психических расстройствах! Мы говорим о жизнях и здоровье окружающих людей, которым могут угрожать вот такие вот в кавычках «излечившиеся» пациенты доктора Бене. Вы поверили спектаклю, который этот святой отец перед вами разыгрывал. Он видите ли был возмущен скандалом в католической церкви. А почему бы нам не предположить, что он сам педофил? И что его мучают его тайные желания реализовать свою педофилию? Разве это не больше подходит под термин психоза и слабоумия? Доктор Бене рисует нам шизофреников как мучеников совести! Слыханное ли дело! Да первокурсник любого отделения психиатрии скажет вам, что любая патология — это прежде всего потеря совести! Да-с, господа! Потеря совести, и всего человеческого облика! Ни к тому ли приводит всегда, всегда, господа в конечном итоге шизофрения! Нам показывают святого отца и нас уверяют, что он заболел шизофренией от мук совести! Тогда как дело в таких случаях всегда обстоит ровно наоборот. Психопаты заболевают, когда напрочь теряют совесть. Их мучают желания насилия и немотивированной агрессии. Они опасны для общества, господа! А вы рукоплещете так, словно бы речь идет о спасении утонувшего щенка. Этот человек завтра выйдет на службу в церковь и будет учить людей жизни и нравственности! Оставаясь глубоко больным человеком! И возможно педофилом, способным на любое насилие! Уважаемый пастор! — обернулся он со всей полыхавшей в нем злостью к несчастному сжавшемуся в комочек Андрею Николаевичу. — Я требую, чтобы вы дали мне откровенный ответ, слышите? Требую! Были ли у вас когда-либо агрессивные мысли? Вы клялись не лгать на Библии. Нас вы можете обмануть, но господа бога — никогда! — опять приблизил он к нему свое страшное потное лицо вплотную. — Признавайтесь сейчас же, и мы обещаем дать вам настоящее лечение вместо этих глупых фантазий доктора Леви-Финкеля. У вас были мысли изнасиловать ребенка, например?

Бене вскочил в такой ярости, которой он еще никогда в себе не чувствовал. Он увидел словно во сне, как Андрюша в порыве сильнейшего приступа бросается на пол и воет в страшном приступе кататонии. Весь коллектив клиники Леви-Финкеля бросился ему на помощь.

— Сейчас вы можете его забрать, это все еще ваш пациент, доктор Финкель. — усмехнулся профессор Манкевич. — Но уже очень скоро мы поставим вопрос о закрытии вашей клиники. Ваши методы лечения ставят под угрозу безопасность всего общества. Вы видите своими глазами приступ кататонии у человека, которого вы еще полчаса назад объявили совершенно выздоровевшим. И хотели доказать нам на этом примере, что есть какой то новый объект исследования кроме мозга, и что психику можно лечить ЗНАНИЯМИ. Господа, эта самая смешная защита диссертации, которую я видел. Комиссия объявляет свою работу законченной. Защита доктора Бене Финкеля отклоняется.

Андрюшу подобрали Винцент Григорьевич и Михаил Исаакович. Бене видел с какой нежной заботой они сажали его в машину, чтобы отвезти в клинику. Светлана Алексеевна поехала с ними. Бене рыдал за рулем своей машины словно малое дитя. Нина Александровна с трудом его отыскала.

— Бене, дорогой, ты самый сильный из нас. Возьми себя в руки. Это еще не конец. Я знаю, я чувствую, победа будем за нами. Мы победим, вот увидишь.

— Нина, Ниночка, — рыдал Бене в плечо своей возлюбленной, — ты видела, что он сделал с бедным мальчиком? Ты видела, как он вырвал из него сердце на глазах у всех? Это я виноват, Нина! Это я виноват! Я притащил его туда! Я не защитил его! Я выставил его на съедение этим мясникам, Нина. Как он бился в конвульсиях, бедный мальчик! Я никогда, никогда себе не прощу. Если с ним что-нибудь случится, если он больше не придет в сознание, Нина, я клянусь тебе, нет больше Бене Финкеля и нет больше клиники Бене Финкеля. Я клянусь тебе, милая. Я конченный человек, Ниночка.

Нина Александровна прижала драгоценную голову своего возлюбленного к себе, успокаивая словно малое дитя. Только теперь она поняла, как эгоистична она была, когда думала, что только она одна страдает, и что Бене самый сильный и самый хладнокровный человек на свете. Она увидела его материнским взором, и почувствовала, что повзрослела на много лет.

ГЛАВА 7. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ГРУППА ДОКТОРА БЕНЕ

Доктор Бене, как всегда, ушел с утра к Андрюше. Андрей Николаевич по прежнему был очень плох, и до сих пор, спустя уже почти месяц после приступа на защите Леви-Финкеля, все еще не приходил в сознание. Бене был сам не свой. Похудел и помрачнел так, что его можно было не узнать. Он каждый день проводил не меньше часа у Андрюши, надеясь, что его тепло и забота пробудят сознание их доброго пастора.

Коллектив ждал своего главврача в полном составе у него в кабинете. Героем дня был Винцент Григорьевич, который прошлым вечером спас Сашу Тополева, сына Нины Александровны. Уже две недели Саша находился в клинике Финкеля. Его окружили самой нежной заботой. Тамара Тенгизовна делила все свое время между Сашей и Андрюшей Орловым, а последнее время все чаще навещала новую пациентку, пятнадцатилетнюю девочку Мзию Лурия. Ее привез отец неделю назад, и очень просил чтобы девочкой занялся лично доктор Бене. Тамрико напоминала сыну несколько раз в день, но Бенедикт Яковлевич ничего не хотел слышать. Он даже Сашу посетил всего два раза с тех пор, как Нина Александровна с такими трудами уговорила сына лечь в клинику Финкеля. Доктор Бене знал, что должен сделать для Саши все, что в его силах, очень хотел помочь и этой девочке, о которой уже был наслышан, но ничего не мог с собой поделать. У него опустились руки после кризиса Андрюши. Он поймал себя на мысли, что в нем постоянно звучит молитва о его выздоровлении. И пока он не задумывался над этим, это каза-

лось естественным. И вдруг он себя спросил: «Кому я молюсь?». Да, он давно перестал быть позитивистом и эмпириком, а философия рационализма — это философия метафизики.

Сердце Нины Александровны исходило кровью. Она умоляла Леви-Финкеля уделить Саше столько же внимания, сколько он в свое время уделил Андрею Николаевичу. «Бенедикт, ты же знаешь, нельзя упустить время! Психоз разъедает психику словно серная кислота. Надо остановить его на корню, или будет поздно! Прошу тебя!». Он обещал, обнимал ее, целовал, говорил ласковые слова, и обо всем забывал, как только за ней закрывалась дверь. Иступленный крик Андрея все еще стоял в его ушах. Он видел как его стройная маленькая фигура неуклюже падает на пол и бьется в жутких конвульсиях. И синее багровое лицо Манкевича над поверженным святым. «Святым, я назвал его святым. — сказал он себе. — Да, нет сомнений, я становлюсь метафизиком. Вряд ли он святой, но аналогия весьма уместна в поэтическом контексте». И эта сцена, раздиравшая ему сердце, не пускала его совестливую душу подходить к Саше, и к Мзии, о которой тоже говорили, как о девочке-вундеркинде. Леви-Финкель вдруг почувствовал свою вину за то, что втянул в этот эксперимент с когнитивной психологией Андрея Николаевича, и больше уже не смел думать о том, чтобы пробовать гуманистическую психологию на других пациентах. Особенно на Саше, которого любил как своего, и перед матерью которого он чувствовал неподъемную теперь для него ответственность. Но он не смел ей признаться в своей трусости. Он поддакивал, говорил, что обязательно им займется, но в душе его зрела уверенность бросить не только свой новый метод, но и закрыть клинику вообще. Он знал, что не переживет гибели Орлова, и потому молчал о своих намерениях, пока они не прояснились окончательно. А время шло, и Андрюше не становилось лучше. Он почти не спал, и приходилось колоть большие дозы нейролептиков. Чем больше он принимал нейролептиков, тем меньше было шансов на обратимость психоза, потому что нейролептики разрушали мозг. Но Андрей был постоянно перевозбужден, и мог

просто умереть без фармакологии. Стали уже даже говорить о необходимость ввести его в искусственную кому, если он не начнет спать хотя бы немного. Все это буквально уничтожало Бенедикта Яковлевича, который стал походить на тень самого себя.

Пока Леви-Финкель наносил очередной грустный визит в камеру своего друга и пациента, Винцент Григорьевич совсем не печалился. Он был счастлив, что смог заслужить внимание и благодарность Нины Александровны, когда спас Сашу из под колес грузовика. Доктор Бене разрешил ему вчера выйти в город, чтобы развлечься, хоть поставил условием бдительный надзор Винцента Григорьевича. Петров был рад услужить Нине Александровне. Никто не ожидал, что Саша просился на прогулку, имея в голове план. Он сделал попытку бросится под грузовик, и Винцент Григорьевич, в самое последнее мгновенье успел отбросить своего питомца назад, сильно повредив себе ногу при падении. Сейчас он сидел с перевязанной ногой, и хвастал своими костылями. Нина Александровна обняла и поцеловала давнего поклонника.

— Я вам обязана по гроб жизни, Веня.

— Ниночка, моя королева, вы всегда можете сделать меня счастливейшим из смертных. Я не забыл как вы смеялись над поэзией фрейдиста. Вот послушайте, я сочинил эту песню-самобичевание специально для вас. Песня называется «Поэзия фрейдиста», со всем убийственным сарказмом и самоуничижением которого заслуживает этот заголовок.

«Поэт поет свободу ум
Честь совесть и скульптуру
Фрейдист напротив плоть поет:
Либидо с дефекацией
А ум честь совесть он зовет
Всего лишь рационализацией

Припев:

Как солнце проглотил
Известный крокодил
Либидо проглотило
Все разума светило
Поэзия фрейдиста
Отрада для садиста
и гимн для мазохиста

Фрейдистская поэзия
Имеет три деления:
Оральное, анальное,
Фаллическое мнения
Оральные стихи
Оральный поэт пишет:
На стадии соски
Живут его мозги
А садомазохизм поет
Поэт анальный
Не справился с горшком
И попу посадил на трон
Он в возрасте трех лет
Ущерб моральный

Припев:

Как солнце проглотил
Известный крокодил
Либидо проглотило
Все разума светило
Поэзия фрейдиста
Отрада для садиста
И гимн для мазохиста

Быть педерастом иль не быть
Дилемма третьей стадии
Иль смог ты страх кастрации пережить

Иль будешь вечной парией
Отцом умело притворись
И маму возжелай
За фаллос свой не убоись
И смело начинай
Эдипову поэзию

Припев:

Как солнце проглотил
Известный крокодил
Либидо проглотило
Все разума светило
Поэзия фрейдиста
Отрада для садиста
И гимн для мазохиста

Скрестить противоположности
не вздумайте вы вдруг
Поэта с Фрейдом обобщать
Гегеля недуг
Смешная диалектика
Поэта и генетика»

Коллеги от души хохотали, благодарные Винценту Григорьевичу за то, что он сумел немного разрядить напряжение последних недель.

— Как не стыдно, Василий, такие глупости писать! Да еще даме! Тьфу на вас, Василий! — возмутилась кавказская стыдливость Тамрико.

— А по моему высший пилотаж, — хохотала Светлана Алексеевна. — Поздравляю вас, Веня, стихи войдут в историю. В историю нашей клиники точно.

— Видно, что ты совсем не знаком с творчеством Фрейда, Вася, — как всегда мрачно возразил ему Миша Михельсон. — Его не любят, потому что он еврей. Не любят и не хотят понимать. А только вот такой поверхностный вульгарный взгляд как у тебя. А отними психоанализ Фрейда у мировой психологии и психиатрии, и что там останется? Ничего. Все рассыплется.

— Да ну тебя, Миша. Тебе везде мерещится антисемитизм. Ты же знаешь, я тоже психоаналитик. Это взгляд так сказать, со стороны. Какой из меня психиатр, если я не способен к самокритике. Эх, ваше мнение хорошо, друзья, но мне интересно только мнение моей королевы. Не обессудьте!

— Вы меня переплюнули, Винцент Григорьевич, — заставила себя улыбнуться Нина, которая прослушала большую часть песни. Из ее головы не шли образы ее сына и любовника. Оба стремительно превращались в тени и удалялись от нее. — Веня, вы знаете, вы мне как родной, как и весь наш коллектив. Но прошу вас. Сейчас ваш тон совсем не уместен. Если я королева, то разве что королева теней.

— Я сегодня еду в грузинский ресторан, — торжественно заявила Тамара Тенгизовна. — Беношке ничего не скажу, он меня

не отпустит. Сиди около Андрюши двадцать четыре часа в сутки. Я тоже сочувствую нашему Андрюше, но ведь он не один болеет. Я еду в ресторан по приглашению отца Мзии Лурия, которая у нас уже неделю, а Бено ее еще даже не видел! Отец так переживает, каждый день меня в свой ресторан приглашает. Я говорила, что времени нет ехать. Бено, говорю, вот-вот займется вашей девочкой, не волнуйтесь. Куда там! Страшно смотреть на моего Беношку. Я все глаза выплакала за эти дни. Уже мне на Андрюшу трудно смотреть. Утянет он моего Беношку с собой! Вот я и решила принять приглашение. Поеду хоть людей успокою, и сама отдохну немного в грузинском ресторане. Так я по Грузии соскучилась, сил нет.

— Правильно сделаете, Тамрико, дорогая! Вы тоже совсем расклеились, поезжайте и отдохните, — поддержала ее Светлана Алексеевна. — Мы найдем кем вас заменить.

— Я уже попросила Верочку! Как я уеду и оставлю Андрюшу без присмотра.

— Так Верочка ведь до смерти боится психотиков!

— Я тоже когда-то боялась. Уже не будет бояться. Сколько времени она у нас. Она сразу согласилась.

Светлана Алексеевна пожала плечами, а сама подумала, что Вера не посмела бы отказать Тамаре Тенгизовне.

— Я был сегодня у Андрея Николаевича, — печально констатировал Михельсон, когда Тамрико вышла, — теперь я почти уверен, что он не выкарабкается. Его кожа уже приняла синий оттенок. Он похож на мертвеца. Бене я конечно ничего не сказал. Он сам не лучше выглядит в последнее время. Друзья, нам надо смотреть правде в глаза. Наша клиника живет последние дни. Финкель не переживет этого удара. Честно говоря, я думал он сильнее.

Нина Александровна заплакала на этих словах Михельсона.

— Знаешь, что он мне вчера сказал Миша? Я бросилась к нему, когда узнала про Сашу. Рыдала, говорила, что если бы он меня пожалел и уделил ему немного времени эти две недели, то этого бы не случилось. Миша, у него даже взгляд не изменился,

пока он меня слушал. Словно я стена. А потом он посмотрел на меня и сказал: «Я считаю, Ниночка, что у нас не будет свободного общества, пока законодательно не будет каждому самостоятельно решать, жить ему или умереть»! Светлана Алексеевна, он сказал это мне, матери тяжело больного ребенка. Словно Саша соображает что делает. И тогда я испугалась уже за Бене. Это так на него не похоже. Он не слышал меня, он говорил о себе. Понимаете? Я тоже вся дрожу, когда думаю, что будет, если умрет Андрюша. Что будет с нами со всеми.

— Мы всегда будем рядом, чтобы не случилась, дорогая Нина Александровна. Неужели вы сомневаетесь, — с философской меланхолией подергивая струны гитары произнес Винцент Григорьевич. — На меня вы всегда можете рассчитывать. И пока вы с доктором Бене, и когда будете без него.

Нина Александровна выпрямилась как от пощечины.

— В другое время я бы вам не простила такую дерзость.

— А я бы и не сказал, — рассмеялся Веня. — Пойдемте работать, Бене опять задержится у него до полудня.

Когда вечером доктор Леви-Финкель поднялся в свой кабинет, его там уже ждала Тамара Тенгизовна. Она быстро вытерла глаза, чтобы он не видел что она плакала.

— Бено, дорогой, помнишь, я тебя просила посмотреть Мзию Лурия? Нашу новую пациентку? Представляешь, сегодня я целый день провела в ресторане ее отца! Целый день как будто в Грузию вернулась! — и она опять расплакалась, вспомнив родину, и жалея себя еще больше. Тамрико была очень сильная женщина, она могла пережить все. И только горе ее сына было для нее непосильной ношей. Она чувствовала так словно мир перевернулся вверх дном, и плакала при одном воспоминании о доме, о котором так скучала.

Бене пропустил ее монолог мимо ушей, как он все пропускал мимо ушей в последнее время. Он тоже отметил синеватый оттенок кожи Андрюши с утра. Он хоронил в душе все: Андрюшу, себя, клинику. Анна все чаще стояла перед его мысленным взором. Как вдруг он вскочил из коляски словно ужаленный.

— Что вы сказали, мама? Где вы сказали, вы были? В ресторане? Я не ослышался? А как же Андрюша? С кем был целый день Андрей Николаевич? Я поручил его вам!

Он с детства взял манеру говорить с матерью на «вы». Его независимый характер бунтовал против ее властности. И он намеренно установил дистанцию, чтобы хоть как то отграничить свою самостоятельность от ее вездесущего ока. В глубине души он почитал и нежно любил свою старушку, хорошо зная, что он — единственный смысл ее жизни. Но именно поэтому сохранять дистанцию было особенно важно. Когда он хотел сказать ей «ты», он всегда переходил на грузинский. И тогда Тамрико была счастлива. Впрочем, на грузинском он говорил крайне редко и не всегда приятные вещи. Когда они ссорились, он тоже ругал ее на языке своего детства.

— Бено, сынок, — совсем растерялась Тамрико, — я оставила с ним Верочку.

— Верочку?! Мама? Вы с ума сошли! — закричал вне себя от бешенства Финкель, и уже не контролируя себя стал ругать ее на грузинском языке. — Ты всю жизнь все делаешь по своему. Ты никогда ни в грош меня не ставила. Чтобы я не сказал, у тебя свое решение. Посмотри, целая клиника меня слушает, а ты одна королева, должна на своем настоять. Что ты пристала к этой бедной девушке? Неужели не видишь, как ты ее мучаешь своим сватовством? Она же скромная простая девочка, ты унижаешь ее гордость, обращаясь с ней как с бесприданницей. А я? Что должен делать я? Ты мне ее суешь, а я должен или обидеть на смерть бедное дитя, или жениться на ребенке!

— Она всего на 9 лет младше тебя!

— Я знаю! Но она все равно ребенок! Я нежно привязался к ней, но как к дочери! Никогда, слышишь, никогда она не будет моей женой. Даже любовницей, потому что ее оскорбит одно это слово. Успокойся пожалуйста, не мучай нас и не позорь себя этим жалким сватовством. Деда, ну как ты могла оставить ее с Андрюшей, она же боится наших пациентов. Я даже боюсь идти, смотреть, что из этого вышло!

И Бене, встав на костыли, заспешил к палате Андрея Николаевича. Картина, которую он там увидел, глубоко его потрясла. Верочка сидела на кровати Андрея Николаевича, а он мирно спал, положив голову на ее мягкую, словно взбитые подушки, белую грудь. Ее прекрасные рыжие волосы, словно плащом, покрывали плечи задремавшего Андрюши. Верочка нежно гладила его своей белой рукой по голове. Бене невольно залюбовался этой сикстинской мадонной с младенцем, остановившись посреди палаты словно громом пораженный. Она подняла на него свои большие прозрачные глаза, и Финкель увидел, что они были заплаканы. Сердечный шторм сделал мутной волну ее глаз, но так она показалась Бенедикту Яковлевичу еще более прекрасной. Он посмотрел на лицо Андрюши: на нем больше не было того синего оттенка, который так их напугал.

— Дитя мое, — сказал он, целуя ей руку. — Вы сегодня спасли всю клинику. Он вас узнал?

— Да, — одними губами произнесла Верочка, и изумрудные слезы закапали из ее больших взволнованных глаз.

Он поспешил выйти, и срочно созвал весь коллектив клиники.

— Кажется, мы спасены. Андрей Николаевич сегодня уснул. Мне говорили и раньше, когда он был еще здоров, что он допускает к себе с уколами только Веру Сослановну. А она так боялась наших пациентов тогда, что я разрешил ей не ходить. Тамару Тенгизовну он тоже очень любил. И вот, Верочка нас спасла. Я сидел у его изголовья почти месяц, и ничего. Верочка пришла один раз — и он сразу уснул сном младенца. Все еще может быть, но мне показалось он пойдет на поправку. Если бы нам пришлось вводить его в искусственную кому, мы бы его потеряли. Под бдительным контролем Верочки, конечно. Отныне и пока Андрюша не излечится, она должна быть с ним. Без нее, он погибнет.

— А кто меня чуть с третьего этажа не выкинул? Как он меня ругал сегодня! Зачем ты Верочку с ним оставила!

Доктор Бене поцеловал руку матери, которая и без того светилась счастьем. Ее Бено теперь не умрет, а значит та страшная

катастрофа, которая надвигалась на нее последние недели, прошла мимо. Светлана Алексеевна обняла Тамрико, смачно целуя в обе щеки. Когда все разошлись, доктор Бене обнял Нину Александровну.

— Ниночка, моя дорогая, прости меня. Ты спасла меня. Если бы тебя не было, я бы не выдержал, не дожил бы до этой счастливой минуты. Твое тепло, твоя любовь, твое открытое сердце питали меня все это время. Я наверное был груб. Может, даже невменяем. Я не могу тебе сказать, что мне пришлось пережить. Я еще слышу крик Андрюши.

— А я слышу крик Саши, Бене. — сказала Нина Александровна, высвобождаясь из его объятий. — Я тебе прощаю, Бенедикт, и твою грубость, и твою трусость. Да, я видела, что ты потерялся. Но Сашу я тебе не прощу. Вчера он чуть не наложил на себя руки. Ты знаешь, я корила во всем себя. Я говорила себе, что стоит мне приблизиться к кому то, как он тут же превращается в тень. Я дала обет богу, что если он излечит моего Сашу, я больше никогда не буду думать о себе. Ты был моим счастьем, моим океаном, моей вечностью. Помоги моему сыну, если я хоть что-то для тебя значила.

— Конечно, теперь я весь твой. Я заново родился. У меня новая экспериментальная группа. Андрюша, Саша и Мзия. Я ее еще не видел, но то что я слышал, говорит о том, что она подходит для когнитивной терапии. Что касается нас с тобой, я приму любое твое решение. Видишь, в итоге ты сама меня бросила. Какой из меня любовник, девочка моя.

— Поцелуй меня еще один раз, на прощанье, дорогой. Ты океан, который я не в силах переплыть. Мне надо бежать домой. Тополев приехал и очень волнуется. Уже сто раз мне позвонил. Пойду, расскажу ему наши новости.

Ночью Бене снились полные изумрудных слез мутные глаза Верочки и мягкая грудь Нины Александровны. «Может я еще смогу полюбить когда-нибудь», — звучала печальная мысль в его воспаленном мозгу.

ГЛАВА 8. ГРИША БЕЛОГОРОДСКИЙ ВСПОМИНАЕТ

Персонал больницы Леви-Финкеля был в полном составе в его кабинете, когда ему доложили, что к нему пришел с визитом Григорий Петрович Белогородский, его бывший коллега по разведке и брат его погибшей жены Анны.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить друзей Бене, отвечая улыбкой на их взволнованные взгляды. — Нас не закроют. Манкевич перестарался со своими садистскими методами.

Все ждали последствий после провала Бене на защите, и визит Григория Петровича, офицера ФСБ, не одному Бене показался подозрительным. Он принял его у себя в кабинете, попросив коллег оставить их наедине.

— Какими судьбами? — он протянул руку своему бывшему родственнику и коллеге, энергично ее пожал, и поспешно отъехал к рабочему столу на своей коляске.

— Боже мой! Беня Финка! Вот ведь давал себе слово сопли не распускать и детство не вспоминать, а увидел тебя, и сердце зашлось. Вся наша юность перед глазами пронеслась.

— Видимо и финку вспомнил, — захохотал Бене. — Господи, как же давно все это было. Как на другой планете.

— А как же. Эта сцена у меня всегда перед глазами. Как тебя, семнадцатилетнего пацана достают деды, а ты отмалчиваешься в тряпочку. И вот они хотят напугать тебя ножом, а ты засовываешь нож одному из них прямо в зад. Ему даже кричать было стыдно. А мы то как ржали. Больше они не трогали семнадцатилетнего маменькиного сыночка.

— Ну, и я долго их терпел. Какими судьбами Григорий Петрович? Детство наше с вами уже далеко. И я уже не тот спортивный юноша, а несчастный инвалид в коляске. Что нам от вас ждать, товарищ полковник? Ты ведь в полковники выслужился? Зачем пожаловали?

— Да брось ты, Бене. Ты же муж нашей Анны. Ее потеряли, дай хоть на тебя порадоваться. Вот старик бы на тебя порадо-

вался! Ты всегда был его настоящей гордостью. А я так, недоразумением. Я тебя почти ненавидел за это, ты знаешь? Но он прав оказался: вот он ты, почтенный профессор психологии, продолжаешь дело диссидента Белогородского; и вот он я, полковник госбезопасности, опять на противоположной стороне.

— Анны нет уже пятнадцать лет. А на счет противоположных сторон ты прав, Гриша. Хорошо что сам понимаешь.

— Ну, до вас с профессором Белогородским мне может быть далеко, а кое-что и я понимаю. Да, пятнадцать лет прошло, и все эти пятнадцать лет ты держал со мной дистанцию, словно я прокаженный. И что я тебе сделал, Финкель? Я бы и сейчас не пришел, ты прав, если бы не дело. Но позволь хоть разок с тобой по душам поболтать, раз уж свиделись.

— Изволь. Говоришь, я дистанцию держал? О чем же нам с тобой общаться? Анна мертва, Петр Николаевич тоже. А где ты, Гриша? О чем мне говорить с полковником ФСБ?

— О детстве нашем. Мы ведь были совсем дети, когда в эту высшую школу КГБ подались. Мне то уже 23 было. А ты пацан семнадцатилетний. Вот тебя все и доставали, а ты крепкий орешек оказался. Знаешь, я часто вижу тот полет на парашюте, когда ты меня от позора спас, помнишь? Как пришла моя очередь прыгать, а я встал как вкопанный и ни в какую. Мне кричит командир: «Прыгай, твою мать! Это приказ!». А я уже хотел в хвост вертолета бежать, такая паника меня за горло взяла. Все хохочут надо мной, а ты вышел вперед: «Разрешите мне!». «Отставить! Сейчас очередь Белогородского!». А ты возьми и прыгни. Ослушался приказа, страшное преступление! И досталось же тебе. Зато я прыгнул вслед за тобой, так ты меня растрогал своим сочувствием. И это меня спасло, а то бы трусом стали звать. Да бог знает, смог бы я вообще прыгнуть, и чтобы из этого вышло. Я ведь с детства высоты боюсь, и сейчас ужас как боюсь, когда летать приходится. Веришь ли, Беня, вот сажусь в самолет, весь испариной покроюсь, и перед глазами ты вырастаешь, пацан семнадцатилетний: «Разрешите мне вместо него прыгать!». И уже вроде как не так страшно, вон оно что.

Вот с тех пор, Беня Финка, ты и стал моим лучшим другом. Дай мне хоть наглядеться на тебя, старина! Хорош, орел! Порода! И в коляске ты тот же упрямый и могучий дуб, каким всегда был. Уж очень ты нашумел своей провалившейся защитой. Только и разговоров в Москве, что о твоей клинике. Как сейчас Петра Николаевича не хватает! Я ему всегда говорил, что его теория психической энергии — ерунда. Да только мое мнение его никогда не интересовало. Другое дело ты, сынок его любимый. так и вижу хмурое лицо старика: «Не слушай этих невежд, Бенедикт, они ничего о науке не знают. За теорией психической энергии будущее!»

Бене боролся с нахлынувшими воспоминаниями. Он не знал чего ждать от Белогородского, которого не видел со дня похорон жены. Но он помнил, что сам позвонил ему и попросил об услуге, и теперь обязан быть вежливым.

— А у меня кроме Петра Николаевича и моей клиники ничего настоящего в жизни не было, Гриша. Все остальное я стараюсь забыть. Все это оказалось такой ложью, таким обманом. Но тогда я верил, что служу не просто родине, а человечеству и гуманизму, который для меня олицетворял Горбачев. Я ушел вместе с ним, и больше ничего не хочу слышать о политике.

— Да кто же не знает, что ты ушел вместе с Горбачевым! Тогда только и разговоров было, что о тебе и твоей преданности Горбачеву. Кто-то говорил, что офицер должен служить не господину, а родине. Потому как господину служит лакей, а родине — солдат и гражданин.

— Вот как. А что еще говорили?

— Да ну их. А помнишь, как я тебя с Анькой познакомил на дне рождения у папы? Она с тобой так и протанцевала весь вечер, никому тебя не уступила. А потом ты возьми да исчезни, никому ничего не сказав. Вижу, сидит, ревет. Чего ревешь, говорю? Я, говорит, такого парня еще не видела. Ну, и радуйся говорю, теперь увидела. Так он ведь меня на 12 лет младше, убежал так что пятки сверкали. Не понравилась я ему, говорит, и ревет. Ну я и объяснил дурехе, что ты девок как огня боишься, и что мы

думали, ты умрешь после первого танца с Анной, пари на вас ставили, а ты целых пять продержался! До сих пор помню, потому как мы считали каждый танец!

Бене тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Да, я тогда девушек как ты высоты боялся. И чувствовал себя так, как ты перед первым своим полетом. Гриша, только это все в прошлом, понимаешь? Анны больше нет, и Петра Николаевича больше нет. А мы с тобой по разные стороны баррикады, как ты сам говоришь. Поэтому я хочу все забыть, Гриша, даже нашу юность. Я служу науке, и не хочу ничего знать о политике. А ты кому служишь? Кому и чему ты служишь?

— Государству, родине. Кто-то же должен охранять нашу родину, Беня? Ну со всеми ее минусами, ну что нам с ней сделать? Распродать на запчасти? Вот ты же мне звонил давеча, помощи просил? Мы стоим на страже интересов наших граждан.

— Ты что-нибудь еще узнал, кстати?

— Да, бытовуха! Какая то девчонка строила планы на красавчика Александра Борисовича Тополева, сына известного художника к тому же. — расхохотался Гриша. — Вот, насмотрелась передачи, и вспомнила что он очень ревнивый. А дальше дело техники. Однокурсница его. Если хочет, он может ее привлечь к ответственности по статье.

— Ему сейчас не до этого.

— Да, я знаю. Навел справки о семье, раз уж ты просил. Ну мама пусть займется, она же и тебе вроде не чужая. А ты как был поклонник Ландау, так и остался! — рассмеялся полковник. — Пятнадцать лет по Анне горевал, а потом вон тебя куда занесло.

— Расскажи лучше про мою защиту. Ты ведь по этому вопросу пришел? Что там у вас? Закрывать нас хотите?

— А это от тебя будет зависеть.

— Так я и знал. Сотрудничать будете предлагать? Ты к тому все эти нюни о детской дружбе разводил? Заболтать меня хочешь? Вспомни, с кем разговариваешь. Я ведь в той же школе учился, и еще профессором психологии стал после нее. Даже

слышать ничего о государственной службе не хочу. Вообще о политике. И особенно о разведке.

— Ну и ты не забывай, я тоже сын профессора психологии. — рассмеялся опять Гриша, который был искренне рад видеть Бене. — Да, знаю, я знаю, какие мы принципиальные. Не то я хотел сказать. Я пришел с миром к тебе. Твою клинику закрывать не будут. Председатель комиссии, который тебя загнобил, как его, Манкевич, вызвал всеобщее возмущение. Почти весь состав комиссии встал единодушно на твою сторону: отбить твою диссертацию не удалось, но даже слышать о санкциях против тебя и твоей клиники никто не захотел. Особенно после того как он жестоко разделался там на глазах у всех с твоим пациентом.

— Слава богу. Как гора с плеч. Тогда что же еще от меня надо?

— Да вот, заинтересовал ты товарищей из органов наших вышестоящих своей диссертацией. Изучили ее бережно, как ты понимаешь. Ты там говоришь об «открытии психической энергии». Да, пусть пока как научная гипотеза, пока вроде бы только вскользь упоминаешь, так мне объяснили. А товарищи уже интересуются, потому, как сам понимаешь, такие открытия имеют прямое отношение к нашему ведомству.

Вот и прислали меня сказать, что работать тебе никто мешать не будет. Но как только ты опять захочешь публично говорить об открытии психической энергии — вот тогда могут и прикрыть твою контору, Беня. Вот теперь я тебе все рассказал. Как на духу.

— Значит, прав был Петр Николаевич, Гриша: мы с ним вроде как диссиденты, боремся за науку, а ты вроде как Иуда, служишь тем, кто против науки работает. Значит, как говорил Толстой...

— Давай порадуй цитаткой великих, ты и пацаном нас смешил, бывало, — нервно задергался полковник

— ...цвет панталон я себе выбрать могу, а то самое главное, что саму суть жизни составляет, это вы за меня решать будете.

Да ты сам понял, что сказал, Гриша? Я же тебе говорю, что я живу для науки, и что вся жизнь моя — это наука. А ты мне приносишь приказ от вышестоящего начальства, что мне можно в науке думать, а что нельзя. Зачем же мне тогда такая жизнь, товарищ полковник? Вот поэтому я ушел с государственной службы и поэтому больше никогда не хочу туда возвращаться. Ты говоришь, ты родине служишь. Это вранье, Гриша. Родина у нас, у людей, у всех одна. Это совесть, истина и человечность. Горбачев это понимал, потому я служил вместе с ним совести, истине и человечеству. И потому, когда он ушел, я ушел с государственной службы.

Рабство — это когда служишь господам, ты правильно говоришь. Поэтому советская история была рабством, а Горбачев нас освободил. Горбачев научил нас служить идее и совести, советская номенклатура ставила на первое место — подчинение силовым органам. И то, что ты сейчас сказал — спроси у нас, прежде чем делать научное открытие, потому что государство выше науки — это и есть рабство. Сначала наука, Гриша, сначала совесть, сначала человечность, и только потом государство. Государство служит науке и человечеству, а не наоборот. Вот поэтому я не верю тебе, когда ты говоришь, что служишь родине, вот поэтому я никогда не набрал тебе после смерти Анны, вот поэтому я не рад тебя видеть сейчас. Потому что не уверен даже, что ты поймешь, о чем я тебе говорю, как Петр Николаевич никогда не был в тебе уверен.

Предатель не тот, товарищ полковник, кто вопреки законам государства защищает науку и совесть, а тот предатель, кто вопреки совести и науке служит силовикам, которые называют себя государством. Государство без справедливости только шайка разбойников, это святой Августин еще во времена падения Рима говорил. Нет такой империи, которая не рухнет под тяжестью своих же силовиков, как Рим рухнул под тяжестью своих легионов. Вечна только совесть и правда, Гриша. И когда ты говоришь, что пришел с миром, и требуешь у меня отказаться от совести и от правды — ты врешь.

— Петр Николаевич, говоришь, не был уверен, что я понимаю, что он говорит? Куда мне убогому! Он сам сделал меня идеалистом, социалистом, научил меня отмечать 14 июля, день взятия Бастилии, и я как Гегель, ни разу не пропустил этого праздника. Веришь ли, до сих пор бутылку шампанского и мандаринов покупаю. Я ведь так и остался холостяком, Беня, у меня праздники простые. — усмехнулся Григорий Петрович. — Отец научил меня всем этим идеалам, научил меня любить Россию не только потому что я русский, научил меня понимать русскую литературу и философию русских революционеров. Я рос на книгах Герцена и Кропоткина, Финкель, на книгах Толстого и Чехова, я научился считать социализм — обществом будущего. Того самого будущего, в котором будут совесть, правда и человечность! Именно потому я и пошел служить Горбачеву, ты прав. Но и по той же причине я там остался, когда ушел, Горбачев! По той же причине!

Разве не было сразу очевидно какой позор для России был Ельцин? Не только Ельцин, а все его окружение к тому времени? Помнишь, у Пола Хлебникова об этом хорошо написано, во что выродилось его окружение. И охранник его, генерал, книгу об этом написал. И Собчак в своей автобиографии про ножи в спину красноречиво об этом написал. Бандиты вроде Березовского и прихлебатели, — все приличное к тому времени, подобно тебе, забрезговало государству служить и оставило руль пожилому пьянице, возомнившему себя царем.

Кому было оставлять государство Бенедикт, когда все убежали, как от чумы? Если хочешь знать, я именно потому и остался, что глубоко презирал этих людей, именно для того, чтобы быть полезным тогда, когда больше всего было нужно. И может быть именно благодаря таким как я, сегодня еще жива Россия. Я читаю книжки, которые на пенсии пописывает твой Горбачев. И знаешь, что он там пишет? Он пишет, что распад советского союза оказал огромное влияние на дискредитацию левого движения во всем мире; что катастрофически сокращаются социальные выплаты, что консерваторы по всему миру побеждают

демократов. Потому что советская идеология в свое время была тем титаном на котором стояла левая политика всего мира. А теперь повсюду стараются увязать левых только с кровавым террором, словно это не историческая случайность, а именно основа и существо всего левого движения. Вот за что мне обидно, и вот чему и кому я служу. Я никогда не признаю, что история России — это варварская история, противоположная истории всего цивилизованного мира, только потому, что Россия провела этот великий эксперимент первого в мире социалистического государства. Первый блин комом, да, кто из нас вместе с Горбачевым этого не признавал. Но как Горбачев вел свои реформы от лица социализма, оставаясь на базисе левой философии всегда, так и мы остаемся социалистами, и никогда не будем презирать за это Россию. Это мой протест Бенедикт, протест против тех подлецов, которые хотят во всем обвинить философию социализма.

Помнишь, отец говорил, что первыми социалистами были еврейские пророки, утвердившие социализм для Израиля? И что Христос нес философию социализма уже для всего мира? Что русская литература — новое евангелие? Разве я мог забыть его слова?

— Ну, хорошо, допустим при Ельцине ты защищал Россию от самого Ельцина. От кого же ты защищаешь Россию теперь, при Путине? Он ведь позиционирует себя самым великим защитником России? Весь этот русский мир, и националистическая история, весь этот дутый патриотизм и вставание с колен, вся эта ненависть к бездуховному западу и православная патриархальность? Неужели ты больше русский, чем современные националисты в правительстве?

— Знаешь, где то я читал у великих, что не так страшны открытые нападения врагов, как друзей ложная защита. Это тот как раз случай. Путин и его окружение позиционируют себя как защитников России, а на деле они сделали все, чтобы уничтожить Россию. Советская диктатура не сделала для этого так много, потому что сохраняла связь с научным мышлением, с фило-

софией гуманизма. Вспомни фильмы и мультики нашего детства, вспомни советских физиков и композиторов, вспомни космос и академию наук, и посмотри что стало с Россией сегодня. Они ударились в моразм этих кокошников и русского национализма, который никогда не был тем, что было настоящего в России. Помнишь «письмо к Мишле» Герцена, где он проводит четкую черту между российским правительством и государством и народом, и говорит Мишле, что еще придет время и молодая Россия встанет покажет и свою интеллигентность и свою отвагу в борьбе за свободу и совесть? Он пишет, что русские — молодая нация, народ-юноша, которому еще только предстоит возмужать, и что в сатире русской литературы, в смехе над убожеством и пороками чиновничьей и мещанской прослоек таятся живительные силы, которые пробудят настоящую интеллигенцию России для цивилизованного мира.

Нынешние защитники России не поняли ни слова из классической литературы русских писателей, хоть и кичатся этой литературой перед всем миром, как своей собственностью. А памятники науки и искусства не принадлежат никому, они принадлежат всему человечеству. И вот размахивая этими лозунгами гуманизма и космополитизма, они называют их русскими националистами и несут миру русский национализм, вместо того, чтобы четко заявить о том вкладе в философию космополитизма, который и составляет истинное достижение России, ее истинную гордость и ее вклад во всемирную цивилизацию.

Они сделали себя посмешищем, — это их дело. Они прикрывают свою глупость великими именами русской философии — это унижает Россию. Достоинство России не в «глубинном народе», который кланялся своим царям и безропотно умирал под сотнями плетей. Достоинство России в том вкладе во всемирную цивилизацию, который она сделала. И именно с этой позиции унизили и растоптали Россию, оставив ей только кокошники и глубинный народ.

Как ни тяжелы были советские времена, а там оставался дух науки и космополитизма. То что сделали со страной сей-

час — просто катастрофа, и Петр Николаевич не вынес бы этого зрелища.

— Значит, понимаешь, Григорий Петрович? И что же следует из твоей тирады патриотической? ты служишь людям, позорящим Россию национализмом для того, чтобы переубедить их в космополиты, так получается?

Ты ведь знаешь, Гриша что наши правители никогда не имели собственной идеологии. И интернационал у них был немецкого происхождения, и национализм у них из западных учебников, которые они ненавидят. Марксизм-ленинизм — глупость, твой отец любил мне доказывать с разных сторон какая это несусветная глупость. И со стороны диалектики Гегеля зайдет, и со стороны материализма Фейербаха, который как любой материализм отрицает познание, и посмеется над критикой Марксом Шеллинга, у которого он сдул критику Гегеля. И скажет в конце: вот, смотри сынок, мистика Гегеля плюс агностицизм Фейербаха плюс антигуманизм дарвинизма. Откуда же уму и совести у чекистов взяться?». Получается, и чекисты — явление интернациональное, как вся философия марксизма. А все равно это классическая философия, основной философский дискурс, который до сих пор красной линией проходит через всю историю западной цивилизации, и рухнет он только тогда, когда на уровне этого дискурса докажут его несостоятельность. И Ленин был одним из активных творцов марксизма, и марксизм стал для России пусть урезанной и уродливой, убогой и ущербной, но все же попыткой усвоить этот философский дискурс западной цивилизации, из которого он вырос.

А современная идеология национализма — это совсем другая истина из западных учебников. Это дискурс в обратном направлении: если Маркс еще завершал поиски науки и объективной истины, если Маркс еще вырос на критике немецкого идеализма Шеллингом и считал, что сумел избавить гегелевскую диалектику от мистики, то современные идеологи прямо отказываются от разума: все эти Ницше, Сартры, Хайдеггеры, Шпенглеры, Мирчи Элиаде, Леви-Строссы, Бергсоны, которые

утверждают, что разумтолько портит человека и лишает истинного бытия. Что человек — это «глубинный народ» своей варварской примитивной культуры. И в итоге все согласны сегодня с Хантингтоном, что период противостояния двух научных идеологий времен Холодной войны — это игра в разум, что никакого настоящего научного дискурса не было, а было старое противостояние одной нации против другой нации, и что только возврат к примитивному магическому сознанию, к догмам мифологий есть истинное существование глубинного народа. С этой позицией Хантингтона, который ссылается на «Закат Европы» Шпенглара и на «Постижение истории» Тойнби, согласны сегодня все: нет никакого общего дискурса в мире, есть «самоидентичность» «наций и уникальных культур», где каждый варвар, каким бы он примитивным не был есть особенная уникальная культура.

Вот современная беда Гриша: они уже не просто ошибаются в научном дискурсе поисков истины, как ошибалась советская страна, они уже полностью отрицают разум и цивилизацию. И что делает их особенно смешными: они делают это, подражая тому самому западу, который так ненавидят. Заставь дурака богу молится, он лоб разобьет. Им бы противопоставить западу космополитизм Кропоткина, Толстого и Герцена. А они заимствуют у него «глубинный народ» Гердера и Шпенглера, Ницше и Элиаде.

Они цитируют Карла Шмитта, юриста Гитлера, и придерживаются в точности направления его идеологов, учивших возвращаться к глубинным основам своей нации, к язычеству варварских времен, наиболее «глубинного народа». Они обосновывают всем остатками разума — отказ от разума, возврат в первобытные времена «золотого века» восточных деспотий с их военно-жреческими элитами. Они превращают христианство в магию до-осевого времени Ясперса.

— И я им говорю Бенедикт: бейте вот сюда, покажите всему миру, что его ошибка здесь, в национализме, покажите что Россия лидер в другом, не в лучшем чем у них национализме,

не в глупостях «русского мира», а в космополитизме, в гуманизме, в утверждении общечеловеческой природы. Но тогда получится так, как говоришь ты: государство служит человеку, а не человек государству. Сначала совесть, а потом юридическое право, которое должно равняться на совесть, а не наоборот. А это обозначает потерю власти. Вот с чем они никогда не смирятся. Вот почему твоя идея не пройдет.

— Почему же ты не уходишь оттуда, Гриша? Я всегда думал, что умер бы давно, если бы остался на службе. Меня спасла наука, меня спас тот новый мир, в который я окунулся в своем духовном поиске. Как же ты не задохнулся в этой гнилой атмосфере пропаганды и узкого эгоизма?

— Я знал, что однажды смогу быть полезным. Тебе, например. Я всегда занимал выжидательную позицию, всегда ждал, когда можно будет что-то изменить к лучшему. Я не ушел потому Бене, что это единственное где я могу пожертвовать собой с пользой. Я не умею быть ученым, и не хотел бежать просто чтобы мне жилось лучше. Я не анархист, и знаю, что государство — основа общежития людей. Вопрос только в том, какое государство. Российское государство не хуже не лучше других государств, и ошибок наделало и показало миру борьбу за свободу. Важно только дождаться, когда мы, здравые люди, сможем быть полезны России. Понимаешь?

— Понимаю. Ты жертвовал собой, находясь на службе националистов, как Штирлиц на службе у Мюллера. Ты ждал, когда рухнет старая система, и можно будет на ее обломках строить новую, а пока как Штирлиц потихоньку помогал таким диссидентам как Петр Николаевич и я. Я все понял, Гриша, я не дурак. Только я не верю ни одному твоему слову. Потому что ты вот сегодня пришел ко мне и сказал: если будешь продолжать заниматься теорией психической энергией, твою контору закроют. Еще Петр Николаевич за эту теорию пострадал в свое время.

— Как хочешь. ты всегда был умником, а я так, мелочь. И отец только тебя признавал. Не хочу больше ни в чем тебя

убеждать, можешь презирать меня с высоты своего непорочного зачатия. Мне пора. не провожай.

— Гриша! — крикнул ему вслед доктор Бене, когда Белогородский уже готов был закрыть за собой дверь.

— Да?

— Это контора убила Анну?

— Ты же знаешь, что я скажу. Зачем спрашиваешь? Не знаю, а если б знал, не сказал.

— Хотел в глаза тебе посмотреть.

— Я тебе не враг Бене. А Анну я любил не меньше тебя. Будь здоров. — и он шумно хлопнул за собой дверь.

ГЛАВА 9. СЛУЧАЙ САШИ ТОПОЛЕВА

Бенедикт Яковлевич тщательно изучил истории болезни Александра Тополева и Мзии Лурия, и убедился в том, что оба случая подходят для его метода когнитивной психотерапии. Аргументы Карла Ясперса казались ему вполне убедительными: далеко не каждый случай шизофрении поддается когнитивной терапии. Ясперс в свое время выбрал для исследования случаи Ван Гога, Стриндберга, Гельдерлина, Сведенборга в известной монографии «Стриндберг и Ван Гог». Случаю Ницше он посвятил отдельную монографию. Его мысль состояла в том, что только из анализа случаев самых одаренных людей мы можем постичь в конечном итоге общую картину шизофрении. Доктор Бене долгое время не мог натолкнуться на такой случай, где бы, по выражению Ясперса, шизофренический психоз отражал все богатство преморбидного сознания человека. Встреча с Андреем Николаевичем стала первой такой удачей. Теперь же, и он уже не сомневался в этом, у него были еще два аналогичных случая.

Нина Александровна несказанно обрадовалась, узнав, что Бенедикт Яковлевич посчитал случай ее Саши подходящим для когнитивной терапии. Она верила всеми силами души в победу его научной теории, и даже когда нещадно его критиковала, де-

лала это, чтобы помочь ему как можно лучше сформулировать возражения своим научным оппонентам. Теперь, когда Бене ее уверил, что одаренность Саши не вызывает у него сомнений, и что мышление и сознание у него в полной сохранности, она почти перестала паниковать. Ее сын не обречен на раннее слабоумие, он выздоровеет, и станет известным художником как его отец, или известным ученым как Бенедикт. Финкель теперь много времени проводил у Александра, приучив его воспринимать многочасовые беседы как работу и дисциплину, от которой тот поначалу отлынивал. Доктор Бене не успокоился, пока у него не сложилась полная картина болезни, и пока для него не стало очевидно, что ему удалось погасить бушующий шторм кататонии в сознании Саши.

— Вот послушай, как пишет об этом Ясперс! — Нина Александровна проводила все свободное время в кабинете доктора Бене, когда ей удавалось его застать. И Бенедикт Яковлевич делал все возможное, чтобы успокоить и ободрить ее. Часто он читал ей целые отрывки из книг, в которых он в свое время почерпнул идею когнитивной терапии.

К. Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «Естественно, среди всей массы аналогичных больных люди, выделяющиеся такой глубиной, редки. Хотя мировоззренческая ориентация, проблематика, род занятий часто сохраняются, однако только изначальный талант может и в психозе, быть значительным и давать общепонятное выражение совершенно субъективным в остальном переживаниям. Но даже и такое выражение в отсутствии изначальной идеи, которая получает развитие в психозе, в большинстве случаев будет, очевидно, грубым, в нем будет больше чувственного, чем сверхчувственного, больше страха, чем религиозного трепета, больше эйфории, чем метафизического блаженства. Мы впрочем, здесь и не рассматриваем то, что встречается наиболее часто; но, в любом случае, люди, которые в начале психоза представляются нам глубокими, не слишком редки».

— Вот, понимаешь, о чем он говорит? Чтобы в психозе проявилась какая-то духовная сила, она должна уже быть до психоза в таланте, и только если она была, случай может быть до-

ступен для анализа общих психологических закономерностей шизофренического психоза. В этом его мысль, и я собираюсь доказать ее на практике!

— Ты смотрел брошюры и тетради Саши с его стихами? Что ты думаешь о его поэтическом даровании?

— Достаточно уже того, что он увлечен поэзией, и что в этой поэзии он очень четко выразил свой субъективный мир. Нам есть с чем работать.

— Ты думаешь, он поправится, Бене?

— Конечно, Нина, я совершенно в этом уверен.

Когда за Ниной Александровной закрылась дверь, доктор Бене тяжело вздохнул, встал на костыли и отошел к окну. Он всегда устремлял сосредоточенный взгляд в небо, когда ему надо было собраться с мыслями. Хотел бы я быть так уверен, что смогу излечить моих ребят, думал он про себя. Нет, настоящей уверенности у него не было. Он чувствовал только на уровне подсознания, что стоит на верном пути, но также ясно осознавал, что у него пока недостаточно развитый теоретический инструментарий. Он знал меньше, чем следовало бы, чтобы справиться с шизофренией даже самых одаренных людей. Когда-то Ясперс тоже не смог. Но тот хотя бы поставил проблему. И в этом была его великая заслуга.

Доктор Бене вспомнил все, что уже узнал о Саше из его собственных уст и из рассказов его родителей. Это была типичная, классическая картина шизоидного характера, как его изобразили все известные авторы, занимавшиеся этим феноменом: Эрнст Кречмер, А. Кемпинский, К. Ясперс, К. Леонгард, Г. Аспергер, П. Ганнушкин и др. Сам Бенедикт Яковлевич считал самым ярким художественным изложением шизоидного характера — роман «Над пропасть во ржи» Д. Селинджера.

Карл Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «В характере Стриндберга чрезвычайно выражена одна черта: безмерная чувствительность самоощущения, превышающая нормальную способность реагировать на любой нажим, но при этом его „я“

> колеблется, его характер непостоянен. Он постоянно рефлектировал о своем положении по отношению к другим, высшим и низшим, заботился о своем авторитете, всякий раз проявляя склонность с возмущением отступить в себя. Он понял и со свойственной ему искренностью описал и эту свою черту»

Очень способный и чувствительный мальчик, с большими духовными запросами с самого детства. В 13 лет уже читает любимых поэтов и старается что-то писать им в подражание. Бенедикт Яковлевич позже внимательно изучил эти юношеские опыты. Примерно в это же время начинается противопоставление «Я» и среды, драматических конфликт подростка с окружением, который составляет одну из осевых характеристик шизоидного характера. Да, эта выраженность в противопоставлении себя внешнему миру не вызывала никаких сомнений. Следствие тоже всегда одинаково и закономерно: разлад отношений с окружением, неспособность адаптации и начало невроза на этой почве. Сам Александр рассказал об этом периоде так, словно это было давно и уже не имеет для него значение. Но Финкель так не считал. Саше пришлось уйти из первой его школы. Да, он читал о Калфилде Холдене у Селинджера, и как большинство подростков считал его своим кумиром. Тем более, что его жизнь почти повторяла жизнь Холдена. Он тоже не мог ужиться с одноклассниками, которым были не интересны его потребности, рано получившие интеллектуальный и эстетический характер. Он был сентиментальным ребенком, которому нравились разговоры о задушевной дружбе и прочитанных книгах, а его сверстники только смеялись над такой патетикой и романтикой. В конце концов, он перестал с ними общаться. И только один друг, который тоже клялся ему в вечной дружбе, и отвечал на пламенную потребность его сердца в сентиментальной привязанности, оставался с ним рядом. Пока однажды, Саша не услышал, как он смеялся над ним с другими одноклассниками. Тогда ему показалось это чудовищным предательством. Сейчас он с усмешкой рассказывал об этом доктору Леви-Финкелю, как о «детском саде». А тогда все оказалось так

серьезно, что пришлось его переводить в пятом классе в другую школу: Саша проплакал несколько дней, а потом наотрез отказался идти снова в эту школу. В новой школе его ждала его первая любовь, такая же трепетная как первая дружба. И с первой любовью он также не справился, как с первой дружбой. Он писал ей восторженные стихи, провожал домой, дарил цветы и свои любимые книги. Пока не появился тот мальчишка с кулаками размером с его голову, и не стал унижать его при даме его сердца. Этого Саша выдержать не смог, хотя девочка отважно встала на сторону Саши. Он сам от нее отказался, перестал писать ей стихи и даже смотреть на нее. С тех пор он поставил себе задачу стать настоящим мужчиной, доказать всем, что он герой, а не трус, как это делали рыцари в его романах. И тогда он впервые стал отдаляться от нежно любящей его матери, подсознательно чувствуя что ее сентиментальная привязанность мешает ему возмужать. Тогда Нина Александровна впервые почувствовала, что ее маленький нежный сыночек, которому она отдавала весь трепет и все тепло своего сердца, отчуждается от нее, а иногда ей казалось, что он смотрит на нее даже с ненавистью.

— Я уже не маленький, мама! Я сам сделаю. Я сам знаю. Я сам приму решение. Не надо меня учить, мама. Я мужчина, а не ребенок! Ты мешаешь мне стать настоящим мужчиной! Все смеются надо мной! Маменькин сыночек!

Такие обвинения она слышала все чаще, и делала все что могла чтобы не стеснять его свободу и гордость, и в то же время не уходить слишком далеко, чтобы он все таки чувствовал ее тепло и поддержку. Отец был постоянно в разъездах, и не замечал перемен в сыне, а Саша ненавидел его за эти вынужденные разлуки, и в душе корил его за свое одиночество. «Моим лучшим другом должен был бы быть отец, и тогда мне не пришлось бы выпрашивать крохи дружбы у посторонних», — думал он в такие минуты. Он всерьез увлекся стихами, где изливал всю боль своей чувствительной души и давал волю воображению. И уже мало обращал внимания на остальные предметы. Свое

решение поступать на философский факультет он принял по двум причинам: насолить родителям, и чтобы следовать за своими кумирами, Ницше и Гельдерлином, философом и поэтом, чьими трудами он зачитывался в последних классах.

В институте он очень старался быть настоящим мужчиной, занимался спортом, молчал о своих истинных увлечениях, старался быть как все и больше говорить об обыденных вещах.

— Я обманывал сам себя, — рассказывал он доктору Бене. — Я говорил себе, что мне нравится такая жизнь, что теперь я стал настоящим мужчиной. Я больше не искал вечной дружбы и идеальной любви. Я просто сошелся с красивой девушкой и стал с ней жить. Я очень гордился этим. Мне казалось, вот теперь я и вправду возмужал. Но я только играл роль. Я совсем ее не любил, я только самолюбовался в ней. И меня страшно раздражали ее многочисленные друзья-парни. Я знал, что не должен ревновать, что у нее должны быть друзья, но она давала повод. Я видел, что она флиртует с ними. Мне говорили, это нормально, я старался это принять, но мне становилось все больнее и противнее, пока я просто не бросил ее. Тогда мне в первый раз стало очень плохо. Мои отношения с мамой совсем испортились. Я винил ее и отца во всем. И в том, что я такой сентиментальный, и в том, что я всегда был так одинок, и в конце концов стал зависеть от людей. Так мне казалось. Я никогда не посмел показать Ирине моих стихов, она до сих пор не знает, что я пишу стихи, так я стал стесняться самого себя. А потом я встретил эту чудесную девушку — Ларису Дубравину. Она была не такой как все. Она сразу меня поняла. Ей я показал свои стихи. И мы хотели пожениться. Ну, а дальше вы сами все знаете. Я опять ошибся!

— Ты не ошибся, Саша, сколько раз мы тебе с мамой об этом говорили. Это Ирина сфабриковала те фото. Я же тебе показывал запись той передачи, откуда она взяла идею. Мне рассказали все сотрудники ФСБ. Это проверенная информация. Твоя девушка чиста как капли утренней росы.

— Да, иногда я это осознаю и понимаю, что так и есть. Но потом, мне опять становится плохо, и я больше не верю в ее невиновность.

Так, сравнительно спокойно, они беседовали уже когда Саша несколько пришел в себя, и мог спокойно рассуждать. Когда же доктор Бене увидел его в первый раз, его сердце сжалось от чувства вины перед Ниной Александровной. Мальчик представлял жалкое зрелище. От одного взгляда на доктора Бене он разрыдался, и, вздрагивая всем телом кричал, чтобы его все оставили в покое, и что он ни с кем не хочет говорить и никому не верит.

— Вы все предатели! Все! И вы и мама и отец! Зачем вы сюда меня притащили? Я не сумасшедший! Мне просто надоело жить, слышите? Мне надоело жить среди вас! Я никому не сделал зла, никому! Почему же все словно сговорились против меня? Почему меня предают все, один за другим? Даже вы, доктор! Зачем вы держите меня здесь, словно я сумасшедший?

Карл Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «При посещении Брандеса в 1888 году Стриндберг рассказывает ему, что он только что заезжал в сумасшедший дом «Биструп» в Роскильде попросить у главврача справку о том, что он не псих. Насколько странно было его недоверие ко всему вообще, показывает его первая реакция на дошедшее до него достопамятное безумное письмо Ницше. В январе 1889 года он пишет Брандесу: «Ну, я полагаю, наш друг Ницше спятил, и, что еще хуже, может нас скомпрометировать, если только этот лукавый славянин не морочит нас всех. Она хочет помешать миру самому видеть и судить, она хочет постепенно внушить ему, что я безумен, и в конце концов упечь меня в сумасшедший дом. Все чаще Стриндберг считает, что его преследуют, что к нему относятся с недоброжелательством. Фактически, у него был страх сумасшедшего дома. Сама возможность мнения о том, что он безумен, была для Стриндберга непереносима. Там, где такое мнение существовало, он ощущал его даже слишком быстро; там, где такого не было, он предполагал его. Уже свою первую жену он постоянно упрекал в том, что она обращается с ним как с безумцем, что она распространяет слух о его безумии. Тревожным состоянием дело не ограничивается, вскоре появляется и бред: его хотят зама-

> нить в ловушку, чтобы потом посадить под замок. Письмо Геккеля, в котором тот заявляет, что никаких признаков сумасшествия не обнаружил, страшно разует Стриндберга, и он хочет его опубликовать».

Доктор Бене пытался тогда установить, является ли его страх сумасшедшего дома естественным страхом каждого человека, особенно в условиях современной биопсихиатрии, или же это часть его бредовой структуры, как это имело место у Стриндберга. Случай Саши все больше напоминал ему случай Стриндберга: паранойа ревности и страх безумия в структуре бреда, глубокие литературные задатки и увлечение естественнонаучными опытами.

Тогда Бене просто сел на его кровать, и молча обнял мальчика, с силой прижимая его к груди, преодолевая его сопротивление. И заговорил быстро-быстро, с той теплотой в голосе, которая бывает только у родителей в отношении своих детей:

— Ты наш мальчик, мы все тебя любим. Ты мой дорогой мальчик, я за тебя отдам жизнь. Я никому никогда не позволю тебя обидеть, даже сорвать волос с твоей головы. Пусть попробуют, и тогда им придется иметь дело со мной. Никогда, никогда не сомневайся во мне, в маме, в папе, во всех нас. Разве ты не знаешь, что моя Тамрико любит тебя как родного? Разве она не приходит к тебе каждый день? Не готовит для тебя своими руками? Не плачет когда видит как ты плачешь? О твоей маме, или о Светлане Алексеевне я уже не говорю. Быть мужчиной не значит быть холодным и неблагодарным. Быть мужчиной – значит уметь благодарить и уметь любить. А главное — не паниковать! Вытри слезы мой мальчик.

— Тогда почему, почему вы не отпускаете меня домой? — из заплаканных глаз Саши реками текли слезы. — Да, я знаю, Бенедикт Яковлевич, что вы хороший, и что Тамрико и мама меня любят. Но тогда почему вы держите меня здесь? Если бы вы любили меня разве вы назвали бы меня сумасшедшим?

— Дорогой мой сынок, ты ведь позволишь мне так тебя называть, мой мальчик? Ты — болен. И ты знаешь это лучше, чем я.

Быть мужчиной — значит уметь признать горькую истину. Ты знаешь что такое истина, сынок?

— Да, я знаю... Да, я болен. Мне очень плохо. Но я не сумасшедший!

— Конечно, ты не сумасшедший! Разве бы мы беседовали сейчас с тобой, если бы ты был сумасшедшим! Твое сознание полностью сохранно. Задачки ты решаешь лучше меня. Память прекрасна. Ты уже не ребенок, Саша, ты студент третьего курса философского факультета и должен бы уже уметь оперировать научными понятиями и знать их отличие от понятий обыденных! Нет такого понятия как сумасшедший! Это простонародное слово, которое ничего не говорит. Есть понятия сознания и подсознания. Разве вы не проходили психоанализ Фрейда? Ты сам ничего о нем не читал?

— Я слышал о сознании и подсознании.

— Вот и запомни. Это правило номер два.

— А какое правило номер один?

— То что мы все тебя любим и не дадим в обиду.

— А номер два?

— То что надо всегда помнить о сознании и подсознании. Настоящие мужчины так и делают. Запомни сынок: в каждом из нас есть такая неведомая сила, которая живет сама по себе. Она называется подсознанием. И мы должны научится ее контролировать. Иначе она выходит из повиновения и заставляет нас делать глупости. А потом нас разрушает. Помнишь как говорили древние? Ты же знаток античной истории? Два правила дельфийских оракулов?

— «Познай самого себя». И «все в меру».

— Видишь, какой ты умница. Вот и помни, что первое правило становления мужчиной — познать самого себя. Объявить войну самому себе. Бороться с другими легко. Трудно бороться с самим собой, малыш. Твоя задача сейчас обратить всю свою волю и все свое сознание против своего подсознания. Главное — НЕ ВЕРИТЬ своим чувствам! Как бы страшно тебе не было, какую бы ревность и зависть ты не чувствовал, какие бы сомнения

тебя не одолевали, ты должен себе говорить, как Скарлетт: «Я подумаю об этом потом, когда я все буду знать о моем подсознании. Пока я ему не верю. Это символы и знаки каких то смыслов, которых я пока не понимаю. Это все миражи». Ты должен повторять это всякий раз как тебе станет плохо. А мы тем временем будем с тобой изучать твое подсознание. И когда мы его изучим, ты поймешь все эти символы и знаки, и тебе больше не будет плохо. Вот тогда я скажу твердо: ты преодолел самого себя! Теперь ты настоящий мужчина». Теперь ты понял, почему ты здесь?

Доктор Бене как обещал проводил много времени со своими пациентами, не только анализируя их состояние, преподавая им азы знаний по психологии, но и читая вместе вслух тех авторов, которых выбирал доктор.

Бертран Рассел «Борьба за счастье»:

> «Психологи потратили много сил и времени, чтобы выяснить влияние бессознательного на сознание, и почти совсем не уделили внимания обратному процессу влияния сознания на бессознательное и на подсознание. Человек не должен позволять себе быть игрушкой бессознательных сил, каждый раз веря их различным настроениям. То чему человек намеренно верит при полном разуме и в полной силе должно восприниматься им как норма, которой он должен доверять больше всего в любое время. Вполне реально преодолеть усвоенные в детстве ложные истины подсознания, и даже изменить содержание бессознательного, если применять правильную технику. Как только вы начинаете сожалеть по поводу поступков, которые ваш разум не признает дурными, исследуйте причины вашего раскаяния, и убедите себя детально в их абсурдности.
>
> Позвольте вашим сознательным принципам быть такими живыми и выразительными, чтобы они впечатлили ваше бессознательное достаточно сильно, чтобы оказать сопротивление впечатлением оставленным когда вы были ребенком. Не удовлетворяйтесь чередованием состояний рациональности и иррациональности. Смотрите в лицо иррациональности прямо, с решимостью сломать свое уважение к ней, и не позволить ей доминировать над вами. Когда бы оно не швырнуло в ваше сознание глупые мысли и чувства, вырвите их с корнями, исследуйте их, и откажитесь от них.

> Имеется множество людей которые отрицают пользу мышления, и где такое мнение превалирует, мои предложения покажутся неуместными и несущественными. Найти пути минимизации ненависти и зависти вне всяких сомнений прямая задача рациональной психологии. Но глупо полагать, что сводя на нет эти вредные чувства, мы также снижаем силу тех эмоций, которые разум приветствует.
> В пылкой любви, в родительской нежности, в дружбе, в благожелательности, в посвящении себя науке или искусству нет ничего, что пришло бы в противоречие с логикой.
> Нет ничего столь безнадежно тупого, чем быть заточенным в собственном эго, и нет ничего более оживляющего, нежели внимание и энергия направленные вовне, на окружающий мир. Традиционная мораль неправомерно зациклена на эго человека, и концепция греха есть часть этого неумного сужения внимания до границ самого себя».

Саша опустил глаза, и потихоньку вытирал слезы.

— Как много времени займет лечение? Это и есть лечение: познать свое подсознание?

— Да, сынок. Это и есть лечение. Не знаю, это от тебя будет зависеть. Я познакомлю тебя с Андрюшей. Тебе не будет скучно.

— Я не хочу с ним знакомится! — в панике вскричал студент. — Я не хочу никаких друзей среди сумасшедших. Я хочу разобраться в себе, и уйти домой, продолжать учиться, работать и жить как все люди.

— Есть еще правило номер три. — терпеливо перебил его Финкель

— Какое правило номер три?

— Никогда не презирай людей с психозами. И брось уже вульгарную лексику: теперь это и твоя проблема, и чтобы с ней справится, ты должен овладевать научной терминологией. Никогда не презирай людей с психозами. Кто твои любимые поэты? Гельдерлин и Ницше? Ты же не хочешь дружить с сумасшедшими! Это два самых знаменитых сумасшедших, если говорить твоим языком. И помни, психозы, неорганические психозы, особенно шизофренические, в большинстве случаев связаны с тонкой душевной организацией и большой духовной, умственной

одаренностью подростков. Боль происходит из неспособности приспособить этот чувствительный мир к окружающей среде.

— Если они умные, почему они сходят с ума? Они должны быть умнее всех! — не поверил Саша, и из его глаз опять полились слезы

— Потому сынок, что «ум», как «сумасшествие» — это бытовые понятия. Есть понятие интеллекта, науки, знаний. Ты же философ, ты уже должен быть в теме. И это нам очень поможет. Нет понятия «ума» Саша, есть понятие уровня абстрактного мышления, уровня научности сознания, уровня знаний и тд. Шизоидные подростки очень одаренные, умные, интеллектуальные. Но информации сейчас столько самой разной, а мозг одаренных детей усваивает все подряд. Вот и получается несварение. Можно сказать, что шизофрения — это несварение подросткового ума, отравление противоречивой литературой. Понимаешь?

— Доктор Бене! — Саша впервые сам обнял Бене. — Я никогда вам этого не забуду! Теперь я вам верю. Вы меня не погубите. Я буду вместе с вами искать свое подсознание, и найду, где отравился мой незрелый ум. Я не буду верить своим глупым чувствам!

— Вот теперь я слышу мужчину и начинающего ученого.

Это была только первая встреча. Потом Бене тратил каждый день по два, три часа на разговоры с Сашей, то лаская его как младенца, чтобы восстановить позитивный фон его эмоций, то рассказывая ему основы психологии, а то внимательно выслушивая исповедь его жизни, которую Саша излагал все с большей искренностью.

Так, постепенно, Александр стал намного спокойнее, и они уже смело обходились без фармакологии, прибегая к маленьким транквилизаторам в редких случаях.

Доктор Бене Финкель видел успехи своей терапии и искренне радовался им, но в душе его неотступно грызла мысль незаконченности его теории, и соответственно, несовершенство его метода когнитивной терапии. Это не может быть просто некорректная информация, просто искаженное понимание дей-

ствительности. Это все негативные оценки. Подсознание должно содержать какую-то свою структуру, какой-то свой механизм, систему, которую необходимо вскрыть и понять. Объяснение, которое дал этой системе Фрейд, совершенно его не удовлетворяло. Он стоял на точке зрения гуманистической психологии, которая трактовала «психологический аппарат» Фрейда — как поверхностное и вторичное в сознание, болезненное образование. Фрейд же считал, что открыл самый фундамент и саму психику. И как сформулировать различия этих теорий, и вклад каждой из них в общее понимание проблемы, Бенедикт Леви-Финкель пока не знал.

Он уже понимал, что подсознание — это поле Эгосистемы, и начинал понимать, что такое метафизическая интоксикация шизоидов: мысль, которая запуталась на поле Эгосистемы, вместо того чтобы анализировать факты реального мира. Он внимательно изучил историю болезни Стриндберга и сравнил со случаями Ницше и Гельдерлина: их мировоззрение всегда смесь научного мышления с фантазиями эгозащиты (в смысле королей без королевства Кьеркегора), которое в конечном итоге приобретает форму жесткого противоборства двух сил, «обычно морального характера».

Карл Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»:

> «Уже в юности интересы Стриндберга были весьма многообразны, и особую склонность он питал к науке. Поэтому то, что научные занятия со временем занимают все большее место в его жизни, и в течении ряда лет поглощают его почти целиком, удивления не вызывает. Эти научные занятия вначале являются почти чисто естественнонаучными, но и они вскоре приобретают некую мифическую и метафизическую направленность. Аналогично эволюционирует у него рассмотрение истории, человека, метафизического мира вообще. Теперь они приобретают качественно иную форму, более фиксированную и абсолютизированную, как его теории женского пола, взаимоотношений и вражды полов».

«Могло ли быть содержание бреда Андрея, у которого боролись бог и дьявол, ангел и черт, и содержание бреда Саши, где

борются женский и мужской пол, разум и безумие, — думал Бенедикт Яковлевич, — такой вот символикой противостояния Эго и СуперЭго на поле Эгосистемы?». Этот вопрос не давал ему покоя, он чувствовал, что в ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию всего энергетического механизма психоза.

Доктор Бене все еще не знал, как объяснить энергетические механизмы психоза. Почему одно и то же поле Эгосистемы приводит к разным неорганическим психозам: шизофрении и маниакальной депрессии? В чем различие энергетических механизмов этих психозов? Почему шизофрения часто необратима, а маниакальная депрессия напротив, обратима? Как именно поле Эгосистемы провоцирует психозы?

Именно это осознание незаконченности теории психической энергии и угнетало его, когда он прятал за широкой улыбкой свою тревогу за эффективность когнитивной терапии.

ГЛАВА 10. ФРИДРИХ ШЕЛЛИНГ И ФРИДРИХ ГЕЛЬДЕРЛИН

Бенедикт Яковлевич отложил прочитанную книгу в глубокой задумчивости. Это были «Ночные бдения» Бонавентуры. Роман 1805 года, который в свое время прошел незамеченным, зато в 20 веке был издан 23 раза. В нем стали видеть предтечу экспрессионистов, Кафки, Гессе и др. Бонавентура — псевдоним, и разные исследователи склонны приписывать авторство разным мыслителям. У Финкеля не осталось сомнений в правоте Арсения Гулыги, утверждавшего, что автор — Фридрих Шеллинг, одноклассник и друг двух других выдающихся людей своего времени — Гегеля и Гельдерлина.

Бенедикт Леви-Финкель со всей очевидностью прочувствовал в этой книге надгробный плач Шеллинга над ментальной могилой своего друга юности — Гельдерлина, в 30 лет потерявшего рассудок. Если не знать предмет аллегорических и философских спекуляций «Ночных бдений», то книга скучновата. Но доктор Бене давно изучал случай помешательства Гельдер-

лина, и знал все о его жизни. Как только он взял в руки «Ночные бдения» для него сразу стало очевидно, что книга эта не просто «самокритика романтизма», и что смеется Шеллинг вовсе не над Новалисом и не над Шекспиром, как полагает Гулыга. Он вообще не смеется, хотя много говорит о смехе, и называет себя шутом подобно «Клоуну» Генриха Белля. Его клоун получился таким же грустным, как у Белля. Это плач сквозь наигранный смех над страшной участью постигшей товарища его студенческих лет, с которым они сохраняли дружеские отношения вплоть до помешательства последнего. Смех нужен не столько для художественной выразительности, сколько для объяснения причин духовной болезни своего друга. Смех — черта, которая отделяет здравое от нелепого, идеальное от реального, миражи от действительности. Ему надо выговориться, надо найти причину этой страшной беды, показать ее всем, и уничтожить раз и навсегда гомерическим хохотом. Он смеется над причиной, убившей разум его друга, а к самому страдальцу относится с глубоким сочувствием и братской нежностью. В чем-то эта книга сильно напоминала аналогичный роман Эмиля Золя, в котором тот старается воззвать к здравому уму своего друга юности Поля Сезанна.

Книга глубоко растрогала Леви-Финкеля. Он несколько раз перечитывал роман «Гиперион» Гельдерлина и сборник его стихов. Название романа говорит само за себя: Гиперион — сын бога. Книга посвящена обожествлению человека, это героический эпос Гомера и куртуазный роман трубадуров. Герои и боги, рыцари и прекрасные дамы, Олимпы и мировой дух — романтизм в самом его концентрированном виде. Гельдерлин настолько поселяется среди богов Олимпа в своем творчестве, что даже Дульсинея Сервантеса не выглядит насмешкой над его Диотимой. Он совершенно серьезен, адресуя Диотиме те же пафосные письма, которые Сервантес сочиняет Дульсинее в глубокой насмешке. Высмеять романтизм — такова тенденция всей серьезной литературы девятнадцатого века, и Сервантес только пионер на этом благотворном пути. За ним придут писатели «клуба

Флобера»: «Г-жа Бовари» Флобера, Ги де Мопассан, Гонкуры, Тургенев, Эмиль Золя, Жорж Санд. Русская литература, Толстой, Чехов, Гончаров, Чернышевский, Герцен, Белинский, Газданов — все это суровые разоблачители романтизма. Г. Лессинг выступит против романтического движения «бури и натиска» в Германии, и первой целью его атаки станет «Вертер» Гете. Над ним же смеется и Байрон в своих стихах. Николаи, провозгласив себя учеником Лессинга понесет знамя борьбы с романтизмом после смерти Лессинга. Фридрих Шлегель поднимет скандал своей знаменитой «Люсиндой», в которой будет также смеяться над романтизмом как Г. Флобер в «Г-же Бовари».

«Дон-Кихот» Сервантеса, «Г-жа Бовари» Флобера, «Дон Жуан» и «Чайльд Гарольд» Байрона, «Крейсерова соната» Толстого, «Люсинда» Шлегеля, и вот теперь Леви-Финкель обнаружил еще «Ночные бдения» Шеллинга. Обнаружил и поставил в один ряд с самыми выдающимися произведениями литературного реализма, воинствующего реализма, разоблачающего всю пагубность романтизма.

Байрон едва смеет в своих знаменитых стихах касаться всеобщего кумира романтизма — Шекспира. Лев Толстой прямо выражает свое отвращение к его творчеству, но не в литературе, в дневниках. Шеллинг в «Ночных бдениях» наносит удар в самое сердце романтизма, помещая в центр своего гомерического хохота Гамлета и Офелию Шекспира.

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «В тот вечер случилось так, что Офелия приняла всерьез свое наигранное безумие, и действительно рехнувшись, убежала из театра. Могучая рука Шекспира, этого второго создателя, схватила ее слишком крепко, и к ужасу всех присутствующих не отпускала. Ее каморка непосредственно соседствовала с моей, и я слышал изо дня в день, как она воспевает деревянный башмак и перловицу на шляпе своего возлюбленного. Молодчик моего пошиба, весь состоящий из ненависти и злобы, и в отличии от всех детей человеческих, как бы родившийся не из материнского чрева, а из беременного вулкана, мало предрасположен к любви и тому подобное, однако здесь в сумасшедшем доме, в меня закралось нечто в этом роде, за-

явив о себе правда не теми обычными симптомами, как например пристрастие к лунному свету, прилив поэзии к голове и проч, а скорее неистовым стремлением пропагандировать безумие, организовать обширную колонию помешанных, и внезапно высадить их на твердую землю к ужасу остального рассудительного человечества. Это бешеное чувство именуемое любовью и напавшее, как саранча с неба, со временем претерпело и во мне серьезные осложнения, и я сам ужасаясь в душе, сочинил несколько стихотворений, взирал на луну и даже подпевал временами соловьям, насвистывавшим вокруг сумасшедшего дома.

Однако мне ничего не помогало; критические симптомы даже учащались. Я чуть ли не начинал думать, что этот мир лучший из миров и человек — не просто главное животное, а нечто большее, наделенное некоторой ценностью, и даже бессмертием, быть может. И вот с моего стапеля сошло первое любовное письмо, приводимое мною здесь назидания ради:

Гамлет Офелии

Небесный идол мой души, прелестнейшая Офелия! Это вступление заставит тебя предположить, что я симулирую безумие со всеми метафорическими ухищрениями, привезенными мной из высшей школы. Но ты не заблуждайся, идол мой, на этот раз я действительно помешался — настолько все заключено в нас самих, а вне нас нет ничего реального, так что мы согласно учению новой школы, даже не ведаем стоим ли мы на ногах или на голове и разве что уверили себя в первом, полагаясь на свое же собственное честное слово. Я чертовски серьезен Офелия, и ты не думай будто я паясничаю. Ах, как все теперь переменилось в твоем бедном Гамлете. Дражайшая, я хотел бы высказать запредельную ненависть; по крайней мере тогда исчезло бы все что привязывало меня к этому глупому шару, и я мог бы веселый и счастливый ринуться в вечное Ничто — так что, к сожалению, дражайшая, я уже не говорю тебе как прежде: иди в монастырь! — ибо я уже достаточно помешался, чтобы предполагать: когда человек влюблен, именно потому он дурак, все быстрее идет навстречу смерти. Одно я знаю, наверное: лютый враг парит с издевкой над землей, он то и подбросил ей чарующую маску любви, и теперь все дети человеческие рвут ее каждый себе, чтобы примерить ее хоть на минутку. Видишь, и я, к сожалению поймал ее, я перемигиваюсь с мертвой головой, которую она скрывает, и черт возьми желаю зачать с тобой дитя человеческое. О если бы не проклятая личина, сыны земли наверняка сыграли бы шутку со Страшным Судом, приняв закон против народонаселения, и наш Господь к своему удивлению не увидел бы

> людей на шаре земном. Но позволь перейти теперь к пункту, который я не могу опустить как не стараюсь. — к моему объяснению в любви. Со дня моего рождения не замечалось во мне большего негодования, бешенства, человеконенавистничества, чем в это мгновенье, когда я, разъяренный, пишу тебе, что я тебя люблю и обожаю, и как не желал бы я тебя ненавидеть и тобой брезговать, едва ли не более томительно жажду я услышать от тебя признание во взаимной любви. Твой до сих пор, любящий Гамлет».

«Небесный идол моей души, прелестнейшая Офелия!» — это явная сатира над Диотимой Гельдерлина. «Святая», «Прекрасный Образ», «Благородная», «Великодушная», «Самодостаточная», «Божественная», «Драгоценнейшая» — так обращается к своей любимой Гельдерлин не только на страницах своего «Гипериона», но и в реальных письмах к Сюзетт Гонтар.

«Гиперион»:

> «Теперь со мною то, что я искал. Я обрел его вновь в небесной грации Мелите. Да простит мне святая: часто я проклинал день и час, когда я обрел ее, и в мыслях негодовал на божественную, призвавшую меня к жизни лишь для того, чтобы вновь низвергнуть силой своего величия. Все стало одним сном — про нее, блаженно-мучительным сном; единоборством страха и надежды. Наконец я отправился к ней. Испуг охватил меня, когда я увидел ее перед собой. Она была совсем иная, нежели в моем воображении: так спокойна и свята, так независима в своей божественности. Я пришел в смятение, я лишился дара речи. Мой дух отлетел. Будто солнце всходило в благосклонном эфире, будто бог нисходил к наивному народу, когда это святое и суверенное проступало сквозь ее очарование. Пока я был с ней и вдохновенное существо поднимало меня над всей нищетой человеческой, я забывал заботы и желания моего бедного сердца. Куда бы я не обращал взгляд всюду был ее образ. Каждый шаг смущал меня. Часто я простирал ей вослед руки и часто бежал ее, когда она мне являлась. Наконец, в гневе на свое безумие, я стал серьезно думать, как бы мне искоренить его дотла, это убийственное мечтание. И за что же я гневался на нее? За то что она не была нищей как я, за то что носила еще в сердце небо и не утратила себя, как я, и не нуждалась в другом существе чтобы заполнить пустоты, не боялась погибнуть, как я. Ах! Именно наибожественнейшее в ней — это спокойствие, эту небесную сосредоточенность в себе я оскорбил своим недовольством, в неблагородном

> гневе позавидовал ее безмятежности. В область Добра и Истины удалилось ее сердце».

Гельдерлин «Боги бродили когда-то»:

«Боги бродили когда-то прилюдно — и чудные
музы,
И молодой Аполлон, одухотворенный как ты.
Ты для меня как они, как если бы, кто
из бессмертных
В жизнь меня бросил, иду, и лик героини моей
Всюду со мной, где терплю и творю я с любовью
Всем что имею, до смерти, обязан лишь ей
Лишь от богов им открыт мир более тайный,
чем этот
Кто лишь о бренном печется, тех принимает земля
Но ближе к свету идет, выше, к эфиру, наверх
Кто внутренней верен любви, дышит божественным
духом»

Сравнивая перегруженный патетикой и восторженностью текст Гельдерлина с сатирическим текстом Шеллинга у Леви-Финкеля не оставалось сомнений: Гельдерлин был обречен на безумие своим романтизмом, Шеллинг никогда бы не лишился рассудка именно в силу здоровой иронии, присутствовавшей у него всегда. Гельдерлин словно не знает что такое юмор вообще, не говоря уже о сатире или самокритике. «Духом серьезности» наречет позже этот шизоидный романтизм большой его поклонник Ницше и… тоже сойдет с ума.

Роман Шеллинга, который тоже легко можно было бы назвать «Глазами Клоуна» — это гимн смеху. В то же время, роман «Гиперион» Гельдерлина», и вообще все творчество несчастного поэта — это гимн слезам. Шеллинг смеется над павшими богами-инвалидами, Гельдерлин в серьезной печали, что их век миновал, и ему уже не взлететь вслед за ними на небо.

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «Нет ничего выше смеха, и я ценю его также высоко, как другие образованные люди ценят плач, хотя слезу легко вызвать пристальным взглядом в одну точку, механическим чтением драм Коцебу и, наконец, одним затяжным смехом. Имеется ли более действенное средство противостоять глумлению мира и самой судьбе, чем смех? Эта сатирическая маска устрашает врага во всеоружии, и даже несчастье отступает в испуге передо мной, когда я отваживаюсь высмеять его. Черт возьми! Чего стоит вся эта земля со своим сентиментальным спутником месяцем, если не насмешки, да и ценность земли разве что в том, что на ней обитает смех. Оставьте мне только смех на всю мою жизнь, и я продержусь здесь, внизу»

Леви-Финкль невольно сравнивал этот пассаж и все многочисленные отсылки к шутам и паяцам у Шеллинга с льющими рекой слезами у Гельдерлина:

«Слезы» Гельдерлин:

«Любовь от неба! Если бы я забыл
Ах, вас из чуда, вас из огня, ах! Вас
Что ныне стали жалким пеплом

Полупустынны и одиноки
Вас острова, — глаза неземных миров!
Лишь вы доселе трогаете меня
Все остается любовь небесной
В то время люди верили в красоту
Служили благодарно святые и
Герои; не счесть деревьев
И городов устремленных к небу
Подобно людям; ну а теперь увы
Мертвы герои и острова любви
Оболганы. Видать в обмане
Всякой любви суждено погибнуть
Немые слезы погасите в моих глазах
Свет, но не вовсе

Неудержимо выси небес меня
Влечете! В бурю и в самый ясный день
И я в груди вас ощущаю
О многоликие силы Бога

Мало жил я, но вдруг дохнул
Мой вечер хладом, и по земле влекусь
Подобно тени и безгласно
Дремлет в груди содрогаясь сердце»

Его однокурсник Шеллинг ответил ему и на этот плач по богам Эллады все тем же гомерическим хохотом.

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «А передо мной стояли каменные боги, безрукие, безногие калеки; у некоторых даже головы отсутствовали; вот превосходнейшее и прекраснейшее из всего, на что оказался способен человек, целое небо великого поникшего рода, трупы и торсы, выкопанные в Геркулануме и в русле Тибра. Инвалидный дом бессмертных богов и героев, построенный среди человеческого убожества. Вот один маленький дилетант начал карабкаться с трудом вверх по безрукой Венере Медицийской, чуть ли не со слезами, вытянув губы, по видимому чтобы поцеловать зад богине, ее часть, наиболее удавшуюся как из-

> вестно в художественном отношении. Это меня взбесило, так как в наше бессердечное время для меня невыносимее всего гримаса вдохновения. «Мой молодой собрат по художеству, — обратился я к нему, — божественный зад расположен слишком высоко для вас, и вы при вашем малом росте не дотянетесь до него, не сломав себе шеи. Во мне говорит человеколюбие, и я боюсь, что вы рискуя жизнью, чересчур заноситесь. Друг мой, как бы не усердствовали врачеватели нашей эпохи, изощряясь в искусстве лечить и латать, они не поднимут на ноги богов, искалеченных коварным временем, как например торс, валяющийся там, и бывшие ноги навсегда останутся инвалидами в отставке, отправленными на покой. Бывало, когда они стояли на ногах перед ними лежал во прахе великий род героев; теперь дело обстоит как раз наоборот, и они лежат на земле, а наше просвещенное столетье на ногах, и мы сами пытаемся сойти за сносных богов. Просвещенные умы теперь считают этих усопших всего-навсего идолами, а искусство — тайно закравшаяся языческая секта, боготворящая их, но что это за искусство, собрат по художеству? Древние пели гимны, Эсхил и Софокл слагали свои хоры во славу богов; наша нынешняя художественная религия молится в критических статьях, и благоговеет головою как истинно верующие сердцем. Ах, похоронить бы снова древних богов! Целуйте, зад, молодой человек, целуйте и хватит! Ибо я решительно возражаю против очеловечивания этих богов. Если вы не хотите молиться, то не следует и восхищаться за счет природы Или молиться или похоронить их, выбирайте сами! Не смотрите так снизу вверх, любезный! Хоть однажды введите природу (истинную природу), если можно как действующее лицо в этот зал художеств и предоставьте ей слово. Черт возьми, она расхохочется над уморительной человеческой маской, которой не сможет не счесть пошлой, как чучело в письме Горация к Пизонам»

Шеллинг высмеивает идеализм, субъективную философию Фихте, с которой когда-то сам начинал, и которой был увлечен Гельдерлин. Но своего друга ему искренне жаль, настолько, что он даже не может говорить о его смерти всерьез, без стеба. Ему нужно играть в шута, чтобы его доброе сердце не разбилось над этой трагедией крушения могучего духа его друга:

> «Если отнестись к этому серьезно, недолго угодить в сумасшедший дом, я же отношусь к этому просто, как шут, и вывожу отсюда пролог к трагедии, правда автор был настроен возвышеннее и вписал в трагедию бога с бессмертием, чтобы придать своему „Человеку“

> значимость. А человек в конце концов, должен будет возомнить себя Богом или по меньшей мере, вместе с идеалистами и мировой историей творить подобную маску. Против стихов я тоже не возражаю; они комичнейшая ложь, как и котурны, обувь богов, — комичнейшая напыщенность».

«Интеллектуальное несварение» — Шеллинг ставит самый точный в современной психиатрии диагноз, дает когнитивное определение шизофрении. Как он прав, как прав!, — думал Бенедикт Яковлевич, перелистывая его роман вновь и вновь.

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «Поэты безобидный народец со своими грезами и восторгами, с небом, полным греческих богов, с которыми не расстается их фантазия. Но они свирепеют как только осмеливаются сопоставить свой идеал с действительностью, и яростно бьют ее, хотя им вообще не следовало бы к ней прикасаться. Они бы так и остались безобидными, если бы действительность выделила им свободное местечко, где бы им не докучали, принуждая суетой оглядываться именно на нее. Все впадает в ничтожество при сопоставлении с их идеалом, ибо он возносится за облака. Городской поэт в своей чердачной клетушке также принадлежал к идеалистам, которых силой приобщили к реализму с помощью голода, кредиторов, судебных издержек и тд, подобно Карлу Великому, загонявшему язычников мечом в реку, чтобы они крестились. Частенько забегал я к поэту на чердак посмотреть, как он бурлит и бушует, словно вдохновенный апостол в огненном ореоле, обличая там наверху человечество. Весь его гений сосредоточился на завершении трагедии, где выступали возвышенные таинственные образы, они же великие духи человечества, а среди них вместо хора пробегал шут, маска гротескная и жуткая. Запыхавшись, я вскарабкался на высокий Олимп, но вместо одной непредвиденной трагедии меня ожидали целых две, одна, возвращенная издателем, и другая экспромт самого трагика. За неимением трагического кинжала, он воспользовался, что вполне извинительно в импровизированной драме, шнуром, который служил манускрипту дорожным поясом на обратном пути, и висел теперь на нем, легкий как святой, возносящийся на небеса, сбросив земной балласт над своим произведением. «Бедняга, — сказал я парящему, — не знаю, считать ли мне твое вознесение трагическим или комическим. Во всяком случае ты закрался моцартовским голосом в дрянной деревенский концерт, и вполне естественно, что тебе пришлось оттуда улизнуть; в стране хромых

> единственное исключение высмеивается, точно также в государстве воров одна только честность должна караться петлей. Ты паришь бедняга, но вот как выглядело бы твое бессмертие, и ты хорошо сделал, испарившись вовремя». Но мое благодушие внезапно было растрогано, подобно тому как взрыв смеха заканчивается слезами, когда я глянул в угол, где единственная радость и единственная оставшаяся мебель, безмолвно и знаменательно противопоставляла усопшему детство; то была старая выцветшая картина, чьи краски померкли. Картина изображала поэта приветливым, улыбающимся мальчиком, играющим у материнской груди: ах! Прекрасный материнский лик был его первой и единственной любовью. Я вздрогнул и невольно отвернулся, сравнив копию, улыбающееся детское личико, обрамленное локонами, и нынешний оригинал, парящее гиппократово лицо, черное и ужасное, подобно голове Медузы, всматривающееся в свое детство. По-видимому, в последнюю минуту он бросил последний взгляд на картину, так как он висел, повернувшись в ее сторону. Рабочим столом поэту служил камень, этим алтарем Аполлона. На камне лежали возвращенная трагедия под названием «Человек» и отречение от жизни, так и озаглавленное: «Отречение от жизни».

Дальше идет стеб над «Гиперионом» Гельдерлина, который Шеллинг потому и озаглавил как «Пролог шута». Шеллинг высмеивает идеализм субъективной философии, противопоставляя богам Олимпа обезьян Эразма Дарвина, бессмертию божественности — смертность земного праха: «Я выступаю как провозвестник человеческого рода. Перед публикой легче просматривается мое назначение быть дураком, особенно если я напомню, что согласно Эразму Дарвину прологом к человеческому роду является обезьяна, более бестолковое существо, чем просто дурак. Я заранее обещаю почтеннейшей публике, что намерен смешить ее до смерти, каких бы серьезных и трагических замыслов не питал поэт...Да когда бы творец позабыл сотворить желудок, ручаюсь весь мир остался бы в первобытной грубости и о нем не стоило бы теперь говорить. Друг мой, дух без желудка подобен медведю, сосущему свою лапу».

Но как же трогательна эта метафора с детской фотографией, напротив которой висит почерневшее лицо погибшего поэта. Эта метафора говорит все об истинной глубине сострадания

Шеллинга, которую он горделиво прикрывает хохотом шута. Таким же трупом ощущал себя Гельдерлин, вспоминая свое детство в стихах:

Гельдерлин «Когда я мальчишкой был»:

«Когда я был дитя
Бог меня часто спасал
От людского крика и розог
Когда я без опаски играл
С цветами рощи
И радовал сердце мое
Гелиос, ты! И, как Эндимион,
был я твоим любимцем
Святая Лунна.
О верные,
Дружелюбные боги!
Знали бы вы как
Вас любит моя душа!
Однако я знал вас лучше чем знаю людей
Я понимал тишину эфира
Слова людей не понимал никогда
На руках у богов я рос».

Вот до чего довела Гельдерлина эта фамильярность в общении с богами, и эта серьезность с которой он «вознамерился погасить Дантов ад» по удачному выражению Шеллинга. Плач Гельдерлина по разлуке с Олимпом греческих богов совершенно серьезен. Как говорит Шеллинг — не думай, что я паясничаю, я уже всерьез помешался. И Шеллинг ставит свой диагноз, описывая дальше пациентов сумасшедшего дома:

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «Вот номер 1, образчик гуманности, превосходящий все написанное на эту тему; я не могу пройти мимо него не вспомнив величайших героев былого — Курция, Кориолана, Регула и иже с ними. Его безумие состоит в том, что он слишком вознес человечество и слишком принизил себя; в противоположность плохим поэтам, он задерживает в себе самом все жидкости, опасаясь будто их свободное излия-

ние вызовет всемирный потоп. Радикально излечил бы его Дантов ад, через который я веду его теперь ежедневно и погасить который он вознамерился вполне серьезно. В прошлом, он вероятно был поэтом, только ему не удалось излиться в какую-нибудь книжную лавку. Номер 2 и номер 3 — философические антиподы, идеалист и реалист; реалист воображает будто у него стеклянная грудь, а идеалист убежден, что у него стеклянный зад, и никогда не отваживается присадить свое „Я“, что пустяк для первого, который зато тщательно избегает морального созерцания, прикрывая себе грудь. Номер 4 угодил сюда только потому, что в своем образовании шагнул вперед на полвека; кое-кто из ему подобных еще на свободе, но их всех, как водится, считают полуумными. Номер 5 вел слишком разумные и вразумительные речи. Номер 6, свихнувшись настолько, чтобы принимать всерьез шутки великих мира сего, совсем свихнулся. Номер 7 спалил себе мозг, так как слишком высоко залетел в своей поэзии. Номер 8 сочинял такие слезливые комедии, что рассудок его просто смыло. Номер 9 считает себя творцом мира. Вы только посмотрите, господин доктор, как этот малый гневается на весь мир; не опасно ли нам, другим полуумным, терпеть в своем кругу титана, ибо у него тоже есть своя система, по своей последовательности не уступающая системе Фихте. Человек у него как у Фихте преуменьшен в малюсенькое „Я“, в местоимение, доступное лишь младенцу. Уже Шлегель вовсю замахивался на маленькие картинки, и мне признаться не по вкусу великая „Илиада“ в карманном формате, не впихивать же весь Олимп в ореховую скорлупку, предоставляя богам и героям довольствоваться уменьшенным масштабом или же наверняка сломать себе шею! Да, да, господин доктор, вы не ошибаетесь, на этом то я и помешался. Оставим теперь творца мира. Номер 10 лает как собака, он прежде служил при дворе, номер 11 был чиновником и стал волком, есть о чем поразмыслить. Номера 12, 13, 14, 15, 16 — вариации на тему одной и той же избитой песенки под названием „Любовь“ Номер 17 углубился в свой собственный нос. Номер 18 — мастер исчислений, ищет последнее число. Номер 19 размышляет, как его обокрало государство, такое возможно только в сумасшедшем доме. Номер 20, наконец — моя каморка. Заходите, пожалуйста, осматривайтесь, ведь мы все равны перед богом и разве что страдаем различными маниями, если не полным безумием, различия — в нюансах. Вы видите куда это ведет, и моя мания как раз в том и состоит, что я считаю себя разумнее систематизированного разума и мудрее канонизированной мудрости. И какой инстанции решать кто заблуждается научнее: мы, дураки, здесь в сумасшедшем доме или факультеты в своих аудиториях. Доктор Ольман

> после некоторого раздумья прописал мне максимум движенья и минимум размышленья, считая, что подобно тому, как несваренье желудка у других — следствие физической неумеренности, мое помешательство обусловлено излишествами интеллектуальными».

А. Гулыга пишет в биографии Шеллинга, что игра словами «идеалист» и «реалист» в «Ночных бдениях» — одно из главных подтверждений авторства Шеллинга, поскольку сопоставлений этих двух философий и попытки синтеза их составляли главную философскую задачу Шеллинга на протяжении всей его жизни. «Идеализм, скольких философов ты свел к своему реализму?» — вопрошает в другом месте Шеллинг. Действительно, идеализм наделил Гельдерлина «стеклянным задом», об этом не поспоришь. Все его творчество и все его письма — жалобы на неспособность приспособиться к действительности и ностальгия по Олимпу богов и героев:

«Куда мне деться? Люди живут трудом
И скудной платой; после труда — покой,
Все в радость; почему же вечно
Ноет в груди у меня колючка?»

Также серьезно дело обстоит и с «стеклянной грудью» материалистов, которых материализм лишает этики, морали, нравственности. Шеллинг отчаянно искал синтеза этих двух философий, но успеха так и не достиг. Поэтому он отказался и от «Ночных бдений», о которых при жизни никогда не вспоминал. Там он занимает слишком материалистическую позицию, еще незрелый тридцатилетний философ, который будет менять свою точку зрения на протяжении всей жизни. И только попытки согласовать идеализм с реализмом пройдут красной линией через эти мятежные поиски истины. Ему уже не нравился впоследствии этот стеб над духом и над бессмертием, но как согласовать дух и материю, не отвергая ни одну из субстанций, он так и не сможет сказать.

И в эту же трудность уткнется вся последующая наука о психике человека. Об этом круглосуточно размышлял Леви-Фин-

кель, понимая, что без решения этого главного философского вопроса теорию психической энергии обосновать будет невозможно.

Шеллинг жестко восстал против субъективизма своего бывшего учителя — Фихте, и соответственно Канта, чьим последователем представляет себя Фихте. Он еще более резко выступил против Гегеля, своего второго друга по высшей школе, когда тот, взял из его, Шеллинга философии, только идеализм, извратив тем самым самое ее существо. Так он потерял и второго друга. Но побороть эти две крайности он так и не смог. Философия разделилась на два противоположных лагеря после немецкого идеализма: с одной стороны Кант, Фихте и Гегель, а с противоположной стороны материалисты Маркс, Фейербах и Огюст Конт. А между этими двумя крайними точками зрения зияет непроходимая пропасть, настолько громадная, что все попытки Шеллинга навести между ними мост, выглядят теперь злой шуткой. А ведь Фейербах, Маркс и Конт были последователями Шеллинга и благодарили его за критику идеализма и особенно Гегеля! Но вот во что вылилась эта критика!

Бенедикт Яковлевич вздохнул, отдавая себе отчет в полном бессилии решить сейчас эту задачу. Он давно понял, что Шеллинг — центральная фигура в истории новой философии, совершенно недооцененная современниками. Во многом он ассоциировал его с собой: такой же юный вундеркинд 17 лет он учился в высшей школе с парнями на пять лет старше его (как Гегель и Гельдерлин, например).

Вопрос синтеза духа и материи, который поставил тогда Шеллинг, оставался открытым и составлял центральную проблему современной философии. Как например доктору Бене было сформулировать понятие психической энергии без правильной философской интерпретации субстанции духа? Материалисты довели науку психологию до того, что она вообще вычеркнула сознание как объект научного исследования из психологии. Финкель читал интересную статью на этот счет у Гордона Олпорта: «Из психологии сознания и личности престижа не извле-

чешь». Понятие «Я», «сознания», «личности» с трудом вернула в психологию школа гуманистической психологии, но расплывчатость философских категорий мешает и там делать четкие выводы и давать ясные определения.

Только у Кьеркегора, другого страстного поклонника философии Шеллинга, вслед за своим учителем насмехавшегося над мистическим идеализмом Гегеля, Леви-Финкель нашел удовлетворительный ответ на мучивший его вопрос о метафизической интоксикации шизоидов. Вопрос он поставил себе давно, когда только столкнулся с этой проблемой: если метафизика — это признание души, духа, и если интоксикация метафизикой происходит вследствие признания этой души, то получается, что правы материалисты, которые называют человека бездушным животным, сотканным из рефлексов и потребностей? С этим Леви-Финкель никак не мог согласиться. Материализм также вульгарен как чистый идеализм, а если бы ему пришлось выбирать между этими двумя крайностями, он бы выбрал идеализм. Но наука не терпит компромиссов, а только истины. Здесь неважно, что ближе ему самому, важно что есть на самом деле психика человека. Если есть все-таки дух, если человеческая психика — это психическая энергия, то что такое метафизическая интоксикация шизоидов? Вот то самое отравление божественным Олимпом, которое имело место у Гельдерлина? Что это такое в сравнении с нормальным, здоровым духом?

Вот как ставил вопрос Леви-Финкель. Не как противопоставление духа и материи, а как противопоставление здорового и отравленного духа. И вот здесь ему помог найти ответ Серен Кьеркегор, самый почитаемый мыслитель гуманистических психологов. Это у него они почерпнули концепцию «истинного Я» и «ложного Я». Это и есть здоровый и нездоровый дух, здоровая энергия психики, и патологическая энергия психики. То, что Карен Хорни (большая поклонница Кьеркегора) называет центральным личностным конфликтом. Что до самого Кьеркегора, то он делит болезни души на те, которые происходят от отсутствия духа (то, что Шеллинг называл манией стеклянной гру-

ди у материалистов), и на те что происходят от заблудившегося духа. Вот! Метафизическая интоксикация — это дух, но заблудившийся дух. Но тут по крайней мере есть дух. Вот почему Гельдерлин, несмотря на все свое заблуждение, равно как и восхищавшийся им Ницше, так обаятелен. Кьеркегор пишет, что этот заблудившийся дух есть «король без королевства», который забыл о необходимости, о законах природы, о реальности, и унесся в своих мечтах об абсолютной свободе на олимпы богов. Как точен этот диагноз в отношении метафизической интоксикации и Гельдерлина и Ницше!

«— Значит, задача номер один сформулировать философию духа как психической энергии, — в тревоге размышлял Бенедикт Яковлевич, — а потом уже дать научное определение метафизической интоксикации как болезни этой психической энергии».

ГЛАВА 11. СЛУЧАЙ МЗИИ ЛУРИЯ

Андрей Николаевич уверенно шел на поправку под присмотром Веры Сослановны. Она совсем освоилась со своими новыми обязанностями сиделки, и неотлучно дежурила в палате Андрюши. Бенедикт Яковлевич освободил Веру от других обязанностей на период выздоровления Орлова. И сам часто наведывался к первому своему пациенту, оправдавшему его метод когнитивной терапии. Через пару недель Андрей Николаевич уже оправился настолько, что стал просить его выписать.

Михаил Исаакович уезжал в отпуск в Израиль, отдохнуть на родине земли обетованной, к детям и внукам.

— Я подумал, почему бы мне не взять с собой Андрея Николаевича, Бене? Что скажешь? По моему немного моря, солнца и смена обстановки сейчас важнее всякой когнитивной терапии?

— Гениальная идея, Миша! Да еще под твоим зорким наблюдением!

— Всегда рад помочь. Для меня успех нашего общего дела также важен как для тебя.

— Миша, как ты здорово это придумал. У меня где-то в подсознании мелькали такие мысли, когда зашла речь о твоем отпуске, но я бы не отважился их озвучить. Ведь это твой заслуженный отдых! Спасибо дружище, ты итак очень много сделал для нашей клиники. И ты прав — это наше общее детище. Что бы я один, без вас?

— Значит, решено. Ты скажи Андрею, а я подготовлю своих. Чтобы ждали не меня одного.

С отъездом Михельсона и Орлова, Финкель с головой погрузился в случаи Саши Тополева и Мзии Лурия. Сашей он занимался сам, а Мзию поручил заботам Светланы Алексеевны, первоклассного когнитивного психолога и очень чуткого человека. Она сумела найти контакт с девочкой, следуя методике Леви-Финкеля. Важно было успокоить мятущуюся душу, насколько это было возможно, и начать диалог, который будет идти много месяцев, пока равновесие между сознанием и подсознанием не будет опять установлено. Диагноз шизофрении поставили сразу, но дали себе время, чтобы убедится в верности диагноза.

— У меня нет сомнений, Бене. Это шизофрения. — сказала ему Светлана Алексеевна спустя две недели. — Девочку очень жалко. Ранняя шизофрения, пятнадцать лет. Выдюжит ли она? Она в глубокой депрессии. Я делаю все, что могу.

— Когда был шуб?

— Чисел они не помнят. Обратились не сразу. Как это обычно бывает навязчивые состояния начались с того, что ее «осенило». В преморбиде выраженное понижение настроения, меланхолия, признаки депрессии. Осенило ее в дебюте шизофрении как всегда приступом резкого страха. Интересный случай. Страх сойти с ума. Метафизическая интоксикация. Как раз по твоей части. У нее нет физиологических страхов, как бывает при других расстройствах. Вся структура бреда концентрируется вокруг страха сойти с ума.

— Интересно. Случай Стринберга напоминает. Насколько я помню, у него наряду с манией преследования и бредом ревно-

сти шел выраженный страх сойти с ума. А что с субъективным самовосприятием?

— Выраженная депорсонализация и дереализация окружающей среды. Настаивает на том, что больше сама себя не узнает. Что в эту ночь «все в ней перевернулось». Что «все потеряло смысл» Что она «не понимает что происходит вокруг». Это ее собственные выражения о дереализации среды.. Ну вот этот эффект «декораций» при дереализации у нее очень выражен. Случай классический. Нет сомнений, что это шизофрения.

Что она как будто стала другим человеком. Говорит, что раньше она была очень сильная, смелая и веселая. А теперь стала трусливая, грустная и потерянная. Я, говорит, теперь вспоминаю себя до болезни как своего кумира. Мне кажется, что тогда я могла все, что я была самая сильная и самая умная. Я теперь думаю, чтобы я сделала тогда, прежде чем что-то сделать.

— Ну, понимает, что больна. Это уже очень хорошо. Дереализация и деперсонализация выраженные, ты права. Память сохранна?

— Да, полностью. Всех узнает, все помнит. Но настаивает на том, что не помнит больше мотивацию своего поведения. Говорит, помню, что и когда я делала, но уже не помню, что меня побудило так делать. Подчеркивает все время, что ее здоровый образ стал для нее идеалом. Говорит, я как будто играю роль, представляю себе, чтобы я раньше сделала, и делаю так. В точности по Кемпинскому: умер прежний человек, родился новый.

— Время и пространство?

— Абсолютно ориентируется. Я просила ее сказать, когда истечет минута, она отсчитала правильно, с небольшими неточностями, как все люди.

— Еще были шубы?

— Ну мы же были рядом с ней. Пока нет. Приступы страха не отпускают. Говорит, что не понимает, почему другие люди не боятся сойти с ума, а для нее — это единственны смысл жизни. И очень переживает, что сойдет с ума и сделает что-то не так. Тогда она зовет нас и просит ее держать и следить

за ней. Говорит после того приступа ночью, когда она испугалась сойти с ума, весь мир поделился на нормальных и сумасшедших. Очень четкая структура бреда. Прямо по Кемпинскому: противоборство двух сил метафизического характера, добро и зло, красота и безобразие, мудрость и глупость. В данном случае это ум и безумие. Плачет и говорит, что провалилась прямо в ад.

— Бред с тематикой христианской мифологии?

— Нет, то был у Андрея. У Андрея боролись дьявол с Христом в приступах психоза. У нее структура бреда вокруг другой пары противоположностей: ум и безумие. А насчет ада это просто метафора. Ад и рай не присутствуют в структуре ее бреда.

— Точно?

— Да, абсолютно. Я проверяла. Употребляет как метафору, чтобы объяснить, что после первого шуба начался кошмар и катастрофа в ее внутреннем самовосприятии, которых она не в силах пережить. Она не говорит об аде в смысле христианской мифологии.

— Расщепление? Уже фиксируется?

— Да, частично. Но пока очень слабо. Автоматизмы возникновения страхов. Бредовые галлюцинации оживают помимо ее воли. Она видит образы сумасшедших из романов, которые читала. Они двигаются сами, помимо ее воли у нее в сознании. С их движением связаны приступы страха. И на этой же основе галлюцинаторное самовосприятие. Но это надо в ней копать, то есть на подсознательном уровне. Сознание пока совсем чистое. Понимает, что тяжело больна, и хочет излечиться. Глубокая депрессия. Все время плачет. Ни в коем случае ей не должен быть известен ее диагноз. Вот тогда второй шуб мы не сможем остановить.

— Уплощение эмоций уже выражено? Мы сможем ее спасти?

— Не знаю. Честно говоря, Бене, я полна сомнений. Полная потеря жизнерадостности. Преобладают черные тона страха и тяжелой печали.

— Мышление?

— Пока абсолютно ясное. Принесла с собой учебник математики. Говорит, не хочу отстать от своего класса, пока я болею. И весь перерешала за эти две недели. Как часто бывает, мышление стало еще острее. А что будет дальше пока не известно.

— А что там в преморбиде? Откуда взялся шуб? Какое у тебя сложилось впечатление?

— Ее все хвалят, как очень одаренного к наукам и очень сильного ребенка. Много читала. Без всякой системы как это часто бывает. Все подряд. Ну сам знаешь что из этого может выйти. Умственное несварение. Никакой эмоциональной травмы у нее нет. Это дает надежды на обратимость процесса. Но это время, сам понимаешь.

— И все? Больше ничего интересного в преморбиде?

— Ну, может быть чувствительность. Да, исключительная ранимость самолюбия — тоже классический случай с шизоидами. Если по классификации Кемпинского, то не из тех шизоидов, кто замыкается в себе, а из тех, у кого выраженная установка власти.

— Как она сейчас себя чувствует?

— Первое время все время плакала, просила помочь ей вылечится. По мере того, как она прониклась к нам доверием, ей стало легче. Просит книги, и целыми днями читает.

— Какие-нибудь физиологические проявления?

— Нет. Внешне полностью адекватна. Мимика обычная. Пластика не изменилась. Может нарушения аппетита. Сначала вообще не могла есть, теперь началась обратная тенденция.

— Хорошо. Ты права, случай интересный. Жалко ребенка. Пятнадцать лет, такое испытание.

С родителями Финкель поговорил сам. Отец Мзии, Давид Лурия привез девочку в больницу и уже близко познакомился с Тамрико. А мать, Раиса Степановна Кононова, так горько переживала внезапную тяжелую болезнь дочери, что сама слегла с инфарктом. От Мзии этот факт держали в строжайшем секрете.

— Она была очень сильная девочка с самого детства, — рассказывал Бенедикту Яковлевичу Давид Лурия. — Моя Мзия, мое

солнце, и правда была нашим солнышком. Последнее, что мне могло прийти в голову, что она вот так сломается... всем бывает плохо, но чтобы... чтобы так... Доктор, неужели правда шизофрения? Это какой то кошмар!

— Из того что мне говорили мои коллеги... они ведь уже две недели ее занимаются. Да, это их диагноз. Но вы, пожалуйста, не отчаивайтесь. Не все потеряно. Я обещаю вам сделать все, что будет в моих силах, чтобы вернуть Мзию к нормальной жизни. Расскажите мне, пожалуйста, о ее характере. Чем подробнее, тем лучше. Веселая или меланхоличная? Ранимая или с юмором? Замкнутая или напротив, лидерские качества? Раздражительная или уравновешенная?

— Ранимая? Никогда не думал об этом. Она всегда умела за себя постоять. Но вот вы спросили, и пожалуй, да, ранимая, даже очень. Стоило ее чуть-чуть задеть, как она вскипала словно котел на костре. Но я никогда не думал о том, что она ранимая. Она никого не боялась. Даже меня не боялась, — печально вздохнул Давид. — Я знаете, пытался ее воспитывать иногда, возьму ремень, а бить жалко. Но она никогда ни меня, ни мать не боялась, и всегда все делала по своему. Нет, она не была замкнутая. У нее было много друзей. Только когда начинала читать, то как алкоголик, уходила в запой со своими книгами, и тогда могла неделю не видеть своих подруг. Учителя ее хвалили в школе, говорили, умная, талантливая, только учиться не хочет. Мзия предпочитала читать художественную литературу и гулять с подругами, домашними уроками совсем не занималась. И все равно математика, физика, литература — всегда пятерки.

— Ее ругали за прогулы?

— Да, говорили очень талантливая, но «невоспитанная». А что мы могли поделать, если она нас тоже совсем не слушала? Она дерзила учителям, и Раису постоянно вызывали в школу.

— А когда вам стало казаться, что она странно себя ведет?

— Последний год. Раньше она всегда была веселая, всегда смеялась, или читала, или какую-нибудь картину рисовала, или на фортепьяно играла. Она чудесно играет на фортепьяно. А тут

вдруг сникла, лица на ней не было. И стала много рассуждать на общие темы, и всегда что-нибудь такое печальное скажет. Мы с матерью думали, у нее новая мода, теперь она себя философом возомнила. А оно вон как повернулось. Она и вправду расстроилась из-за этих своих рассуждений.

— Других никаких печалей не было? Может у нее случилось что-то? Может бой-френд? Или с подругами поссорилась? Или еще что-то?

— Да, нет, бой-френда у нее никогда не было. Мы не так ее воспитывали, чтобы в 15 лет уже она с мальчиками встречалась. Подруги всегда ее любили, даже подчинялись ей как то. Да, пожалуй, она лидер по характеру, вы правы. Никаких печалей у нее не было. Если не считать эти ее рассуждения философские, в которых у нее всегда конец мира наступал. Ну я это образно говорю. Уже не вспомню, что именно она рассуждала, но мне всегда становилось не по себе от ее умничаний. Я ей говорил: перестань ерундой заниматься, лучше уроки учи.

— А как вы поняли, что с ней беда случилась? Когда у нее приступ случился?

— Ну, она пришла к нам с матерью одним утром и сказала, что с ней что-то страшное ночью случилось. Мать с тех пор слегла совсем, — прослезился Давид Гурамович, — Что весь мир внутри нее перевернулся, и что ей иногда кажется, что она даже нас не узнает. Что все вокруг потеряло смысл. Вот ее слова. Все потеряло смысл. И что она боится, что она сошла с ума.

— Так и сказала?

— Да, — заплакал бедный Давид. — Вот тогда мы поняли, что теряем нашу девочку. Я вспомнил про вас, доктор, кто в Грузии не слышал о докторе Бене Леви-Финкеле. И сразу к вам.

— Спасибо, вы очень помогли вашим рассказом. Теперь я поговорю с Мзией. Не волнуйся, Дато, пожалуйста. Хорошо, что никакой эмоциональной травмы не было, и хорошо, что она росла в любви и довольстве. Это все очень обнадеживает. И то что она такая развитая интеллектуально, память и мышление сохранны. Мы сможем ей помочь, не переживай пожалуйста так.

Вполне может быть, что она скоро сможет вернуться к нормальной жизни. Я сделаю все, что будем в моих силах, дорогой Давид Гурамович.

Финкель нанес пару визитов больной девочке, и похвалил себя, что поручил ее заботам Светланы Алексеевны. Она была настолько разбита, настолько погружена в глубокую депрессию, что почти совсем не шла с ним на контакт. В таких случаях лучше поручить терапию женщине-врачу, особенно если этот врач такой добрый и чуткий человек как доктор С. А. Птицына. Ее слова о состоянии девочки не шли из головы Бенедикта Яковлевича. Теперь он больше не сомневался, что нашел наконец смысл символики подсознательного: противоборство двух сил — это противобрство полюсов Эгосистемы, Эго и СуперЭго. У шизоидов эти полюса приобретают метафизический характер за счет сильного спекулятивного мышления.

«Метафизическая интоксикация. Структура бреда по Кемпинскому: противоборство двух сил: добра и зла, красоты и безобразия, мудрости и глупости». Действительно, каждая структура бреда концентрируется вокруг противоборства двух сил.

Он стал лихорадочно припоминать случаи Ван Гога, Стриндберга, Ницше, Гельдерлина. Что ему было известно о содержании их бреда? Ван Гог возмущался, что, несмотря на его увлечение современной наукой, Золя и Гонкурами, содержание его бреда в приступах психоза — всегда страх перед дьяволом. То есть все та же метафизическая борьба двух противостоящих сил. Содержание бреда Стриндберга тоже вполне подходит под это определение: его мания ревности вылилась в бредовую структуру о противоборстве двух полов, мужского и женского: «весь их род приговорил меня к внутреннему и внешнему уничтожению». Наконец, его страх сумасшествия, о котором пишет Ясперс. О содержании бреда Ницше писали, что он видел себя распятым Христом или растерзанным Дионисом в психозе. Ницше мог бы сказать, как Ван Гог, если бы он пришел на минутку в сознание, что содержание его бреда его удивляет. Однако и у Ван Гога и у Ницше — признаки выраженной метафизиче-

ской интоксикации еще в преморбиде. Ван Гог учился на священника и подобно Гельдерлину оказался совершенно неспособен жить среди людей, адаптироваться в социальном мире. Он хотел бы писать Христа и святых, но эта тема слишком возбуждает его нервы, и он выбирает для своей живописи самые скромные предметы. Ницше, в своем подражании Гельдерлину, одушевляет весь пантеон античных олимпийских богов, и провозглашает войну героев и черни, которая уже резко звучит в творчестве Гельдерлина. Но Гельдерлин сохраняет Христа, как одного из богов Олимпа, а Ницше резко противопоставляет его олимпийским богам. Впрочем, он пишет в Заратустре «когда будете проходить мимо Христа, мои воины, опустите мечи, ибо он благороден», или что-то в этом роде. Неудивительно, что в психозе он видит себя то Христом, то Дионисом. И опять обязательное противоборство двух метафизических сил.

Теперь Леви-Финкелю представился случай изучить этот феномен противоборства двух метафизических сил в структуре бреда шизофреников на трех случаях, которые он изучал: Андрей, Александр и Мзия. У Андрея был классический случай бреда, оформившегося в христианскую мифологию: противоборства дьявола и бога, Христа и антихриста, ада и рая. Сашин случай напомнил ему случай Стриндберга: противоборство женского и мужского пола, и в меньшей степени страх сойти с ума. У Мзии выраженный страх сойти с ума, тоже бредовая структура вокруг противоборства двух метафизических сил, ума и безумия. Пока что, все подтверждало выводы Кемпинского и материалы Ясперса. У каждого из них наблюдалась эта борьба двух метафизических сил, вокруг которой структурировалось все сознание, упразднив все восприятие действительности до этой гротескной схемы, до карикатуры на взаимодействие человека с окружающей средой.

Доктор Бене снова и снова прокручивал в уме основные психологические характеристики шизоидности и шизофрении. Да, именно психологические, а не психиатрические, как они даны в «Психологии шизофрении» А. Кемпинского, и как они даны

в исследовании «Стриндберг и Ван Гог» у К. Ясперса. «Противостояние Я и окружающего мира подвергается еще большему акцентированию», — звучало у него в голове. Структура бреда принимает вид противоборства двух противоположных метафизических сил».

Он страдал невыразимо, чувствуя, что напал на какое-то важное открытие, и не умея его сформулировать. Доктор Бене сделался нервным и раздражительным, подолгу запирался в своем кабинете, и все думал, думал, думал. Только Нина Александровна имела это время на него влияние, и гораздо большее, чем в прежние времена. Она вдруг стала его единственной отдушиной, единственным островком, который спасал его от мыслей о своем бессилии, и от наваждения трудной задачи, не отпускавшей его ни на минуту. Любовь вспыхнула с новой силой, и Финкель с радостью отдался горячей волне нежности затопившей все его существо. Саша чувствовал себя лучше, и Нина Александровна в благодарность окружила Бене самой чуткой страстью, на которую была способна. Пламень этого чувства спасал их обоих в это трудное время.

Однако, Бенедикт Яковлевич не сдавался. Он зашел еще несколько раз к Мзии, постепенно преодолевая ее сопротивление, сумел установить с ней контакт. И продолжая навещать Сашу, теперь сфокусировал все свои вопросы на структуре бреда. Он сравнивал все три случая, прокручивал в голове прочитанный материал, сопоставляя теорию и с практикой, и в конечном итоге его упорство было вознаграждено. Однажды, он понял, что нашел то, что искал. Потом, всего лишь в течении месяца была готова вся его революционная теория, открывавшая структуру подсознания, и механизмы шизофрении, которые следовали из этой структуры.

Однажды вечером после работы, он собрал весь коллектив, и объявил с торжествующей улыбкой:

— Господа, дорогие друзья и товарищи! Мы победили! Решение найдено! Вот теперь мы можем уверено говорить, что в стенах нашей клиники сделано открытие! Да, леди и джентльмены, это открытие психической энергии!

Вы мне не верите? Извольте слушать!

Сначала моя глубокая благодарность вам всем друзья, за поддержку и терпение, и особенно нашим дамам, Светлане Алексеевне и Нине Александровне. Светлана Алексеевна очень помогла в лечении Мзии Лурия.

Мы обнаружили в ее четко сформулированном вербальном бреде ту же картину, что у Андрея и Саши, и что во всех других случаях вербального бреда шизофреников, как он описан у А, Кемпинского и других: противоборство двух сил ментального характера.

Я давно подозревал, что это противоборство — только символы структуры бессознательного, если понимать бессознательное как силовое поле Эгосистемы. Вы понимаете? Получается, что это символю двух полюсов поля Эгосистемы — Эго и СуперЭго. Тогда мы сможем доказать, что это силовое поле психической энергии! А две противоположные силы — полюса этого поля!

Если нам теперь обратится к классической психологии, где мы там найдем материал об этом силовом поле из двух противоположных полюсов? Не может же так быть, что мы первые его нащупали. Есть такой материал, друзья! И он очень известен, но неправильно интерпретирован. Это Эго и СуперЭго Фрейда, друзья! Это и есть две противостоящие силы бредовой структуры психоза, и они же — противоположные полюса силового поля подсознания!

— Этого никак не может быть, дорогой Бене, — возразил ему Винцент Григорьевич, — ну хотя бы просто потому, что у Фрейда Эго и СуперЭго — это психический аппарат всего сознания, всей психики человека, а не только подсознания, как ты говоришь.

— Так я же то и говорю, Веня! Я говорю, что Фрейд и его последователи неправильно истолковали этот эмпирический материал. Попрошу не забывать, что Эго и СуперЭго — это эмпирическая находка, полученная в результате контактов Фрейда с сотнями, а может тысячами пациентами. Он правильно нащупал структуру бессознательного, но неправильно

построил теорию на основе полученного эмпирического материала.

— Все равно непонятно, как это поле приводит к шизофрении. И почему оно к ней приводит. — угрюмо возразил Винцент Григорьевич, который все последнее время вынужден был бороться с тяжелыми приступами ревности, которые ему внушала вновь возродившаяся любовь доктора Бене и Нины Александровны.

— Все оказалось просто, как все гениальное, друзья. Это силовое поле — не единственное поле психики, как думал Фрейд, и тем более не вся личность и не все сознание. Вспомните, пожалуйста, «Первобытное сознание» Леви-Брюля, где он утверждает наличие двух качественно разных сознаний в психике одного человека. Прав оказался Леви-Брюль! Кстати сказать, его «страх сверхъестественных сил» первобытного мышления — это та же борьба противоположных метафизических сил, которую мы наблюдаем в шизофреническом психозе. И в обоих случаях бредовость картины одинаковая.

Но вспомните, Леви-Брюль утверждает, что первобытное сознание с его страхом и мистикой — только часть психики человека. Причем далеко не главная. Главная часть — логическое мышление цивилизованных людей, которое у аборигенов еще не получило развития, и именно потому, мы могли наглядно наблюдать силовое поле мистики у первобытных людей. Другой энергии у них еще просто не было! А теперь угадайте, что это за здоровая энергия разумных людей? Как она зовется в истории человеческой мысли?

— Душа? Дух? Сознание? — предположила Светлана Алексеевна.

— Абсолютно верно, дорогая Светлана Алексеевна! — Бенедикт Яковлевич был так взволнован своим открытием, что даже прослезился пока рассказывал о нем коллегам. Он вмиг подпрыгнул на своих костылях к Птицыной и обнял ее одной рукой на ходу. — Милые, милые друзья! Тут решаются все вопросы, которые стояли перед нами непроходимой стеной! Мы не могли

дать определения Духу, не могли дать его философию. Вот практика показывает, что Дух — тоже психическая энергия, но в отличии от энергии подсознания — это разумная и живая энергия. И она тоже имеет свое силовое поле!

— А это уже интересно! — Винцент Григорьевич даже встал со своего стула. — Какое же это поле?

— Это два полюса интеллекта, друзья. Активный интеллект и пассивный интеллект. Другими словами Мышление — с одной стороны, и законы природы, которое открывает это мышление — с другой стороны. Тут и ответ на поставленную Шеллингом задачу о синтезе идеализма и реализма! С одной стороны законы природы и необходимость, как в реализме Спинозы, с другой стороны поле интеллекта и порождаемый им Дух познания — идеализм метафизиков. Это новая философия рационализма.

— Интересно! Вернемся к нашим баранам, Бене. Какое же этот Дух имеет отношении к шизофрении?

— Все просто, я уже говорил. Эго и СуперЭго силового поля подсознания — это чувственная, искаженная информация о себе и о среде. Кривое зеркало, как называл его Кьеркегор. Оно и порождает мистику, как противоборство сверхъестественных сил. Это то, что гуманисты, Кьеркегор, Фромм, Хорни, Маслоу, называют — ложным «Я». То есть это энергия — паразит, которая разрушает нашу истинную энергию — энергию разума и духа, поставляющих адекватную информацию о среде, научную информацию то есть.

— То есть ты хочешь сказать, что шизофрения — это когда силовое поле подсознания разрушило силовое поле Духа, то есть Сознания?

— Вот именно! — расхохотался в восторге Леви-Финкель, все еще не веря, что ему удалось сформулировать эту стройную теорию, объединившую и объяснившую не только все симптомы шизофрении, но и весь материал психологии и философии. — Ура! Друзья! Мы победили! Это открытие! Открытие психической энергии!

— Бене, дорогой, — обняла его со всей теплотой Светлана Алексеевна, — я так рада за тебя! Так рада, что ты смог наконец до конца сформулировать свою научную гипотезу! Но давай будем осторожны на этот раз, я тебе прошу! Не будем спешить с научной комиссией и защитой диссертации. Давай дадим время твоим пациентам, хотя бы пару лет. Прежде чем мы огласим нашу новую теорию, и сделаем такую громкую заявку на открытие. Сам понимаешь, все бросятся на нас, и каждый посчитает за честь загрызть твою теорию в ее колыбели.

Бене хохотал, утирая слезы. Все эти формальности казались ему теперь такой мелочью по сравнению с тем, чего ему стоило извлечь эту стройную теоретическую схему, отвечающую всем фактам, из своего мышления. Это была настолько трудная задача, что ему все еще не верилось, что он сумел ее решить

— Конечно, милая Света, конечно, мы все проверим! Мы будем ждать два года, а если надо три года! Но это уже неважно, друзья! Я вам говорю, что мы нашли решение, и его у нас уже никто не отнимет!

— Расскажи еще немного о том, что есть шизофрения, исходя из твоей теории двух силовых полей в психике. — Нина Александровна не могла сдерживать слезы, и тихо плакала в углу. Она думала о Саше, которого теперь наверное можно будет спасти, а потом думала о своей любви к Бене и слезы счастья потоками струились из ее глаз.

— Плакать не надо, Ниночка. Теперь у нас все будет хорошо. Вы правы, есть две энергии. Одна — фундаментальная, разумная и живая, другая — паразит, ну вроде бактерии, по аналогии с биологией, только это неживая и неразумная, механическая энергия. Это силовое поле Эго и СуперЭго, назовем его Эгосистема, и запускает эту энергию паразит, разрушающую Дух человека, то есть его здоровую и разумную энергию. В основе обоих силовых полей — закон сохранения силы психики. Эго, то есть ложное Я, человек ощущает как тщеславие, и как страх стыда и сверхъестественных сил. Потому от него все зло — зависть, ревность, злорадство, насилие и подчинение. Пока человек

не знает, что Эго — это энергия-паразит в его сознании, то что гуманисты называют «ложным Эго», он защищает это Эго: люди завидуют, ненавидят, хитрят, подличают, убивают, раболепствуют. Это поведение люди испокон веков называли аморальным, но не могли доказать, почему безнравственность –зло. Здесь доказательство очевидно. Потому что эта энергия не имеет своей силы, это паразит на теле Духа, то есть разумной и живой энергии мышления и совести. И этот паразит разрушает истинную силу и истинную энергию человека — его дух.

Так вот. Эгозащита приводит к тому, что истинная энергия и истинная сила человека разрушаются. Поле интеллекта и его эмоции совести и сочувствия разрушаются. Остаются только автоматизмы силоовго поля подсознания: противоборство Эго и СуперЭго. Эта структура подсознания и оформляет обрывки мировоззрения в четкую бредовую структуру. Она же создает впечатление акцентирования противопоставления Я и среды, хотя Я уже нет, остались фрагменты. Это и есть «расщепление», шизофрения — распад духа, и остатки автоматизмов структуры подсознания. Сама по себе энергия подсознания не существует, она паразит на теле Духа, и если живая ткань духа разрушена, то остаются одни мертвые автоматизмы. Потому мышление оказывается первое время сохранным, потому уплощение и омертвение эмоций. И наконец, именно поэтому в конечном периоде, если не повернуть процесс вспять, наступает полное слабоумие и омертвение, а затем и биологическая смерть.

— Все же, надо еще объяснить разницу между маниакально-депрессивными психозами и шизофреническими. Почему в случае с шизофренией метафизическая интоксикация? — спросил Винцент Григорьевич

— Потому что Эгозащита в случае с шизоидами — интеллектуальная. Они завоевыют СуперЭго в философских системах, и в стихах как Гельдерлин. А в первом случае эгозащита — физическая.

Коллеги встали и приветствовали речь своего главврача шумными аплодисментами. Даже если считать, что его теория

еще могла не оправдаться, красота и стройность, глубочайшая продуманность деталей и вовлечение самого обширного эмпирического и теоретического материала были бесспорными. В любом случае, как памятник человеческой мысли это открытие психической энергии уже существовало.

ГЛАВА 12. ГАЛИЛЕЯНИН

Пастор Орлов наотрез отказался уезжать без Веры Сослановны, с которой он больше никогда не расставался. Они проводили долгие часы за задушевными разговорами, вместе читали, вместе гуляли в небольшом садике клиники, и по истечении двух недель уже знали друг о друге все. Андрей Николаевич был восхищен и растроган до самых сокровенных глубин своего сердца непосредственностью и искренней добротой Веры, ее природным умом и веселым характером. В сочетании с внешностью мадонны кисти мастеров Возрождения эта особенность ее характера производила впечатление ангела во плоти. Дружба с этим ангелом явилась таким подарком небес, какого он уже не ожидал в горечи последних лет своего существования. Ее не наигранная наивность была под стать такой же спонтанной скромности. Простодушие приводило его в восторг, скромность умиляла, а веселость давала силы жить и самому радоваться жизни.

— Ты такая красивая, как Мадонна Рафаэля Санти, Ботичелли или Леонардо! Понимаю теперь слова Пушкина: «Одной картины вечный зритель желал быть я». Дай мне хоть одно фото, пожалуйста.

Вера Сослановна заливалась своим хрустальным смехом.

— Я? Красивая? Я никогда не была красивой. У меня нет ни одного фото. Я все уничтожила. Мне не нравится, как я получаюсь.

И Верочка не обманывала Андрея Николаевича. Она действительно считала свои рыжие волосы слишком кричащими, а черты лица, напротив, слишком бесцветными. Белизна кожи

тоже не устраивала ее, поскольку к лету она покрывалась красными веснушками. К тому же у Верочки был отменный аппетит, и ее смущала ее полнота, которая очень нравилась Андрею. Сам он забывал о еде, и как всегда в таких случаях, казался себе слишком тощим.

— Люблю смотреть, как ты ешь, — говорил ей Андрюша. — Тогда и мне хочется есть.

Нет, она совсем не кривила душой, когда не верила его комплиментам, но все же ей было очень приятно это слышать. Ее застенчивость простиралась так далеко, что дома, пока живы были родители и она жила с ними во Владикавказе, она почти ни с кем не общалась кроме родных, соседей и одноклассников. Стоило прийти кому-то незнакомому, как она пряталась в своей комнате. Особенно она стеснялась мужчин, так что, несмотря на свою красоту, у нее к 40 годам никогда не было бой-френда. Андрей был первый мужчина с которым она не чувствовала себя неловко. Верочка не могла сказать, почему именно. Может потому, что она была его нянькой и почти мамой все это время его тяжелой болезни. Может потому, что он был священником, а она православной христианкой. Может быть потому, что его болезнь позволила увидеть в нем просто человека, а не мужчину. А может все вместе. Но с Андрюшей она могла спокойно говорить, как когда-то с папой, единственным мужчиной, которого она не стеснялась.

Она искренне привязалась к этому светлому юноше и глубоко переживала его трагедию. Помочь ему — вот цель, для которой она теперь жила. И она никогда не спрашивала себя, была ли это влюбленность, или просто христианское милосердие. С той же непосредственностью, с которой она слушала импульсы своего сердца, когда пряталась в своей комнате от всех претендентов на ее руку и сердце, теперь она раскрылась навстречу этой нежности и состраданию, которые влекли ее к Андрею. Она не думала о том, что шизофрения — это диагноз на всю жизнь, и что это диагноз умственной инвалидности. Не думала о том, что болезнь Андрюши не из тех, которые просто заставляют

страдать, а из тех, которые вырывают человека навсегда из обычной социальной жизни. Никогда она не задавалась вопросом ни о его финансовом положении, ни о связях его семьи. Ее сердце открылось навстречу мужчине, которого она опекала словно своего младенца, и она больше не спрашивала себя, хорошо это или плохо, хочет ли она выйти за него замуж, и хочет ли он женится на ней, будут ли они дружить всегда, или им придется расстаться. Она просто была рядом, пока могла, и поддерживала его, чем могла.

Эта то непосредственность и восхищала так Андрея. Он настолько увлекся своим рыжим ангелом, что болезнь совершенно его отпустила. В его сердце зарождалась весна, с ее благоуханием и журчанием всех живительных соков жизни. Она была золотым дождем, пролившемся на него, и окутавшим его облаком безмятежного счастья.

— Я не могу с тобой поехать в Израиль! — очень серьезно сказала ему Верочка, когда он попросил его сопровождать. — Здесь моя работа. А уехать с мужчиной — совсем другое дело! — она возмутилась его бестактности.

— Но ведь ты уехала и живешь с мужчиной, с твоим братом.

— Это моя семья. Это другое дело.

— Тогда выходи за меня замуж, и я буду твоей семьей. Давай, поженимся, Верочка! — эти слова сами собой сорвались с губ Андрюши. И никогда за всю жизнь он не говорил ничего более естественного. В самом деле, Верочка могла быть только его женой, это так же верно, как солнце над головой и осенние листья под ногами.

И Верочка так же спокойно и просто ответила, словно речь шла о чем-то будничном.

— Хорошо. Поженимся. Но ехать с тобой я все равно не смогу.

Все уговоры оказались тщетными. Доктор Бене был в отчаянии.

— Хотел отправить Андрея к морю и солнцу, а Верочка уперлась и не едет! — жаловался он Тамрико.

— Эх, какую ты невесту упустил! — пропустила его слова мимо ушей мать. — такую чистую душу я никогда не видела. Все ее подруги вышли замуж, дети уже взрослые у них, а она в сорок лет только на их детей радуется. Знаешь, о чем она со мной говорила? Рассказывала, какими чудесными они были детьми! Совсем не знает что такое зависть. Ей уже сорок лет, у нее никогда кавалера не было. Прячется от всех как ребенок. Андрюша молодец, правильный выбор сделал. С ним ей будет лучше, чем с тобой, упрямым ослом! Или начнет рассказ о маме и папе, они для нее святые. И такое счастье на ее лице. Ничего ей не надо только бы они живы были. И будет себе во всем отказывать, а другим поможет. Она себя этим до того довела, что сидела несколько месяцев дома, не в чем было выйти. И все равно не жалуется! Довольна, улыбается, говорит, я сама во всем виновата!

Тамрико покосилась в сторону Нины Александровны, чью связь с ее сыном она крайне не одобряла. Если бы ее Бенедикт был еще молод, она бы его отчитала. Теперь Тамрико побаивалась сына и молчала.

— Мама, вы — чудо! — сказал Бене, делая вид, что не понял ее выпада против Нины Александровны. — Как же я сам не догадался! Ей просто ехать не в чем! Пожалуйста, Тамрико, проследи, чтобы ей купили все необходимое для отдыха. Это будет наш свадебный подарок!

— Да она ватница с православием головного мозга, — не сдержалась Нина Александровна. — Смотрит передачи Соловьева и верит, что запад наш самый страшный враг. Так страдает, а все равно хвалит и страну и правительство. Во всем себя винит: мы грешные, должны пояса потуже затянуть. Понятно, если бы она была одним из олигархов Путина. Они патриоты, пока есть что красть у народа. А такие наивные патриоты как она еще хуже: из-за них мы стоим на одном месте, из-за них у нас никогда не будет настоящей демократии. Они ведь верят патриарху, что правительство святое, и что во всех бедах надо винить себя. Не поедет Вера в Израиль, просто потому что считает запад пер-

вым врагом отечества! — рассмеялась Нина, довольная своей тирадой. Не понимала она этого всеобщего восхищения наивной дурочкой.

— Я знаю, что она патриотка. Ну и что, мы все любим свою родину! — выпрямилась Тамрико, принимая вызов. — Я вот Грузию свою больше жизни люблю, почему ей не любить Россию, где она родилась и выросла! Да, она наивная, видит во всех хорошее, верит священникам и патриарху. Это потому что у нее сердце чистое.

Тамрико сама запуталась в этой сложной политике, в которой ее простой ум ничего не понимал. Она любила Советский союз и Сталина, как все грузины, и презирала современную России и Путина. Саакашвили считала лучшим президентом, спасшим Грузию в период безвременья. Тот факт, что он сам напал на Осетию в 2008, и понес заслуженное наказание со стороны мирового сообщества, Тамрико наотрез отказывалась признавать. «Напал, не напал — это наша земля. Все это знают и они сами это признают. Они первые на нас напали, мы только хотим взять свою землю назад». «Тогда надо вернуть Константинополь грекам, — смеялся Бене, — кто не знает, что Константинополь греческий». Но Тамрико ничего не хотела слушать.

— Израиль — не запад, — примирительно возразил Бенедикт Яковлевич, строго взглянув на Нину Александровну. — Мама, купите, пожалуйста, все необходимое, и попробуйте уговорить Веру ехать с Андреем. Вас она послушает.

— Мне надо работать! — встала Нина Александровна. — Извините, я пойду.

— Деда, ты могла бы хоть иногда уважать мои чувства! — переходя на грузинский обернулся Бенедикт Яковлевич к матери, когда они остались одни. — Нина — это все что у меня есть. Ты хочешь, чтобы я опять остался один? Ты понимаешь, что ее любовь меня спасла? Ты понимаешь, что я не могу любить любую женщину, что мне надо знать человека, верить ему, уважать его. Мы уже десять лет вместе работаем. И она была так добра, что подарила мне вою нежность и свою любовь. Деда, не все в жиз-

ни свадьба решает. Когда тебе дают любовь надо быть благодарным!

— Ты никогда не женишься, упрямый осел! Сил моих больше нет! — прослезилась в ответ Тамрико. — Я мечтаю нянчить внуков, а ты то пятнадцать лет по умершей жене грустишь, то любишь замужнюю! А когда у тебя под носом красавица и умница, ты говоришь, что никогда не женишься! Кто будет за тобой смотреть, когда я умру! Ты ведь не можешь с чужими людьми. Хоть о себе подумай, если тебе на мать наплевать.

Тамрико смогла уговорить Верочку, которая, как выяснилось, действительно не хотела ехать, потому что ее летний гардероб включал только одно платье и одни босоножки. Каждый вечер после работы она стирала свое платье, и наутро вновь его одевала. Дешевую одежду, которой было много на рынках, она носить не могла. «Если я буду выглядеть нелепо, я не смогу выйти из дома». Кроссовки, штаны, куртки, шлепки — весь спортивный стиль казался ей нелепым. А классический стиль стоил дороже. Тамрико купила ей платья и туфли, блузки и юбки, купальники и косынки, и заставила ее принять. «Мама твоя умерла, ты теперь моя дочка, — сказала она ей. — Считай, это твое приданное».

Решили ехать на Тивериадское озеро, где когда-то проповедовал знаменитый галилеянин, и где у Миши Михельсона жил брат с семьей. Верочка никогда не была на море, и никогда бы не поехала, если бы вдруг не вышла замуж. Но она и по этому поводу не грустила, считая, что для ее белой кожи яркое солнце очень вредно. Гарцевать на пляже в купальнике она стеснялась, и в конечном итоге стала приходить на берег на заре или совсем вечером.

— Ты только послушай, Верочка, что пишет Ренан о Тивериадском озере Иисуса, — Андрей принес свою любимую книгу «Жизнь Иисуса» Ренана, и зачитал молодой жене целый абзац, посвященный этому озеру. Верочка слушала полная трепета и благоговения. Она любила и почитала своего мужа, в глубине души решив, что он страдает, как страдали все святые.

«Его деятельность ограничивалась бассейном Тивериадского озера, но и в нем у него была излюбленная область. Озеро это, 5 или 6 миль в длину и 3,4 в ширину, образует, начиная с Тивериады и до устья Иордана, нечто вроде залива, изгиб которого равняется почти трем милям. Вот то поле, где семена Иисуса нашли хорошо уготованную пашню. По выходе из Тавериады вы видите вначале крутые скалы и гору, как бы готовую обрушится в море. Далее горы отступают, и почти в уровень с озером открывается равнина. Это прелестная ярко-зеленая роща, обильно изборожденная водами, выходящими из большого круглого бассейна античной постройки. У входа в равнину, которая и есть область Генисарета, лежит бедная деревушка Меджедель. На той окраине долины местность бывшего города, чудесные воды и красивая дорога, узкая, глубоко высеченная в скале, дорога, по которой часто наверное ходил Иисус, и которая служит сообщением между равниной Генисарета и северным скатом озера. Озеро, горизонт, кустарники и цветы — вот все, что осталось от небольшого уголка, где Иисус основал свое божественное учение. Деревья окончательно перевелись. Озеро стало пустынным. Единственная лодка самого жалкого вида бороздит теперь эти воды. Но воды по прежнему легки и прозрачны. Берег из камней и галек, точно берег небольшого моря, а не пруда. Он всегда чист и опрятен. Небольшие мысы, покрытые олеандрами, тамариндами, и каперсовыми колючими кустами, все высовываются на нем; в двух местах, при выходе Иордана у Тарихеи и у берега Генисаретской равнины, есть душистые цветники, где волна докатывается, замирая в сплошных газонах и цветниках. Ручей образует как бы небольшой лиман с ракушками дивной красоты. Тучи плавающих птиц покрывают озеро. Горизонт ослепителен светом. Воды, цветы небесной лазури глубоко врезались в палящие скалы, и если смотреть на них с высоты гор Сафеда, они кажутся как бы на дне золотого сосуда. На севере снежные лощины Гермонта выделяются на небе белыми очертаниями; на западе высокие плоскогорья Гавлонитиды и Переи, совершенно бесплодные, окутанные в какую-то бархатистую атмосферу, представляются сплошной горой, бесконечно тянущейся к югу. Четыре, пять деревень, расположенных в расстоянии получаса ходьбы одна от другой, — вот маленький мир Иисуса в описываемую нами пору. В этом земном раю, которого до той поры мало коснулись великие исторические перевороты, жило племя, вполне гармонировавшее с самой местностью, деятельное, честное, полное радостного, нежного чувства жизни. Тивериадское озеро — один из самых рыбных бассейнов на свете. Эти семьи рыбаков составляли общество, кроткое и мирное. Жизнь, мало занятая, давала полную свободу их воображению. Идея Царства Божьего нахо-

> дила в этих небольших общинах добрых людей более веры, чем где либо. Там Иисус обрел свою настоящую семью. Он устроился там как свой: Капернаум стал его родным городом, и среди маленького кружка, его обожавшего, он забыл про своих братьев-скептиков, неблагодарный Назарет и его насмешливое неверие».

Андрюша никогда не был так счастлив. Михаил Исаакович привез их к своим родственникам в северный Израиль, в ту саму Галилею, где родился Христос, и Андрей считал это знаком свыше. И хоть Миша от души приглашал молодоженов поселиться в доме его брата, Верочка настояла, чтобы они сняли номер в отеле. А вскоре она совсем запретила Андрею Николаевичу подолгу засиживаться у Михельсонов. Уже в первую неделю Андрюша с такой горячностью спорил с Мишей, что потом расстроился и убежал бродить по берегу озера. Миша пришел искать его в отеле.

— Я переживаю, — сказал он Вере виновато, — увлекся спором, забыл совсем, что он не совсем здоров. Лишь бы он теперь не пришел с отрезанным ухом, как Ван Гог после ссоры с Гогеном.

Эти слова так напугали Верочку, что она больше слушать ничего не хотела о долгих беседах Андрея с Михаилом Исааковичем. И настолько взяла себя в руки, что стала ходить с Андреем на пляж в обычное время, чтобы ее присутствие помешало слишком увлеченным и слишком серьезным беседам. Она обвязывала лазурную косынку, подаренную Тамрико, вокруг своих круглых бедер, и носила закрытый купальник. И все равно все взоры были обращены к ней.

— Какая красавица у тебя жена, — говорил Андрею Миша Михельсон, смеясь. — На такой и я бы сейчас женился.

— Бог даровал мне прощение. Я молюсь и благодарю и днем и ночью. Я так счастлив, Миша, что боюсь, что это все сон. Раньше меня мучили приступы страха, но с тех пор как она со мной, веришь ли, даже подумать о чем-то другом не могу. Все во мне звенит, все песня любви. И даже обладать ей мне необязательно. Лишь бы она была рядом, лишь бы видеть это лицо Мадон-

ны, лишь бы ее белые руки с прежней заботой меня обволакивали. И чтобы солнце играло в этих пышных рыжих волосах. И больше мне ничего не надо.

— Это пройдет, друг. — сказал ему Миша со знанием жизни. — Так всегда, когда только полюбишь. Потом обычные жизненные проблемы возьмут свое. И твои бараны, твои мучения с философией христианства опять станут самым важным в твоей жизни. Признай, без Бене тебе не видеть бы этого счастья. Разве смог бы ты полюбить, если бы не его когнитивная терапия в течении года?

— Мне не надо это напоминать, Миша. Доктор Бене — это мое второе рождение. И покуда я жив, я буду это помнить. И все же без любви Верочки я бы не выжил. Ты знаешь, Миша, у нее нет высшего образования, она только медсестра, но она замечательно умна! Она хорошо знает русскую литературу и неплохо ориентируется в другой классической литературе. У нее есть душа, Миша, это ли не богатство, когда обладаешь еще такой красотой.

— Не знаю, Андрюша. Видишь, если бы не ты, она оставалась старой девой. В наше время душа не пользуется большим спросом. Она ведь очень застенчива, слишком застенчива, чтобы жить в нашем мире. Ты так же ей необходим, как она тебе.

— Со мной она не застенчива, — гордо рассмеялся Андрей Николаевич, — командует! Такая хозяйка, Миша! Не сядет, не отдохнет, и все посчитает, распланирует. Везде у нее порядок. И за мной следит, чтоб я не слишком нервничал. Вот и с тобой спорить запретила. Ты бы видел, как мне досталось после той нашей ссоры! И к вам селиться меня не пустила. Миша, говорит, великодушная душа, предложил нам быть гостями. А мы говорит, не должны быть свиньями и злоупотребить его великодушием. Есть же, говорит, у нас деньги на мебель, мы на отель потратим. А потом и на мебель заработаем. А я счастлив ее слушать во всем.

— Да, ты серьезно влип, голубчик, — хохотал Миша, — но скоро тебе наскучит слушаться, поверь. Думай уже сейчас, как вожжи натянуть.

Андрей любовался своей Верой, выходящей из озера словно Венера из пены морской. Вот она упала под натиском набежавшей волны, и ее серебристый, по-детски восторженный смех живительной музыкой проник в самую глубь его существа. Он засмеялся в ответ своей прекрасной музе. Андрей сдержался и ничего не ответил Мише, он дал слово себе и Верочке больше не спорить с ним.

В прошлый раз они поссорились по теме, глубоко волновавшей их обоих: связь иудаизма и христианства. Орлов хвалил Михельсону «Жизнь Иисуса» Ренана и утверждал, что для дальнейшего развития христианства жизненно необходимо принять «исторического Христа», то есть Христа как личность, и отказаться от примитивной и детской теории богочеловека. Что Христос был таким же человеком как все другие крупные мыслители и художники, он был певцом духа, как до него Пифагор, Сократ и Платон. Михаил Исаакович вскипел праведным гневом от одного этого предположения. «Иисус — потомок царя Давида, еврейский пророк от колена Иуды! Все еврейские пророки были вдохновлены откровением господним! Как можно так профанировать религию! Как можно называть их мыслителями, поэтами, историческими личностями».

— Миша, концепция откровения не совместима с современным научным мышлением, поверьте мне! — горячо убеждал его пастор Орлов. — Мифологический Христос — это пошлая сказка, которая оскорбляет разум просвещенных людей. И это очень вредная сказка, в которой все самое ценное в христианской философии затушевывается чудесами и мистикой вроде непорочного зачатия, воскрешения мертвых и собственного воскресения. Помилуйте, столько книг об этом написано, вы меня удивляете, Михаил Исаакович! Вы же ученый! Об этом писали Штраус и Толстой, Швейцер и Ренан, Лессинг и Гете, Ясперс и Шеллинг, Спиноза и Дильтей! Все они принимают исторического Иисуса, то есть человека, мыслителя, который развивал греческую идею Духа, Логоса, совместив ее с идеей Духа иудейского пророка Исайи. Но они же отказываются принимать

Иисуса — волшебника, который якобы родился от бога и сам бог, и который дал людям Закон в виде стихов Евангелия. Евангелие прекрасно, если понимать его как стихи, как поэзию духовной энергии человека, но если понимать его как продиктованный богом закон, где священна каждая буква и каждое предложение, то это нелепица. Больше того, это преступление против христианской философии, потому что такая интерпретация уничтожает эту самую духовную энергию человека

— Что я слышу! — вскипел Михаил Исаакович. — Вы говорите, что Христос развивал греческую философию! А ведь он — потомок царя Давида и еврейских пророков. Конечно, все священные писания — это результат божественного откровения, и все они святы. И никто не имеет права менять в них ни буквы без богохульства. Или вы не знаете слов Христа: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо… доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота… не прейдет из закона, пока не исполнится все»

— Да, это стихи 17 и 18 в Евангелии от Матфея! И Фридрих Штраус вот как отвечает в «Жизни Иисуса». Он кстати, после Лессинга, первый кто стал писать об историческом Иисусе и вдохновил Эрнеста Ренана и Альберта Швейцера. Штраусс говорит, что Христос действительно говорил эти слова, но они имеют другой смысл, если сразу за стихом 17 поставить стих 20, так как 18 и 19 с ним не связаны, и что это поздняя переделка тех, кто был в оппозиции к апостолу Павлу, сказавшему что христианам необязательно чтить моисеев закон:

> «Но вслед за тем в стихе 20 говорится: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царствие Небесное Тогда окажется, что иисус изъясняет смысл своей миссии — исполнение или усовершенствование Закона — не так, как это теперь указано у Матфея, не совершенно неожиданным заявлением о строгом соблюдении иоты закона, а совсем иначе: указанием на то, что он пришел не нарушать, а исполнять закон, так как фарисейское исполнение закона, избегающее явных злодеяний и не противящееся злым помыслам, или пустая законность при безнравственности, ничего не стоит. Если мы так пред-

> ставим ход мыслей Иисуса, тогда все будет ясно и окажется в полнейшем соответствии со всей деятельностью Иисуса. Ибо как это видно из стиха 21 и следующих, где говорится о Моисеевом законе, воспрещающем убийство, прелюбодеяние и клятвопреступление, — «превзойти праведность»фарисеев означает исполнять не только букву, но и дух Закона; это означает избегать не только злодеяния, но и помыслов, не только убийства, но и ненависти и мести, не только прелюбодеяния, но и похоти. Потом, когда апостол Павел обратился с проповедью к язычникам и указал, что для христиан соблюдение моисеевых обрядов не обязательно, это указание среди иудео-христиан вызвало сильный переполох, как это видно из посланий самого Павла: тогда иудео-христиане решили вставить стихи 18 и 19 за стихом 17, хотя за ним должен следовать стих 20»

— Какое вранье, эти ваши исторические Иисусы! Евангелие — не любовный роман, чтобы в нем стихи менять. Это откровение Господа нашего! Разве бог бы позволил вмешиваться в его священное писание?

— По этому вопросу вам надо к Спинозе обратиться! — пастор Орлов был поражен такой глубокой мистикой у уважаемого профессора. — Вы же помните книгу, «Богословско-политический трактат», за которую его исключила синагога, и запретила печатать католическая церковь? Так вот там он смеется громким смехом над теми дураками, которые считают священными все буквы писания, и не хотят признавать, что это исторический документ, в котором (он это признает!) есть и откровение, но при этом много и вставок, и утерянного текста, и неправильной верстки. Спиноза первым сказал, что древнееврейские пророки принимали бога воображением, потому искажали, даже если не хотели (но он признает книгу откровением!). И что Христос, в отличии от них, принимал уже Разумом, потому его текст более правилен и более важен.

Я помню это место наизусть. Я учил этих здравых людей, когда лечился от своей мистической болезни:

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Те, кто принимает Библию такой, какова она есть, за письмо божье, ниспосланное людям с неба, без сомнения, возопиют, что я совершил грех против святого духа, именно: утверждая, что это слово

божье содержит ошибки, пропуски, подделки и не согласно само с собою и что мы имеем только отрывки из него и, наконец, что подлинник договора божьего, заключенного с иудеями, погиб. Но если бы они захотели обсудить самый предмет, то, я не сомневаюсь, они тотчас перестали бы вопить. Ибо как сам разум, так и высказывания пророков и апостолов ясно гласят, что вечное слово и договор бога и истинная религия (Religio vera) божественно начертаны в сердцах людей, т. е. в человеческой душе, и что она есть истинный подлинник божий, который бог скрепил своей печатью, т. е. идеей о себе, как отображением своей божественности.

Письменно, в виде закона, религия была передана первым иудеям потому именно, что они в то время считались как бы детьми. Но впоследствии Моисей (Второзак., гл. 30, ст. 6) и Иеремия (гл. 31, ст. 33) предсказывают им, что настанет время, когда бог напишет свой закон в их сердцах. Наконец, если они согласно известному выражению апостола во II Послании к коринфянам (гл. 3, ст. 3) имеют в себе письмо божье, написанное не чернилами, но духом божьим и не на скрижалях каменных, но на плотских скрижалях сердца, то пусть перестанут почитать букву и столь заботиться о ней....

Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, — чтобы их одних считали обладателями тайн божьих; знаю по крайней мере то, что я ничего у них не читал, что отзывалось бы тайною, но только детские рассуждения. Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно надивиться. А что ошибки, как мы сказали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек.

..Затем, хотя религия, в том виде, в каком она проповедовалась апостолами, т. е. в виде простого рассказа об истории Христа, не подлежит ведению разума, однако суть ее, состоящую главным образом из нравственных правил, а также и всего учения Христа каждый может легко усвоить при помощи естественного света. Наконец, для того чтобы религию, которую прежде подтверждали знамениями, приспособлять к обычному пониманию людей, так чтобы каждый легко принимал ее сердцем, апостолы не нуждались в сверхъестественном свете; не нуждались они в нем также и для того, чтобы назидать людей... Итак, Христос воспринимал откровения истинно и адекватно.»

— Кстати сказать, — заключил свою речь пастор Орлов, — Лессинг, который признал себя в конце жизни спинозистом в знаменитом разговоре с Якоби, почти в точности повторяет

эту мысль Спинозы в «Воспитании человеческого рода»: что бог открывается людям понемногу, по мере развития их сознания, и потому писания важны, ценны, но ни в коем случае не законы и не буквы в них, а только дух. И что по мере взросления научного ума человека, эти откровения примут форму научной теории. А священные писания станут только историческими памятниками, которыми уже никто не будет пользоваться в религиозных целях.

— Не думал, Андрей Николаевич, услышать от вас такой откровенный антисемитизм! Вы называете иудаизм, основу основ божественного откровения — свалкой истории, и утверждаете, что Спинозу, великого еврейского философа, выгнали из синагоги и что он называл каббалистов безумными болтунами! Он сам был первый каббалист, неужели вы этого не знаете? Как же вам не стыдно вместе со всей этой шоблой антисемитов говорить такие мерзости об иудаизме? Почему вы против Моисеева Закона? Вы знаете слова Иисуса о Моивеевом законе: «Возлюби бога своего всем сердцем и своего ближнего больше самого себя»! Вот что Христос говорит о Моисеевом законе! А вы утверждаете, что Христос отрицает Моисеев закон!

— Да нет же! Нет же! Милый Михаил Исаакович! — Андрей уже сильно нервничал и не знал, как выйти из этой злосчастной беседы с честью, и чтобы не обидеть друга. — Вспомните «Историю израильского народа» Ренана! Сколько прекрасных, прекрасных слов он говорит о еврейском народе! Между прочим, он признает только три великие цивилизации: Грецию, Рим и Израиль! Да! Из этих трех могучих потоков составилась цивилизация земли, как он утверждает. Греция дала метафизику и науку, Израиль — милосердие и социализм, а Рим — всемирное государство, которое соединило и распространило культуру по всей земле. Его мысль в том, что Христос (да!) отрицает закон Моисея, но делает это вслед за Исайей, Амосой, Осией и другими, кто противопоставлял внешнюю обрядность — внутреннему духовному богослужению. Он называет внешнюю обрядность — яхвеизмом, а внутреннюю духовность — элогизмом. Ренан назы-

вает это «реформой пророков», и говорит, что Христос был последним среди великих пророков и завершил их революцию — переход от внешней обрядности к духовному богослужению. Победа элогизма над яхвеизмом. Так что как видите, здесь нет никакого антисемитизма, и никакого противопоставления иудаизма христианству. И Штраус в «Жизни Иисуса», между прочим, того же мнения. Вот послушайте:

> «Ненавижу, отвергаю праздники ваши, — говорит Яхве устами Амоса, — и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших… Пусть, как вода, течет суд, правда — как сильный поток» «Ибо, — говорит Яхве у Осии, — я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» То же проповедовал повсеместно Исайа, а Михей вопрошает: «С чем предстать мне пред Господом, преклониться перед богом небесным? Предстать ли пред ним со всесожжениями, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить господу тысячами овнов или несчетными потоками елея? О человек! Сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед богом твоим» наконец, Иеремия идет еще дальше и говорит народу от лица Яхве: «Ибо отцам вашим я не говорил и не давал заповеди в тот день, в который я вывел их из земли египетской, о всесожжении и жертве». Однако, наблюдается не одухотворение религии, а возрастающая строгость в деле соблюдения внешних обрядовых постановлений. В эпоху Селевкилдов могло показаться, что после Македонского, приобщившего Восток к греческой культуре, обычаи и идеи греков стали прививаться и евреям Палестины. Однако в эпоху восстания Маккавеев, евреям удалось отторгнуть от себя чуждые элементы, чтобы затем еще более замкнуться и застыть в тесной сфере самодовлеющей обрядности. Таким образом, позднейший иудаизм заметно регрессировал по сравнению с тем, как его понимали пророки времен изгнания: помышляя о внешнем благолепии богослужения, развивая и усложняя лишь обрядность, евреи несравненно более удалились от взыскуемого ими бога, чем пророки, которые усматривали бога в духе человеческом, а в благочестии и человеколюбии понимали истинное богослужение».

— Видите, Миша, милый, здесь нет никакого антисемитизма! Да как бы я мог! Вы — мой друг, и доктор Бене — мой друг, а я буду антисемитом! Страшные вы вещи говорите.

— Платон мне друг, но истина дороже. У каждого своя истина. — не сдавался Миша Михельсон.

— К счастью, истина такова, что ничего плохого об евреях и иудаизме из нее не следует. Все народы начинали из мистики, все народы должны были развиться из своего мифологического сознания до научного сознания. Вспомните «Религию семитов» Робертсона Смита. А евреям повезло наряду с греками и с римлянами сделать для цивилизации больше других. Я должен идти, Миша! Я расстроен и мне надо подышать свежим воздухом.

Андрюша вдруг осознал всю глубину пропасти между доктором Финкелем и его современниками. Михельсон совмещал в себе несовместимое: он был психоаналитиком и принимал на веру каждое слово Фрейда, и в то же время он оставался правоверным иудеем. Доктору Бене Леви-Финкелю он был благодарен за то, что тот научил его чтить других его соплеменников: Абрахама Маслоу и Эриха Фромма, Альфреда Адлера и Виктора Франкла, Стенли Милграма и Люсьена Леви-Брюля, этих гуманистических психологов, различавших в человеке разумный дух и мистическое подсознание. Он гордился своим сионизмом, и каждым из известных евреев, как бы не различались их мнения и место в истории. А уж если критиковали иудаизм, он приравнивал это к антисемитизму. Как в одном человеке уживался фрейдизм и иудаизм понять было также сложно, как один и тот же человек мог равно чтить Льва Троцкого и Карла Поппера.

Андрей всего этого не знал, полагая, что Миша Михельсон также образован как Бене Финкель и обладает его тонким и глубоким умом. Поэтому несуразности в аргументации его нового врача сначала совершенно его обескуражили, — настолько, что его искренняя вера была оскорблена и он просто убежал от Миши бродить по берегу озера. Но теперь он понял, что Финкель стоит особняком от всех обычных людей, и что именно это сделало его новатором и первооткрывателем. И что никто другой не смог бы в свое время распутать клубок его метафизических изысканий и поставить его на путь истинный. Понял, и простил

Мише его любовь к своему народу, которая мешала ему быть объективным, принимая с одинаковой любовью и хорошее и плохое историческое наследие.

Верочка со всей основательностью расспросила Андрея Николаевича о причинах его ссоры с Михаилом Исааковичем. Его умиляла эта ее серьезность во всем, что касалось хозяйства и его здоровья.

— Разве не грех говорить, что Иисус — человек, Андрюша? — сказала она, наконец, в глубоком сомнении. Она уважала мужа, видела, как тема его волнует, и не верила своей силе рассуждения. — Не знаю, я читала Евангелие как все и принимала на веру. Не могу дерзнуть анализировать, как ты. Но вот что я подумала, пока тебя слушала. А если Христос не бог, а человек как ты говоришь, и просто рассказал нам правду? То что это за правда? Как понять без божественности любовь ко всем людям, и плохим и хорошим? «Делайте, как отец ваш Небесный... как он велит солнцу вставать и над добрыми и над злыми, и дождю идти над праведными и неправедными»? Как это может сказать человек? Что это за научная теория, которая зло побеждает добром? «Сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам, не противьтесь злому»?

— Это прекрасная теория человеческого духа, Верочка! И не Христос начал рассказывать о ней! До него были Заратустра и Будда, Пифагор и Сократ, Платон! Вспомни про осевое время Ясперса! Тогда пробудился Дух в человеке. Да, научная теория, и доктор Бене назвал ее теорией психической энергии! И только когда я понял, все что хотел понять в евангелии и в христианской философии на языке научной теории, я излечился!

Все очень просто: Христос как и все другие, кто говорил о духе, говорит об общей природе человека — о Духе, который у всех один и который есть один. Леви-Финкель называет это общим силовым полем интеллекта и совести. Поэтому все люди даже не братья, все люди — есть ОДНО. И потому понятно, когда Христос говорит любить всех, и добрых и злых, потому в КО-

НЕЧНОМ ИТОГЕ это правильно. В каждом злодее фундаментальная энергия психики — дух. Но это только в общем философском смысле следует понимать. Бороться со злом Христос велит в первую очередь: не мир я принес, но меч. И: кто не берет свой крест и не идет за мной. Понимаешь? Надо бороться со злом, а не с людьми, вот в чем идея! А зло — это эгосистема подсознания, как говорит нам открытие психической энергии. Энергия-паразит психики. Значит, выступая против зла, мы выступаем не против людей! И мы оберегаем людей этой борьбой со злом, так что без нее мы предаем их. Ведь зло в человеке убивает в первую очередь его самого. Потому так глупо и так порочно выражение — у каждого своя правда. Бороться за правду, за науку — вот единственный способ бороться со злом!

— Но почему нельзя оставить и открытие психической энергии, то есть и науку и священные писания? Каждому свое место? Так всегда было, испокон веку?

— Потому, что эта мифология чудес, эти тексты полные противоречий, которые можно толковать во все стороны, это догматика божественных откровений, где надо поклонятся букве вместо того чтобы мыслить и анализировать — все это уничтожает этот самый Дух на корню! А ведь именно Дух искали все великие мыслители осевого времени! Посмотри на меня! Что сделала со мной эта мистика. Я свихнулся самым настоящим образом. Но я хоть сделал плохо только самому себе, и никому не пожелаю такого пережить. Но ведь сотни священников сходят с ума иначе. Разве ты не знаешь, что насилуют сотни и тысячи детей. Эта статистика, не говоря уже обо всех страшных грехах христианской и других церквей, с их инквизициями и индульгенциями, говорит сама за себя. Нет, и не может быть теории духа на мифологической основе. Это сказочное мышление прошлого только искало истину, теперь оно мешает ее найти. Только научное мышление может найти дух и сохранить силу духа, сохранить силу мышления, совести, сочувствия, юмора, творчества — того основного, что составляет красоту и величие человеческой энергии.

— Как страшно от твоих слов, Андрюша, — задрожала Верочка прижимаясь к своему только что обретенному мужу, — мне все кажется, что ты богохульствуешь, и выступаешь против Господа. А ну, что нам будет за это? Я не хочу тебя потерять.

— Не бойся, милая, только эта дорога ведет к богу, поверь мне. Не я ведь ее придумал. Ты знаешь, что Бруно сожгли за то, что он утверждал, что однажды религия станет наукой и будет общей для всех? Дильтей хорошо об этом написал и вообще обо всех, кто думал также как Бруно. А Ясперс? Он утверждал, что философская вера — и будет такой рациональной религией, то есть наукой о духе человека. Науками о духе как раз и занимался Дильтей. Спиноза сказал об этом в своей философии, и еще конкретнее в богословском трактате. Лессинг в «Воспитании человеческого рода». Шеллинг, который как Лессинг считал себя спинозистом, говорил, что евангелие от Иоанна, где Иисус — греческий Логос станет последней ступенью развития науки. Первая — иудео-христиане Петра, вторая — протестанты Павла, а третья — ученые Иоанна. И все они говорили, что протестанты только начали движение, которое закончится научной формулировкой Евангелия. И спасибо тебе. Сейчас я понял в чем моя миссия. Я не просто так заболел. Бог дал мне поручение. Перевести на язык науки Евангелия. Я постараюсь изложить теорию духа в терминах теории психической энергии. Сделаю это задачей всей своей жизни. С помощью доктора Бене, конечно.

— И с моей помощью тоже, Андрюша. Я прочитаю все книги, которые ты читал. Не думай, что я дурочка. Если это дорога к богу, я сама увижу. А если нет, то отговорю тебя. Мы всегда теперь будем вместе, Андрюша.

ГЛАВА 13. ДОКТОР БЕНЕ ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЕ

Открытие, которое сделал Бенедикт Леви-Финкель, вдохновило весь коллектив. Теория психической энергии действительно сумела объяснить всю симптоматику шизофрении, чего до этих пор не удавалось ни одной другой гипотезе. Однако,

теория не была закончена до тех пор, пока не сформулирована методология психотерапии на ее основе.

Леви-Финкель много раз подчеркивал, что открытие психической энергии учит не лечить, а предупреждать психопатии и психозы. И именно как средство профилактики разрабатывал он свой когнитивный метод психотерапии. Однако, в тех случаях, где психоз не сильно разрушил психику, его вполне можно было применять и к лечению психозов и психопатий. Именно такими случаями были три случая, которыми сейчас занимался Леви-Финкель.

— Фрейд сделал великое дело в четырех аспектах:

1. Когда он изменил объект исследования, и поставил вместо мозга понятие психической энергии. Вся антипсихиатрия в дальнейшем опиралась на эту реформу Фрейда.

2. Когда он на место фармакологии и других методов биологического вмешательства в работу мозга поставил психологический анализ. Психоанализ — один этот термин означает глобальную революцию в психиатрии.

3. Когда разделил психику на сознание и подсознание, и заговорил о символизме подсознания, которое требует толкования. Однако, в конечном итоге он не понял, что сознание и подсознание — две различные энергии психики, и считал, что они вкупе образует единый «психический аппарат» человека.

Так Леви-Финкель начал свою речь, собрав коллег очередным утром, чтобы в пространной лекции изложить им методы когнитивной психотерапии.

— Однако, дорогие друзья и коллеги, признавая и почитая сделанный великий переворот в психиатрии, мы должны признать его незавершенность и ограниченность. Уже непосредственные ученики Фрейда, — Карл Юнг, Карен Хорни, Эрих Фромм — указывали на эту ограниченность теории Фрейда. Абрахам Маслоу продолжил критику в том же направлении.

Первое, что стало объектом атаки гуманистов в психоанализе Фрейда — это его непонимание наличия двух антагони-

стичных сил в психике. Философия и психология Кьеркегора, который видел психику человека как противоборство двух сил, живого разумного духа и автоматизмов механической энергии, для Фрейда оставалась совершенно чуждой. Зато именно философия Кьеркегора стала научным базисом всей гуманистической философии, которая развила это учение об «истинном Я и ложном Я» в психике человека, назвав этот феномен «центральным личностным конфликтом». Фромм называет эти две антагонистичные энергии — гуманистической совестью и авторитарной совестью, и упрекает Фрейда в книге «Гениальность и ограниченность Фрейда» в том, что тот не способен различать эти две несовместимые энергии психики, и смешивает их в одну систему.

Итак, мы вслед за гуманистами признаем, что психика неоднородна; что подсознание и сознание составляют не единый психический аппарат, как думал Фрейд, а «центральный личностный конфликт» двух несовместимых, энергий психики. Одна — разумная и живая, духовная энергия; и другая — мертвые автоматизмы механической энергии. Первая — сила и здоровье психики человека, вторая — болезнь, паразит на ее теле, разъедающий и разрушающий ее.

4. Четвертое революционное открытие Фрейда, которое до сегодняшнего дня не имело своих реальных последствий из-за неправильной интерпретации, — это поле Эгосистемы, которое было обнаружено Фрейдом эмпирически, в результате психоанализа сотен и тысяч пациентов. Эго и СуперЭго, которые Фрейд описывает как систему двух противоположных полюсов — это силовое поле детерминированной энергии психики, которую сам Фрейд обозначал как подсознание.

Фрейд, как известно, не признавал автономности психической энергии от биологической энергии, и трактовал психическую энергию, в том числе энергию мышления и творчества, как «сублимацию» биологических инстинктов. До него Вильгельм Оствальд также формулировал понятие психической энергии как трансформации биологической энергии. Оствальд был эмпи-

риком, а мы представляем философию рационализма. Теория психической энергии, основанная на философии рационализма, строит свою систему на признании автономности психической энергии от энергии биологической (об этом говорил уже Карл Юнг, обособлявший психическую энергию от биологии в своей аналитической философии).

Автономность психики от биологии означает, что психическая энергия имеет свою систему законов, которые не сводятся к законам биологии. В том смысле, в котором иерархия наук Огюста Конта разделяет науки таким образом, что системы законов предыдущих наук автономны от систем законов последующих, которые включаю предыдущие.

Сделав все эти поправки к теории психики как психической энергии, мы можем приступить к обоснованию различий в нашем методе психологической терапии от метода психоанализа Фрейда.

Фрейд, как известно, считал задачей психоанализа толкование символов подсознания, которое он видел как импульсы биологических инстинктов. «Сделать сознательным» в его понимании значило довести биологический смысл символов подсознания до сознания. Мышление он считал простой «рационализацией», которая только превращает эти импульсы подсознания в символы, противодействует или содействует им в зависимости уровня внешнего давления, но всегда просто обслуживает биологические инстинкты. Поэтому психоанализ рейда сводился к пересказу детских воспоминаний, и попыткам истолковать эти воспоминания в ключе подавленных биологических инстинктов.

Наше понимание психической энергии кардинально отличается от понимания Фрейда. Мы пониманием психическую энергию как автономную от биологической энергии, как обладающую своей системой закономерностей. Мы знаем два силовых поля психики, и знаем, как они работают. Мы знаем что мышление — это не рационализация, обслуживающая биологические инстинкты, а особое поле духовной энергии человека, и что это

поле составляет фундамент всей психики человека. Мы знаем, что подсознание не только не составляет части разумной энергии психики, но противостоит ему как энергия-паразит, разрушающая его. Поэтому цель нашей психологической терапии совершенно иная: мы делаем акцент не на детские воспоминания, а на образовательный процесс, на познание и уяснения законов природы, и в первую очередь законов своей собственной психики. Законов двух силовых полей психики.

Для нас «Я» человека, то есть его психическая энергия — это не детские воспоминания и не биологические инстинкты, а знание закономерностей психики как таковой.

Психикой управляет закон сохранения силы. Силовое поле подсознания также запускает закон сохранения силы психики, как силовое поле энергии разума и совести. Когда человек, говорит «Я» — он имеет в виду «тот, чью силу надо сохранить». Такой смысл мы вкладываем в это короткое слово. Смысл этот очевиден для каждого, если вдуматься, но никто кроме нас пока его не сформулировал. Это достоинство нашей теории психической энергии.

Однако, имеется подвох. У человека есть два «Я», то есть два контроля сохранения силы: один — физический контроль сохранения силы, то есть силовое поле подсознания; и другой — интеллектуальный контроль сохранения силы, то есть силовое поле мышления и совести. И когда человек говорит «Я», он не зная того, имеет в виду оба способа сохранения силы — и физическое подсознание и духовное мышление.

Задача когнитивной терапии в том и будет состоять, чтобы разделить эти два совершенно различных для здоровья психики контроля силы «Я». Как этого достичь? Понятно, что здесь нам может помочь только мышление, которое усвоит закономерности обоих силовых полей и научится их контролировать. Энергия подсознания — заурядная детерминированная энергия, с циклами равновесия-неравновесия, которая работает на мотивации боли (страх сверхъестественных сил, страх стыда, тщеславие, злорадство, садомазохизм, конформизм). Энергия мышле-

ния и совести — энергия колоссальных энергетических ресурсов не только за счет совершенно другой ткани эмоций (творчество, любовь, великодушие, юмор, отвага, самоуважение, воля), но также за счет научного контроля, открывающего доступ к другим энергиям природы. Научный контроль — это то, что мы имеем благодаря духовной энергии разума, и в то же время, любовь и юмор, великодушие и отвага — это эмоции, которые нам дарит развитое мышление. И это очень интенсивные эмоции, недоступные полю Эгосистемы. Не сравнивайте, пожалуйста, Самолюбие и Влюбленность поля Эгосистемы, с любовью и самоуважением поля Мышления и совести. Ничего общего в этой ткани эмоций нет. Первое — автоматизмы мотивации боли, замешанные на страхе и разрушающие волю, второе — мотивация удовольствия, от избытка энергии и ощущения общности силового поля мышления и совести.

Как только доведено до сознания обучающегося сущность Я и двух систем сохранения силы, а потом опытным путем показано, что научный контроль работает для обоих силовых полей — именно закон сохранения силы отключает физический контроль сохранения силы, так как разоблачает его как разрушающий настоящую силу человека. Поле Эгосистемы нейтрализуется, страх сверхъестетсвенных сил не может возникнуть у правильно образованного человека, и перестает активировать эгозащиту в виде притяжений Самолюбия и Влюбленности.

Доказано, в частности исследованием самоактуалов Абрахама Маслоу, что здоровые, образованные люди не имеют активного поля Эгосистемы. Более того, вся терапия гуманистической психологии (Хорни, Олпорт, Маслоу, Фромм, Адлер, Юнг, Франкл, Роджерс, Кьеркегор, Бертран Рассел) направлена на то, чтобы дезактивировать поле Эгосистемы. Наконец, исследование самоактуалов Маслоу надо продолжать: биографии подавляющего большинства великих мыслителей покажут нейтральное (неактивное, отсутствующее) поле Эгосистемы. Тезис гения и злодейства оказывается посрамленным, если речь идет не просто об одаренности, а об глобальном интеллекте. Чем

больше интеллект, тем меньше шансов на активность у поля Эгосистемы подсознания.

— Это очень интересно, Бене, — сказал, вставая Миша Михельсон, вернувшийся накануне загорелым и полным сил из Израиля. — Однако все еще непонятно, какая именно информация о «Я» окажет свое терапевтическое действие. То что ты нам сейчас изложил в течении часа — это и будет весь курс терапии?

— Ну, я могу изложить это вам, подготовленным людям, в течении часа. Говорить об этом с юными и нездоровыми людьми — задача значительно сложнее и потребует значительно большего времени, и более доступных способов изложения. Более того, необходимо постоянно закреплять пройденный материал практикой, уча молодых людей контролировать изученные ими закономерности на практике. Наконец, вам я не сказал никаких деталей, так как детали вы знаете, и я их изложил в своих монографиях, а детали и займут основную массу времени.

Но и это еще не все. Изучить закономерности психики — не есть просто узнать, что есть два силовых поля, одно разумное и живое, другое — автоматизмы детерминированной энергии подсознания. И что две эти энергии находятся в антагонизме, так как поле эгосистемы есть паразит, разъедающий энергию разума. Помните, как замечательно в философии Шеллинга сказано, что зло не имеет своей энергии, и что оно исчезнет, когда его разоблачат как паразита на теле добра? Так и получается!

Так вот этого сформулировать недостаточно. Чтобы эта информация дошла до сознания, необходимо чтобы ученики могли контролировать ее на практике, а значит видеть и понимать, как эти закономерности двух энергий действуют в реальной жизни.

Поэтому изучать эти закономерности обязательно на материале мировой истории! Следовательно, наша ближайшая задача подготовить учебники истории, в которых история была бы представлена как преломление этих самых закономерностей психики. Мы также должны показать их на материале психологии и психиатрии, на материале антропологии. Вот тогда мы сможем в какой то мере сказать, что дали ученикам

представление об энергии «Я», то есть о психической энергии.

Собственно написанием учебников истории на основе закономерностей психической энергии, которые были бы пригодны для когнитивной психотерапии, я и собираюсь заняться в ближайшее время. Или скорее всего буду записывать свои лекции, прочитанные пациентам, и получу в конце курса терапии учебник.

Пожалуйста, прошу вас, еще вопросы!

— Меня крайне заинтересовал пассаж о загадочном Вильгельме Оствальде! — встала Нина Александровна. — Погуглила, это лауреат Нобелевской премии по химии, разработчик теории энергетики. Расскажи об этом подробнее.

— Да, друзья! Это заслуга Андрея Орлова! Он нашел для меня Энергетику Вильгельма Оствальда. Оказывается, не одни мы с вами такие умные, и помимо Фрейда, Теслы, Юнга, Лесли Уайта, Дюркгейма и Тойнби, о психической энергии говорил и писал еще крупнейший ученй Вильгельм Оствальд. Но он не только о психической энергии. Он пошел дальше и предложил реформу теории познания — так чтобы объектом научного исследования могла быть только природная энергия. Наука может изучать только энергии! Вот это его гениальное утверждение мы и возьмем в качестве основы нашей новой парадигмы! Андрюша обещал нам помочь! Он говорит, что Оствальд проиграл потому, что был эмпириком, а Энергетика возможна только на базисе философии рационализма. Я по его совету тоже обрати внимание на труды Вильгельма Оствальда, «крупного химика и мелкого философа», как именовал его Ленин, и он автор Энергетики, которая в 20 веке стояла в центре научных дискуссий! Эйнштейн, Планк, Ленин, Больцман, Мах — все крупнейшие умы столетия столкнулись в полемике об Энергетике!

Еще вопросы?

— Спасибо тебе и спасибо нашему Андрюше! Однако он делает успехи! Браво! — сказала Нина Александровна. — Еще ме-

ня заинтриговало твое упоминание иерархии наук Огюста Конта? Это тоже находка Андрюши?

— Да, ты права, он незаменимый помощник в философии. Сейчас зачитаю вам отрывок из Джона Милля «Огюст Конт и позитивизм», который мне принес Андрей.

> «Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомится с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.
> 1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)
> 2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)
> 3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)
> 4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)
> 5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)
> 6. Социология (наука о человеке и обществе)
> Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим».

В такой иерархии для нас удобно то, что мы можем понимать ее как классификацию наук по открытым энергиям: механическая, электрическая, тепловая, химическая, биологическая и наконец, психическая. Только Конт не дошел до понимания того, что его классификация наук, которую так хвалит Милль — это классификация наук по последовательности открытых энергий, и что последняя, социальная, станет наукой только когда тоже будет понята как природная энергия.

Мы как раз сумели сделать то, чего не сумел сделать Огюст Конт: мы сделали социальную науку зрелой наукой, то есть позитивной как говорит сам Конт. Вот послушайте дальше Милля:

> «Сделать эту науку, высшую из всех, позитивною — было главной задачей Конта и он думал что исполнил эту задачу. Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относится к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии.
>
> Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения «моральных и интеллектуальных функций» взамен психологии им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человека из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы.
>
> Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»».

Легко доказать, что теория психической энергии сумела найти тот основной связующий закон, о котором говорит Милль — это закон сохранения силы психики. И она сумела найти едини-

цу исследования психики (об отсутствии которой сокрушался Гордон Олпорт) — два силовых поля психики.

— Браво, Бене! И тебе и Андрею Николаевичу! — встала Светлана Алексеевна. — Вы меня просто потрясли. У меня другой вопрос. Что значит живая и неживая энергия психики? Как это можно определить?

— Хороший вопрос. И чтобы я делал, если бы не нашел Лекции о натурфилософии Вильгельма Оствальда! Там он рассматривая вопрос о природных энергиях, пишет также подробно что есть живые и неживые энергии. Он формулирует это так: закон сохранения силы всеобщий; там где он имеет вид самосохранения — мы имеем дело с живой энергий.

Легко доказать, что поле мышления и совести, где «Я» равно самой энергии этого поля, то есть Я и Дух есть одно, — речь идет о самосохранении. Помните, «Я» — это сила, которую надо сохранить. Значит, человек в этом случае говорит о самосохранении.

Другое дело «Эго» поля эгосистемы. Эго и СуперЭго — это полюса силового поля, а его энергия — это эгозащита, притяжения самолюбия и влюбленности. Следовательно, Эго нервно энергии поля подсознания, и следовательно, когда человек под «Я» имеет ввиду Эго, речь не идет о самосохранении. Это мертвые автоматизмы чужеродной энергии. Но их можно остановить. Для того нам дан разум.

— Бене, обязательно дашь мне Лекции этого Оствальда.

— Обязательно, Света. Еще вопросы?

— У меня два вопроса. — сказал Винценг Григорьевич, который сидел мрачным как туча все время совещания, и не хотел участвовать, но любопытство пересилило. Во-первых, что значит детерминированная энергия? Разве не все энергии детерминированы законами природы? И во-вторых, что значит притяжения Самолюбия и Влюбленности, которые составляют энергию поля подсознания? Можно подробнее об этом механизме?

— Ну, конечно. — Бене поморщился. Он чувствовал немой вопрос Винцента о его влюбленности в Нину Александровну все эти

месяцы. — Действительно, все энергии природы — детерминированные, потому что все они детерминированы законами природы. Собственно, если мы исходим из философии рационализма, то мы именно так и определяем энергию природу — это сила, которая поддается контролю на основе системы закономерностей, которые могут быть познаны. Однако, помимо детерминированных энергий есть еще ОДНА — контрольная энергия. Это есть энергия Духа, энергия мышления человека, поскольку человек обладает активным интеллектом, мышлением, способным открывать и контролировать законы других энергий. Энергия Духа, то есть мышления и совести — это и детерминированная энергия как все прочие, потому что она тоже детерминирована законами природы; и в то же время контрольная энергия, потому что она способна контролировать законы природы, в том числе совей собственной энергии.

Здесь получает ответ самый трудный вопрос философии — вопрос о свободе воли. Свобода как осознанная необходимость: человек не свободен, так как и Дух его тоже детерминирован законами природы, но он и не полностью автомат как все прочие энергии, потому что имеет свободу в рамках способности к контролю законов природы. То есть он обладает свободой, но не абсолютной как думал Кант, а относительной.

Винцент Григорьевич помрачнел еще больше. Чем более успешным выглядел в послднее время Леви-Финкель, тем мрачнее он становился. Бенедикт Яковлевич, будучи человеком добрым и совестливым, страдал, видя подобное настроение друга, и догадываясь о его причинах.

— Расскажите о Самолюбие и Влюбленности, Бенедикт Яковлевич, будьте добры. — хмуро попросил Петров.

— Да, конечно. — Бене старался ему улыбаться, но все было тщетно. — Любая детерминированная энергия — это энергия циклическая. Она работает как гомеостаз, то есть циклы равновесия и неравновесия.

Вот позвольте, я процитирую двух естественников, Вильгельма Оствальда и Эрнста Маха

> «Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму… Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.….Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает». Философия природы Оствальд
>
> «Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни» Познание и заблуждение Эрнест Мах

Вот этот механизм и называется циклами гомеостаза равновесия-неравновесия.

Так вот поле Эгосистемы, открытое Фрейдом, функционирует как все детерминированные энергии в строгом соответствии с этим циклическим гомеостазом, описанным для всех энергий природы Гельмом, Майером, Оствальдом, Махом. Полюса Эго и СуперЭго — это физическая информация, которую дает физи-

ческий контроль сохранения силы. Что может сказать физический контроль сохранения силы? Он показывает человека и мир как две противостоящие абстрактные силы, где мир — всесильная, громадная сила по сравнению с ничтожеством силы Эго. Из этой искаженной информации физического контроля закона сохранения силы и берется все мистического сознание: эта абстракция силы не существует в природе, как врет Эгосистема и о том, что мир всегда противостоит человеку. Однако, эта информация действует правильно для запуска детерминированной энергии психики: она включает мотивацию страха «сверхъестественных» сил, а мотивация страха включает Эгозащиту. Эгозащита образуется из двух притяжений — Самолюбия и Влюбленности, которые составляют те противоположности, что образуют цикличный гомеостаз энергии подсознания. Влюбленность — это то притяжение, замешанное на ненависти и страхе, которое образуется, когда человек видит мир всесильным. Самолюбие — это притяжение, когда человек начинает считать всесильным себя (колдуном, волшебником). Эти противоположные притяжения — части единого механизма психического гомеостаза. Поэтому такая «любовь» всегда болезненная, искусственная и временная, то чть Фромм и Маслоу называют «садомазохизмом», «ролевой игрой», «идолопоклоннической зависимостью» и тп. И она не только в эротических союзах, но во всех формах союзов там, где преобладает поле Эгосистемы: на ней основаны и политические союзы и социальные союзы. Это единственная энергия поля Эгосистемы.

— Очень интересно, Бене, дорогой, я как раз хотела спросить о том, как эти закономерности преломляются в истории. Кажется, начинаю понимать. Значит, все тираническое, деспотическое — это общества, где преобладает садомазохизм поля Эгосистемы? А свободные демократии — это общества где преобладает духовная энергия мышления и совести? Но как работает эта духовная энергия, тоже как циклы гомеостаза? И почему она всегда проигрывает садомазохизму на протяжении истории, если она несравнимо сильнее, как ты утвержда-

ешь? — спросила Светлана Алексеевна, видя, что между Веней и Бене назревает серьезный конфликт.

— Хороший вопрос. Конечно, нет, энергия мышления — это единственное исключение именно потому, что она не только детерминированная энергия, но еще контрольная энергия, то есть имеет помимо пассивного интеллекта — активный интеллект. Энергия духа — единственная линейная, нецикличная энергия, и об этом противопоставлении движения духа и остальной природы писали многие философы. В частности, Фихте, Шеллинг и Гегель: дух движется линейно, а детерминированные энергии — кругами.

Поэтому у людей, у которых преобладает поле Эгосистемы время — цикличное, они живут между счастливыми и несчастливыми полосами, между календарными праздниками и ритуалами, в цикличной рутине. Например, Леви-Брюль пишет, что первобытное сознание имеет цикличное время в этом смысле.

И наоборот, энергия мышления, именно в силу того, что имеет способность возрастать и развиваться за счет доступа к познанию законов природы, за счет доступа к силе открытых законов природных энергий — движется линейно. Об этом пишут Абрахам Маслоу и Эрих Фромм в психологии, прямо противопоставляя цикличную энергию поля Эгосистемы, как энергию «боли и дефицита» с одной стороны, и энергию «роста и избытка» как линейную энергию с другой стороны.

Это же потверждает история: мистический Восток имеет цикличную историю, научный запад имеет — линейную историю.

Что касается ткани эмоций, то она также радикально отличается от эмоциальной ткани поля эгосистемы, как отличаются траектории движения этих двух энергий. Поле Эгосистемы запускает неравновесие, для живой энергии неравновесие — это боль (биологическую энергию тоже запускает неравновесие-боль голода и холода), и дальше эта боль движется по кругу и никогда не насыщается, иначе энергия прекратит свое существование. Это ненасыщаемая мотивация боли. Совсем другая мотивация в основе энергии Духа. Ее запускает страсть к по-

знанию и ощущение единства всего силового поля мышления. Если Эго противостоят друг другу, то истинное Я поля мышления — есть единое поле сочувствия, совести, истины. Потому люди ощущают такую потребность в справедливости в искренности в дружбе, в поддержке друг друга. Это энергия избытка, которой часто движет потребность в удовольствии, а мотивация боли — насыщаема. Если человеком движет боль от отсутствия образования, он может получить образование и так далее. Эта насыщаемость связана с линейным характером движения, со способностью контрольной энергии видеть истину и достигать поставленных целей. Это энергия творчества и юмора. Поле эгосистемы способно только к паясничанию и злорадству, поле мышления — это «философский юмор» смеха над Эго, как над общей болезнью человечества. Это энергия потребности в красоте, в знании, в дружбе, в юморе, в компетентности и труде — все это ткань избыточных эмоций, которые дают ощущение счастья. Любовь в данном случае — это не противоположные притяжения самолюбия и влюбленности, замешанные на страхе сверхъестественных сил, которые разъединяют людей под видом единения. Это настоящее единение духа, который отсутствует на поле эгосистемы.

Да, действительно духовная энергия, энергия разума и совести проигрывает энергии поля Эгосистемы, или энергии садомазохизма иначе. Ответ очевиден: Садомазохизм работает на автоматизмах, уже готовый механизм, безотказно функционирующий цикличный гомеостаз детерминированной энергии. Совсем другое дело — энергия разума. Становление разума требует становления. Поэтому все философии духа — это философии становления. Но и без философии понятно, что интеллект не рождается вместе с человеком. Первобытное сознание — это мистическое сознание поля Эгосистемы, как показали Леви-Брюль и Дюркгейм. Только время развивает логический аппарат (как и у детей до 12 лет, логика отсутствует у аборигенов), потом накапливаются знания, потом люди учатся научному мышлению. Они еще должны найти знание о научном познании, и только потом уже мышление

созрело. И все это время поле Эгосистемы будет уничтожать людей с духовной энергией, как противных их духу садомазохизма: не в этом ли вся суть истории.

Помимо того, что не хватат знаний, интеллект заболевает и приносит неправильные и вредные знания. Болезнь интеллекта тоже связана с полем Эгосистемы: он вторгается на поле эгосистемы, и включает интеллектуальную эгозащиту. Это «интеллект понарошку», оторванный от действительности, который действует на поле миражей кривого зеркала Эгосистемы. Ну например, как философия Ницше, когда человек ставит целью доказать победу своего Эго над всем миром. Это и называется гиперинфляцией Эго или метафизической интоксикацией.

По этой причине первые цивилизации, построенные энергией интеллекта, как например Древняя Греция и Рим, распадались, уничтожая друг друга в поисках всесилия Эго.

Но эти трудности временные. И как только будет открыта психическая энергия, поле Эгосистемы поставят под контроль, и уже ничего не будет мешать становлению энергии разума и совести.

— Нам трудно, Бенедикт Яковлевич, как же детям справиться?

— Это годы, Светлана Алексеевна, годы. Да и не дети они. После 12 лет мышление уже у всех логическое, вспомните Пиаже. А наши так великовозрастные подростки. Какие еще есть вопросы?

— Бетраном Расселом заинтриговали? Он вроде бы философ? Где он говорит о снятие Эгозащиты?

— У него есть книга «Борьба за счастье». А вообще он гораздо меньше философ, чем психолог, и его вклад в психологию просмотрели. Это моя заслуга, в определении его значения для психологии. Он очень четко проводит эту линию когнитивной психотерапии во всех своих социальных книгах: развитие духовной энергии путем постоянного развития интеллекта с одной стороны, и с другой стороны — снятие эгозащиты, которое он называет то «клеткой и тюрьмой Эго», то просто «эгоиз-

мом», но всегда как основную болезнь психики. Он по настоящему глубок. Помимо него уже Платон понимает здоровье как развитие интеллекта и снятие Эгозащиты. Потом Спиноза, Кьеркегор, Руссо. У Байрона очень тонкий анализ романтизма как болезни садомазохизма Самолюбия-Влюбленности. И наконец, Фихте. Я согласен с Шеллингом и Расселом вполне, что сама философия — недопустимый субъективизм, но его психология, которую он развивает в «Речах к немецкой нации» — это та же психология развития духа путем научного мышления и снятия Эгозащиты. Хотел бы еще напоследок подчеркнуть, что все что есть болезненного в литературе, например, «пикап» Роберта Грина, взывающего к Макиавелли, или «Как бы поступил Макиавелли» Стенли Бинга, основано на обратной тенденции: разрушении разумной энергии совести и воли и провокации автоматизмов эгозащиты для подчинения себе человека. На этом основаны все манипуляции психикой у самых «умных» макиавеллистов, которые поняли, что в психике есть автоматизмы, дергая которые можно сломать волю и разум человека. Но вместе с разумом и волей они ломают всю душу, всю психику человека.

Я уверен, что это будет расцениваться как уголовное преступление и приравниваться к физическому насилию, как только механизмы работы психики станут известны всем и признаны в научном мире.

Когда коллеги уже собирались расходиться, встал Винцент Григорьевич и попросил всех задержаться и уделить ему немного внимания.

— Я прошу мне простить мою излишнюю откровенность, коллеги, но я больше не могу молчать! — начал он со всей серьезностью и у Бенедикта Яковлевича защемило сердце. — Мы все знаем и любим Бенедикта Яковлевича. Особенно сейчас, когда он так близок к признанию его открытия мировым научным сообществом. Признаюсь, я не верил в возможность какого то радикального открытия, и Бенедикт Яковлевич удивил и даже потряс меня своими успехами. Но говорить я хочу о другом. —

И Петров посмотрел прямо в глаза доктору Бене, опустившему в смущении голову.

— Я хочу говорить о своей любви к Нине Александровне, — в тем же упрямством продолжал Винцент Григорьевич, намеренно отвернувшись от нее. — Да, я люблю Нину и хочу сделать ее счастливой! Более того, я не могу видеть как она страдает! И я прошу вас, Бенедикт Яковлевич, если я еще смею называть вас своим другом, быть предельно честными с нами со всеми, и прежде всего с Ниной Александровной. Если вы тоже ее любите, я устраняюсь и больше не заговорю об этом. Но если вы не готовы стать ее спутником жизни, любить и оберегать ее как подобает искреннему сердцу, то прошу вас не стоять у нас на дороге! Выходите за меня замуж, дорогая Нина! Я обещаю любить и заботиться о вас всю жизнь! Я все сказал.

Нина Александровна вспыхнула и убежала из кабинета. Бенедикт Яковлевич успел взглянуть ей в лицо и увидел ту «правду, которая прыгает в глаза в первую минуту». Она одобряла постановку вопроса Винцента Григорьевича. Доктор Бене и сам это знал. Чувствовал ее мятущуюся душу, но о женитьбе не помышлял. Он не мог сказать почему, и у него не было времени об этом подумать, проанализировать свои чувства. И сейчас он просто спросил себя, и ответ был «нет». Ему было больно, очень больно от одной мысли расстаться с Ниной. Он почувствовал, как спина взмокла, покрывшись холодным потом. Но он также хорошо осознал, что это единственно правильное решение в сложившейся ситуации.

— Конечно, ты мой друг, Винцент! — сказал он, твердо посмотрев ему в глаза. — Я раб науки, я живу и дышу только работой, и часто ничего не замечаю вокруг. Нина и сама меня корила за мою рассеянность не раз. Я всю жизнь буду помнить ее доброту и ее нежность ко мне. И конечно я никогда не стану у вас на дороге. Счастья вам, дорогие мои.

И с этими словами он заковылял на костылях к дверям.

— Молодец, Василий! — пожала ему в сердцах руку Тамрико. — Мужчина! Поздравляю тебя! Счастья вам! Нина Алексан-

дровна тебя любит, я всегда замечала, только мой Беношка ее соблазнил. Она такая нежная и милая, ей нужен муж, а не любовник. — теперь Тамрико была готова отдать ей справедливость. — А ты правильно все сделал. Позаботься о ней. Может и Бено наконец устроит свою жизнь. Ах, Василий, я так за него переживаю. Он никогда не жениться.

— Ну и мудак же ты, — сказал ему Миша Михельсон. — Знаешь его совестливость и сыграл на ней. А ты подумал, что может он сейчас не готов, и им надо было дать время? Ты видишь, какой он несчастный человек, с каким трудом нашел себе кусочек радости, и ты последнее у него отнял.

— Я согласна с Мишей! — встала и Светлана Алексеевна. — Ты его отчитал, как на пионерском собрании. Неужели Нина после этого останется с тобой? Впрочем, если так будет лучше для вас обоих... Бене утешится своим открытием.

ГЛАВА 14. ДОКТОР БЕНЕ ЖЕНИТСЯ

Нина Александровна согласилась стать женой Петрова. Пренебрежение Бене, который никогда не скрывал, что на первом месте для него всегда работа, оскорбляло ее до глубины души. Она стала чувствовать себя с ним почти такой же одинокой как с Тополевым, хоть и видела его каждый день. Борис Тополев, ее муж, принял новость спокойно. Он любил жену, не желал себе ничего лучшего, но искусство он любил больше, и понимал, что его постоянное отсутствие делает Нину несчастной. Вот и теперь он был в отъезде. Квартиру он безоговорочно оставлял жене, и только попросил выслать его вещи с машиной, которую он за ними пришлет.

— Ты даже не зайдешь попрощаться? — обиделась было Нина Александровна

— Как же! Надеюсь, ты пригласишь меня на свадьбу!

Борису было легче ходить в школу на родительские собрания сына, на которых он был всего два раза, чем на эту свадьбу. Но он любил жену и хотел расстаться так, чтобы причинить ми-

нимум боли им обоим. Свадьбу решили сделать в квартире у Нины Александровны и пригласить только коллектив клиники. Все еще свежи были воспоминания о несчастливой свадьбе Саши, и о ресторане и гостях больше никто не хотел говорить. Тамрико на радостях пообещала накрыть стол сама, и не обманула: шашлыков из баранины, хачапури, хинкали, сациви было так много, что гости не смогли одолеть.

— Вот это стол, я понимаю! — говорила она, гордо обводя взглядом свое детище. — А то в том ресторане кушать было нечего!

Тамрико тратила свои деньги, и когда покупала ящики с вином для Саши, и когда покупала приданное Верочке, и когда накрывала стол Нине Александровне. Она никогда не сидела, сложа руки: шила, вязала, торговала. И у нее всегда были свои деньги, на которые она занималась такой вот личной благотворительностью, доставлявшей ей огромное удовольствие. «Она же нам не чужая, — сказала Тамрико Бене, — твой подарок хорошо, но на свадьбе надо тоже помочь. Дома трудно праздновать».

Бене не посмел отказать Нине, хоть много бы дал, чтобы не ходить на эту свадьбу. Он физически страдал, и не мог этого скрыть, особенно под торжествующим взглядом Нины. Он сел рядом с Тополевым, и они быстро поняли боль друг друга, сблизившись за этот вечер больше, чем за всю жизнь.

Саша настоял на том, чтобы пригласить Ларису, свою невесту, с которой он так скандально порвал на свадьбе в ресторане. Сам он не посмел ей звонить и попросил отца. Тополев выполнил поручение добросовестно и с удовольствием, он очень симпатизировал девушке с того самого вечера, как ему пришлось везти ее домой такую заплаканную и оскорбленную. К великому удивлению и радости Саши, Лариса согласилась прийти на свадьбу его матери, и действительно пришла. И вот теперь он сидел рядом с ней словно провинившийся школьник, не смея поднять на нее глаз, и не слыша ее слов из-за гулких ударов своего взволнованного сердца.

Андрей и Верочка порадовали глаз гостей своей красотой и любовью, которая бросалась в глаза. Так ладно и так дружно все было между ними, такое счастье светилось на лицах обоих, что никто не узнавал больше в Андрее вчерашнего пациента Бене. Светлана Алексеевна вслед за своей подругой Тамрико обняла и поцеловала обоих, прослезившись возмужалому виду Андрюши и раскрывшейся красоте Верочки.

Все переменилось в Саше после той злосчастной болезни. Он чувствовал, что стал другим человеком, но если сначала это его сильно испугало, и изменения были в худшую сторону, то теперь он чувствовал, что стал старше и мудрее намного лет. Он в первый раз смотрел на своих родителей глазами равного, и в первый раз пожалел их и посочувствовал им. Как он мог быть таким эгоистом и корить отца за то, что тот посвятил жизнь искусству? Он ведь не алкоголик и не уголовник, он известный художник, вся жизнь которого только труд, труд, труд. Разве отец не обеспечил ему безбедное существование? Разве не гордился он его выставками и его именем? Разве не отец помог ему поступить в университет? И разве всегда, когда Саше было по настоящему важно присутствие отца, отец не приезжал? Как на те родительские собрания в школе или на его свадьбу? Или как он спас ситуацию с Ларисой, убаюкав ее гордость и извинившись за дикое поведение сына.

О маме Саше было думать много труднее. Раньше бы он возмутился до глубины души ее замужеством, принял бы как предательство. А сейчас он ужасался своей ограниченности и подлому эгоизму, как он сам это теперь называл. Он вспоминал, как нежно она любила его и как все свободное время посвящала ему. И как он отвечал ей только грубостью и холодностью, потому что внушил себе, что она сделала его девчонкой своими нежностями. Подумать только, он винил самую преданную любовь своей матери в том, что доктор Бене объяснил ему как шизоидный характер. Саша научился понимать и принимать себя, и даже гордится особенностями своей психики. Он понял, что страдал просто от отсутствия знаний, и что как Золушка на балу, мог в любой

момент превратиться в принцессу просто при наличии минимума знаний о психике. Теперь он был искренне рад счастью матери, а главное тому, что она сделала что то для себя, а не для него, как она делала обычно.

Не менее страшно было ему думать о том, как они помирятся с Ларисой. Это было настолько важно для него, что ему не верилось в удачный исход. «Не может быть, чтобы она меня простила. Не может быть», — стучала в голове тревожная мысль, которая мешала ему слушать ее ребяческую болтовню. Наконец, он начал слышать, словно сквозь барабанную дрожь и дымку тумана, и едва понял, о чем идет речь.

— Борис Павлович был так добр, он плакал вместе со мной Саша, ты не поверишь! Да, да, да! Этот выдающийся человек, художник которого знает вся образованная Москва, так проникся моим горем! Которое ты мне причинил, между прочим! Как ты мог, Саша? Какое это было свинство! Твоя мама говорила мне потом, что ты заболел. Ну и что! Мы все болеем. Но ведь надо знать приличия. Я бы никогда тебя не простила, если бы не Борис Павлович. Если бы не его гений! Ах, я восхищаюсь его талантом! Я посетила все его выставки после той нашей встречи. И с каждой выставкой, с каждой картиной восхищалась все больше! Ты знаешь, Саша, я так ревела, Борис Павлович зашел со мной к маме с папой, и пришел на следующий день и сел пить с нами чай! Вообрази только какой добрый у тебя папа! А ты неблагодарный всегда жаловался на него.

Только теперь до Саши начало доходить, почему она его так легко простила. Она влюбилась в его отца, хоть может сама еще этого не осознавала. И пришла только для него. А он то, осел, развесил уши. Саша обреченно ждал, когда его сразит приступ ревности и готовился со всеми остатками мужества погасить в себе этот приступ. Все что угодно, но второго такого позора не будет больше никогда. Но ничего не происходило. Ему не было больно. Ему в самом деле совсем не было больно. И вдруг он понял, что также как перерос свое детское отношение к родителям, он перерос свою зависимость от женщин. Теперь он не мог

понять, что его привлекло в этой хорошенькой, но такой глупенькой и болтливой девчонке. И единственное чувство, которое он испытывал глядя на нее, это благодарность отцу за то, что он помог ему с честью выйти из того безобразного скандала. Саша вдруг весело расхохотался, не заметив своей реакции внезапного счастья.

— Чему ты смеешься, Саша? — строго спросила его Лариса. — Тебе смешно, вместо того чтобы извиниться? Вот Борис Павлович совсем другой человек!

— Лариса, прости дружочек, — сказал он ласково и таким спокойным голосом, что Лариса, привыкшая к его нервным реакциям, подозрениям и дерзости с удивлением на него обернулась.

— Я тебя совсем не узнаю Саша. Ты изменился. Но не так, как... как если бы ты был болен. Наоборот, ты стал спокойным и даже каким-то, каким-то высокомерным что ли. И тебе совсем на меня наплевать. Да, да, Саша, я вижу. Ты раньше смотрел такими влюбленными глазами. А сейчас ты смотришь сквозь меня.

Доктор Бене поспешил откланяться, и Тополев, оставшись совсем один подошел к сыну, разведать обстановку.

— Как вы тут, проказники? Помирились, дети? Вот и дружите, — его доброе лицо приветливо улыбалось сыну.

Саша встал и отошел с отцом в сторону.

— Папа, я тебе говорил, как сильно я тебя люблю! Ты так меня выручил с Ларисой. Пап, мы помирились, мы теперь друзья!

— Вот и здорово, сынок. Я так рад за тебя. Теперь все болезни, все плохое будет позади.

— Непременно будет, пап. Я обещаю. Только я совсем больше не люблю Ларису. Она мой друг. Она хорошая, добрая, честная. Но мне совсем не до нее, папа. У меня сейчас столько научных планов. Мы с Бене и с Андрюшей теперь вместе работаем над его диссертацией, вообрази! Он привлек нас не как пациентов, а как коллег и сотрудников! Папа, я так счастлив! И у меня теперь совсем другие интересы. Мне не до девушек и уж точно не до свадьбы! — засмеялся Саша в какой-то новой пленитель-

ной манере, которую тут же отметил Борис Павлович, ласково потрепавший его по плечу.

— Ну и хорошо, сынок. Слава богу, слава богу. И доктору Бене, который тебе так помог.

— Пап, она весь вечер трендит о том, как ты спас ее в тот вечер. Я хочу, чтоб ты знал. Если вдруг она тебе тоже нравится, мне бы не только не было неприятно. Я бы был в равной степени рад и за тебя и за нее. Она добрая и честная, а я так с ней обошелся.

— Ишь чего задумал, на отца свой хомут вешать, — захохотал в ответ Тополев, схватив сына за ухо. — Ну, иди, иди, ученый. Мы сами как-нибудь разберемся.

Нина и Винцент уехали в свадебное путешествие на две недели, возложив весь груз работы на плечи Бене, Миши и Светланы Алексеевны. Леви-Финкель старался не думать о себе, уходя с головой в работу, но больше ему это не удавалось. Нина разбила ему сердце, и он вынужден был постоянно копаться в себе, вспоминать свою любовь к Анне, сравнивать с чувствами к Нине, чтобы понять, наконец, чего он искал и почему он потерял Нину. Он делал для нее все, что мог. Он искренне старался быть честным в отношениях, и отдавать ей все тепло. Он любил Сашу как сына и был для него вторым отцом. Он делал Нине подарки, и хранил ей верность, как хранил всегда верность своим любимым. Но он не спешил с предложением, хотя хорошо знал, что Нина давно одинока. Его удерживала и искренняя привязанность к Тополеву, и что то в Нине, чего не было в Анне, единственной женщине, с которой он не чувствовал себя закабаленным. Если бы не Анна, думал Бене, он никогда бы не женился. Брак казался ему тяжелой кабалой, в котором человек терял не только социальную и физическую свободу, но самое главное, свободу умственную и эмоциональную. Как можно работать в таких условиях? И как жить без работы? Для чего? Что есть любовь, если не помощь друг другу в работе? Вот как раз это понимание любви у Нины отсутствовало. Она любила делать из возлюбленного кумира, мечтать

о нем, и жить своими фантазиями о взаимной страсти. И ей было необходимо быть таким же центром жизни для своего возлюбленного. Любовь, где в центре стоит работа каждого из супругов, казалась ей профанацией всего прекрасного и возвышенного что в ней было. Бене чувствовал, что оскорбляет ее уже одним отношением к своей работе, потому что всегда ставит работу выше не только любви к ней, но и выше всей своей жизни. И именно поэтому он никогда не задумывался о браке с Ниной. Это была та самая чувственная кабала, которая постепенно убило бы в нем и умственную свободу. А этого он никак не мог допустить. Анна была совсем другим человеком. Они дружили почти три года прежде чем поженится, и Бене в эти три года пробовал встречаться с разными девушками. Но никогда он не встретил такой девушки как Анна. Девушки, для которой, как для него самого, главным и важным в жизни была работа, а любовь была только честным отношениям к людям, которых она уважала. Она заразила его своей любовью к психологии, своей страстью к творчеству, к научной деятельности. Она восхищала его своим умением ставить работу выше своей личной жизни. И с ней он никогда не чувствовал себя в кабале, чувственной или умственной. Он был с ней даже более свободен, потому что она помогла ему найти самого себя, помогла ему раскрыться, научила его понимать, что такое любовь. Он считал себя неспособным любить. Он боялся девушек, и часто бывал груб. Кто-то пытался его соблазнить, кто то отвечал такой же грубостью, кто то льстил и лгал, и ему становилось еще противнее. И только Анна сказала, что они друзья, и постаралась просто по человечески ему помочь. «Анна», — подумал Бене, и неожиданно для себя заплакал. Давно он уже не плакал по своей жене. Видимо стресс от расставания с Ниной был сильнее, чем ему казалось. Она была первая женщина, которую он смог полюбить после Анны. Он надеялся излечить этой любовью душевную травму, но ничего не вышло. Нина не захотела понимать ни его любви к профессии, ни его потребности в свободе и личном пространстве. Поняв, наконец,

что союз между ними был совершенно невозможен Бене успокоился, и больше уже не возвращался к этим мыслям. Он перестал страдать, а большего ему не надо было.

Примерно в это время случилась новая беда, которая отвлекла все внимание Леви-Финкеля на себя. Мзии Лурии исполнялось шестнадцать лет, и по этому случаю ее пришла навестить младшая сестренка. Машеньке было всего четыре годика, и она очень скучала по сестре, с которой росла. Мзия обожала ребенка и не расставалась с ней, пока была здорова. После помешательства, Маша однажды видела приступ Мзии, и так испугалась, что стала заикаться. Тогда никто не обратил внимания, а теперь, когда Маша принесла Мзии в подарок на день рожденья большого плюшевого мишку, и бросилась сестре на шею с поздравлениями и слезами, Мзия вдруг спросила:

— Когда ты стала заикаться?

— Когда ты заболела, Мзия, — разревелась Машенька, — Пойдем домой, милая моя, мама тоже в больнице, мы с папой совсем одни остались.

— Мама в больнице? Что с ней?

После визита сестры Мзии стала гораздо хуже. Она проплакала весь остаток дня и не успокоилась бы, если бы доктор Бене не велел сделать ей инъекцию транквилизаторов. Следующую неделю ей становилось все хуже и хуже, она совершенно отказалась от занятий когнитивной терапией, и больше не хотела видеть ни доктора Бене, ни Светлану Алексеевну. Она плакала и просила, чтобы никто не обижал ее Машеньку.

— Ты хочешь домой? — спросил ее доктор Бене.

— Нет. Я больше не могу жить нормальной жизнью. С вами я не чувствую себя сумасшедшей, а там мне намного хуже. Но теперь я очень переживаю за маму и сестренку, и не могу больше учиться с вами. Извините. Мне стало совсем плохо.

Леви-Финкель принял решение поселить Машеньку у себя, с Тамрико, к которой она уже очень привязалась, и каждый день водить ее к Мзии. Сначала Мзия обрадовалась, но потом попросила больше не приводить сестренку.

— Мне больно ее видеть. Меня ведь больше нет, доктор. Я боюсь, она увидит, что я мертвец. Ее старшая сестренка, которую она так любила, была совсем другим человеком. Не приводите ее, пожалуйста, — и Мзия опять залилась горючими слезами.

Доктор Бене обнял ребенка и прижал к своей груди, как делал это когда Андрей был разбит, и когда Саша плакал у него на плече. Он говорил ей ласковые слова, называл своим ребенком, и обещал что сделает все возможное, чтобы она выздоровела.

— Ты умница, ты была и есть большой талант. Ты просто немного запуталась, ты обязательно поправишься. Ты станешь еще лучше, сильнее, умнее прежнего. Посмотри, какая ты красавица, какая ты добрая, как тебя все любят. И в больнице тебя уже все любят. Андрей и Саша видели тебя всего пару раз, а каждый день спрашивают твое здоровье. Ты знаешь, что они уже не мои пациенты? Они теперь помогают мне в моей диссертации. И тебе мы скоро привлечем к работе! Не думай, что долго тут будешь на подушках валяться. Вот еще немного лекций и твоя очередь будет вносить вклад в науку. Давай, соберись, моя девочка, соберись, и мы начнем работать.

Однако, случилось то, чего доктор Бене никак не ожидал. Мзия влюбилась в своего доктора, и теперь страдала от любви к нему. Это была любовь разбитого сердца, которая собрала кусочки ее рассыпавшегося существа вокруг источника тепла и света, и сделала его центром ее маленькой и страшной вселенной, в которой все было так черно и так безнадежно. Бене знал из чтения Фрейда и Юнга, что пациенты часто влюбляются в своих докторов, но этот случай был особенным по многим причинам. Во-первых, она была еще совсем девчонкой, 16 лет. Да, Татьяне Пушкина было всего 13, а Джульетте Шекспира — 14, но и книги эти Леви-Финкель совсем не признавал, как патологическую романтику. Во-вторых, она была не просто девчонкой, но девчонкой с разбитой вдребезги психикой. И доктор Бене оказался в тупиковой ситуации. С одной стороны, ему было и думать противно ответить на чувства ребенка. Да и какие там

были чувства, просто мечты из ее глупых романов и животная потребность в тепле, которую он излучал. С другой стороны, он со всей отчетливостью осознал, что если он оттолкнет этого восторженного больного ребенка, ее уже никто не спасет. Выбора у него не оставалось, выбор сделали за него. Шестнадцать лет, еще несовершеннолетняя, но уже имеет право выйти замуж.

— Только с тобой, Света, я могу это обсуждать, — доктор Бене был так расстроен, что Светлана Алексеевна за него испугалась. — Мзия в меня влюблена. Да, совершенно точно. Она ребенок, и больной ребенок, и это бросается в глаза, хотя она в своей наивности старается скрывать свои чувства. Что мне делать Света, родная, научи? Если бы это была наша обычная пациентка, я бы просто поручил ее кому то из вас, и там уже как бог бы ей помог. Но тут я взял на себя ответственность за этих трех пациентов. Я чувствую себя в ответе за нее и за все, что с ней происходит с тех пор, как я ею занимаюсь. Да и парнями тоже. Они уверено идут на поправку, уже со мной вместе над диссертацией работают. А она еще совсем плоха. И если я сейчас от нее отвернусь, 99 процентов, что мы ее уже не вытянем из кататонии. Что же мне делать, Светочка? Боже мой, вот же влип, так влип!

— Разве у тебя есть выбор, Бене? Вот сбудется мечта Тамрико. Ты женишься.

— Потом прошибло от твоих слов. Женюсь на ребенке, я, доктор Бенедикт Леви-Финкель.

— Ничего не поделаешь, доктор Бене. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. И не такой уж она и ребенок, Бене. 16 лет. По закону имеет право выйти замуж, официально, с загсом. А какая она прелесть, Бене. Как она играет на фортепьяно! Знаешь, хорошо, что все так получилось. Эта ее любовь к тебе — единственный шанс вытянуть ее из психоза. Только ты ведь знаешь, такая любовь может и усугубить болезнь. Ты должен быть очень осторожен.

— Вот то и оно, Светлана Алексеевна, милый мой. Это как ринуться с головой с обрыва. Ну, молитесь обо мне. Я пошел де-

лать предложение ее отцу. Вчера заходил Давид Гурамович, расспрашивал меня, я с трудом из себя слово выдавил. Пойду теперь с тестем объясняться.

— И, ты ведь понимаешь, никаких детей, пока по крайней мере?

— Какие дети, Света! О том чтобы с ней спать не может быть и речи. Я не сплю с детьми! Кошмар, мороз по коже.

Тамрико, вопреки ожиданиям Светланы Алексеевны, новостью была совершенно шокирована и сражена. 16 лет не было ей преградой, она сама вышла замуж в 15 лет. Но тяжелая болезнь, шизофрения, живой труп — какая же это будет невеста? На нее не действовали никакие слова о талантах и красоте девочки, она видела, в каком плачевном состоянии находился этот ребенок, борющийся со смертью каждый день. И красота ее уже едва ли была заметна. Нет, не о такой жене для своего Бено она мечтала. Как же она родит? Какое потомство может выйти из этого разбитого организма?

— Мама, я не буду с ней спать. Она совсем ребенок.

— Зачем тогда женишься?

— Чтобы помочь ей выздороветь. Если я не женюсь, она точно погибнет. Нужно удержать ее на этом свете, я дал слово ее родителям, что сделаю все что смогу, помнишь? Так вот, окружить ее любовью единственный способ ее спасти.

— Боже мой, боже мой, за что мне это! Один сын у меня и такой несчастный! Всегда, во всем! Делай, что хочешь. На меня не рассчитывай! Я думала, ты женишься, и будет мне невестка помогать по дому. А теперь мне за двумя надо смотреть!

— Спасибо, мама. Прости, милая моя. Мне самому тяжело так, как еще никогда не было, поверь мне.

Леви-Финкель знал, что это только слова, и что Тамрико успокоится, и с прежней ответственностью и сердечностью будет нести свою ношу. К тому же она уже так подружилась с Дато, отцом Мзии и Машеньки, и особенно полюбила ее маленькую сестренку, не слазившую с ее колен все время пока она гостила у доктора Бене.

Давид Гурамович не поверил своему счастью, когда Бене, дрожа от смущения, заставил себя сформулировать свое предложение.

— Скажите, пожалуйста, Мзии вы, дорогой Давид, сам я не справлюсь.

Мзия сначала не поверила отцу, потом ее так оглушило счастье, что ей опять стало плохо. Ее трясло так сильно, что пришлось колоть транквилизаторы. Свадьбу решено было перенести на потом, когда Мзия станет чувствовать себя лучше, чтобы не волновать ее. Брак оформили загсом по всем правилам, и Мзия переселилась в дом доктора Бене и Тамрико.

ГЛАВА 15. МЕХАНИКА РОМАНТИКИ

Доктор Бене жил в небольшом доме в Подмосковье, который его родители, Тамара Тенгизовна и покойный Яков Моисеевич строили на протяжении нескольких лет. Четыре комнаты, столовая и холл, который служил гостиной — вот и все хозяйство, если не считать небольшого огорода, где Тамрико выращивала овощи, и садика в несколько деревьев, где паслись ее куры.

Мзию поселили в одной из четырех спален, выделив ей отдельную комнату, как члену семьи. Уже в первый день, после небольшого застолья в кругу семьи, Бене сам проводил жену в ее спальню. И уже тогда он понял, что брак не будет и не может быть фиктивным. Что он обещал любить и заботиться об этой девочке до конца своих дней, и что именно это он и будет делать.

Он понял, что близость с Мзией сейчас самое главное чего она ждет, и без чего вся затея с его браком, как часть психотерапии, провалится. Он видел в ее глазах, что если он под любым предлогом откажется от близости с ней, он глубоко ее оскорбит и фрустрирует самое сокровенное ее желание, которое давало ей силы жить последние месяцы, удерживая от окончательного погружения в психоз. Это мечты о нем, мечты о близости с ним.

«Мы не так воспитывали ее, чтобы она в пятнадцать лет с мальчиками встречалась. У нее никогда не было бой-френда», — вспомнил Бене слова ее отца. А между тем Мзия дышала половой зрелостью. Все в ней говорило о раннем половом созревании, о темпераменте, который долго подавляли. Если и не эта подавленность полового инстинкта стала причиной болезни, то по крайней мере она сыграла свою роль в нарастании меланхолии. Влюбленные подростки не погружаются в депрессию, занятые радужными эмоциями общения друг с другом. В Европе половую жизнь начинают рано, лет с 14-ти. Однако, необязательно подростковая влюбленность — это половая жизнь. Достаточно, что она есть, что есть опыт общения с противоположным полом и все радости и печали, которые с этим связаны. Ранняя половая жизнь может быть также опасна для психологического созревания, как отсутствие эмоциональных отношений между мальчиками и девочками. Они должны дружить и учиться быть нежными друг с другом, откладывая секс до совершеннолетия. Так считал Бенедикт Яковлевич.

Однако, в случае с Мзией, свою роль в подавлении полового инстинкта сыграло не только строгое воспитание, но и романтичность, которая бросалась в глаза, и которая на языке психиатров называется метафизической интоксикацией. Она рано стала читать взрослые книги. Уже в семь лет она прочитала пьесы Шекспира, и после них уже не останавливалась, — романы Вальтера, Скотта, Бальзака, Дюма, Стендаля развили в ней романтику как в г-же Бовари. Романтика научила ее такой неприступной гордости, в основе которое острое желание любви при полной невозможности показать это желание. Чем больше ей хотелось любви, тем более неприступный вид она принимала. В конечном итоге, она стала с мальчиками мальчиком, умея подраться не хуже них, и эта фрустрация основного инстинкта стала основой ее развивающейся депрессии.

И все же Бене решил дать время ей и себе, прежде чем наметить правильную линию поведения. И он не ошибся в своем диагнозе. Уже в первую ночь в его доме у Мзии случился острый

приступ кататонии, и он знал, чем этот приступ был спровоцирован. Тем, что он отвернулся от молодой жены, тем что не пришел, когда его так ждали. И тогда Бене уже больше не гадал о правильном поведении, которое было очевидно с момента его женитьбы. Он обнял свою жену и засюсюкал самыми сентиментальными, самыми романтичными словами, которые мог придумать. Он говорил ей о том, что она единственная женщина, которую он ждал всю жизнь. Что он полюбил ее с первого взгляда, и что с тех пор ее образ неотступно был всегда рядом с ним. Что он был восхищен рассказом ее родителей о ее уме и таланте. И что только стеснительность и неуверенность мешали ему сразу просить ее руки и сердца, о чем он мечтал с первой минуты их встречи. Что болезнь –это пустяки, просто нервный стресс, который у всех проходит в ее возрасте по разному — у кого-то сложнее, у кого-то легче. И что очень скоро она забудет думать о своей болезни. Он называл ее своей жизнью, своим сердцем, и всеми нежными словами, которые ему самому казались смешными и неуместными.

Ее трясло так сильно, что ножки кровати стучали о пол. Холодное как у мертвеца тело было напряженно словно натянутая струна, а на коже выступила холодная испарина. Бене гладил и ласкал это такое юное и такое неживое тело, что жалость затопила все его существо, заменив ему любовь. И он почувствовал в конечном итоге, как ее напряженное в приступе страха тело обмякло в его объятиях и руки потянулись и доверчиво обвили его шею. Он взял ее ладошку и прижал к своим губам. Она была холодная и мокрая. Тогда он покрыл нежными поцелуями, вкладывая в них всю страсть, на которую был способен все ее юное и такое холодное тело. И вот его старания были вознаграждены, озноб прошел, и конечности стали наливаться теплом, она зашептала какие то слова нежности в ответ. И тогда Бене ее взял, поклявшись себе, что избавит ее от этих страшных приступов раз и навсегда.

Но приступы не проходили. Казалось эта свадьба стимулировала их, спровоцировав сильное волнение в девушке. Ее

влюбленность была палкой о двух концах, которая с одной стороны отвлекала ее от болезни, когда Мзия чувствовала себя уверено, а с другой стороны обостряла болезнь, когда она начинала думать о том, что она ничтожество и скоро потеряет Бене, что вся эта свадьба ошибка или фарс, которого она не могла понять. И Леви-Финкель сразу понял это, и все свои усилия приложил к тому, чтобы всегда держать самооценку Мзии на самом высоком уровне. Приступы, если он был дома, он всегда снимал нежностью и лаской, отдавая ей все тепло, что было в его сердце. А его сердце переполняло острое сострадание к этому прекрасному бутону, который увядание тронуло прежде, чем он раскрылся, чтобы радовать и удивить мир своим совершенством. Когда его не было дома, он поручал ее заботам Тамрико, и Тамрико делала ей инъекцию транквилизаторов, укладывала спать, и ложилась рядом с ней, пока озноб не отпускал девочку.

Леви-Финкель понимал, что так не может продолжаться долго. Он разработал стратегию борьбы с психозом Мзии. Ее романтическая влюбленность должна была помочь на первом этапе. А на последнем этапе болезни они совместными усилиями полностью избавятся от этой болезненной романтики.

Светлана Алексеевна была единственным человеком, которому он поверял тайны своей семейной жизни все это трудное время, советуясь с ней относительно правильности принимаемых им шагов. Женившись, он больше не хотел вовлекать Мзию в свой научный процесс, демонстрировать ее случай перед публикой.

— Ты же понимаешь, Света, я не могу говорить публично об этом случае, потому что теперь это моя жена, и моя личная жизнь. Ты — единственный человек, с которым я могу это обсуждать. Для других — это моя жена, и у нас все хорошо. Точка.

— Конечно, Бене, я тебя полностью поддерживаю. Итак, ты взвалил на себя такую ношу, не хватало еще сделать эту драму публичной. Тем более, что мальчики твои, Андрей и Саша, так хорошо справляются. Они не только здоровы, но уже помогают тебе в научной части.

— Не просто помогают, Света. Без них бы я не смог так разработать философские вопросы, и вопросы, связанные с Энергетикой, новой парадигмой. Саша оставил свой философский, и идет на программиста, он теперь очень увлечен физикой. А я могу пока сосредоточить все внимание на Мзии.

— И каков твой план? Как будешь ее лечить? Ты уже знаешь?

— Да! ты знаешь, что общего у Фрейда и Шекспира? Они оба нашли больную энергию, описали ее с гениальной проницательностью, а выдают за здоровую, за саму сущность человека! А ведь это только болезнь, поверхностная опухоль, которую надо удалить с тела настоящей психики, настоящей энергии духа.

«Ведь ты влюблен. Так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.
Он пригвоздил меня стрелой навылет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.
Любовь нежна? Она груба и зла.
И колется и жжется как терновник».

«Ромео! Сумасшедший обожатель»
Стать перед мной как облачко, как вздох!
Не слышит, не колышется, не дышит.
Бедняга мертв, а я его зову».

Видишь, Шекспир видит, что романтическая любовь — болезнь, но продолжает ее воспевать. В этом его ошибка. Равно как Фрейд, который нашел поле Эгосистемы, но считал его настоящее психикой человека.

Я написал статью на эту тему: «Механика Романтизма». Важная часть моего открытия психической энергии.

— Это «любовь», ложная привязанность на поле Эгосистемы? Ты ведь говорил уже об этом. Цикличное равновесие-неравно-

весие притяжений Самолюбия и Влюбленности? Садомазохизм? Ты говорил –это энергия всех отношений на поле эгосистемы, не только эротических, но и политических.

— Это так. Но романтика имеет несколько иной механизм, чем садомазохизм насилия и подчинения. Помнишь, качественное различие которое делает Кречмер между циклоидами и шизоидами? И те и др — это болезнь поля Эгосистемы, но у первых физическая эгозащита, а у шизоидов — интеллектуальная эгозащита. Кречмер не смог объяснить причины, порождающей различия между циклоидами и шизоидами, хотя хорошо описал эти различия. Наша теория физической и интеллектуальной эгозащиты все объясняет.

Так вот, садомазохизм — результат физической эгозащиты, когда один командует, а другой подчиняется. У шизоидов эгозащита интеллектуальная, они доказывают в философии, в стихах, в романах, что их Эго — всемогущее и может победить любую другую всемогущую силу. Ну, вот как Гельдерлин, как Ницше, как Стриндберг, как все писатели романтики. Это и есть метафизическая интоксикация шизоидов.

Здесь появляется третье притяжение из двух первоначальных — Самовлюбленность. Шизоиды не способны к отношениям садомазохизма, они не способны ни на самолюбие, то есть на чистое насилие, ни тем более на подчинение, то есть на позицию раболепия. У них поле эгосистемы получает вид Самовлюбленности. Это третье притяжение и есть романтика. Его суть в метафизической интоксикации: шизоид обожествляет и себя и другого человека, а потом ставит целью, чтобы его собственное божественное Эго покорило божество другого человека, которое предстает как СуперЭго. Этот феномен я назвал «реализацией Эго в СуперЭго». Это и есть основа Самолюбленности шизоидов, и основа феномена метафизической интоксикации.

— Интересно! Приведи примеры «реализации Эго» в литературе. Чтобы понятнее было.

— О! Вся романтика тебе пример. Ну хотя бы вот это из Шекспира:

«Ромео, выйди. Выходи несчастный!
В тебя печаль влюбилась. Ты женат
На горести.»
«Я потерял себя и я не тут.
Ромео нет, Ромео не найдут»
«Я у врага в руках и пойман в сети»
«Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь —
Я никакой тут разницы не вижу»

Вот ощущение потерянности себя возникает в результате реализации Эго по СуперЭго, так что человек ощущает себя так, словно «пойман в сети», потому что теперь от того человека зависит благополучие: если он благоволит — счастье, если нет — смерть. Это потеря физического контроля, потеря Эго дает такое чувство подавленности.

Или вот еще у Стриндберга «расстройства воли», связанные с этим феноменом «реализации Эго»:

«В середине лета я ускользаю в четвертый раз, теперь — в Швейцарию. Но цепь, которой я прикован не из железа: я не могу ее разбить! Это какой-то каучуковый канат, который растягивается... Я снова возвращаюсь». Вскоре он вновь удирает, на этот раз тайком. Он почти не в силах оторвать себя от жены, которая какими-то чарами притягивает его. На отходящем пароходеон едва не задыхается от рыданий. «Одна единственная боль охватывает меня и пронзает мне сердце. Я кажусь себе какой-то лоскутной куклой, попавшей в огромную паровую машину... Я словно эмбрион, у которого раньше времени перерезали пуповину... В Констанце я сажусь на поезд... И теперь уже этот локомотив так промывает мне и кишки, и нервы, и жилы, и все мои внутренности, что в Базель прибывает нечто вроде моего скелета. В Базеле меня вдруг охватывает внезапная страсть уви-

деть все те места в Швейцарии, где мы с ней останавливались... Гонимый воспоминаниями, я переезжал из отеля в отель, как проклятый, как преследуемый. Весь их пол приговорил меня к внешнему и внутреннему уничтожению, и моя мстительная фурия взяла на себя неблагодарную и трудную задачу замучить меня до смерти" Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»

Вот поэтому Шекспир, конечно, гений, поскольку он очень точно описывает любовь романтики, то есть Самовлюбленность как тяжелую болезнь. Но у него отсутствует логика, ибо следовало бы проклясть эту болезнь, а он ее воспевает. Вот здесь он хорошо подметил амбивалентность чувств, как назвал Фрейд феномен, когда положительные и отрицательные эмоции смешаны (это имеет место только на поле Эгосистемы, нормальные чувства всегда отделены: любовь и ненависть разделены у здоровых людей):

> «О, эта кроткая на вид любовь
> Как на поверку зла, неумолима!
> И ненависть мучительна и нежность,
> И ненависть и нежность — тот же пыл
> Слепых, из ничего возникших сил,
> Пустая тягость, тяжкая забава,
> Нестройное собранье стройных форм,
> Холодный жар, смертельное здоровье,
> Бессонный сон, который глубже сна.
> Вот какова, и хуже льда и камня,
> Моя любовь, которая тяжка мне.
> Что есть любовь? Безумье от угара,
> Игра огнем, ведущая к пожару.
> Воспламенившееся море слез,
> Раздумье — необдуманности ради,
> Смешенье яда и противоядья.
> «Ромео и Джульетта»

Вот почему движение Реализма, которое выступило против движения Романтизма — было не просто делом вкуса, а делом

борьбы здоровья с болезнью. Романтизм — это метафизическая интоксикация в чистом виде, и Ф. Шеллинг очень здорово это показал в «Ночных бдениях», вымеивая романтизм Гельдерлина. «Люцинда» Фридриха Шлегеля, которая также высмеивала романтизм принесла его автору почти столько же неприятностей, сколько «г-жа Бовари» Флоберу, — так романтики объявили безнравственным насмехательство над «возвышенной любовью» трубадуров. Хотя от «возвышенного» там только метафизическая интоксикация. Лессинг выступил против «Вертера» Гете, потому как прав Байрон, когда говорит, что романтика свела «много вертеров в могилу». Ну, классическую насмешку Сервантеса и ее отрезвляющее действие помнят все. Вот эти слова из «Чайльд Гарольда» Байрона вполне могут служить девизом всего движения Реализма, высмеивавшего и разоблачавшего пагубность Романтизма.

«Когда прелестно и медоточиво
Поют поэты о любви своей
И спаривают рифмы прихотливо,
Как лентами Киприда — голубей,
Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений.
Моралью буду я опровергать
Мечты и страсти пагубные эти».

«Гарольд не раз любил, иль видел сон,
Да, сон любви, — любовь ведь сновиденье.
Он понял: наступает пробужденье,
И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье,
Волшебный исчезает аромат,
И что ж останется: кипящий в сердце яд.

Он собственной отравлен красотою,
Он пленник лжи. В природе нет того,
Что создается творческой мечтою,
Являя всех достоинств торжество.
Но юность вымышляет божество

Любовь — безумье, и она горька.
Но исцеленье горше. Чар не стало,
И, боже! как бесцветна и мелка,
Как далека во всем от идеала
Та, чей портрет нам страсть нарисовала»

Чайльд Гарольд

— Видишь, как он подчеркивает, что Самолюбленность есть самообман, который берется из кривого зеркала эгосистемы, и исчезает словно сон, не имея ничего общего с действительностью. И что это пагубный самообман.

Вот это и есть «Механика Романтики», если смотреть с точки зрения теории психической энергии. Сама понимаешь, что мы с Мзией имеем в исходном положении: она видит кривое зеркало Эгосистемы, где я — обожествлен и всесилен (на ее языке — самый умный, самый добрый, самый лучший и тд и тп), и где она сама тоже — обожествлена и всесильна. Ей ведь представляется, что до болезни не было человека сильнее и мудрее нее, и что либо вернуться назад, к совершенству, либо умереть. Вот так и прошла ее реализация Эго: она старается оставаться достойной моей великой любви, которую я ей усиленно внушаю. И буду внушать, пока у нас не появится базис здоровой энергии, на которой можно будет отказаться полностью от энергии поля Эгосистемы.

Таким образом, мой план прост. Пока у нее еще функционирует только поле Эгосистемы, здоровая энергия духа разрушена. Поэтому будем пользоваться тем положительным, что есть на поле Эгосистемы. Будем поддерживать ее Самовлюбленность путем поддержания высокой самооценки, как можно более высокой. Я уже думал над этим. Она конечно постоянно рефлекти-

рует, что больна. Но она мне верит, а я убеждаю ее, что это просто нервный срыв. Далее, путем стимуляции Самовлюбленности, я мотивирую ее учиться, чтобы она начала изучать основы теории психической энергии, что у нее до сих пор не получалось. Но чтобы нравится своему возлюбленному, она начнет учится. Наконец, она прекрасно играет на пианино. Я уже пригласил учителей, купил фортепьяно, пусть играет, а я буду восхищаться, даже если мне не всегда будет нравиться. Знаешь, играет она очень проникновенно, видны глубина и талант, но иногда, когда я слышу в ее музыке этот вот центральный мотив самолюбленности ее нездоровой пока души, меня прямо воротит. Но я продолжаю сидеть и слушать с видом влюбленного подростка. Так мы выиграем время и энергию. Это не будет легко, признаюсь — изображать из себя влюбленного рыцаря, мне уже временами плохо от моей роли. Надо продержаться хотя бы несколько месяцев, хотя бы год, пока я подготовлю в ней базис здоровой энергии — настоящим теплом, настоящей любовью, учебой, чтобы развивались ее ум и сердце. Тогда уже надо будет сделать решительный скачок — и сломать всю систему романтики. Это будет последний аккорд в моей психотерапии. Она станет зрелым, здоровым человеком.

— Как же сможешь сломать всю систему романтики?

— Я думал об этом. Видишь ли, это будет возможно только тогда, когда сработает моя ловушка: она выучит всю матчасть по теории ПЭ, будет знать все о поле эгосистемы, пусть пока только теоретически. Выучит все это из Самовлюбленности, то есть романтической любви ко мне, чтобы заслужить своего рыцаря. А когда выучит, мы с ней вместе поставим себе цель разрушить поле эгосистемы и самовлюбленности. Это будет шок для нее, но она будет к этому готова, потому что к тому времени в ней параллельно будет зреть здоровая любовь, понимание людей. Об этом я тоже позабочусь.

— И все же, я не могу понять, — разнервничалась Светлана Алексеевна, — как же ты сломаешь в ней эту Самовлюбленность на практике?

— Да, очень просто, Света. Расскажу ей, что притворялся все это время рыцарем, чтобы поддержать в ней искру жизни. Что делал это из любви к ней. Что тогда у нее оставалась из положительных эмоций только романтика, и что это был единственный способ отвлечь ее от психоза, от приступов страха. Что делал это из любви к ней. Что настоящая любовь у нас тоже была — и она была в совместной жизни, в заботе друг о друге, и в совместной работе. Я надеюсь, она посмеется над своей самовлюбленностью вместе со мной, и это будет означать ее полное выздоровление.

— Бог тебе в помощь, Бене, — расплакалась Светлана Алексеевна. — Ты и вправду редкий человек. Она не сильно ошибается, обожествляя тебя, — улыбалась она своему другу сквозь слезы. — Вот я нахохочусь, наблюдая тебя рыцарем у шестнадцатилетней дамы сердца. Мы никому не скажем, конечно, мой милый трубадур.

— Тебе смешно, а мне надо во чтобы то ни стало справиться с ролью трубадура, как ты говоришь.

— И как ты будешь играть эту роль, Бене? Ущипни меня, я сплю.

— Буду как-то, Света. Отстань уже с расспросами, мне итак тошно, хоть в петлю лезь.

— Ты ведь говоришь, что это болезненная энергия Самовлюбленности? Как же на ней продержаться?

— Да, она болезненна, когда низкая самооценка. Но я ведь тебе сказал, что буду поддерживать то, что в ней есть хорошего высокой самооценкой. Без такой искусственной поддержки Самовлюбленность всегда приводит только к боли. Но вот что у нас есть положительного, если поддерживать высокую самооценку:

«Ромео и Джульетта»:

«У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что наконец и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус»

Вот у Байрона в «Дон Жуане»:

«Когда везде мы слышим тайный зов
Счастливых сил и радости чудесной,
И в сердце, словно в озере — луна,
Она, одна она отражена!»

Пусть приторно и навязчиво, главное положительно, — лучшего из амбивалентных чувств поля Эгосистемы не извлечь. Зато мы сможем продержаться до тех пор, пока окрепнет поле интеллекта, с его здоровыми эмоциями и настоящей любовью. Это позволит нам работать, набирать знания о закономерностях психики, чтобы потом полностью отказаться от этой больной энергии, которая даже в самом своем хорошем — отравлена, правы классики. И посмотри, как здорово опять пишет Байрон в «Дон Жуане» о том, что любая настоящая работа — настоящее счастье по сравнению с романтикой:

«Ах! Эврика! Я понял, почему
Назвал Шекспир «любовью от безделья»
Цветочек свой: лишь праздному уму
Доступно страсти бурное похмелье;
Кто делом занимается, тому
Не может стать любовь единой целью.
Но если б даже на меня набросились
Все те, кем возвеличен высший свет,
Всем заявлю я тоном самым смелым:
Счастливей вас любой, кто занят делом».

Мы будем работать в поте лица, Светлана Алексеевна, и мы укрепим здоровую энергию, а потом вместе посмеемся над нелепой Самовлюбленностью романтизма.

— А как же дети Бене?

— Как только минует опасность психоза, как только психика стабилизируется, почему нам и не побаловать Тамрико внуками? Это моя жена, Света. Я ее не могу любить пока, но я глубоко ей сострадаю. И меня очаровывает ее свежесть и пусть расстроенная, но такая глубокая душевная организация. Конечно, я смогу ее полюбить.

ГЛАВА 16. МЗИЯ ВЫЗДОРОВЕЛА И ОСТАВИЛА ДОКТОРА БЕНЕ

Мзия чувствовала себя так, словно попала в волшебную сказку. Если бы не повторявшиеся приступы страха, которых она очень боялась, она готова была уже благословлять свою болезнь, которая сделала ее женой Бенедикта Яковлевича. Она не могла до конца поверить своему счастью, и это усугубляло тревожность ее состояния.

После болезни она совсем отчаялась. Она не верила, что когда-то сможет опять почувствовать себя здоровой, что сможет избавиться от приступов страха и восстановить утерянный контакт с людьми. Все в ней разваливалось на части, ее чувства, ее мысли больше ей не подчинялись, и хуже всего были приступы, которые заставляли ее холодеть всем телом и биться в конвульсиях. Это был ад, в который она провалилась той злосчастной ночью, когда испугалась сойти с ума, и из которого не видно было дороги назад. Пока не пришел ее Данте, и не повел ее через все круги ада прямо на благословенные вершины рая. Бенедикта Яковлевича понравился ей сразу, при первой встречи, когда почувствовала какое тепло и какая душевная сила исходят из него, когда увидела, каким большим уважением он пользуется. Еще до встречи с ним она была наслышана от родителей, от Тамрико и от Светланы Алексеевны, что он большой ученый,

что он открыл психическую энергию, и что он может лечить такие случаи, как у нее, чего раньше никто не мог. «Тебе очень повезло», — говорили ей, — он взял тебя к себе в экспериментальную группу. Он вылечил Андрея и Сашу, и вылечит тебя». И она стала жить встречей с ним, представлять, как выглядит ее спаситель, который вытащит ее из этого ада, произносить целые тирады про себя о том, как она будет благодарить его и взывать к его великодушию и милосердию. Но тогда она его еще не любила, не зная, собственно, что такое любовь, просто ждала его как спасителя.

Когда она увидела его коляску, ее доброе сердце сжалось от жалости. Когда он вскочил на свои костыли и энергично засновал по ее комнате, рассказывая ей что-то бодрящее, и наблюдая за ее реакциями, она восхитилась его мужеству. А когда он несколькими вопросами дал ей понять, что знает все об ее жизни, она посчитала его гением. Но только когда он сел на ее кровати и прижал ее к своему сердцу, в ней родилось это волшебное чувство счастья, которое с тех пор, крепло и росло, превозмогая силу ее болезни. Эта любовь словно цементом скрепила развалившиеся части ее души, сконцентрировав все мысли и чувства вокруг единственной блаженной цели — Бенедикта Яковлевича. Он был так добр, так нежен, говорил такие слова о ее красоте и характере. «Может быть он меня полюбил?» — думала Мзия, и хотя сама себе не верила, она не могла запретить себе мечтать, и эти мечты сладостной эйфорией растекались по ее телу, вытесняя страхи психоза.

А потом пришел отец, и плача, сообщил ей, что она переезжает к Бенедикту Яковлевичу, потому что, он ее любит и хочет на ней жениться. Это был такой стресс, что Мзия не сразу поверила своему счастью. Такой резкий взлет из ада в рай, а именно это она чувствовала: словно вчера еще черный мрак адской пучины покрывал ее с головой, а сегодня она на вершине райского блаженства, в объятиях самого доброго и гениального человека, его законная жена. Мзия остатками своего разумения понимала, что не могла привлечь такого человека, но самообман был та-

ким блаженством, и это было его решение, а не ее, и она позволила себя убедить, что он любит ее, и что она сумела завоевать его сердце. И она стала снова и снова представлять каждую встречу, как он заходил с широкой улыбкой, как она почтительно вставала ему на встречу, улыбаясь в ответ, и делая вид, что совсем о нем не думала, хотя ждала его каждую минуту, и каждую минуту прислушивалась к звукам шагов за дверью. Как он посмотрел на нее, как задержал взгляд, как погладил по голове. И с каким достоинством она держалась, как не единым жестом не выдала своих чувств. И как отец привез ей в этот день новые джинсы и туфли на каблуках, и какая стройная и высокая она должна была казаться. «Наверно, он увидел мою настоящую душу, — думала она, — какой я была до болезни, когда все считали меня такой талантливой и умной. Увидел и восхитился мной. Бедный, он наверное сразу в меня влюбился». И ее распирало от умиления и нежности, так что она начинала тискать свою подушку, и заканчивала горькими слезами.

Месяцы, проведенные в клинике Финкеля, не прошли даром для Мзии. Ей не давали сидеть, сложа руки, и предаваться своим горьким мыслям. С ней постоянно разговаривали, она пересказывала свою жизнь снова и снова, с разными подробностями. Содержание ее бреда, которое ее так пугало, что она совсем не хотела не думать не говорить об этом, постоянно становилось в центре дискуссий и ей снова и снова приходилось вместе с врачами анализировать это содержание. Ей постоянно говорили, не верить содержанию бреда, не верить своим чувствам, не верить страху, потому что все это символы подсознания. Она стала понимать, что ее страх всего лишь «структура бреда», ей показали внутреннюю логику этого бреда, и объяснили, как она возникла. Ее учили разделять энергию сознания, которая еще полностью была в ее власти и энергию подсознания, и относится к последней как к внешней силе. Сопротивляться этой силе и бороться с ней. Ее научили пользоваться научной терминологией, отделять преморбид от психоза, и сформулировали ей ее диагноз: пограничный психоз. В конечном итоге она стала пони-

мать, что не была такой уж идеальной, что болезнь упала не с неба, что что то в ней было неправильное, и это что-то — была шизоидность, раздутое романтическими книгами Эго, что сделало ее самолюбием таким крайне болезненным. И что меланхолия пришла от болезненности самолюбия и от осознания невозможности его реализовать. Постепенно она избавилась от бреда, и тогда она впервые вновь почувствовала себя на одной почве с другими людьми. Это была огромная заслуга Светланы Алексеевны, и хотя она предупреждала Мзию, что до полного выздоровления еще далеко, Мзия уже считала себя заново родившейся. И вот, новый приступ накрыл ее с головой. Она слышала, как Светлана Алексеевна назвала этот новый приступ «распадом вселенной». Сама она называла эти приступы «все теряет смысл». Это было такое жуткое состояние, когда все, что попадало ей на глаза, словно растворялось в эфире, хоть она продолжала их отчетливо видеть. Она спрашивала себя в чем смысл этих вещей, не находила его и почему то эта мысль наводила на нее такой ужас, что у нее холодели все конечности, и она билась в конвульсиях озноба. «Почему мне так страшно от того что я не нахожу смысла всем вещам? — спрашивала она себя. — И что такое смысл? Ведь все философы ищут этот смысл и не находят. Почему же мне все должно быть известно? И я ведь раньше тоже любила философствовать, а сейчас почему я все должна знать? А незнание меня убивает?»

Как раз на этой стадии Бенедикт Яковлевич сделал ей предложение. И Мзия испугалась, что не справится, что разочарует его, что он увидит какая она еще слабая и больная, и посмеется над своей любовью к ней. «Он, наверное думает, что я уже выздоровела, что я такая же умная как он сам. Если он узнает, что у меня теперь новые приступы, он будет смеяться и надо мной и над собой. Что он полюбил такую дурочку». От этих мыслей ее приступы участились. С каждым сильным стрессом ее накрывал с головой приступ «распада вселенной», как она стала называть эти приступы вслед за Светланой Алексеевной. В день свадьбы она уговорила Тамрико дать ей транквилизаторов, и с большим

трудом продержалась до вечера. Она ждала этого вечера с такой торжественностью и напряжением, с какой суеверные люди ждут конца света и царствия небесного. В этот вечер должна была разверзнуться тьма поглотившая ее, рассеченная ее прекрасным рыцарем сверкающим мечом, и этот святой ангел в доспехах должен был навсегда умчать ее из пламени преисподней. Это было больше, чем «быть или не быть» ей самой, это было «быть свету» или «быть тьме» на земле. И вот она гордая тем, что вынесла ожидание этого страшного своим напряжением дня, приняв душ и бесконечно прихорашиваясь у зеркала, села на кровати, под бешеные удары своего сердца прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Она итак не верила в эту любовь и в эту свадьбу, которые в мечтах уносили ее в заоблачные дали. И только его близость могла убедить ее, что это не было насмешкой, и не было ее фантазией. И что завтра ее не попросят ехать домой, или лучше в клинику. Но никто не приходил. И тогда Мзия почувствовала как холодеют ее конечности, и как мир вокруг нее, сцементированный ее любовью к Бенедикту Яковлевичу, опять начинает трястись и распадаться в страшном цунами, потрясаемый тысячами разных смерчей. Все завертелось и закружилось в вихре тотальной бессмыслицы бытия, которая вырывала ей сердце из груди, и ее заколотил знакомый приступ озноба о кровать со страшной силой.

И вдруг в этой холодной могиле смерти, в которой она уже не чаяла найти себя, найти мир, найти тепло и свет, возник яркий свет луча, обжигающего ее своим страстным теплом. Этот луч двигался по ней, ласкал ее, любил ее, боготворил ее, согревал и освещал ее холодную могилу. И вот она узнала лицо Бенедикта Яковлевича, и постепенно стала слышать прекрасную музыку его нежных слов, почувствовала тепло его обволакивающей любви, и хаос распада внезапно сдался и отступил. Мир опять сосредоточился вокруг любви к Бенедикту Яковлевичу, комната стала просто комнатой, обретя устойчивость и стабильность, и вещи обрели свой бытовой безобидный смысл. Она почувствовала, как кровь возвращается в ее конеч-

ности под ласковыми и страстными руками ее мужа, — да, ее мужа, ее возлюбленного, ее рыцаря, вынесшего ее прямо из пламени ада. «Ты все-таки пришел за мной, — тихо сказала она в ответ на тысячу нежных слов, который Бене не уставал повторять, чтобы вернуть ее коченеющее тело к жизни, — ты все-таки вынес меня на свет, мой милый». Она протянула руки и крепко обвила его шею, притянула его голову к себе, покрыв тысячью поцелуев смешанных с соленными слезами.

Эта ночь стала тем фундаментом, на котором Мзия укрепилась, на котором весь свет, терявший до сих пор смысл при малейшем стрессе, вновь обрел основу и смысл. В ней жило такое яркое, такое горячее пламя страсти, что этому пламени не стоило никакого труда придать смысл всему, что теперь окружало Мзию. Смысл ее жизни бился и пульсировал в ней этим чистым блаженством ее любви к Бенедикту Яковлевичу. И она старалась отблагодарить его всеми силами души, и заслужить эту благодать его любви, таким нежданным счастьем свалившееся ей на голову.

Она слушала каждое его слово, и каждое его слово отпечатывалось в ее голове, так что она помнила наизусть все диалоги с самой первой встречи с ним. Особенно драгоценными были его слова в ту первую ночь, когда он столько раз повторял, что полюбил ее с первого взгляда, что ее прекрасный образ всегда стоял перед его мысленным взором, что он мечтал и не смел сделать ей предложение. «Бедный!», — каждый раз заканчивала Мзия этот цикл глубоким вздохом умиления к своему влюбленному герою. Как он любил ее и как он страдал! Чего только он не сделал из любви к ней! Она упивалась этими мыслями, запираясь у себя в комнате и предаваясь своим мечтам часами. Когда чувства переполняли ее, она садилась за рояль, и тогда ее любовь была слышна всем в ее чувственной взволнованной игре. Ей особенно нравилось играть для Бенедикта Яковлевича, и каждый раз ее игра, казалось, трогала его до слез. Как она могла сомневаться в его чувствах, корила себя Мзия! Он присылал ей записочки самого разного характера: то любовные, то

смешные, то с инструкциями по материалу лекций. И она благоговейно складывала их в ящике стола, который стал ее своеобразным алтарем, где она складывала все реликвии его любви, и куда она приходила посидеть и помедитировать, когда чувства переполняли ее. Он поставил у себя на столе их совместное фото, он дарил ей цветы почти каждый день. У Мзии больше не было времени думать о плохом, все ее существо было пропитано этой любовью. И только раз она слышала недовольство в голосе Бенедикта Яковлевича: она забывала об уроках за своими мечтами первые месяцы. Сначала он ей мягко напоминал, потом строго упрекал. И однажды он очень разгневался, отчитал ее, и даже не пришел ночью в ее спальню. «Если ты меня не любишь, — сказал он слова, которые с тех пор звучали в ее сердце, — я тоже не буду тебя любить. Я попросил тебя о такой малости, но и это тебе трудно для меня сделать. Ты могла бы если не из любви, то хотя бы из благодарности стараться. Я ведь не для себя прошу». Тогда она поняла, как важны ее занятия и больше никогда их не пропускала.

Время летело так быстро, а вечером ее опять ждало счастье встречи с ним! Каждая такая ночь давала ей смысл прожить следующий день, энергию любить и жить для следующей встречи. Только бы заслужить, только бы оправдать его надежды! Только бы он никогда не пожалел о своей доброте и не разочаровался в ней. Эти мысли заставили ее отчаянно работать над собой. Она читала все, что ей оставлял Бенедикт Яковлевич с большой аккуратностью и усердием. Он составил ей список необходимых занятий, оставлял ей свои лекции и книги, и по вечерам обязательно проверял «домашнее задание». Сначала Мзия очень боялась, что не оправдает его ожиданий. Разве она могла быть такой же умной как он, понимать те же книги, понимать лекции такого большого ученого. Но постепенно, она настолько разобралась в предмете, что почувствовала, что этот материал знает уже не хуже Бенедикта Яковлевича. Тогда она стала с большой гордостью излагать ему вечерами эти маленькие экзамены, и каждое такое «пять» за-

ставляло ее краснеть от удовольствия. Она делала большие успехи и в учебе и в здоровье. Вскоре она могла уже спокойно излагать ему его теорию психической энергии во всех деталях, которых еще не знали и его коллеги. Процесс ее увлек, и она искала книги сама, читала все монографии своего мужа, и в конечном итоге глотала книгу за книгой. В ней проснулся научная любознательность, и жизнь получила еще один важный смысл, уже независимый от ее любви к Бенедикту Яковлевичу.

Она не замечала, как пристально наблюдал за всеми метаморфозами ее душевного состояния доктор Бене. А Бене радовался, что у Мзии все более и более нарастал базис здоровой энергии, сквозь ее романтический бред она училась любить и заботиться по настоящему, она все больше увлекалась психологией, и уже по настоящему в ней разбиралась, удивляя своими успехами доктора Бене.

— Я создал для нее рай шекспировской идиллии, который только в таком искусственном парнике и мог бы существовать, — докладывал Бене о своих успехах Светлане Алексеевне. Правы все реалисты, романтика в настоящей жизни всегда есть только боль и разочарование, и только если поставить себе цель поддерживать ее в ком то искусственно, какое-то время можно продержать человека в этой эйфории. Кстати сказать, все «пикапы» построены на таком искусственном поддержании романтики, но они видят своей конечной целью сломать и подчинить человека, а у меня цель противоположная — укрепить ее интеллект и создать фундамент для духовной энергии.

— Она верит в твою влюбленность?

— Что ты! Она живет и дышит этим. Я не даю ей времени засомневаться. Мы с ней живем Шекспиром и Данте, Петраркой и Гюго, Пушкиным и Лермонтовым. «Письма к Диотиме» Гельдерлина — ее любимое. Я делаю вид, что в восторге от романтиков, и когда у меня иссякает фантазия, посылаю отрывки откуда-нибудь из классиков. А сам дрожу, если она где-нибудь найдет мою критику романтизма! Я спрятал дома все книги. Никогда

с ней не обсуждаю тему романтизма и реализма в литературе, не доросла еще. А когда она спрашивает меня, что я думаю о Флобере или Байроне, говорю, что любовь везде одинаковая, просто все люди разные. Или еще как то отмазываюсь от темы. А сам строчу ей любовные письма, что твой Ромео. У Кьеркегора вычитал в «Дневнике соблазнителя» о записочках — очень пригодилась методичка. Я посылаю ей сообщения по нескольку раз в день, самого разного содержания.

— Ты шлешь записки или сообщения на телефон?

— И то, и другое. Уже приходится крутится влюбленному, сама понимаешь. Иногда посылаю посыльного с цветами и запиской, или открыткой. И главное, это разговоры о любви. Их всегда очень много, и всегда все наши разговоры к ней сводятся. Иногда мне так ее жаль в этом ее дурмане, хочется раскрыть ей глаза, заговорить как с обычным человеком, как с тобой, например, просто, честно. Она выглядит такой смешной в этом своем любовном экстазе. Так старается быть во всем идеальной, и чтобы я видел, но не понял, что все это для меня. А увидит меня и замрет, как в ступоре. Настолько сильные в ней эмоции. Словно привидение увидела. Не знает, как себя вести с достоинством с человеком, о котором думает каждую минуту. Хочет броситься на шею, боится показаться навязчивой. И тогда я всегда прихожу ей на выручку, как увижу ее в таком ступоре, и рассмеюсь мальчишески, и скажу какую-нибудь глупость.

— Вы уже поели? Почему куры во дворе? Никто не выгнал их в огород?

Она засмеется, потому что для нее всегда шок, что я могу говорить о таких бытовых вещах, что у меня нет крыльев как у ангела, я ее обниму и скажу, как я ждал весь день встречи с ней. А однажды, я выходил из кабинета и наткнулся на нее. У нее лицо исказилось от ужаса: как я мог застать ее у его двери, когда она хотела и не решалась войти! Так она опозорилась в моих глазах. И пришлось мне опять в тысячный раз повторять мантру неземной любви, чтобы она немного успокоилась. Эти ее любовные ломки так ее доводят, что мне иногда хочется рассеять все

это наваждение, и заговорить с ней без всей этой пышной театральности. Но она пока не готова. Зато в учебе она меня удивила. Так шпарит, глотает том за томом. Поэтому я уверен, что толк будет, и что мы сможем скоро обходиться без всех этих глупостей. Учителя ее тоже хвалят, говорят, она может давать концерты. А Мзия и ухватилась за эту идею, и все носится с ней. И я вижу, просто решила опять меня удивить: а ну как я ее полюблю, если ее концерты будут иметь успех.

— Бене, милый, я же видела ее на днях! Это такой успех, что у меня просто нет слов! Всего два года прошло, а человека не узнать. Какой подарок ты ей сделал к совершеннолетию. Театр не театр, а цели ты достиг на все сто. Она выглядит не просто здоровым, но совершенно счастливым человеком. У нее еще бывают приступы?

— Нет, приступов уже давно не было.

— Она здорова, Бене. Я ведь тоже кое-что в этом понимаю. И когда я вспоминаю, в каким состоянии она к нам поступила, и что ты сумел с ней сделать, я просто преклоняюсь перед тобой. Ты вытащил из самой могилы эту юную душу. И не бойся ее сломать, заговорив с ней искренне. Она все поймет. Она уже взрослая.

— Тамрико тоже ее полюбила. Говорит, что никого кроме Мзии моей женой не признает, даже Анну. И просит слезно внуков.

— Мзия здорова, Бене, не мне тебе говорить. Ничего не мешает вам иметь детей. Тебе пора снять маски и жить нормальной жизнью. Ты говорил, это последняя стадия в ее терапии. Вот и приступай.

Но Бене колебался. А вскоре стало известно, что Мзия ждет ребенка, и он решил отложить разговор по душам до рождения ребенка. У него было много других важных дел в этот период. Клиника Финкеля становилась все более популярной, спрос был таков, что всем желающим лечиться у доктора Бене мест не хватало. Ему приходилось выезжать и там где возможно, оказывать услуги психотерапевта на дому. Дело было не в деньгах, клини-

ка приносила приличный доход, но Бенедикт Яковлевич не мог отказать людям в беде, если видел что может облегчить чем-то их боль.

Саша за эти два года закончил свой факультет и стал инженером-программистом, Александром Борисовичем Тополевым, специалистом, который сразу нашел себе хорошо оплачиваемую работу. Его увлечение физикой не прошло даром. Он сообщил как то доктору Бене, что если сопоставить полемику Бора и Эйнштейна по поводу теории квантов с теорий психической энергии Леви-Финкеля, то можно найти решение этой старой проблемы физики, которое докажет правоту Эйнштейна, так безжалостно и несправедливо засмеянного в 20-м веке. Андрей Николаевич Орлов заканчивал свою работу по философии нового рационализма, которую предназначал доктору Бене в качестве философского базиса его научной теории. Доктор Бене писал третью монографию на тему своего открытия, и по-прежнему был недоволен детальностью и глубиной изложения темы.

Он и не заметил за работой, как прошло время и у него родились два прелестных близнеца: мальчик и девочка. Это было такое счастье, которое вознаградило все его труды и неудобства с лечением Мзии с лихвой. Последние месяцы они не виделись ночами с женой, и Бене знал, что она очень тяжело переживала эту разлуку. Он был с ней особенно нежен, чтобы как то уменьшить ее страдания, хоть и понимал, что совсем их снять невозможно. Он вновь увидел всю несчастную ломку ее романтической влюбленности, когда она сначала заболела мыслью, что потеряла фигуру после родов, потом стала переживать, что он больше никогда не придет к ней, наконец, опять сделала попытку прийти сама, и простояв час у его дверей, так и не решилась войти. Она занялась спортом, стала посещать салоны красоты, играла с такой страстью, что Бене боялся пианино рухнет под ее напором. И наконец, он принял решение, что она уже готова принять истину. Сделать последний шаг к ее выздоровлению, сломать все поле эгосистемы вместе с самовлюбленностью.

— Дорогая Мзия, — он впервые посмотрел на нее серьезно, без игры, без напускной патетики в голосе, когда пришло время их вечерних занятий. — Расскажи мне, пожалуйста, сегодня, все что ты знаешь о механизмах поля эгосистемы: начнем с физической эгозащиты циклоидов и закончим интеллектуальной эгозащитой шизоидов.

— Я же много раз рассказывала, — Мзия сразу сжалась, почувствовав перемену тона. Эта ее чуткость всегда внушала уважение Бене, и именно поэтому ему было так больно смотреть на ее любовные ломки, которые заставляли ее страдать и делали ее смешной. — Что-нибудь не так, Бенедикт?

— Нет, родная, — сразу потеплел Бене, — все так. Просто повторение мать учения, ты же знаешь.

— Хорошо, — сказала Мзия, зардевшись от удовольствия. Ей доставляло большую радость виртуозное владение предметом, которым она могла похвастать перед своим возлюбленным.

— Есть два силовых поля психики, и оба образованы законом сохранения силы психики. Однако, только поле интеллекта имеет настоящую силу, поскольку научное мышление поля интеллекта дает доступ к энергиям всего космоса, а поле совести и сочувствия — это общее я человечества, которое увеличивает энергию одного человека на энергию всех здоровых людей товарищечества. Закон сохранения силы поля Эгосистемы — только запускает слабый детерминированный ток, который работает за счет разрушения поля интеллекта. Он разъединяет людей враждой, его энергия работает на мотивации боли, и не имея доступа к интеллекту, он не имеет доступа к энергиям природы. Все что у него есть — энергия притяжений Самолюбия и Влюбленности, цикличный гомеостаз, болезненный и непродуктивный, садомазохизм насилия и подчинения в отношениях людей.

Поле Эгосистемы — поверхностное образование на теле базовой энергии психики человека. Базовая энергия образуется силовым полем интеллекта, полюса которой есть активный и пассивный интеллект, то есть мышление и законы природы. Это энергия страсти к познанию и общего Я, что переживается

как сочувствие совесть и потребность справедливости. Это разумная и живая энергия называется в истории философии духом.

Поле Эгосистемы — это энергия-паразит на теле духовной энергии. Это неживая энергия согласно определению Оствальда, как например неживыми энергиями являются механическая или электрическая энергии. Эго и СуперЭго — образуют полюса силового поля. Это ложная чувственная информация, которая показывает человеку мир и его самого как две абстрактные противостоящие силы. Эта информация — основа страха сверхъестественных сил первобытного сознания, и вообще всего мистического сознания. Эта ложная информация запускает эгозащиту, когда человек пытается защитить Эго от СуперЭго. Эгозащита образует два притяжения: Самолюбие, когда эго видится больше СуперЭго, или Влюбленность, в противоположном случае. Самолюбие и Влюбленность образуют вместе садомазохизм — энергию поля Эгосистемы. Это обычных цикличный гомеостах всех детерминированных энергий. Закон сохранения силы, образующий это поле психики, определяет также и болезненность ударов по Эго: больное самолюбие.

Мы описали цикличный гомеостаз циклоидов.

Эрнст Кречмер первым обратил внимание, что если циклоиды движутся циклами «самолюбие и влюбленность), то шизоиды движутся толчками, которые сдвигают качество их психики необратимо.

Это связано с интеллектуальной эгозащитой шизоидов. Интеллект вторгается на поле эгосистемы и становится «интеллектом понарошку». Он оторван от действительности и вместо анализа фактов действительности и открытия законов природы, теперь интеллект на поле Эгосистемы, на поле кривого зеркала ложной чувственной информации доказывает превосходство Эго над СуперЭго. Это и есть метафизическая интоксикация шизоидов.

Интеллектуальная Эгозащита ломает цикличный гомеостаз поля Эгосистемы: шизоиды логически доказывают примат Эго

над СуперЭго, как Сверхчеловеки в философии Ницше например. Поэтому у них может быть только притяжение Самолюбия, когда Эго сильнее СуперЭго. Притяжение Влюбленности, где Эго слабее и подчиняется внешней силе, позиция рабства в садомазохизме, для шизоидов невозможна. В этом суть сломанного цикличного гомеостаза поля Эгосистемы у шизоидов. Поэтому они радикально отличаются от циклоидов, и потому в циклоидов движение по кругу, а у шизоидов — качественный сдвиг, как говорил Кречмер.

Это также объясняет сверхчувствительноть, или гиперэстезию шизоидов, как ее называл Кречмер. Удары по Эго приобретают невыносимый характер (Эго бережет закон сохранения силы, «Я» — это сила, которую надо сохранить, говорит этот закон, потому все удары по Эго очень болезненны). Ноу шизоидов особенно болезненны: потому что циклоиды, когда они слабее переходят на притяжение Влюбленности, то есть с позиции власти на позицию — рабства. Шизоиды доказали себе что они сверхчеловеки и не могут перейти назад на позицию Влюбленности, то есть подчинения. Поэтому удары по Эго, то есть по Самолюбию приобретают высокую болезненность, что в конечном итоге полностью разрушает уже настоящую энергию поля интеллекта.

В этом отличие психоза циклоидов, которые как правило обратимы, от психоза шизоидов, которые чаще необратимы: в первом случае поле Эгосистемы своими циклами просто истощает поле интеллекта, а во втором случае болезненность ударов по Эго при сломанном цикличном гомеостазе шизоидов, разрывает ткань поля интеллекта (базовой энергии всех людей).

— Блестяще ты как всегда пересказала, моя родная девочка. Все правильно. Что ты забыла сказать? Какое притяжение поля Эгосистемы ты пропустила?

— Да, Бенедикт, извини. Я забыла сказать про Самовлюбленность. Это второе притяжение шизоидов наряду с Самолюбием. Влюбленность у них уже не работает, зато на ее место становится Самовлюбленность. Ее суть в том, что проходит реализация Эго по СуперЭго. Я забыла, потому что ты никогда не объяснял

мне на примерах, на литературе, как ты обычно делал с другими формулами. И честно сказать, что такое притяжение Самовлюбленности я до сих пор толком не понимаю.

— Я тебе объясню, моя дорогая. И ты должна мне обещать, что будешь взрослой. Будешь помнить все, что ты только что мне рассказала. Ты уже не ребенок Мзия, тебе 19 лет. Ты должна научится отличать настоящую любовь от романтической, и бороться с романтической любовью, как ты мужественно боролась со своим Эго. И победила! Какую блестящую победу ты одержала, моя девочка! Тебе надо одержать еще одну, последнюю победу, и наш курс терапии будет завершен.

— Как?! — Мзия почувствовала, как ноги стали ватными. — Я думала, наш курс завершен давным-давно. Я же знаю все твои лекции, прочла все книги, которые ты написал. У нас двое детей, Бенедикт! А ты говоришь, я все еще нездорова?

— Моя дорогая, совершенного здоровья не бывает, не надо так реагировать. Если бы я не ценил и не любил тебя, у нас не было бы с тобой детей. Конечно, ты здоровой, полноценный, любимый мой человек. Просто остается маленькая деталь, без которой терапия не будет законченной. Нет, ты видела не все мои лекции, и ты читала не все мои книги, и я всегда говорил тебе что думал, кроме одного случая. И для твоего же блага. Ты все поймешь, когда изучишь материал. Ты ведь такая умница, ты удивила меня своими способностями, это чистая правда, моя дорогая. Вот лекции, которых ты не видела.

И Бене протянул ей «Механику Романтики». Мзия стала бледной как полотно, своей тонкой интуиции больше почувствовав, чем поняв, о чем там идет речь.

— Я был не совсем искренен, Мзия. Я не люблю «Ромео и Джельетту», не люблю «Вертера» Гете, не люблю «Демона» Лермонтова, и «Онегина» Пушкина. Не люблю Беатричи Данте, не люблю Лауру Петрарки, не люблю Диотимы Гельдерлина. Я вообще не люблю романтику, более того, моя родная, это как раз и есть то, что называется притяжением Самовлюбленности шизоидов. Это и есть романтика, это и есть метафизическая ин-

токсикация. Прочти, пожалуйста, мою статью «Механика Романтики». Ты очень умная, ты сразу все поймешь. Прочти и сразу приходи ко мне. Я не лягу, пока не дождусь тебя. Мы должны все обсудить.

Бене ждал час, два, три, потом пошел сам в комнату Мзии. Она сидела, закрыв лицо руками, и горько плакала.

— Так я и думал. — обреченно сказал он.

— Ты посмеялся надо мной, как мне это пережить? Как твой Шеллинг в этой статье хохочет над Офелией Шекспира, как он хохочет над Диотимой Гельдерлина; как твой Лессинг смеется над Вертером, а Байрон над Шеспиром и всеми вместе взятыми романтиками? Этими сумасшедшими самовлюбленными?! Я спрашивала тебя не раз о госпоже Бовари, я не могла сама понять, в чем смысл этой книги. Теперь я вижу: это такой же хохот над любовью как у Сервантеса, как у Толстого, как у Байрона и Шеллинга. Я ведь правильно все поняла? А я то дурочка! Вот! — и она порывисто вскочила с кровати и подошла к столу. — вот мой алтарь, смейся, хохочи, здесь все твои записки, все твои знаки внимания, здесь даже гербарии из цветов, которые ты мне дарил. Я здесь молилась, когда думала о тебе. И мне так трудно так трудно было всегда говорить о своей любви, потому что она была безгранична, бездонна. А теперь ты все разбил, и я так спокойно говорю, словно о мертвеце. И самой не верится. Ты разбил мою любовь, Бенедикт!

— Мзия, моя родная, я боялся приступа. А ты говоришь спокойно и с достоинством. Ты оскорблена, но ты чувствуешь полную свою силу в этом оскорблении. Конечно, нужно время чтобы ты все осознала, но у меня гора с плеч. Ты здорова, ты совершенно здорова!

Ты сама поймешь, что это было смешно, сама увидишь, что жить с романтикой невозможно, ничего трудного в том, чтобы говорить об обычной любви нет. Да о ней и не хочется говорить. Человеческая любовь — это дела. Забота, внимание, понимание, совместный труд. Разве у нас было мало настоящей любви? Мало заботы, совместного труда?

— Да, но совсем не было понимания! Ты выставил меня дурочкой.

— Мзия, опомнись, ты была нездорова. И это ты забыла.

— Нет, нет... не забыла. Ты прав, Бене, ты как всегда прав. Ты спас меня этим обманом. Но каково мне смотреть на себя со стороны и видеть свою роль в этой комедии, в этом фарсе? Кто я, Бене? Я теперь вижу, я была для тебя просто тяжело больной девочкой, которую ты поставил себе целью спасти и спас. Я была пустым местом в твоей жизни, еще одним пациентом, только домашним пациентом, вечным стационаром. Как мне самой к себе относится, Бене, если до сих пор вся моя жизнь была сосредоточена вокруг тебя, ты был центром моей вселенной, где я себя отстроила заново. И вот моя вселенная рухнула. Ты прав, я уже не та. Я здорова, мне горько, тяжело, я оскорблена, но почва не уходит у меня из под ног, я не буду искать спасения у тебя. Я от тебя ухожу, Бене. Не подумай, что я обижена. Нет, умом я понимаю, что ты вытащил меня из трясины за мои же собственные волосы, когда эта трясина уже закрывалась над моей головой. Что ты сделал то единственное, что мог сделать в той ситуации. Но сердцем мне так больно, что я не могу тебя видеть. Именно потому, что понимаю твою правоту. Да и зачем я здесь теперь когда твой пациент выздоровел? Ты ведь никогда не любил меня, ты только лечил меня.

— Это неправда. Если бы я не любил тебя, я не женился бы на тебе, и у нас не было бы детей.

— Бене, мне надо понять кто я и что я. Мне нужно время все это осознать. Мне нужно пожить одной и найти себя в мире. Возможно, тогда я смогу заново найти себя рядом с тобой. Эту вторую жизнь подарил мне ты. Я должна была сгнить от нейролептиков в психушке. Ты спас меня от этой страшной судьбы. И я родилась для жизни уже другой, уже умудренной опытом и знаниями. Но я еще совсем не видела жизни, жил за меня ты, а мне давал уже разжеванную пищу. Я не знаю, кто я и что я. Я думала, наша романтическая любовь — это и есть единственная правда, для которой я живу. Ты сломал все в одночасье. Я не прошу у те-

бя развода, ты мой родной человек и всегда им останешься. Но я уеду к родителям, я все решила. И не вернусь пока не разберусь в себе, не найду себя заново, не увижу своего места в новом мире, ведь старый ты разрушил до основания.

— Значит, ты вернешься?

— Я не знаю, Бене. Я уже больше ничего не знаю. Ответь только на один вопрос.

— Да?

— Я должна представлять твой эксперимент на защите диссертации? Ты записал этот случай шизоидной Самовлюбленности, которым ты меня спас? И ты хотел чтобы я там с Сашей и Андрюшей представляла победу твоей теории психической энергии?

— Нет, конечно! Как ты можешь даже говорить такое! Мзия, ты же умница. Ну что я мог поделать? Как мне было тебе помочь?

— Спасибо, Бене. Я тебе позвоню, когда устроюсь. Я пришлю за вещами.

«Она в первый раз назвала меня Бене, — подумал Финкель, закрывая со вздохом дверь своей спальни. — Это успех».

ГЛАВА 17. ОРЛОВ И ТОПОЛЕВ ПОМОГАЮТ ДОКТОРУ БЕНЕ

Прошло 10 лет с последней защиты диссертации Леви-Финкеля, — с того злополучного дня, когда его попытка представить случай Андрея Орлова как доказательство эффективности когнитивной терапии обернулась катастрофой. Наконец, Леви-Финкель решился сделать вторую попытку, ведь теперь у него было несравнимо больше материала, — и теоретического, и эмпирического. Теперь он пригласил Орлова и Тополева не просто как успешно выздоровевших пациентов, которые должны были засвидетельствовать эффективность когнитивной терапии и эмпирическое подтверждение открытия психической энергии, но как коллег и соавторов его научной работы, официально за-

явив коллективное авторство своего научного открытия. Он учел ошибки, сделанные в прошлый раз: не только недостаточная теоретическая база (которая теперь была превосходно разработана), но и тот факт, что он дал так мало времени Андрею для реабилитации, и то, что представил его пациентом. Теперь –это и пациенты и коллектив соавторов, и время промежутком в восемь лет вполне достаточное для реабилитации, для становления мировоззрения и опробования его во внешнем мире. Андрей стал отцом троих детей в 35 лет: Верочка родила ему двух темных мальчиков и одну рыжую девочку, унаследовавшую всю красоты матери. Верочка продолжала работать в клинике доктора Бене и помогать Тамрико. Ей шел 46 год, но она выглядела такой же свежей красавицей с золотыми локонами и нежной кожей, какой была в 20 лет. Андрей оставил должность пастора лютеранской церкви, и возглавил Церковь рационализма, философию которой разрабатывал самостоятельно. Эту философию он и предложил в качестве научного базиса для диссертации доктора Леви-Финкеля. Александр Борисович жениться раздумал и в свои 28 лет упорно занимался карьерой, сделав большие успехи на поприще физики и программирования. Кандидат физико-математических наук, доцент, и программист, Саша готовился сделать свой вклад в диссертацию доктора Бене. И тот и другой давно забыли о боли, которую причинила им болезнь, хоть никогда не забывали опыта, который она им дала. Теперь у Бенедикта Яковлевича не было никаких сомнений, что ни Манкевичу, ни кому бы то ни было другому, больше не удастся выбить почву у его соавторов из под ног. Скорее они сами выбьют почву у кого угодно, так долго и упорно они готовились с разработкой своей части теории.

Когда настал долгожданный день защиты диссертации, доктор Бене предложил начинать Андрею Николаевичу, поскольку философская часть труда — всегда вводная и базисная.

— Но если ты сомневаешься, я начну сам, и изложу твою часть, представив тебя автором, — предложил на всякий случай доктор Бене Андрюше.

— Никакой проблемы нет, Бене, — усмехнулся в ответ Андрей Николаевич. — Я больше не боюсь Манкевичей. Спасибо, что ты доверил мне открытие защиты.

И Андрей уверенно направился к кафедре, сжимая в руках портфель с распечатанной речью.

— Уважаемая комиссия, господа профессора и доктора наук!

Мы с соавторами рады представить вам сегодня диссертацию, которая представляет открытие психической энергии. Да, господа, мы будем уже говорить не о научной гипотезе, как в нашу прошлую попытку защиты, а об полноценном открытии, с разработанной теоретической базой, массой фактов из самых разных дисциплин, которые получили объяснение в свете нашей теории, с широкой эмпирической базой. Теории психической энергии удалось объединить такие ведущие направления психологии, как психоанализ, гуманистическая психология, когнитивная психология, социальная психология (особенно Стенли Милграма), наконец, антропология Леви-Брюля, Дюркгейма и др. В рамках теории психической энергии, наконец, впервые получает свое объяснение вся симптоматика психозов. С этой частью вас ознакомит доктор Леви-Финкель. А мне позвольте представить вам философскую часть нашего научного открытия.

Наша философия — это философия рационализма, которая берет начало у Платона, получает развитие у Декарта, Спинозы, Лейбница и, наконец, Шеллинга. Однако, это новый рационализм, поскольку — это соединение классического рационализма с натурфилософией Вильгельма Оствальда, другими словами с Энергетикой Оствальда. Мы ставим себе задачу, которую ставил Фридрих Шеллинг — найти тождество идеализма и реализма при сохранении автономности этих субстанций. Шеллингу, как известно, эта задача не поддалась. Его критика идеализма Канта, Фихте и Гегеля привела только к радикальному материализму Фейербаха, Маркса и Огюста Конта.

Мы постараемся решить эту задачу. Итак, что такое философия рационализма и почему она берет начало у Платона? Есть радикальное различие между рационализмом и субъекти-

визмом и оно состоит в том, признает ли философия первичность интеллекта или первичность материи. Если первичен интеллект, то любой процесс познания — объективен, потому что интеллект познает сам себя, а значит не может быть искажений. Если первична материя, то мы получаем категорию «отражения», где одна вещь отражается и искажается в другой. В первом случае человек понимается как носитель мирового интеллекта и его процесс познания — это объективный процесс познания интеллектом интеллекта (мышлением законов природы). Во втором случае, человек — это вещь, материя, которая отражает другие вещи, и отражая искажает их в своем субъективном восприятии. В первом случае — есть истина и научное познание, во втором случае — нет истины, есть множество искажений, множество субъективных восприятий.

Философия рационализма во всех своих интерпретациях всегда признает этот вселенский интеллект, как первооснову бытия, и человека как его носителя. Для этой философии процесс познания — это встреча полюсов интеллекта: мышления и законов природы. Поэтому могут быть ошибки на этом пути, но гарантирована конечная объективная истина.

Платон в «Государстве» называет такое познание: «коснуться умом истины», то есть соединение двух полюсов интеллекта.

> «Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность.
> человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу».

Нет тайны в том, что философия рационализма Декарта, получила свое название, именно в силу такого же понимания процесса познания: познание как соприкосновение полюсов интеллекта, мышления и законов природы. Спиноза и Лейбниц, два последователя Декарта также понимали интеллект и процесс познания.

Материалисты, все без исключений, будь то ранние материалисты французской школы, или Фейербах, марксисты и позитивисты, упраздняют истину и объективный мир в своей теории субъективного отражения одной вещи в другой. Поскольку они уничтожают понимание познания как соединение полюсов интеллекта. Интеллект превращается в орудие приспособления к окружающей среде, и теряет самостоятельность и объективность.

Субъективные идеалисты уничтожили процесс познания по другому. Они уничтожили вселенский интеллект, как надчеловеческую субстанцию полюсов мышления и законов природы. Для них мышление больше не часть космического интеллекта, которая встречается в процессе познания с другой своей частью — законами природы; для них мышление — это только специфика человека, особенность отражения мира человеком. Они продолжают называть это отражение идеальным и духовным, но после разрушения космического интеллекта, понятия идеальный и духовный теряют смысл. А отражение приобретает тот же банальный субъективный смысл искажения одной вещи в другой как при материализме. То есть истина, научное познание, объективный мир исчезают также уверено и бесследно как в материализме. Такова философия Канта, и его последователей — Фихте и Гегеля.

Шеллинг, когда-то ученик Фихте и одноклассник Гегеля, с честью вышел из этой путаницы, резко противопоставив свою философию субъективизму и материализма, и мистического идеализма. Процитируем его собственное изложение своей позиции в «Штутгардских беседах»:

> «Декарт устанавливает две абсолютно различные субстанции:
> 1) А (идеальную или духовную субстанцию)
> 2) Б (реальную, протяженную или материальную субстанцию).
> Он — абсолютный дуалист.
> Спиноза — абсолютный антидуалист, то есть он полагает А=Б, мыслящая и протяженная субстанция представляет собой одно и то же...
> Лейбниц устраняет совсем Б и устанавливает А...

> Французы («Система природы») устраняют совсем А, то есть духовное, у них только Б, то есть материя, чисто внешнее; у них тождество, возникающее вследствие гибели всего духовного.
> Кант и еще решительнее Фихте сводят Б к А. У Фихте тело, внешний мир не имеет не только идеального, но вообще никакого существования. Идеальное не выступает то субъективно (в нас), то объективно (вне нас), но всюду только субъективно. Это идеализм в его высшей ступени, крайней односторонности...
> Я отличаюсь
> а) от Декарта тем, что не утверждаю абсолютного дуализма, исключающего тождество;
> б) от Спинозы тем, что не утверждаю абсолютного тождества, исключающего любой дуализм;
> в) от Лейбница тем, что реальное и идеальное (А и Б) не растворяю в одном идеальном (А), но утверждаю реальную противоположность обоих принципов при их единстве;
> г) от собственно материалистов тем, что духовное и реальное не растворяю целиком в реальном (Б) (гилозоисты). У собственно французским материалистов А исчезает совсем и остается только Б (атомисты и механисты), это полная противоположность Фихте, который оставляет только А;
> д) от Канта и Фихте тем, что я не полагаю идеальное только субъективно (в Я), напротив, идеальному противопоставляю нечто вполне реальное — два принципа, абсолютным тождеством которых является бог. Фихте знает только одну форму бытия, у меня их две, деятельность в духе и покой, выражающийся в природе или материи.
> Речь идет не об органическом единстве противоположностей. Тождество идеального и реального не означает, что это одно и то же. Общая тенденция мирового целого — чтобы природа перешла в духовное. Человек — связующее звено двух миров, естественного и божественного, природы и духа. Но человек не оправдал свое предназначение: он должен был подчинить природу духу, а получилось наоборот — природное, материальное начало господствует над человеком. О провале миссии человека свидетельствует наличие зла» Ф. Шеллинг «Штутгардские беседы»

Человек — связующее звено этих двух миров, говорит Шеллинг, божественного и природного. Он не смог доказать этого положения, и не смог обосновать тождества идеализма и реализма при их одновременной автономии. Он видит дух — движением, а материю — покоем.

Мы тоже не сможем решить этой сложной задачи, если не обратимся к натур философии Вильгельма Оствальда. Оствальд был последовательным эмпириком, как известно, далеким от философии рационализма. Поэтому его теория Энергетики не принесла плодов. При соединении Энергетики Оствальда с философией рационализма — мы получаем искомое решение, поставленной Шеллингом задачи.

Ленин как известно смеялся над Энергетикой Оствальда: «Сказать ли материальное движение или движущаяся материя, от этого суть дела не меняется». Это было время, когда понятие материи было окончательно скомпрометировано успехами физики, разложившей атом на взрыв. Атрибуты протяженности и вещественности больше не могли определять понятие материи. «Материя исчезла», — говорили ученые. Оствальд предложил заменить понятие «материя» — на понятие «энергия». Едкое замечание Ленина и стало ответом Вильгельму Оствальду.

Сам Ленин предложил другой выход, когда физики доказали, что «материя исчезла» (кризис философии 20 века): он противопоставил сознание и материю, и заявил, что материя — это не категория физики, а категория философии, и определяется через противопоставление сознанию. Утверждение нелепое уже потому, что же еще кроме физики в основе материи? И если физика доказывает, что нет ничего твердого и протяженного, то надо считаться с фактами. Если физики доказали, что атом разлагается взрыв, значит есть энергия, и нет материи. Это во-первых. Во-вторых, что значит сознание в интерпретации «материалиста»? Тем более как категория противоположная материи? Такого понятия просто не существует, и Ленин сам это подтверждает определяя сознание как высшее свойство материи. Как же материя может противостоять материи? Нелепица на нелепице. Никакого решения «кризису 20 века» смешная философия Ленина не дала.

Зато Вильгельм Оствальд, над которым Ленин смеется в «Материализм и эмпириокритицизме» дал такое решение. Есть большая разница в том, говорить ли об энергии или о мате-

рии, вопреки всему, что утверждал Ленин. Если мы говорим о материи как Ленин, то мы не можем сформулировать определение реального и идеального: материя исчезла в физике, а сознание — это тоже свойство материи. Если же мы говорим об энергии, мы можем сформулировать определение идеального и реального на основе философии рационализма:

— космический интеллект в виде активного и пассивного полюсов: мышления и законов природы;

— законы природы как системы законов природных энергий;

— мышление человека как способность открывать законы природы, как часть космического интеллекта;

— идеальное, как контрольная энергия человека, дух, основанный на мышлении, свобода в пределах контроля;

— реальное, как детерминированные энергии природы, необходимость без свободы.

Такое решение получает и кризис двадцатого века, который Ленин просто замял своей тавтологией, и задача о тождестве идеального и реального, которая снимала бы субъективизм материализма и кантианства, и объясняла наличие относительной свободы духа у человека.

Решив эту задачу, мы считаем новую философию рационализма установленной.

Андрей закончил свою речь под гром аплодисментов. Когда шум аплодисментов стих, председатель комиссии, доктор философских наук, Фетисов Михаил Иванович задал свой первый вопрос:

— Вы ничего не сказали о философии эмпиризма, а именно эмпирики противостояли рационалистам. Они не имеют общего с материализмом, эмпирики первые оппоненты Ленина, известно, что они обвиняли его в мистицизме. И это с эмпириками Ленин воюет в «Материализме и эмпириокритицизме». Опровергнуть материализм не трудно, а что вы скажите на аргументы Давида Юма? Кант ответил на его философию, когда сказал о вещи в себе. Как вы ответите на так называемую «проблему Юма»?

— Кант не дал никакого ответа на проблему Юма. Юм утверждает, что законов природы нет, потому что нет причинно-следственных связей. Есть только наша привычка связывать последовательность событий в законы. Как же ответил ему Кант? Он сказал, что да, законов природы нет, есть способность человека одевать мир в пространство и время и приписывать миру законы через эти очки пространства и времени. «Вещь в себе» — это такая же безнадежная мистика, как мировой дух-субъект Гегеля и как идеальное Я Фихте. Я не вижу, где здесь ответ Юму, если он подтвердил главный вывод Юма: законов природы нет, человек приписывает законы миру.

А наша философия нового рационализма или рациональной энергетики дает такой ответ на проблему Юма, вы совершенно правы.

Причинно-следственные связи есть факт природы, фиксируемый и теоретически и эмпирически на основе Энергетики: система законов открытых природных энергий открывает доступ к контролю силы этих энергий. К примеру, если мы сегодня контролируем механическую, электрическую, атомную, биологическую, химическую и тп энергии — это доказательство наличия причинно-следственных связей, то есть законов природы. Вывод: Оствальд был прав когда говорил, что объектом научного исследования могут быть только природные энергии, так как только здесь доступно доказать наличие причинных связей. Все остальное знание — вне научной компетенции.

— Почему же тогда Планк, Эйнштейн, Больцман выступили против Энергетики Оствальда?

— Потому что Оствальд стоял на философской платформе эмпиризма, и формулировал понятие энергии не как систему законов природы, а как количество работы. Конечно, с таким определением Энергетика не может быть принята. Только на базисе рациональной философии она получает свое значение. Я с этого начинал, собственно.

— Как же вы определяете проблему сознания и материи?

— Как контрольную энергию мышления, которая имеет доступ к силе других природных энергий: это психическая энергия, энергия сознания, дух, идеальное

И как все прочие детерминированные энергии природы: это материя, все физические энергии, биологическая энергия, недуховное, неидеальное

Как видите, задача Шеллинга решена: идеальное и реальное и есть одна природа, но в то же время явная автономия контрольной энергии духа от детерминированных энергий природы

— То есть, контрольная энергия духа не детерминирована законами природы как все другие?

— Почему же? Она как все детерминирована законами природы. Но в отличии от других может контролировать законы природы, в том числе своей собственной энергии: контроль психики. Это и есть относительная свобода духа, которую искал Шеллинг, и которой не находил у Спинозы, где все детерминировано. И это не абсолютная свобода мистического духа Канта, Фихте и Гегеля

— Значит, по вашему психическая энергия и биологическая энергия — это не одно и то же? Биология принадлежит к материальным энергиям, а психика — к духовным? Я вас правильно понял?

— Да. В этом смысле парадигма Дарвина абсолютно неверна. Он утверждает качественное единство «животного и человеческого царства», говорит, что разница в количестве разума, человек просто умеет лучше приспособиться, а так и тот и другой просто животные, которые используют разум для приспособления к среде.

Это неправда. Духовная энергия человека — это познание ради самого познания, совесть и сочувствие ради совести и сочувствия. Уровень психической энергии автономен от биологической. Вся история это доказывает: по Томасу Куну уже столько фактов выпадают из парадигмы Дарвина, что она давно трещит по швам. Но пока держится, эти факты пропускают мимо глаз и ушей.

Есть одна оговорка. Духовная энергия тоже живая энергия, так как по Оствальду закон сохранения силы у нее носит характер самосохранения. Есть еще один тип психической энергии: обычная детерминированная, и при этом неживая. То есть еще дальше от человека чем биологическая. Это тоже качественно иной тип энергии, тоже не дух, а материя. Это детерминированная энергия психики, или энергия поля Эгосистемы.

Дарвин, который понимал человека как умное животное так и не смог объяснить, что такое мистическое первобытное сознание, когда аборигены отдают последние запасы сил и пищи на мистические ритуалы, истязают себя пытками и голодом в тех же целях. Под определение умного животного это поведение никак не подходит: любая курица здесь умнее аборигенов с биологической точки зрения. Понять первобытных людей можно только если смотреть с точки зрения психической энергии, и отличать энергию духа, от материальной энергии психики.

— Значит, теория психической энергии — это заявка на новую парадигму? И это протест против парадигмы социальной теории Дарвина? А также против материализма и эмпиризма? И за рациональную энергетику? Так будет называться новая парадигма? Рациональная энергетика?

— Да, совершенно верно, — вздохнул Андрей Николаевич, отирая пот со лба. Он дал себе слово, что сдохнет, но не даст больше унизить себя как мальчишку, как это сделали с ним в прошлый раз, когда эта комиссия была для него еще научными авторитетами. Теперь, спустя 8 лет, выступая против ложности парадигмы, на которой держались все их научные теории, он уже знал им настоящую цену.

— У меня вопросов больше нет, — примирительно сказал профессор Фетисов. — Если у зала нет вопросов, продолжайте, пожалуйста, свой доклад, Андрей Николаевич.

— Я закончил. Позвольте просить нашего соавтора, доцента, кандидата физико-математических наук, Тополева Александра Борисовича.

Саша держался не менее уверенно, когда встал за кафедру напротив вопрошающего ока научной комиссии.

— Уважаемые дамы и господа, уважаемая научная комиссия! Мне хотелось бы сформулировать задачу, о которой я буду говорить. В 20 веке наука наблюдала кризис философии не только с «исчезновением материи» в физике, но также в связи с другими потрясающими открытиями в физике. Мы говорим, конечно, о самой знаменитой и самой таинственной научной проблеме 20 века — о полемике Нильса Бора и Альберта Эйнштейна о философских основах квантовой теории. Мне не надо вам говорить, что Планк и Эйнштейн были основателями квантовой теории. Эйнштейн выступал не против квантовой теории, а против ее толкования на основе философии эмпиризма. Он до конца своих дней оставался платоником и спинозистом, то есть убежденным рационалистом.

Нам, коллективу авторов теории психической энергии, хотелось бы показать, что прав был Эйнштейн, который отстаивал позиции философии рационализма. Считается, что победа осталась за философией эмпиризма Нильса Бора, но это неправда. И вот почему.

Напомним существо проблемы.

1. Итак, первая проблема связана с наличием активного интеллекта у квантов.

Излагают эту проблему неправильно, потому ее смысл многим кажется мутным и непостижим. На самом деле существо проблемы очень простое, если называть вещи своими именами. Итак, о чем нам говорит эксперимент Юнга, который в свое время шокировал все научное сообщество?

Он говорит нам о том, что материя на уровне микрочастиц также обладает активным интеллектом, то есть мышлением. Как бы фантастически это не звучало, это именно то, что говорят нам факты поставленного тысячи раз эксперимента Юнга. Тем более, что ничего фантастического в этом нет если мы принимаем философию рациональной энергетики: космический интеллект обладает активным и пассивным полюсами. Значит, не обя-

зательно только человек носитель мышления, и необязательно мышление, то есть активный интеллект на всех уровнях проявляется как мышление человека. У атомов могут быть свои особенности мышления.

Это тот факт, который обнаружил эксперимент Юнга. Никто и никогда не сформулировал его в таком виде, потому что активный интеллект на уровне материи выпадает из парадигмы материализма и эмпиризма, ведущей парадигмы современной науки.

Как это было обнаружено? Эксперимент показал, что Кванты всегда «знают» что они есть волна, и даже когда их разделяют на частицы, они дают картину волны. Кванты всегда «знают» когда их измеряют, и меняют свое поведение с волнового на дискретное. Это очевидный, бросающийся в глаза вывод из эксперимента Юнга. Наличие своеобразного активного интеллекта у микрочастиц.

Однако, поскольку материализм не допускает такого объяснения, придумали какую угодно нелепицу, только бы не формулировать очевидного. Было сказано, что микрочастицы не существуют до момента наблюдения, что они появляются только в момент наблюдения (тогда как тысячи экспериментов фиксирует частицы до наблюдения), что частица и прибор есть одно. Что не бывает законов поведения у микрочастиц, что эти законы имеют вероятностный характер. Против этого субъективизма и восстал Эйнштейн.

Кумар Манжит «Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности»:

> **«Реальность, о которой говорил Бор, не существует в отсутствие наблюдателя. Согласно копенгагенской интерпретации, любой микрофизический объект не обладает имманентно присущими ему свойствами. Электрон не существует где-либо, пока не выполнено наблюдение или измерение, позволяющее локализовать его. Между измерениями бессмысленно спрашивать, какова координата или скорость электрона. Поскольку квантовая механика не говорит ничего о физической реальности, существующей независимо от измерительных приборов, электрон становится «реальным»**

> **только при акте измерения. Ненаблюдаемый же электрон не существует.**
> Для Бора и Гейзенберга переход от возможного к реальному происходил во время акта наблюдения. Нет независимой от наблюдателя реальности, лежащей в основании квантового мира. Для Эйнштейна главным в науке была вера в существование именно такой, независимой от наблюдателя, реальности. В споре, вскоре начавшемся между Эйнштейном и Бором, на карту была поставлена суть физики и природа реальности»

Таким образом, придумали единство приборов измерения и микрочастиц, что есть нелепица чистой воды, отказав микромиру в наличии объективных законов природы. Вместо того, чтобы просто зафиксировать наличие активного интеллекта у микрочастиц.

«Копенгагенская интерпретация» согласно Википедии отвечает на эти вопросы так:

> « — Вероятностный характер предсказаний квантовой механики принципиально неустраним, то есть он вовсе не говорит о том, что наши знания ограничены, что мы не знаем значений каких-то скрытых переменных. В классической физике вероятность использовалась для описания результатов типа подбрасывания игральной кости, хотя фактически этот процесс считался детерминированным. То есть вероятности использовались вместо неполного знания. Напротив, копенгагенская интерпретация утверждает, что в квантовой механике результат измерения принципиально недетерминирован.
> — Физика — это наука о результатах измерительных процессов. Измышления на тему того, что происходит за ними, неправомерны. Копенгагенская интерпретация отбрасывает вопросы типа «где была частица до того, как я зарегистрировал её местоположение» как бессмысленные.
> — Акт измерения вызывает мгновенное схлопывание, «коллапс волновой функции». Это означает, что процесс измерения случайно выбирает в точности одну из возможностей, допустимых волновой функцией данного состояния, а волновая функция мгновенно изменяется, чтобы отразить этот выбор».

Эйнштейн возмутился против такой постановки вопроса, которая отрицает наличие законов природы и возможности предсказания и измерения поведения частиц.

Кумар Манжит «Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности»:

> «Вы верите в Бога, который играет в кости, а я — в абсолютный закон и порядок в объективно существующем мире, который я чисто умозрительно стараюсь понять, — написал Эйнштейн Борну в 1944 году. — В это я твердо *верю* и надеюсь, что кому-нибудь удастся обнаружить более реалистический подход или, скорее, более материальную основу для такой уверенности, нежели мой жребий позволил сделать мне. Даже невероятный успех, с самого начала сопутствующий квантовой теории, не заставит меня поверить в основополагающую роль игры в кости, хотя я очень хорошо знаю, что наши молодые коллеги объясняют это старческим слабоумием. Нет сомнения, придет день, и мы увидим, чья интуитивная позиция оказалась правильной»

Кумар Манжит «Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности»:

> «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а «копенгагенская интерпретация» Бора — некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: «Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика»

Однако, если признать активный интеллект микрочастиц, то философия рационализма нигде не терпит ущерба, а субъективизм Эмпириков, которые отрицают законы природы, оказывается дискредитирован, как и доказывал Эйнштейн. Получается, что кванты ведут себя не статистически и вероятностно, против чего возражал Эйнштейн, а строго в рамках закономерностей своего активного интеллекта: всегда знают, что должна быть картина волны, даже если их частицы выстреливают по одной; всегда знают, когда их измеряют. Это закономерность, а не статическое поведение, но это закономерность активного интеллекта.

2. Вторая проблема связана с тем, что поведение квантов опрокидывает теорию относительности пространства и времени Эйнштейна, поскольку кванты способны общаться на скорости

выше скорости света, а согласно теории Эйнштейна это невозможно. Значит, кванты опрокидывают все законы физики, и доказывают опять таки справедливость философии эмпиризма: законов природы нет.

Однако, теория психической энергии доказывает, что помимо физического пространства-времени, открытого Эйнштейном в его теории относительности, существует также психическое пространство-время, что связано с особенностью контрольной энергии психики (то есть энергией активного интеллекта)

Дух человека, его мышление (сознание) двигается не в физическом пространстве, а в пространстве Интеллекта, которое «выстлано» законами природы. Это пространство интеллекта. Время интеллекта — это количество накопленных знаний. В этом и есть секрет, почему движение детерминированных энергий — цикличное, а движение духовной энергии — линейное. Они движутся в различных пространствах. Поэтому люди, не поднявшиеся с биологического уровня и с уровня поля Эго-системы движутся циклически, как все детерминированные энергии. (Фихте различает недуховных людей, движущихся по кругу и людей духа, Мирча Элиаде, который признает сознанием аборигенов единственно истинным, считает цикличное время их движения от ритуала к ритуалу — сутью жизни, Леви-Брюль пишет о цикличном времени аборигенов, история делит историю мистического востока как цикличное движение и историю научного запада как линейное движение). В то же время пространство интеллекта — это линейное движение.

Таким образом, можно считать доказанным, что активный интеллект движется в пространстве интеллекта, тогда как пассивный интеллект детерминированных энергий — это цикличное движение физического пространства-времени. И тот и другой континуум пространства-времени, то есть относительно пространство-время.

Эксперимент Белла-Аспекта с убедительностью показал, что кванты общаются мгновенно вне зависимости от физического расстояния. Согласно теории относительности физического про-

странства времени — это невозможно в физическом пространстве. Но зато это возможно в пространстве-времени интеллекта. А ведь мы уже знаем, что кванты обладают активным интеллектом, а значит, как и духовная энергия человека, принадлежат пространству-времени интеллекта. Таким образом, кванты не отменяют законов физического пространства, а просто доказывают пространство-время психической энергии.

Эйнштейн оказался прав, и в том, что всегда отстаивал философию рационализма против философии эмпиризма; и в том, что утверждал, что решение проблемы квантов придет с решением какой то более глобальной проблемы, которая перевернет представления научного мира. Таким глобальным открытием является теория психической энергии. У меня все.

Доктор Бене думал, слушая блестящее выступление своих воспитанников что сам никогда бы не справился с поставленной задачей. Как много можно извлечь из научной одаренности ума шизоидов, если высвободить их энергию из эгозащиы и направить в научное русло поля интеллекта. Ему самому оставалась самая простая часть: изложить механику двух силовых полей, механику психозов, и разницу между ними. Теперь настала его очередь поднимать на кафедру. Он утирая украдкой слезы гордости, и крепко пожал руки своим помощникам и соавторам.

ГЛАВА 18. ДОКТОР БЕНЕ ЗАЩИЩАЕТ ДИССЕРТАЦИЮ

Бенедикту Леви-Финкелю исполнилось уже ровно 50 лет ко дню защиты диссертации. Он связывал большие надежды с признанием глобального открытия, сделанного в его клинике. Открытие психической энергии должно было иметь радикальные последствия для всей социальной жизни общества, для всех гуманитарных и социальных дисциплин. Предупреждение психозов — самое незначительное последствие его открытия при всей его важности для страдающего человечества. Потому он боялся подвоха, боялся, что органы, в которых он когда-то

работал сам, не пропустят его научный труд. Одно дело, чья-то там специфическая методика лечения психозов, совсем другое дело — доказательство на базе это методики открытия, которое могло иметь далеки идущие следствия для политической и социальной обстановки в мире. Он слишком хорошо помнил визит Гриши Белогородского: «Я пришел с миром. Никаких санкций против твоей клиники не будет. Но с условием. Больше не поднимай тему открытия психической энергии». И когда Бене возмутился в ответ на этот запрет двигать науку вперед в ее самом важном направлении, в направлении изучения закономерностей жизнедеятельности самого человека, уступка Гриши, которой он не поверил, как не верил вообще не единому слову своих бывших коллег: «Работай, профессор. Наша родина никогда не мешала науке. Просто проверили, если есть какая политическая подоплека»

«А какая там будет политическая подоплека? — думал доктор Бене накануне защиты. — Конечно, будет, ничего себе открытие такого масштаба! Наверно следствия будут понятны не скоро, и точно не сразу, может они и пропустят мою работу». За научную часть он не сомневался. Если все будет честно, его теоретическая подготовка, его эмпирический материал были на таком уровне, что комар носу не подточит. Совсем другое дело, если комиссия просто получит приказ любым способом зарубить его диссертацию. Они не будут церемониться, найдут самый нелепый предлог и в крайнем случае просто оттянут.

И вот теперь, когда доктор Бене поднимался на кафедру после успешного выступления своих учеников и соавторов, волнение гулкими ударами сердца билось в его ушах, заглушая шум аплодисментов, которыми его встретили коллеги в зале. Только профессор Манкевич ему не аплодировал, и хотя его в этот раз не назначили председателем комиссии, его присутствие в зале показалось Бене плохим предзнаменованием.

— Уважаемые коллеги, уважаемые дамы и господа, уважаемые председатель и члены комиссии! — начал Финкель свою речь, успокаиваясь звуками собственного ровного голоса. —

Мои соавторы и товарищи, Орлов и Тополев блестяще представили вам философскую часть нашего открытия. Мне остается изложить собственно само открытие психическое энергии, рассказать об обнаруженных нами двух силовых полях психики, о механике этих полей, об их силе и здоровье, с одной стороны, и о механизмах распада с другой. Мы особенно остановимся на механизмах патологии, чтобы показать, что открытие психической энергии имеет твердую эмпирическую базу в данных психиатрии.

Поле Эгосистемы — это силовое поле детерминированной энергии психики, которая как все материальные энергии функционирует как цикличный гомеостаз равновесия-неравновесия. (Мы используем термин материальные энергии условно для противопоставления духовной энергии мышления человека, хоть и духовная энергия имеет свою материю эмоций. Духовная и материальные энергии равноценно в нашей терминологии противопоставлению контрольной энергии и детерминированных энергий).

Платон, Спиноза, Кьеркегор, Шеллинг, Карен Хорни, Эрих Фромм, Абрахам Маслоу, Карл Роджерс, Карл Юнг, Гордон Олпорт, Альфред Адлер Бертран Рассел и многие другие мыслители (философы, психологи, литераторы) связывают все болезни психики с функционированием некоей ложной паразитической энергии, с неким ложным «Я», которое, не являясь истинной энергией психики человека, пожирает и разлагает его энергию. Чехов говорит о порочности как о «нравственном сумасшествии». Психологи и психиатры давно заметили, что психопатии имеют в своей основе разрушение совести и сочувствия, человечности и нарастание автоматизмов эгозащиты. Эрих Фромм в этой связи противопоставляет гуманистическую и авторитарную совесть, то есть гуманизм человечности с одной стороны, и садомазохизм насилия и подчинения с другой стороны.

Теория психической энергии дает новую трактовку обнаруженной Фрейдом Эгосистемы (Эго и СуперЭго составляют у Фрейда нерасторжимую систему двух противоположных по-

люсов). Мы понимаем Эгосистему как силовое поле детерминированной (материальной, недуховной) энергии психики, где и Эго и СуперЭго — противостоящие полюса, провоцирующие цикличный гомеостаз равновесия –неравновесия. Поле Эгосистемы дает искаженную информацию о среде: закон сохранения силы дает на этом поле чувственную информацию в виде противостоящих фигур Эго и СуперЭго. Это абстрактная количественная «сила», возникающая в кривом зеркале Эгосистемы есть основа мистической интоксикации первобытного сознания. Эмиль Дюркгейм раскрыл этот феномен в исследовании тотемизма, когда говорит о том, что аборигены молятся не животным и деревьям, а количественной абстракции силы, как они ее понимают. Эта абстракция и порождает «мистические силы» подсознания аборигенов, которые увлекают всю их энергию на служение этим силам в магических ритуалах и самоистязании.

Поле Эгосистемы — это кривое зеркало, искажающее мир. Но его функцией и не является правильное отражение действительности. Его функция — запуск цикличного гомеостаза силового поля Эгосистемы. «Страх сверхъестественных сил», который согласно антропологам (Леви-Брюль, Дюркгейм) лежит в основе мотивации аборигенов — есть мотивация боли, которая провоцирует Эгозащиту и этим запускает цикличный гомеостаз детерминированной энергии психики. Два притяжения, Самолюбие (когда Эго видится больше СуперЭго) и Влюбленность (когда СуперЭго больше Эго) — основа цикличного гомеостаза эгозащиты этого силового поля. Насилие и подчинение, садомазохизм — вот нехитрое течение Эгозащиты, то есть потока детерминированной энергии. Это физическая эгозащита, потому она выражается либо в насилии и подчинении, либо в магических и колдовских ритуалах (то есть бессмысленной активности, которая должна защитить Эго), либо в накопительстве физических богатств и тп. Поскольку Самолюбие и Влюбленность у людей — это маски Эго и загрузки СуперЭго (то есть видение других людей как образы всесилия, как ролевые маски), то после соединения маски необходимо падают, союз распадается. И начинается

новый процесс соединения Самолюбия и Влюбленности, новые союзы садомазохизма. В этом смысл циклической истории мистического Востока, которая сосредоточена вокруг циклов возвышения и разрушения деспотий; в этом же смысл всех нездоровых отношений, неспособных к искренности и дружбе.

Эрих Фромм в искусстве любви противопоставляет садомазохизм «симбиотической связи» — любви и дружбе «братской любви». Абрахам Маслоу противопоставляет истинную любовь-дружбы здоровых людей (самоактуалов) — ролевым маскам, ролевым играм власти и подчинения у невротиков. Фрейд подчеркивает, что Самолюбие и Влюбленность как позиции власти и подчинения в основе любовных отношений; Фромм упрекает его в книге «Гениальность и ограниченность Фрейда» в том, что Фрейд не видит, что это только болезненный, невротический союз, которому противостоит истинная любовь –дружба здоровых людей.

Таково существо цикличного гомеостаза поля Эгосистемы (материальной энергии психики):

— кривое зеркало поля Эгосистемы (противостоящие количественные абстракции силы Эго и СуперЭго);

— страх сверхъестественных сил, провоцируемый этим кривым зеркалом: неравновесие, создающее мотивацию боли;

— притяжения Самолюбия и Влюбленности, возникающие из неравновесия страха сверхъестественных сил (амбивалентные эмоции смешанной любви и ненависти, о чем писал Фрейд);

— поиск равновесия в соединении Самолюбия и Влюбленности, садомазохизме насилия и подчинения;

— ненасыщаемость мотивации боли поля Эгосистемы (боль не может быть утолена, страх не может быть погашен, так как провоцируется ложной информацией поля Эгосистемы): эта ненасыщаемость гарантирует распад временного равновесия Самолюбия и Влюбленности, и возникновение нового цикла поиска равновесия

— распад союза, новое неравновесие мотивации боли, новый цикл соединения Самолюбия и Влюбленности.

Хотелось бы подчеркнуть, что Фромм и Маслоу видят качественное различие между мотивацией дефицита (неравновесия, боли) поля Эгосистемы, и мотивацией удовольствия поля интеллекта и совести здоровых людей. Если мотивация дефицита и возникает на поле интеллекта (потребность в знании, в сочувствии) — она насыщаема, потому что информация научного сознания истинная: человек может получить знания, может получить искреннее сочувствие, так как энергия поля совести и сочувствия у людей общая (Я, «сила которую надо сохранить» — общая, поэтому люди часто рискуют собой чтобы помочь другим, или чтобы отстоять истину и справедливость). В то же время на поле совести и интеллекта имеется также мотивация удовольствия, когда люди стремятся не просто снизить боль, а получить удовольствие: это мотивация избытка энергии, которой нет на поле Эгосистемы, цикличный гомеостаз работает только на энергии неравновесия (боль для живой энергии, как голод и холод для животных).

Мы помним, что Крепелин, а потом его ученики, Ганнушкин и Кречмер, говорили о дихотомии: циклоиды и шизоиды.

Мы сейчас описали энергетическую механику того, что в смутных определениях эти авторы описывали как циклоидов: Кречмер например связывал эти особенности вовсе не с силовыми полями психики, а будучи материалистом — со строением тела.

Теперь покажем энергетическую механику шизоидности, описанную также этими авторами.

Шизоидность — также поле Эгосистемы, как циклоидность. А значит — это материальная (недуховная энергия). Здесь нет настоящего интеллекта, а значит, нет духа. Тем не менее, здесь на место физической эгозащиты насилия и подчинения становится интеллектуальная эгозащита: когда эго защищают не магическими ритуалами, фетишами и тотемами, а уже логикой на поле философии или литературы. Это интеллект понарошку, поскольку он оторван от действительности и вместо законов природы служит кривому зеркалу поля Эгосистемы. Тем не менее, здесь есть Дух, поскольку интеллект активен.

Кьеркегор так проводит различие между циклоидами и шизоидами: «отчаяние от отсутствия духа» и «наличный дух, но отчаивающийся дух». В одном случае болезнь в том, что дух отсутствует, в другом случае болезнь в том, что дух отчаивается. Кьеркегор же дает и самое тонкое определение шизоидности, поскольку анализирует самого себя: его «или-или», где он разграничивает поля этического и эстетического — это те же гуманистическая и авторитарная совесть Фромма, то же истинное и ложное Я Карен Хорни. Только Кьеркегор, будучи сам в молодости шизоидом, как многие одаренные интеллектом люди, проводит различие именно между шизоидностью и здоровьем, определяя этическое — как подчинение необходимости реальности и общего Я (христианства), а эстетическое — как демоническую упертость против реальности, против законов природы (бога), против других людей.

Так, он пишет в «Болезни к смерти»:

> «Это Я, которым стремится стать этот отчаявшийся, по сути есть Я, которое таковым не является (ибо стремиться быть таким Я, каким он на самом деле есть, — это сама противоположность отчаянию), то, к чему он стремится на деле, — это отделить свое Я от его творца. Однако это ему не удается, несмотря на то, что он отчаивается, — и, несмотря на все усилия, которые он прилагает для того, чтобы отчаиваться, этот творец остается самым сильным, и принуждает его быть тем Я, которым он не желает быть. Таково отчаяние, эта болезнь Я, „смертельная болезнь“. Отчаявшийся — это больной к смерти. Более чем какая-либо иная болезнь, эта болезнь направлена против самой благородной части существа. Все равно вечность заставит раскрыть отчаяние его состояния и пригвоздит его к собственному Я… Ведь, в конце концов, все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, ко-

> роче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Сравните с восклицанием Шеллингав «Ночных бдениях», где Шеллинг высмеивает шизоидность Гельдерлина: «Идеализм, скольких философов ты заставил вернуться к своему реализму!». Кьеркегор с большим почтением прослушал курс лекций Шеллинга («Отсюда придет истина»).

Кьеркегор четко отделяет циклоидов, которые «катятся как галька» и называет этот вид «отчаянием, когда не хотят быть собою». Мы помним поле Эгосистемы — это поле масок сверхъестественных сил кривого зеркала. Его специфика говорит он в отсутствии духовности, в конформизме, когда «человек катится словно галька», и никто и прежде всего он сам не подозревает, что он уже потерял самого себя, что его духовная энергия растрачена на «суету сует», как говорят христиане, или на «автоматизмы (компульсию) эгозащиты», как говорят психологи. «Немного иначе дело обстоит с обывателями, ведь их пошлость также прежде всего лишена возможного. Тут отсутствует дух, однако, отсутствие духа — это также отчаяние...И неважно уже является ли он виноторговцем или премьер-министром»

И подобно платоновскому Сократу, Кьеркегор выделяет шизоидность, как особое отчаяние, в котором дух не отсутствует, а «сатанически упирается против своего творца». Платон говорит о трех началах души: животное, честолюбивое (яростный дух) и разумное. Второе начало, яростный дух, если не подчинено разуму, превращается в пагубу чрезмерного самолюбия. И Кьеркегор говорит, что разум может упереться против своего творца, и тогда получается самое трагичное отчаяние, которое

можно представить. Насколько точный диагноз философии и шизофрении Ницше!

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Таково это Я, которым желает быть отчаявшийся, отторгая его от всякого отношения с силой, которая установила это Я, отрывая его от самой идеи существования такой силы. С помощью этой бесконечной формы такое Я отчаянно желает распоряжаться собою или же, выступая собственным творцом, создать из своего Я то Я, которым оно желало бы стать, избрать нечто допустимое и недопустимое для себя внутри конкретного Я. Но с помощью бесконечной формы, то есть негативного Я, человек прежде всего вбивает себе в голову преобразовать это целое чтобы извлечь таким образом, Я по своему вкусу. Отказываясь принять на себя свое Я, увидеть свою задачу в этом Я, которое выпало ему на долю, он желает посредством бесконечной формы, которой он тщится быть, самому создать свое Я. Отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее. Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает. Впрочем, при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью».

Мы уже говорили выше, какое объяснение этот феномен «трех начал души» получил в теории психической энергии. Силовых полей психики только два: поле интеллекта и поле эгозащиты. Первое духовно и имеет свободу научного контроля, второе — обычная детерминированная энергия, автоматизмы эгозащиты. То сеть, в данном случае, альтернатива в наличии или отсутствии духовной энергии. Однако, есть еще третий вариант, когда интеллект вторгается на поле эгосистемы, и превращается в фиктивный интеллект, цель которого не познание истины законов природы, а защита эго формальной логикой интеллекта.

Теперь вернемся к определению циклоидности и шизоидности у Кречмера. Кречмер противопоставляет системность мышления шизоидов, их способности к абстракция метафизических и схематических построений, их угловатость и противостояние со средой с одной стороны; и несистемность циклоидов, «катятся как галька» Кьеркегора у него принимает вид «подвижны как ртуть», нет противостояния со средой:

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Эта способность растворяться в реальной среде и сопереживать ее, теснейшим образом связана с другой типичной чертой характера. Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы. При быстром темпе гипоманиакального это свойство принимает форму постоянно изменяющегося непостоянства. Они, несмотря на всю совестливость, склонны к уступчивости и компромиссам. Это практики, которые раньше знакомятся с человеком и реальными возможностями, а затем уже считаются с принципом. Любопытно, что данная черта характера обнаруживается также при маниакальных и депрессивных психозах. Известна бедность циркулярных бредовыми идеями. Ни маниакальный, ни депрессивный не создают в типических случаях бредовую систему с последовательным ходом мыслей и методическим сочетанием их. Без долгих размышлений содержание представлений приобретает у них окраску печали или веселья, так возникают несколько простых идей обеднения и греховности или мимолетные идеи величия. Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли. Здесь особенно ясно выступает несистематическое мышление, обусловленное моментом, свежим впечатлением, случайно всплывшей идеей, отсутствие оценки анализа, системы последовательного построения и твердой руководящей идеи, т. е. преобладание интереса при недостаточной выдержке. Уклон в оппортунизм, который, так сказать, лежит в плоскости циклотимических темпераментов. Шизофреники эксцентричны, витиеваты, туманно-расплывчаты, мистически метафизичны, склонны к системе и к схематическому изложению; гипоманьяки, напротив, лишены системы, говорливы, находчивы, сговорчивы, подвижны, как ртуть»

Кречмер пишет об психэстетической пропорции у шизоидов и диатетической пропорции у циклоидов. Психэстетическая про-

порция — это продвижение между полюсами сверхчувствительности и нечувствительности. А диатетическая пропорция — это полюса веселья и печали.

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Словом, шизоид не растворяется в среде. Здесь всегда — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: „я“ и внешний мир. Постоянный самоанализ и сравнение: „Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?“ Эта черта четко выступает у талантливых художников, которые позже заболевали шизофренией или происходили из шизофренических семей: Гёрдерлин, Стриндберг, Людвиг II Баварский, Фейербах, Тассо, Микеланджело. Это люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собою цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружающий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним. Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях. В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей умеренности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты. И это происходит вследствие пустяков: кто-нибудь употребил грубое выражение или непроизвольно коснулся их чувствительного комплекса. Или весь мир, или ничего, или как Шиллер, „срывающий с головы венок“, или как жалкий игрок, для которого единственным выходом является пуля в лоб. Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злыми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет. Цепь неудачных попыток приспособиться к жизни. Нежное чувство к окружающим — и тотчас же судорожный уход в самого себя, в одиночество. Отсутствует спокойное наблюдение, взвешивание. Все или ничего; экстаз и мечты в один момент, крайняя уязвимость — в другой»

Итак, первое, что бросается в глаза в интерпретации Э. КРечмера. Он прав том, что противопоставил физическую эгозащиту циклоидов (у которых нет интеллектуальной системы и руководящей идеи, а только оппортунизм приспособленчества к среде) — интеллектуальной эгозащите шизоидов, которые подобно шизоидам Кьркегора «упираются» против реальности, и созидают свой волшебный мир в метафизических абстракциях, который входит в постоянный конфликт с реальностью.

Однако, Э. Кречмер неправ, когда не видит, что циклоиды также нездоровы как шизоиды (Кьеркегор видел и ставил правильный диагноз — отсутствие духа, но материалист Кречмер не видит). Он описывает их как здоровых людей и противопоставляет нездоровью шизоидов. Между тем, трудно сказать, какая болезнь страшнее: отсутствие духа или запутавшийся дух. В обоих случаях активно поле Эгосистемы, у циклоидов — с физической эгозащитой садомазохизма, у шизоидов с интеллектуальной эгозащитой метафизической интоксикации. И в обоих случаях есть только одно лечение — деактивация поля Эгосистемы. И шизоидам, с их развитым интеллектом это больше под силу, чем циклоидам.

Теперь обратимся к феномену противостояния «Эго» шизоидов миру, о что подчеркивает Кречмер (и все психиатры». Иначе этот феномен называют аутизмом, неспособностью к контактам с окружением. Как его объясняет Кречмер? Никак. Теория психической энергии дает детальное объяснение этого феномена. Интеллектуальная эгозащита логически доказывает превосходство Эго над СуперЭго на поле Эгосистемы. Но поскольку — это кривое зеркало чувственной информации, которое не имеет отношения к действительности, единственный реальный результат которого добиваются шизоиды — они ломают цикличный гомеостаз детерминированной энергии. Остается только притяжение Самолюбия, то есть власти, насилия. Вот как пишет об этом А. Кемпинский.

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «Не редко в основании аутизма лежит неспособность осциллировать между установками „я управляю“ и „я управляемый“. Среда, которой нельзя быть властелином становится чуждой и враждебной, высвобождает тенденцию к бегству на безопасную территорию, обозначенную местоимением „мой“. Зависть вызывают те, кто свободно двигаются за пределами этой территории. Возникают фантазии о том, что бы одолеть их и распространить свою власть на чужое окружение… Социальное давление в преморбидном периоде шизофрении обычно бывает особенно значительным. Оно парализует движение таких людей, делает невозможным контакт с окружением и приводит к самоизоляции»

Действительно, позиция подчинения больше невозможна, «оппортунизм» циклоидов, переходящих от насилия к подчинению и назад уже невозможны. Осталось только Самолюбие. «Самовлюбленность» шизоидов, то есть романтическая любовь трубадуров сумасшедших, Гельдерлина и Ромео — это равенство сил Эго и СуперЭго, где романтик ищет небесного блаженства соединения двух всесильных существ. Самовлюбленность также оторвана от мира, и также не может заменить Влюбленность — позицию подчинения для восстановления цикличного гомеостаза. Именно сломанный цикличный гомеостаз шизоидов и лежит в основе особенной болезненности их Самолюбия, которая в конечном итоге приводит к шизофреническому психозу. Циклоид может вернуться на позицию подчинения (притяжение Влюбленности) если мир сильнее него: это и есть оппортунизм циклоидов, их конформизм, который катится как ртуть и галька. Шизоид не может подчиниться, как бы силен не был мир. Удары по его Самолюбию приносят невыносимую боль (закон сохранения силы, «Я» это сила, которую надо сохранить). Это и есть источник той самой гиперэстезии или сверхчувствительности шизоидов, о которой пишут все психиатры (и которая отсутствует у циклоидов).

Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема «Шизофрения. Изучение спектра психозов»:

> «Разные ученные пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым

> воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными. Lexmann (1975) писал: «Те, кто много работал с шизофрениками, знают, что этих пациентов очень легко «задеть за живое» … таким поведением, которое в большинстве случаев вряд ли было бы замеченным людьми с нормальной чувствительностью, а если бы на него и обратили бы внимание, определенно не вызвало бы травмирующих переживаний.»

Отличие циклоидов от шизоидов таким образом не в том, что они здоровы, и адекватно видят реальный мир, а в том, что у них здоровый цикличный гомеостаз который позволяет им «создавать видимость» хорошего взаимодействия с окружением, хоть на самом деле они также видят реальный мир через поле эгосистемы (кривое зеркало) как шизоиды. Кьеркегор пишет что «отчаяние» таких «людей непосредственности» (то есть людей у которых нет рефлексии) обычно незаметно, но от этого не менее существенно. Это тоже аутизм, потому что в его основе занавес, кривое зеркало между миром и средой, который создает поле эгосистемы, но это скрытый аутизм: цикличный гомеостаз позволяет приспосабливаться к миру, а больное самолюбие шизоидов (из-за сломанного цикла равновесия-неравновесия) делает аутизм шизоидов очевидным. Тем не менее, вот это определение аутизма нездоровых людей К. Юнга одинаково справедливо как для циклоидов, так и для шизоидов.

К. Юнг:

> «Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоб-

> рожелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется — становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его».

Вспомним опять гениального Кьеркегора, который делит истинное и комичное отчаяние, в зависимости от того, истинное или ложное «Я» человека заставляет его отчаиваться. Истинное отчаяние, когда речь идет о потере духовной энергии, так глубоко его волнует, что он «Готов плакать вечность», и наоборот, проблемы самолюбия тщеславных людей (удары по Эго на поле Эгосистемы) — это комичное отчаяние, над которым он не устает иронизировать. Это правда: боль совести, боль справедливости, боль сочувствия и поисков истины — это настоящая боль и великая трагедия человечества. Боль самолюбия — заслуживает того хохота Сервантеса и Шеллинга в «Ночных бдениях», Флобера в «г-же Бовари», когда трагедия происходит от ложных представлений о себе и о мире (кривое зеркало Эгосистемы).

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Во всяком случае, как не усмехнуться над участью подобного отчаявшегося. Обычно такой человек беспредельно комичен. Представьте себе Я (а ничто ведь, согласно Господу, не является столь вечным, как Я), которое начинает грезить о способах превратить себя в другого — иного, чем оно само. И такой отчаявшийся, единственным желанием которого является подобная метаморфоза, самая безумная из всех, — этот отчаявшийся влюблен, именно влюблен в иллюзию, согласно которой такая перемена будет для него столь же легкой, как и перемена платья. Ибо человек непосредственности не знает самого себя, — он буквально знает себя лишь по платью, он не узнает своего Я (в этом и обнаруживается его бесконечный комизм) иначе как сообразно своей жизни. Невозможно было бы найти более смешного недоразумения. Но вот сумеет ли он затем узнавать себя? Рассказывают, что некий крестьянин, придя в город босым, заработал там столько денег, что смог купить себе чулки и башмаки, да вдобавок еще и напиться. В анекдоте говорится, что затем, будучи пья-

> ным и пожелав вернуться, он упал на дороге и заснул. Тут как раз ехала карета, и кучер с криком требовал от него посторониться, чтобы ему не отдавили ног. Наш пьяница, проснувшись, поглядел на свои ноги и, не узнав их из-за чулок и башмаков, крикнул в ответ: „Проезжайте, это не мои!“ Точно так же поступает и человек непосредственности, который отчаивается: его невозможно вообразить иначе как комически, ибо в самом деле, это действительно забавный трюк — говорить на его жаргоне о Я и отчаянии».

И тем не менее, пока человек не знает, что его поле Эгосистемы — это ложная энергия, ложное Я, он чувствует реальную боль от ударов по Самолюбию. И эта боль в конечном итоге разрушает уже его истинную энергию — поле совести и интеллекта. Вот, как говорит об этом Кьеркегор (отчаяние за спиной самолюбия — это истинное отчаяние поля интеллекта, духовной энергии, которая в конечном итоге распадается):

С. Кьеркегор «Болезнь к мерти»:

> «Отчаяние во внешнем само по себе даже не является отчаянием, однако о нем так говорят, и это называют отчаянием. В некотором смысле такое утверждение истинно, однако не так, как обычно при этом полагают. называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома. Как если бы некто стоял спиной к ратуше и, указывая вперед, говорил: вот, передо мною ратуша; этот человек по-своему прав: ратуша была бы перед ним, но только если бы он обернулся».

Распад силового поля интеллекта, распад духовной энергии и образует всю симптоматику психоза шизофрении: человек теряет не разум, не мышление, а самовосприятие и способность ориентации в окружающей среде (мышление остается сохранным). Это считалось непостижимой тайной: человек сошел с ума, а ум его сохранен! И тем не менее он потерял и себя и мир: дереализация и деперсонализация. А это вполне понятное следствие разрушенного поля психической энергии, которое дает ощущение Я, и способность ориентации в мире. «Расщепление» и уплощение эмоций — это распад чувств и мыслей после рас-

пада поля духовной энергии. Любовь к миру и жизнерадостность формирует поле интеллекта как любовь к познанию, как притяжение полюсов мышления и законов природы. Когда поле интеллекта разрушено, разрушена основа позитивных эмоций — притяжение к внешнему миру, любознательность и интерес.

В. П. Критская Т. К. Мелешко Ю. Ф. Поляков «Патология психической деятельности при шизофрении»: «Так, М. О. Гуревич и М. Я. Серейский полагали, что у больных шизофренией нарушается мышление при сохранности „предпосылок интеллекта“, страдают не только интеллектуальные способности, сколько умение пользоваться ими...И. Берце и Х. Груле говорили о потенциальной сохранности интеллекта при шизофрении и снижении активности мышления как следствии снижения общей психической активности...Приведенные результаты исследования мышления больных шизофренией достаточно убедительно свидетельствуют о сохранности его операционного аспекта. Об этом говорят отсутствие различий между больными и здоровыми при решении формально — логических задач и даже некоторое преимущество больных перед здоровыми, при решении задач требующих не тривиального подхода.»

Слабоумие наступает не потому что разрушается способность мыслить, а потому что теряется способность пользоваться мышлением: нет больше энергии любознательности, любви к миру, которую давало поле интеллекта, не нужно и мышление.

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «При острых формах шизофрении, когда структуры собственного „Я“ и окружающего мира разрушаются, „Я хочу“ практически перестает существовать; больной оказывается в плену необычных событий, которые происходят в нем самом и в его окружении, утрачивая способность выбора; его несет бурный поток галлюцинаций, бредовых идей, странных впечатлений, сверхсильных чувств. Такое внезапное разрушение прежнего мира обычно связано с чрезвычайно сильным чувством страха (дезинтеграционный страх) ...Катастрофе предшествует наполненное ужасом ожидание; колорит мира затемняется, все становится таинственным и ужасным. Страх нарастает

> crescendo — в кульминационный момент следует взрыв: конец мира, войны, катаклизмы, хаос, страшный суд, разделение на дьяволов и ангелов, осужденных и спасенных, добрых и злых, патриотов и врагов, живых и мертвых... Дезинтеграция один из двух осевых симптомов шизофрении — наблюдается во всех ее фазах, но в третьей расщепление превращается в распад... Человек при этом уже перестает быть самим собой, исчезает чувство континуальности, необходимое для сохранения чувства идентичности..Умер прежний человек, родился новый.» — это не есть только поэтическая метафора, но вполне реальный феномен. Больной чувствует, что он уже не тот, кем был прежде, что в нем что-то существенно изменилось... Его Я становится другим Я. Исчезает идентичность личности больного, он становится кем-то другим как в собственном восприятии, так и в восприятии окружающих. Этот факт часто выражено подчеркивается ближними больного: «он стал каким то другим», «он стал совершенно другим человеком», «он изменился».

Страх кататонии, структура бреда как противоборство противоположных сил метафизического характера, акцентирования противостояния я и мира, расстройство воли и «меня несет» вместо «я иду» — все это остатки автоматизмов поля Эгосистемы, чья бредовость становится очевидной сейчас, когда разрушена основа психического здоровья человека: поле интеллекта и совести. Это все тот же базовый для поля эгосистемы страх сверхъестественных сил, то же противостояние Эго и СуперЭго, те же автоматизмы материальной энергии, не связанный с относительной свободой (волей) духа. Психоз — это как бы результат признания «Эго» убитым, что противоречит закону сохранения силы. Так, Гельдердин называет себя «живым трупом», Ницше называет себя «живым трупом» (хорошо видно в биографии Ницше Стефана Цвейга). Это признание поражения «Эго» и приводит как думается к резкому разрыву ткани эмоций: страх, ненависть на поле Эгосистемы уничтожают поле интеллекта, духовный базис психики.

В результате сильный страх разрушает поле интеллекта — остается только эта черная муть преобразованной энергии любви поля интеллекта в пропасть кататонического страха, из которой уже нет просвета.

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «Бредовая структура помимо прочего основывается на том, что эгоцентричность системы подвергается еще большему акцентированию. При этом исчезает нормальная перспектива, которая позволяет отделить „то, что касается меня“ от „того, что меня не касается“. Больного касается все, все к нему относится. Происходит приближение окружающего мира — его „физиогномизация“ .... Давление окружающего мира становится настолько сильным, что утрачивается способность свободного перемещения в нем... Хотя, в общем, события влияют на тематику шизофренического мира избирательно, так что она меняется в зависимости от эпохи и культурного круга и пол века назад иначе, нежели в настоящее время, однако определенные мотивы повторяются: борьба противоположных сил.... Этот мир является полем битвы противоположных сил, обычно морального характера — добра и зла, красоты и безобразия, мудрости и глупости»

В то же время мы знаем, что психозы маниакальных, и депрессивных крайне бедны бредовыми идеями. Это как раз связано с отсутствием интеллектуальной эгозащиты у циклоидов. Психоз циклоидов вообще не связан с разрушением поля духовной энергии, а только с обеднением, с итощением этого поля за счет активности цикличного гомеостаза поля Эгосистемцы. Сломанный цикличный гомеостаз шизоидов — разрушает базисную энергию психики, то есть духовную энергию поля интеллекта. Функционирующий цикличный гомеостаз циклоидов только истощает поле духовной энергии, но не разрушает его. Поэтому психозы циклоидов носят характер «набегающих волн, которые набегают, уходят и опять выравниваются», по выражению Кречмера. Циклоиды почти не подвергаются постпсихотическому дефекту. А психозы шизоидов продвигаются «толчками» и ломают внутреннюю структуру, что сохраняется, нечто что уже не восстанавливается».

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Циркулярные психозы протекают волнами, которые набегают и уходят и опять выравниваются. Почти одно и то же наблюдается в картине личности до и после психоза. Шизофренические психозы

> протекают толчками. Что-то перемещается во внутренней структуре. Все строение может рушиться внутри, или же появляются некоторые уклоны. Но в большинстве случаев сохраняется нечто, что уже больше не восстановляется. В легких случаях мы называем это постпсихотической личностью, в тяжелых — шизофреническим слабоумием; между тем и другим нет никаких границ. С дальнейшим развитием болезни, со сдвигом психэстетической пропорции эта крайняя утонченность и важность могут перейти в резкую противоположность. Там, где сдвиг пошел дальше, мы уже не можем говорить о постпсихотической личности, ибо речь идет о развалине, о шизофреническом слабоумии. ….Любопытно, что данная черта характера обнаруживается также при маниакальных и депрессивных психозах. Известна бедность циркулярных бредовыми идеями. Ни маниакальный, ни депрессивный не создают в типических случаях бредовую систему с последовательным ходом мыслей и методическим сочетанием их. Без долгих размышлений содержание представлений приобретает у них окраску печали или веселья, так возникают несколько простых идей обеднения и греховности или мимолетные идеи величия. Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли».

Психэстетическая пропорция шизоидов по Кречмеру — это передвижение шизоидов между полюсами сверхчувствительности в преморбиде и полного отупения в шизофреническом психозе. Однако, он неправ. Гиперэстезия берется всего лишь из сломанного цикличного гомеостаза поля Эгосистемы — и если вовремя нейтрализовать поле Эгосистемы, что легко учитывая способности мышления шизоидов, будет устранена не только гиперэстазия, но вся симптоматика шизоидности, кроме изначальной одаренности мышлением и тонким восприятием. В этом смысле, если мы будем говорить не о лечении психозов, что как вы понимаете почти невозможно (за исключением случаев, когда сознание сохранно и есть время и средства на глобальную перестройку сознания и опыта человека); мы говорим о профилактике психозов, то есть о когнитивной терапии, которая позволяла бы нейтрализовать поле Эгосистемы до того, как оно приведет к расстройству духовной энергии человека, то у шизоидов шансы повышаются по сравнению с циклоидами. Именно в связи с одаренностью мышлением,

которая оказывает им такую медвежью услугу на поле Эгосистемы.

Доктор Бене изложил свой доклад, и обвел зал глазами в ожидании вопросов. Профессор Манкевич, который завалил его диссертацию в прошлый раз, не был теперь председателем комиссии, но все же встал, убедившись, что у других вопросов не было.

— Уважаемый г-н Леви-Финкель. Мы выслушали ваш доклад и видели ваших учеников. Вы утверждаете, что и Орлов и Тополев поступили в вашу клинику с диагнозом шизофрения, и что теперь они настолько здоровы, что давно продуктивно трудятся в обществе и даже стали вашими соавторами. Почему мы должны верить вам? Допустим, сомнений в том, что они здоровы у нас нет. Но почему мы должны верить, что диагноз шизофрении не ложный? Этот диагноз ставился в вашей клинике, мы не можем знать наверняка, что изначально уважаемые господа Орлов и Тополев в самом деле болели шизофренией.

Ответьте в этой связи на один вопрос: правда, что семь лет назад вы женились на своей малолетней пациентке и что вы также сделали ее случай своим экспериментом? И что эта ваша пациентка оставила вас, как только узнала о ваших, прямо скажем подлых намерениях? И что теперь она здоровая, успешная женщина, известный музыкант, а вы хотели убедить нас, что взяли больную шизофренией и излечили? Как вовремя она вас оставила! Для меня эта ваша диссертация такой же фарс в попытках оправдать давно скомпрометировавшее себя движение антипсихиатрии, как и прошлая! Я не вижу ни слова здравого смысла в том, что вы нам рассказали. Говорить о симптомах психиатрии в терминах психологии! Мы доктора медицины, и психиатрия — это часть медицины, вовсе не философии, милостивый государь.

— Г-н Манкевич, мы, авторы теории психической энергии вовсе не отрицаем связь сознания и мозга. Мы только утверждаем, что связь эта — опосредованная, а не прямая. Вспомните,

утверждение Лейбница о том, что установить взаимосвязь мысли и мозга принципиально невозможно. Мы уверены в правоте его слов, хотя материализм, и в частности определение сознания Ленина как продукта высокоорганизованной материи мозга, утверждают обратное.

На наш взгляд мозг продуцирует вовсе не мысли, и мозг не отражает действительность, как думал Ленин. Мозг продуцирует поле психической энергии. Вы ведь не будете спорить, что мозг работает подобно электрогенератору, и что он излучает электромагнитные волны. Если мозг способен продуцировать электромагнитное поле, почему бы ему не продуцировать и поле психической энергии?

А вот уже поле психической энергии продуцирует мысли и отражает действительность. В этом состоит наша мысль: связь мозга с психика очевидна, но связь эта не прямая, а опосредованная. Через поле психической энергии. Поэтому прямым воздействием на мозг, как это делает современная биопсихиатрия, повлиять на здоровье психики невозможно. Можно только разрушить мозг, что она и делает. Повлиять на психику и контролировать психическое здоровье можно только через воздействие на поле психической энергии.

Доктор Бене спокойно смотрел в глаза Манкевичу. Он уже забыл о нем. Он видел лицо Гриши Белогородского:» — Гриша, контора убила Анну?»,» — Не знаю, а если бы знал, не сказал. Я тебе не враг, Бене.», «-Хотел тебе в глаза посмотреть». Значит, он все врал, все врал. И о теплой дружбе, и о любви к Анне и к нему, и о том, что помнил его доброту и был благодарен. Все фарс, все фарс, и только цель помешать его диссертации была у него на уме. Значит, теперь они зашли со стороны Мзии. У Финкеля похолодело сердце, но внешне он стал даже еще более спокоен.

Дверь открылась и в залу вошла Мзия, такая стройная, элегантная и красивая, какой он никогда ее не видел. Она похудела, и энергично пружинила на высоких каблуках в своем модном брючном костюме, выгодно подчеркивавшим ее спортивное те-

ло. Тяжелые кудри черных волос непослушными прядями падали на ее милое, знакомое до боли лицо. Она слышала тираду Манкевича, и спокойно ждала, пока он закончит. Мзия медленно подняла глаза и посмотрела в лицо доктора Бене. Как давно он ее не видел, целую вечность. Через год она потребовала развод. О детях не спорила: вы дали мне вторую жизнь, сказала она тогда, как я могу отобрать самое дорогое, что у вас есть. И посещала их сначала раз в месяц, потом раз в два месяца, а потом и вовсе только по видеосвязи. «Иначе я не смогу без них жить», — говорила она. Бенедикт Яковлевич знал, что Мзия закончила заочно юридический факультет университета, и давала концерты в Москве. Он вспомнил ее концерты для него, когда она была так полна романтики, и невольно улыбнулся. Эта самоуверенная леди совсем не походила больше на его робкую Мзию, всегда высматривавшую в его глазах разрешение, прежде чем решится на что-то. Он невольно любовался ее самообладанием, светившимся во взгляде, в ее манере держаться. Она смотрела с таким не наигранным пренебрежением вокруг себя, с такой отрешенностью мысли, уходящей глубоко в себя, что казалось едва видела окружающих. «Неужели она с ними, — в ужасе подумал Бене. — Неужели они ее уговорили? Убедили, что я желал ей зла? Хотел ее использовать?» Он вспомнил, как она плакала в день разлуки: «ты посмеялся надо мной». Тогда он восхищался великодушием ее поступка, а теперь ему показалось подозрительным, как легко она оставила ему детей. Он не хотел соединять тридцать сребреников и Мзию — самое дорогое, что у него было. Он не хотел верить в ее предательство, он просто его не перенесет. И эта боль разлилась виноватой улыбкой на его лице. Он вдруг преглупо улыбнулся в ответ на выжидающий, оценивающий взгляд Мзии. «Пусть, подумал он, если она сломалась, если она ничего не поняла, если стала другой, соблазнилась глупой, сытой жизнью. Пусть. Я не буду бороться, я позволю ей утопить себя». И Бене стал покорно ждать своей участи, пряча беззащитность своего сердца за улыбкой на устах.

— А вот и г-жа Мзия Лурия! — торжествующе провозгласил Манкевич. — Прошу вас, расскажите нам, как все было на самом деле.

ГЛАВА 19. МЗИЯ ПОМОГАЕТ ДОКТОРУ БЕНЕ

Доктор Бене поспешил освободить трибуну для Мзии так, чтобы не столкнуться с ней на дороге. Мзия энергично заняла его место, и, окинув публику многозначительным взглядом, начала свою речь:

— Я постараюсь быть краткой, насколько возможно. Доктор Леви-Финкель никогда не просил меня быть частью его научных экспериментов, и не приглашал меня сюда. Меня пригласил г-н Манкевич. Я могла отказаться, и это было моей первой реакцией, но потом я подумала, что возможно смогу быть полезна доктору Леви-Финкелю, и это заставило меня переменить свое решение. Потому что всем в своей жизни я обязана Бенедикту Яковлевичу. Вот здесь, в этой брошюре я описала историю своей болезни, поскольку доктор Бене великодушно отказался протоколировать мой случай для науки и для истории. Я прошу передать эту историю болезни доктору Леви-Финкелю, чтобы он ознакомился и оставил свой отзыв о моем конспекте. А я продолжу с вашего позволения.

Да, когда мой дорогой Бенедикт сделал мне предложение, я была больна, очень больна. Я думала, что умру, все разговоры о моем выздоровлении казались мне фантастикой. Но я была молода и красива, и я была умна и талантлива. Доктор Бене сжалился надо мной, он женился, чтобы меня спасти. Кто скажет, что сочувствие не есть основа всякой настоящей любви? Конечно, только любовь могла толкнуть на такой великодушный поступок. И эта же любовь сотворила чудо, и спустя три года я выздоровела. Конечно, не только любовь меня излечила, хотя любовь была главным лекарем. Меня излечил доктор Бене своими лекциями, своим когнитивным методом. Я много училась и читала все это время, и сегодня я также хорошо владею теорию психи-

ческой энергией, как мои друзья и коллеги, Андрей Орлов и Александр Тополев. Почему я оставила своего дорогого супруга вы спрашивали, г-н Манкевич? Мне казалось это мое личное дело, но если вы настаиваете, я расскажу и об этом, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что три года совместной жизни с доктором Леви-Финкелем были лучшими годами в моей жизни, настолько, г-н Манкевич, что я даже благодарила судьбу за болезнь, которая соединила меня с этим необыкновенным человеком. Я ушла, когда поняла что я здорова, и когда поняла, что я не стою мизинца этого великого человека. Ушла, чтобы работать над собой, чтобы стать личностью, чтобы стать достойной его, чтобы не быть ему обузой. Доказательством истинности моих слов — мое присутствие здесь. Как только мне сказали, что я могу быть полезна моему дорогому Бенедикту, я пришла и вот я здесь, господа.

Шумные аплодисменты остановили речь Мзии, но она спокойно выжидала, пока они стихнут, чтобы продолжать. Доктор Бене не смог сдержать слез, кривыми ручейками бежавшими по его щекам, слишком сильным было напряжение последних часов. Его Мзия не могла его разочаровать, и не разочаровала. Он достал платок и вытер глаза. В руках он держал брошюру Мзии, совсем мокрую от слез. Ну какая же она стала красавица. Нет, не зря он тогда поставил на кон всю свою жизнь, когда сделал ей предложение. Ведь он не мог гарантировать ее выздоровления, и в случае, если бы она не выздоровела, ему пришлось бы подобно Теккерею быть сиделкой при больной жене до конца жизни. Он никогда бы ее не бросил, однажды взяв на себя ответственность за ее судьбу. Она стоила того риска. Однако, впереди его ждал еще больший сюрприз.

— Я старалась стать достойной Бенедикта Яковлевича. Я поступила на юридический факультет университета и закончила его. И у меня тоже есть, что добавить к теории психической энергии доктора Бене, в этом я не отстаю от Андрея и Александра, сделавшими сегодня доклад вместе с Леви-Финкелем.

Андрей и Александр рассказали о философском базисе теории, мне бы хотелось рассказать о правовых и политических следствиях этой теории. Глобальность последствий открытия психической энергии никто не будет ставить под сомнение, как мне представляется очевидным.

Логичным следствием теории психической энергии (то есть науки, открывшей закономерности человеческой и социальной энергии) — является естественное право, то есть право источником которого являются законы природы. Ни для кого не секрет, что хаос в современной социальной науке привел сначала к отрицанию законов природы в гуманитарной сфере, а потом к победе позитивного права, то есть права установленного под угрозой санкций силовых институтов. Итак, самое очевидное и самое положительное следствие для политической сферы из открытия психической энергии — это доказательство истинности естественного права.

Вообще говоря, не всегда естественное право было предано такому забвению и пренебрежению, как в наше время. Совсем напротив, на протяжении всей истории цивилизованного человечества именно естественное право лежало в основе социального устройства. Если мы вспомним осевое время К. Ясперса, то он как раз говорит о том, что современный человек и современное общество появились вместе с зарождением рационализма и противопоставлением рационализма — мистике, Логоса — Мифу. Это время, говорит Ясперс, когда появился разум и личность, духовная энергия и этические религии, когда бог перестал быть магией и стал этикой, сводом моральных правил, которыми руководствовались люди в своей каждодневной жизни. Это начало мировой истории, времени универсальности, когда люди начинают осознавать свою общую духовную сущность и происходит становление общечеловеческого самосознания и общества.

К. Ясперс «История и ее истоки»:

> *«Мифологической эпохе с* ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась

> борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Впервые появились *философы*. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем. В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»

Здесь начинается поиск человеком естественных законов своей жизни и жизни общества. Здесь приходит осознание, что энергия человека — это энергия духа, что закономерности духа — это свод этических правил, которые необходимо соблюдать, чтобы сохранить себя. Этика становится на место магических ритуалов прошлого. Именно этика и является — естественным правом античности. Этику О. Конт ставил в основу естественного права современного ему века, когда отказался от науки психологии. Об этике как о естественном пра-

ве говорит Петр Кропоткин в «Этике», где он становится на позиции позитивизма О. Конта.

Итак, не с теории психической энергии началось осознание того, что духовная энергия человека имеет свои закономерности; прежде всего, необходимость борьбы с мистическим сознанием, с эгозащитой, общее Я человечества; сочувствие и совесть, и поиски истины и справедливости. Эта лейтмотив всех мировых религий. И именно с этого прозрения началось рациональное (разумное) существование человека и, как утверждает Ясперс, мировая история как таковая.

Рождение мировых религий как философии разума и духа началось вместе с войной мистическому сознанию, которую они объявили каждая по своему: буддисты смеялись над мистикой индуизма, зороастрийцы видели демонов в старых магах, еврейские пророки объявили войну язычникам, греческие философы высмеивали порочность олимпийских богов. Война мистике была объявлена повсеместно, язычество объявлялось смертным грехом, разрушающим духовную энергию человека. Религия Христа стала только кульминацией в развитии этого направления, соединив греческую философию с прозрениями еврейских пророков. Таким образом, этика мировых религий, а также этика греческой философии Пифагора, Платона Сократа не сильно отличалась от того, что мы сегодня на научном языке изложили в теории психической энергии. Два поля психики: мистическое и разумное (рациональное). Первое мертвое, второе живой дух. Чтобы сохранить второе, надо бороться с первым. Для этого надо отказаться от магических ритуалов, и на их место поставить этическую чистоту: служение истине, сочувствие, совесть, справедливость, трудолюбие.

Эта этика мировых религий легла в основу естественного права первых государств осевого времени. Конечно, она не соблюдалась в полной мере, но была объявлена целью и ориентиром поведения, что уже очень много. К. Ясперс пишет о том, что первое осевое время стало рождением современного человека, но до рождения настоящего человека еще далеко. И он

предсказывает второе осевое время, хотя не может еще обрисовать его контуров. С точки зрения знаний, которые мы имеем сегодня — второе осевое время –это время открытия закономерностей духовной энергии человека, изложенных уже не мифическим языком первых мировых религий, а научным языком зрелого рационального сознания человека. Ибо первое осевое время принесло только пробуждение интеллекта, но оставило поля мистики и интеллекта смешанными, даже излагая свои теории на смешанном мифически-рациональном языке. Задачей цивилизованного общества стало дальнейшее разделение мистического и рационального сознания, полное отделение мифа от логоса, и победа научного мышления над мистическим. Именно этот решительный шаг делает теория психической энергии.

До Нового времени борьба с мистикой идет в основном в философии Платона и Спинозы, которые прямо говорят о том, что смутные аффекты порождают неадекватное знание и провоцируют все пороки души человека. В этом смысле философия Платона и Спинозы — это первые наброски теории психической энергии. Однако, появляются и первые противоположные учения, которые отстаивают мистику и смеются над рациональным сознанием. Уже в древности только явившийся на свет интеллект заболевает своей детской болезнью — шизоидностью. Суть этой болезни в том, что интеллект вторгается на поле эгосистемы и отрывается от реальности. Это то, что потом стали называть обскурантизмом, казуистикой, софистикой, тавтологией, — его суть в формальной логике, оторванной от реальности. В Античность прославилась школа софистов Протагора, с которой, как известно, воевал Сократ Платона.

В Новое время сове развитие получают оба направления: и рациональная философия, восстающая против мистического сознания; и софистика, обосновывающая мистическую сущность сознания человека. Декарт, Лейбниц, Шеллинг, Айн Ренд — продолжают борьбу с мистикой, объявляя ее главным врагом человечества. Кант, Фихте, Гегель, Ницше, Сартр — на-

против, доказывают абсолютную свободу духа, противопоставляя его необходимой закономерности всего прочего мира. Объективисты естественного права против субъективистов, отрицающих законность социальной жизни.

Фридрих Шеллинг — герой Нового времени, поскольку именно он объявляет войну мистицизму Канта, Фихте, Гегеля, разоблачая их субъективистскую философию, как формальную логику оторванную от действительности, и не имеющую с ней ничего общего. Решительность, с которой Шеллинг выступает против своих бывших кумиров, учителей, друзей с критикой субъективизма, делает его героем своего времени, с гениальной чуткостью и проницательностью понимавшего самое уязвимое место человечества, источник всех его болезней: необходимость разделения мистического и рационального сознания. Эта линия имела развитие в философии Кьеркегора, полностью воспринявшего его критику философии Гегеля, и дала замечательные результаты в его психологических трудах, где Кьеркегор впервые со всей ясностью описал мистическую интоксикацию сознания шизоидов.

К сожалению, старания Ф. Шеллинга не увенчались успехом. Ему наследовали материалисты и эмпирики — Фейербах, Маркс, Энгельс, Ленин, Конт, Оствальд, Мах. Каждый из них объявлял войну мистическому сознанию, и каждый из них потерпел неудачу, потому что исключил сознание вообще из сферы научного анализа. Тот случай, когда вместе с водой выплеснули и ребенка. Отказываясь от мистического сознания, они отказались вообще от духовной энергии, хотя это противоположные вещи. Уже Давид Юм, писавший еще до Шеллинга, говорил, что не существует «Я» как субстанции, а только поток ощущений, отражений чувственного восприятия в сознании. Бертран Рассел говорит, что Юм изгнал понятие субстанции из психологии. Господа материалисты закрепили эту анафему духовной энергии, объявив дух и сознание — абстракциями, не существующими в реальности. Так, борьба с мистикой для утверждения рационального духа привела к своему собственному поражению — к отказу от понятия духа вообще.

Мистика кантианской философии, развитая у Фихте, Гегеля, позже Ницше, Сартра, та самая мистика, с которой так яростно сражался Ф. Шеллинг, чтобы защитить научный подход истинной духовности — осталась единственным оплотом духовной энергии, после окончательного ее уничтожения у материалистов и эмпириков. «Науки о духе» В. Дильтея, последователя Канта, — единственной наукой о духовной энергии, доступной науке. Действительно, и эта философия содержала свои зерна истины, просто потому что хотя бы имела истинный объект научного исследования — дух. Так, Фихте в «Речах к немецкой нации» дает вполне приближенный к реальности рисунок закономерностей психической энергии, разделяя научное сознание и круговое, лишенное смысла движение мистического сознания. Это если говорить о психологии этих мыслителей, и отвлечься от их философии, где они сами впадают в мистику, отказывая духовной энергии в детерминированности законами природы. Даже философия и психология К. Ясперса поднимается на философском фундаменте кантианства, — единственной отдушине, где еще сохранилась духовная энергия в качестве объекта научного исследования.

В итоге, современность оказалась в катастрофической ситуации, когда естественное право больше никого не удовлетворяло. Вот послушайте отрывок из книги известного эмпирика,

К. Поппера «Открытое общество и его враги»:

> «Мне кажется, что для анализа процесса осознания специфических особенностей природы и общества нам потребуется хорошенько усвоить одно важное различие. Это — различие между (а) *естественными законами,* или законами природы, такими, как например, законы, описывающие движение Солнца, Луны и планет, смену времен года и т. п., а также закон гравитации или, скажем, законы термодинамики, и *(b) нормативными законами или нормами,* запретами и заповедями, т. е. правилами, которые запрещают или требуют определенного образа поведения. В качестве примера нормативных законов можно назвать Десять заповедей, правовые нормы, регулирующие порядок выборов в парламент, и законы афинского полиса. Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы. Хотя мы можем использовать их в технических це-

> лях, они недоступны изменению со стороны человека, а их незнание или игнорирование может привести к беде. Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но „истинным“ или „ложным“ его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем — человеческими решениями и действиями. Этот контроль обычно осуществляется путем применения санкций — наказанием или предупреждением того, кто нарушает закон. Вместе со многими учеными, в особенности социологами, я полагаю, что различие между законами в смысле (а), т. е. утверждениями, описывающими природные регулярности, и законами в смысле *(b),* т. е. нормами типа запретов и заповедей, является фундаментальным и что два этих типа законов едва ли имеют между собой что-либо общее помимо названия»

К этому времени от естественного права под давлением кантианства стали отказываться повсеместно. Самый известный идеолог этого направления — Макс Вебер, который разработал «свободную от этики социологию». Естественное право больше не удовлетворяло ни материалистов и эмпириков с одной стороны, ни кантианцев с другой стороны. Первые, подобно Гоббсу, признавали естественным законом «войну всех против всех», или иначе в «научной формулировке» Дарвина — «выживание сильнейшего, естественный отбор». И вслед за Гоббсом полагали, что единственная мораль человека, единственная этика общества — это та, которую устанавливает государство под страхом санкций, то есть путем насилия. К тому же выводу приходи и Кант в своем труде о праве и государстве, соглашаясь с Гоббсом о естественном состоянии войны всех против всех, и утверждая государственный суверенитет над всяким естественным правом. Таким образом, материализм и субъективный идеализм, начиная дорогу с противоположных концов, сходятся в одну точку: в отказе от естественного права, и в утверждении государственного суверенитета.

Блестящую критику философии этого периода дают Жюльен Бенда в книге «Предательство интеллектуалов» и Альбер Камю

в книге «Бунтующий человек», где они продолжают традиции Шеллинга: нападают на мистическую философию Гегеля, на унаследованный им в диалектической логике Гегеля мистицизм Маркса, на новые мистические философии Ницше, Сартра и Анри Бергсона. Ален Финкелькраут критикует философию Леви-Стросса в «Уничтожении разума». Считается, что Альбер Камю и Жан-Поль Сартр поссорились по политическим мотивам: Камю восстал против марксизма Сартра. Однако, на самом деле критика, которую Камю обрушивает на Сартра в «Бунтующем человеке» — это критика с позиций объективного реализма — субъективного идеализма Сартра. Решительную критику субъективизму Леви-Стросса дает Лев Клейн в «Истории антропологических учений». Все эти философы ссылаются на тот факт, что в современной мистической философии «разум совершил самоубийство», уничтожив самого себя, доказывая, что законов природы нет и познание невозможно, что сознание аборигена равноценно сознанию цивилизованного человека. Даже Ф. Шеллинг, так блестяще критиковавший мистицизм Канта, Фихте и Гегеля, заслуживший всеобщее восхищение этой своей критикой мистического идеализма, в конечном итоге говорит, что мифология — всеобщее свойство сознания, первая стадия становления мышления, необходимая индивидуальность каждой народности. Эту идею переймет у него материализм Маркса, даже позитивизм Конта включит мифологию как первую стадию эволюции сознания. У Конта эту идею переймет Дюркгей, а у Дюркгейма — Леви-Стросс. У Леви-Стросса Мишель Фуке научился идее, что знаний вообще нет и быть не может, что это только фигуры на песке, которые исчезают вместе с народами разных эпох, которые их сами для себя выдумывают. И в итоге, современная наука «теоретически обосновала и практически доказала», что мистическое сознание равноценно и равноправно с логическим сознанием цивилизованных людей.

Надо сказать, что даже темное средневековье христианской культуры не знало такого кризиса сознания, духа, рационализма и науки, которое приходит в Новое время с обострение Шизоидного мышления на западе (то есть мистической спекуляции, умо-

зрительной мистификации). Евангелие христиан, особенно Евангелие от Иоанна, которое все протестанты противопоставляли трем синоптическим Евангелиям, как Логос греческой философии — это все еще естественный закон духовной энергии человека. Это все еще гуманистическая философия осевого времени, противопоставившая этику духа — мистике магических ритуалов. Пусть поэтизированная, пусть изложенная на мифологическом языке (и в этом ее слабое место, которое ее уничтожило), но все еще реальная основа естественного права средневековья. Никому бы не пришло в голову говорить о государственном суверенитете в средние века, когда церковь и государство поделили законодательную и исполнительную власть. Когда град божий и град земной Августина, когда царство и священство Амвросия воплотили в себе идею античного мира о разделении законодательной и исполнительной власти (auctoritas и potestas). Папа Геласий Первый писал письме к Анастасию, императору Византийскому, что auctoritas и potestas древних римлян также верно и в применении к власти короля и власти церкви христианского мира. О. Конт писал, что разделение власти составит вечную славу католичества. Это было время, когда естественное право христианской церкви защищало народы всей Европы от самоуправства исполнительной власти чиновников и государей. И если в конечном итоге сама церковь стала тем деспотом, который соединил в себе и законодательную и исполнительную власть — то причиной этого была мифологическая основа Евангелия, а следствием — падение католичества и начало движения Реформации. И опять, отсюда, из Реформации, родится революция Оливера Кромвеля и «народного защитника» Джона Мильтона; отсюда придет революция и борьба за независимость в Америке, которую инициируют эмигрировавшие индепенденты Кромвеля; из Реформации начнется великая Французская революция; великая русская литература, протестантизм Толстого и популярность «толстовцев» станут социальным базисом Русской революции. Так, естественное право, начиная с осевого времени, через греческую рациональную философию, через социализм еврейских

пророков, через христианский синтез средневековья, через разделение властей католичества и революции Реформации будет нести идею естественного права, как этики духовной энергии.

Теория правового государства — не есть изобретение Нового времени. Все теоретики правового государства Нового времени обращаются к авторитетам античности, в особенности к республике Платона и Цицерона, к естественному праву стоиков и римских юристов. Римское право в кодексе Юстиниана, как бы оно не было в нем искажено, все таки сумело передать идею естественного права средним векам. В этой связи Е. Трубецкой в книге о философии св. Августина проводит параллели между миром идей Платона и градом божьим Августина, между естественным правом стоиков и римских юристов с одной стороны, и естественным правом в «Граде божьем» Августина. Э. Ренан подчеркивает в «Марке Аврелии», что римское право впитало в себя все лучшее, что было в античной философии и особенно естественное право стоиков, Цицерона и Платона. Таким образом, правовое государство — только возврат к республикам античности, основанным на естественном праве. Ж-Ж Руссо положит естественное право в основу своего «Общественного договора»; Джон Локк основывает «Два трактата о правлении» на естественном праве; «Век разума» Томаса Пейна, изобретателя «прав человека», одного из «отцов Америки» — резкая критика мифологической составляющей христианства, и как у всех протестантов подчеркивание достоинств разумной и этической части Евангелия. Народный суверенитет, права человека, разделение законодательной и исполнительной власти, верховенство закона — основные атрибуты правового государства, старые как сам античный мир.

То, что было нового в теории правового государства, было как раз ущербным в этом определении. Теория государственного суверенитета Макиавелли, Бодена, Гоббса; национализм и самоопределение наций; индивидуализм дарвиновской парадигмы, незнакомый греческому полису и римской цивитас. Со временем из этих новшеств логически разовьется отказ

от естественного права, на котором первые теоретики правового государства его основывали (Руссо, Пейн, Локк, Гроций, Кондорсе). Сегодня как мы видели из цитаты Карла Поппера отказ от естественного права в социальной теории, с легкой руки Макса Вебера, приобретает глобальные масштабы.

Однако, вместе с отказом от естественного права рушится вся структура правового государства: народный суверенитет, права человека, верховенство закона, разделение законодательной и исполнительной власти теряют свою теоретическую и практическую основу. Правовое государство превращается в фикцию. Национализм не может сочетаться с естественным правом, поскольку национализм основан на идее самоопределения нации, то есть на государственном суверенитете, когда правительство есть последняя инстанция в утверждении законов страны.

А естественное право — на единстве всего человечества и на подчинении всего человечества — естественному праву, что и есть народный суверенитет. Когда международные инстанции — первая и последняя инстанция в утверждении законов страны.

М. Игнатьев, американский журналист и профессор Гарвардского университета пишет, что кризис института прав человека проявляется также в неспособности прочертить границу между суверенитетом стран и правозащитными инструментами, часто защищающих граждан от их собственных властей. Он пишет, что отрицание универсальности прав человека в первую очередь связано с желанием властей ограничить внешнее вмешательство, хоть и облекается в форму борьбы за культурную самоидентичность и национальное самоопределение:

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Конфликт вокруг универсальности правозащитных норм есть акт политической борьбы. В ходе этого конфликта традиционные, религиозные и авторитарные источники власти подрываются защитниками прав человека, многие из которых являются выходцами из местных культур. Они оспаривают эти источники власти во имя

> тех, кто чувствует себя исключенным и угнетенным. Авторитарное сопротивление правозащитному натиску неизбежно облекается в форму спасения местной культуры как таковой от агрессивных нападок культурного империализма Запада. Но на деле посредством этой релятивистской линии отстаивается политическая или патриархальная власть»

Действительно, известная мюнхенская речь В. Путина о национальном самоопределении, о неприкосновенности национальных суверенитетов, как раз и имела своей целью ограничение всякого внешнего вмешательства. Оливер Стоун в «Интервью с В, Путиным» очень хвалит и эту речь Путина и в целом его политику защиты национальных суверенитетов как борьбу за демократию. М. Игнатьев пишет, что правительство США заняло аналогичную позицию, отказываясь уступать хоть какую-то долю суверенитета международным институтам.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Вдохновляющая активистов-правозащитников утопия, в рамках которой можно было бы наказывать государства, попирающие права человека, не сочетается с представлением о том, что подобные права черпают свою легитимность из народного суверенитета нации. С точки зрения европейцев и канадцев, например, американское допущение смертной казни является нарушением статьи 3 Всеобщей декларации, но большинство граждан США убеждено в том, что за такой практикой стоит демократически выраженная воля народа. Следовательно, протесты международного правозащитного сообщества отвергаются как несостоятельное вмешательство в чужие дела..Американское правительство прославилось — или обесславилось, в зависимости от точки зрения, — своим нежеланием признавать легитимность принудительного обеспечения прав человека вопреки его воле на том основании, что его власть базируется на „согласии управляемых“ с принципом конституционного демократического суверенитета».

В. Соловьев «Революция консерваторов»:

> «А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в кон-

> ституции заложено представление о том, каким мы хотим быть обществом. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам „общечеловеческими“ ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека»

М. Игнатьев в книге «Права человека» также отмечает, что права человека возможны только как продолжение естественного права, и более того, как продолжение философии рационализма, метафизики законов природы. И что сегодняшний кризис теории прав человека связан с отказом от теории естественного права. Действительно, что такое права человека, если мы отказываемся признавать общую природу человечества, общие для всех закономерности природы человека?

Государственный и народный суверенитет не могут давать тождества, поскольку правительство и народ не есть одно и то же. Либо суверенитет правительства, либо суверенитет народа. Об этом со всей ясностью пишет Н. Грачев в книге «Происхождение суверенитета», и резонно заявляет, что тождество объекта и субъекта власти в концепции тождества государственного и народного суверенитетов является нонсенсом, а доктрина народного суверенитета — фикцией. Он прав, но только в том случае, если мы отказываемся от концепции естественного права. Разделение законодательной и исполнительной власти в самой своей основе имеет идею о том, что законы природы не имеют другого автора кроме самой природы, потому носителями законодательной власти могут быть либо философы Платона, либо католическая церковь средневековья, либо академия наук Прудона, либо научный контроль О. Конта.

Н Грачев в книге «Происхождение суверенитета» убедительно доказывает, что вся структура правового государства и основные его атрибуты не выдерживают никакой критики и противопоставляет этому правовому государству — деспотию «золотого века» с жречески-военными верхушками времен фараонского Египта, не знавшего еще демократии греческого полиса. Действительно, это логический вывод из теории правового государства, лишенной своего научного фундамента: доктрины естественного права.

Уязвимость доктрины народного суверенитета, в том ее определении как она есть сейчас, не оставляет сомнений. Ее одинаково успешно критикуют как слева (Новгородцев суммировал эту критику в своей книге «Кризис современного правосознания»), так и справа. Образчиком такой критики справа притязаний народа на самоуправление, на роль субъекта власти, дает выдержка из современного учебника «Происхождение суверенитета» Н Грачева (2018). Обратите внимание, что автор отсылает к таким исследователям как Боден, Гоббс, Вебер, Гегель, Ницше, К. Шмитт и Ленин.

Н. Грачев Происхождение суверенитета:

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения... Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной точки зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт ...Дело в том, что «какое-либо юридическое определение народа отсутствует», как впрочем и его общепринятые социологические и политические определения. Что такое народ как правовая личность, кого включает, а кого нет? Кому принадлежит суверенитет? Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общегосударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств... Для народа в государстве и обществе предусматри-

> вается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах.

И как всегда бывает в таких случаях, когда рационализму научного мышления противопоставляется иррациональность мистического мышления, на место научного управления естественного права ставится деспотическая система сакрального поклонения мистическим вождям, военно-жреческая элита противопоставляется народу как власть, которой он должен подчиняться, добровольно отчуждая сови права на самоуправление:

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но «суверенный народ» оказался не в силах узнать в себе нового Бога.
> …Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией… В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жиз-

> ненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Этой подробной цитатой мы старались наглядно показать, что без доктрины естественного права теория правового государства нежизненно способна, и открывает дорогу диктаторов всех мастей и масштабов к критике основных атрибутов правового государства: народного суверенитета, прав человека, верховенства закона, разделения законодательной и исполнительной властей.

Мы видим, что взгляд на новую историю как дихотомию Россия-Америка, где Россия — есть полюс несвободы, а Америки — полюс свободы тоже себя не оправдывает. Свобода берет свое начало в теории естественного права всей греко-римской цивилизации, к которой христианство приобщило Россию еще в 9 веке, а реформы Петра Первого привели к рождению русской интеллигенции, вскоре удивившей мир великой русской литературой, ставшей вторым Евангелием российского народа, и источником его борьбы за свои права, за гуманизм и свободу. Россия в той же мере как другие страны — жертва того коллапса в социальной науке, о которой писали Шеллинг, Камю, Ж. Бенда, А. Финкелькраут. Мы видим, что Н. Грачев в книге, в которой от отказывается от теории правового государства ссылается именно на тех теоретиков, с которыми воюют эти почтенные философы. Мы также видим, что Америка также последовательно отстаивает теорию национального государства и государственного суверенитета, и не меньше способствует кризису института прав человека, который имеет место быть сегодня.

Национализм, о котором сокрушаются такие философы нового и новейшего времени, как Г. Лейбниц, Ф. Шеллинг, Бартран Рассел, Альберт Эйнштейн, Альберт Швейцер, Карл Ясперс, Эрнест Ренан, Жюльен Бенда, — вот основа кризиса современной цивилизации, которая имеет одинаковые симптомы и на востоке, и на западе. Национализм сегодня не только не осуждается,

но является официальной частью теории государственного суверенитета, а естественному праву противопоставлены теории «социологии свободной от этики» Маркса Вебера, антропологии К. Леви-Стросса, А. Тойнби, О. Шпеглера, утверждавших уникальность каждой цивилизации. На этом теоретическом базисе развил свою теорию «столкновения цивилизаций» и американский публицист и политик С. Хантингтон. Он утверждает, что доктрина прав человека происходит вовсе не из системы естественного права, как общей природы человечества, а из национальной системы ценностей Америки, которая каким-то совпадением оказалась «универсальной системой ценностей». Каким образом национальная система ценностей какого угодно государства может стать универсальной системой непонятно. Хантингтон возмущается, что теория прав человека терпит крах в современном мире, но его доводы совершенно непонятны: он возмущен, что другие страны отказываются признавать универсальность национальной системы ценностей США. Только если говорить о правах человека — как теории естественного права, можно в самом деле сокрушаться и возмущаться поведению тех правительств, которые выступают против института прав человека.

В споре между современной Америкой и Россией, где Америка претендует на универсальность своих национальных ценностей и своего национального права, а Россия защищает идею национальных суверенитетов — одинаково неправы обе стороны. Поскольку, права человека могут быть только международным институтом естественного права с одной стороны, а с другой стороны национальный суверенитет, который отстаивает современная Россия — это дорога в доисторическую деспотию, что хорошо доказывает приведенный отрывок из Н. Грачева, В. Соловьева, и вся литература современных российских теоретиков нацсуверенитета (В. Мединский, В. Суриков и др).

В этой связи нам хотелось бы сформулировать, какой выход теория психической энергии предлагает из сложившегося философского, научного, правового и политического кризиса:

Мы утверждаем, что теория естественного права — основа правового государства, и что без теории естественного права не может быть правового государства.

Мы утверждаем вслед за Эйнштейном, Ясперсом, Расселом и другими теоретиками международного правительства, что народный суверенитет не может иметь национальности, и что народный суверенитет подразумевает ни что иное, как верховенство естественного права, единого для всего мира. В этом разгадка «всеобщей воли Руссо», о которой так много спорили теоретики права. Не может быть всеобщей воли народа вне идеи естественного права, выражающей закономерности общей природы человека.

Народный суверенитет означает отказ от государственных национальных суверенитетов в пользу единого народного суверенитета международного института прав человека. В более глобальном значении этот институт — это «вселенское государство» Данте, Цицерона, Августина, Лейбница, Канта (проявившего тут дальновидность), Ф. Шеллинга, К. Ясперса, А. Швейцера, Э. Ренана, Ж. Бенда, Б. Рассела, А. Эйнштейна. Народный и государственный суверенитеты действительно не сочетаемы, также как не совместимы национализм и естественное право.

Мы утверждаем разделение научного и юридического контролей, о котором писали со времен философов-правителей Платона, естественных законов Цицерона, стадий юридизма и научного контроля Конта, его последователи Г. Спенсер, Дж. Милль, П. Кропоткин, далее Жозеф Прудон говорит о разделении научного и юридического контролей в «Что такое собственность»; А. Герцен пишет о разделении научного и юридического контролей — естественное право и есть сущность всей его политической системы; Бертран Рассел недвусмысленно пишет о разделении научного и юридического контролей в «Дороги к свободе», «Образование и здоровое общество», «Воздействие науки на общество».

В чем существо этого разделения? Именно в разделении народа как субъекта и объекта власти, что г-н Н. Грачев называет

неразрешимым противоречием теории правового государства. Однако, при разделении научного и юридического контролей естественного права, мы находим решение этого противоречия: народ выступает как субъект научного контроля в международном институте прав человека; и как объект юридического контроля в рамках своего национального государства. Международный институт будет представлен не членами правительства национальных государствами (юридическими лицами), как сегодня ООН, а гражданами всех стран мира, ученными, получившими дипломы и степени в знании естественного права (социальных наук на базисе теории психической энергии).

В чем будет состоять уступка государственных суверенитетов в пользу народного суверенитета международного института прав человека? Просто в том, что национальные правовые системы будут контролироваться международным институтом прав человека. Можно придумать много механизмов такого контроля — нам важно отметить роль института как субъекта научного контроля.

Вот, господа, в общих чертах, значении открытия психической энергии для политических и правовых мировых теорий и практик, а главное, для кризиса в научном мире, и в области естественного права. Благодарю за внимание.

Мзия ушла также быстро, как появилась, оставив Манкевича в полной растерянности своим разгромным выступлением. Он даже не думал больше выступать против Леви-Финкеля, усевшись на свое место с понурой головой. А доктор Бене был так потрясен и впечатлен, так полон удивления от неожиданных теоретических успехов своей подопечной, что почти забыл о диссертации, прошедшей защиту на ура. Он думал о том, что кривил душой, когда называл Мзию раньше своей женой. Он любил ее почти как ребенка, как близкого, родного человека. Уважать он начал ее только сейчас, и только сейчас то зерно любви, которое тлело в нем все это время, вдруг взметнулось до размеров пожара, обжигая его своим живительным теплом. Он вышел словно во сне, не замечая ничего и никого вокруг,

вспоминая ее новую мимику, новую манеру держаться. Она стала совсем другим человеком. Она стала взрослой. Она стала настоящим теоретиком, возможно лучшим теоретиком, чем был он сам. А ну ка ему самому слабо так сформулировать правовые и политические следствия своей теории. И как права она была, когда тогда оставила его. Оставила, чтобы стать тем прекрасным лебедем, которого она сейчас явила публике во всем своем блеске, и которого он знал и любил еще неоперившимся гадким утенком.

ГЛАВА 20. САТЬЯГРАХИ ДОКТОРА БЕНЕ

Друзья доктора Бене решили сделать ему сюрприз. Андрей, Саша, Вера и Мзия уже больше года как основали Международный институт прав человека, где продвигали идею естественного права, основанную на открытии психической энергии доктора Леви-Финкеля. Они зарегистрировали некоммерческую организацию, сняли офис в две комнаты на чердаке «небоскреба», как все начинающие поэты (а они чувствовали себя певцами свободы, равенства и братства), и со всем энтузиазмом присущим молодости и вере в благое дело принялись за работу. Каждый делал, что было в его силах. Саша отвечал за программное обеспечение, работу сайта и исправность компьютеров. Андрей и Мзия излагали на сайте основы теории, ее правовые и политические следствия. Верочка отвечала за архив цитат — очень важный инструмент в популяризации любого учения, особенно если его подтверждает такое абсолютное множество других авторов. Она активно участвовала в развернувшейся вскоре на сайте полемике, наряду со всеми ребята, активно включившимися в процесс пропаганды и популяризации Международного института прав человека.

Они взяли себе девизами слова Ганди и Эйнштейна, во всем поддерживавшего гражданское неповиновение Ганди (кроме непротивления злу):

Махатма Ганди:

> «Я пренебрег предписанием не из-за отсутствия уважения к законной власти, а во имя подчинения высшему закону нашего бытия — голосу совести».

А. Эйнштейн:

> «Никогда и ничего не делайте против совести, даже если этого требует государство».
> «Государство создано для человека, а не человек для государства. Иначе говоря, государство должно служить нам, а не мы — быть его рабами. Когда государство выходит на первый план, а индивид превращается в его безвольное орудие, всем высшим ценностям приходит конец»

Потому что, теория естественного права всецело была выражена в этих словах: совесть, как голос внутреннего закона духа — источник законов государства, а не наоборот, как утверждал Гоббс. «Другие (Гоббс, например) старались объяснить нравственное чувство в человеке влиянием законов. „Законы, — говорили они, — развили в человеке чувство справедливого и несправедливого, добра и зла". Наши читатели сами оценят по достоинству такое объяснение», — писал Петр Кропоткин по этому поводу.

Спор о том, государство для человека или человек для государства — такой же древний как сама цивилизация. Еще Платона говорил, что государство для человека, а Аристотель ему возразил — человек служит государству, а не наоборот. Аристотель вообще, всегда ошибался, когда дело касалось критики Платона, и не только не превзошел своего великого учителя, но только осрамился тщеславной критикой его мудрого учения.

Это и есть спор о том, что первичнее: совесть есть источник законов, или же наоборот, государство устанавливает законы и этим формирует мораль для граждан. Первое есть естественное право, когда первоисточником признают природу человека, его врожденную совесть, справедливость; второе позитивное право, когда первоисточник законы государства, которые фор-

мирует представления о совести и справедливости у граждан. В первом случае — государство служит человеку, во втором случае — человек служит государству.

Вопрос о том, кто прав — приверженцы позитивного права с «Левиафаном» Гоббса, или приверженцы естественного права с «Государством» Платона и Цицерона, сказать с уверенностью было невозможно, пока не была открыта та самая человеческая природа, те самые законы духовной энергии, лежащие в ее основе, которые утверждает естественное право. Философия и религия давали только общие линии теории психической энергии, — и тем не менее на этих линиях долгое время держалось естественное право. Теперь появилась вещественная основа — теория психической энергии, выражающая закономерности психики в законах и формулах. Сатьяграха Ганди, помимо великого политического успеха, привела к «ошибкам размером с Гималаи» согласно его собственному крылатому выражению, и как он сам писал потому, что он не имел возможности обучить людей. Теперь такая возможность была.

Доктрина прав человека ставит человека выше государства, естественное право — выше национального права, создает «глобальное гражданское общество» и позволяет гражданам бороться со своими правительствами.

М. Игнатьев «Права человека как политика и как идолопоклонство»:

> «До Второй мировой войны субъектами международного права были только государства. С принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года международное признание получили и права индивидов. Впервые в истории отдельные личности, независимо от их расы, вероисповедания, пола, возраста или других характеристик, получили права, которые могут быть использованы ими для защиты от несправедливых государственных законов или угнетательских практик. Создание в 1953 году Европейского суда по правам человека позволило гражданам европейских стран обращаться в Страсбург с жалобами на притеснения со стороны собственных властей. Правозащитные инструменты породили революцию адвокации и становление международной сети неправительственных правозащитных организаций — Amnesty International и Human Rights Watch среди

> наиболее известных в этом ряду, — заставляющих государства вести себя в соответствии с собственными декларациями. Благодаря этой революции выступления в защиту жертвы получили беспрецедентную возможность рассказать о ее страданиях всему миру. Кроме того, указанный сдвиг разрушил государственную монополию на ведение международной политики, запустив механизм формирования того, что позже назвали «глобальным гражданским обществом».

И ребята поставили первыми задачами своей института прав человека — доказательство истинности теории естественного права и нерасторжимости этой теории с доктриной прав человека, и вообще с теорией правового государства. Они утверждали, что вне естественного права, национализм государственных суверенитетов ведет к профанации правового государства и к полному отрицанию самой идеи прав человека.

Проблема Первая: отрицание прав человека из-за отрицания естественного права, как наличия общей природы человека, общих закономерностей в природе человека

> «Всемирная декларация прав человека обозначила возвращение европейской традиции к идее естественного права: поворот, нацеленный на восстановление человеческой *субъектности*, на обретение индивидами гражданской стойкости в тех ситуациях, когда государство требует от них чего-то недозволительного и недопустимого», — пишет Майкл Игнатьев, писатель и историк, директор Центра правозащитной политики при Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета, в книге «Права человека как политика и как идолопоклонство».

И в то же время М. Игнатьев вынужден заметить, что поворот к естественному праву завис в воздухе, потому что современная наука не дает обоснования естественного права. Они говорят о нравственном человеке как о «подмене сущего должным», то есть чего-то, что существует только в идеале, а не в реальности. А наличие общей человеческой природы отвергают, потому что законы природы — это философия рационализма, метафизика, которая проиграла сегодня философии эмпиризма. Мы помним, что эмпирики (Юм, Конт) вообще отрицают «Я», понятие духа, сознания, поэтому все попытки Кон-

та найти законы общечеловеческой природы в изучении мозга с треском провалились (об этом хорошо написал Дж. Милль).

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Если культурный кризис правозащитной идеи был обусловлен спорами о межкультурной ценности прав человека, то ее духовный кризис связан с определением финальных, метафизических оснований этих норм. Почему человеческие существа вообще должны обладать какими-то правами? Какие особенности человечества как вида и отдельных его представителей позволяют говорить о правах?.. Но отсюда вытекает, что способность вести себя достойно — это естественный атрибут. Имеются ли эмпирические доказательства того, что дело обстоит именно так?..Именно из-за того, что эти идеи достоинства, ценности и святости подменяют сущее должным, они оказываются противоречивыми, а поскольку они противоречивы, то чаще всего от них проистекает не польза, а вред для правозащитного дела. Более того, они противоречивы еще и потому, что каждая версия прав человека, рассматриваемая в подобной перспективе, содержит в себе некие метафизические утверждения, касающиеся человеческой природы, а это делает ее изначально спорной».

А. Эйнштейн давно ответил на вопросы, которые кажутся неразрешимыми современным теоретикам прав человека: почему люди «имеют право обладать правами»? Нет, не потому, что права записаны в Священных писаниях мифологических откровений. А потому, что есть законы природы, есть космический интеллект, который детерминировал всю природу, и природу человека тоже. Законы человеческой природы — не в мифах писаний, а в обычной научной формулировке природной энергии.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Например, по мнению философа права Майкла Перри, идея прав человека „неустранимо религиозна". До тех пор, пока вы не преисполнитесь убеждения в том, что человек священен, полагает он, у вас не будет оснований полагать, что достоинство человека можно отстоять, лишь присвоив ему определенные права. Согласно этой логике, только религиозная трактовка человека как творения Божия способна поддержать представление о том, что индивиды обладают неотчуждаемыми естественными правами. Макс Стекхаус, теолог из Принстонского университета, считает, что идею прав человека можно обосновать сугубо идеей Бога или по меньшей мере идеей „трансцендентного морального закона". Для того чтобы объяснить, почему человеческие существа „имеют право обладать правами", правозащитной идее требуется теологическое подспорье И диспут заканчивается фиксацией следующей ситуации: религиозная сторона убеждена в том, что, лишь встав на колени, люди спасут себя от собственной деструктивности, а гуманисты настаивают на том, что они смогут решить эту задачу, только встав во весь рост и твердо опершись на ноги. Это старый спор, в котором каждая из сторон способна предъявить сильные исторические аргументы»

Аргументы Эйнштейна (Из книги личного секретаря Эйнштейна «Цитаты и афоризмы») — это аргументы старой как мир философии рационализма, которую игнорируют современные эмпирики. Эйнштейн никогда не становился на позиции философии эмпиризма, и утверждал что это невозможно для настоящего ученого. Он утверждает философию рационализма вместо догматики священных писаний. Человек имеет общую природу, детерминированную законами природы, и магические силы тут совсем не причем:

> «Я — глубоко религиозный безбожник. Вот такая новая религия»
> «Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает форму восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох. Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих

> вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных».
> «Наши действия должны основываться на постоянном сознании того, что в своем мышлении, чувствах и действиях люди не свободны — вся их жизнь также обусловлена причинно-следственными связями, как и движение звезд. Так или иначе, каждый из людей — это человеческое существо, независимо от национальности и вероисповедания. Печально осознавать, что разделение людей по национальностям и культурным традициям играет такую большую роль в современной практической жизни».

Философия рационализма, Рациональная Энергетика, открытые закономерности теории ПЭ — все это позволяло ребятам вести убедительную полемику, опрокидывая возражения противников прав человека, отказывавшим естественному праву на основе философии эмпиризма.

Проблема Вторая: институт прав человека объявляют субъективным порождением западной цивилизации; применимой только для некоторых наций; или даже выдумкой для подчинения других государств.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Но исламский вызов породил на Западе еще одну реакцию, столь же нездоровую. Это разновидность культурного релятивизма, уступающая исламистам слишком многое. В последние двадцать лет в западной политической мысли оформилось влиятельное течение, которое утверждает, что, используя формулировку Адамантии Поллис и Петера Шваба, „права человека есть западный конструкт ограниченного применения", выдумка XX столетия, мотивированная правовыми традициями Америки, Великобритании и Франции и, следовательно, непригодная для культур, которые непричастны к исторической матрице либерального индивидуализма. У этого тренда довольно сложная интеллектуальная родословная: здесь смешались марксистская критика правозащитного дискурса, антропологическая критика невежественного буржуазного империализма конца XIX столетия и постмодернистская критика универсалистских претензий европейского Просвещения. Все эти тенденции сошлись в атаке на западную интеллектуальную гегемонию, воплощенную в языке прав человека. Права

> человека рассматриваются как хитроумный трюк коварного западного разума: утратив возможность контролировать мир посредством прямого имперского правления, западный разум прячет собственную волю к власти под универсалистской лексикой прав человека и пытается навязать свою узкую повестку множеству мировых культур, никогда не разделявших западные представления об индивидуальности, субъектности, свободе. Мода на этот постмодернистский релятивизм зародилась в западных университетских кампусах, но со временем он смог просочиться и в правозащитные практики Запада, заставив многих активистов усомниться в состоятельности того универсализма, который прежде принимался ими на веру».

С этой проблемой ребятам было легко бороться, поскольку их институт прав человека не имел ничего общего с теорией национализма и государственного суверенитета и выступал резко против этих теорий. Напротив, они обосновывали отказ от национальных суверенитетов в пользу мирового правительства, научного сообщества естественного права, которое контролировало бы все национальные правовые системы. Если есть такая общая истина, то больше никаких претензий к субъективности теории прав человека быть не может.

> «Национализм, по моему мнению, есть не что иное, как идеалистическая рационализация милитаризма и агрессии. Национализм — это детская болезнь, свинка человечества. Секрет бомбы должен быть передан мировому правительству. ...Военная промышленность в действительности представляет собой величайшую опасность для всего человечества. Она есть черная движущая сила, которая скрыта повсюду распространяющимся национализмом.
> Есть лишь один путь к миру и безопасности — путь наднациональной организации. Одностороннее вооружение тех или иных государств никого ни от чего не защищает, а лишь увеличивает общую напряженность и неопределенность. Единственное спасение цивилизации и рода человеческого — создание мирового правительства, при котором безопасность государств и народов будет охраняться законом. Все что происходит в международных делах, должно делаться с мыслью о том, поможет ли это или помешает созданию мирового правительства?
> Необходимо создать мировое правительство, имеющее юридическую власть разрешать конфликты между государствами. Власть его должна быть основана на четкой и ясной конституции, одобренной

> государствами и народами, и только ему должно быть разрешено распоряжаться наступательным вооружением.
> …Пока государства требуют себе неограниченного суверенитета, мы, несомненно, снова и снова будем сталкиваться с масштабными войнами, в которых будет использоваться все более мощное и высокотехнологичное оружие. Всякий, кто действительно хочет уничтожить войну, должен решительно высказаться за ограничение суверенитета собственной страны в пользу международных институтов. Спасти человечество может лишь наднациональная система, основанная на законе, созданная для того, чтобы стать заменой методам грубой силы. Я выступаю за мировое правительство, поскольку убежден, что у нас нет другого пути избавления от опасности, угрожающей сейчас человечеству, — величайшей опасности на протяжении всей нашей истории. Избежать полного уничтожения — эта цель должна быть для нас важнее всех прочих»

Проблема Третья: отрицание прав человека правительствами, поскольку институт прав человека ограничивает их власть и защищает от их произвола граждан.

«Конфликт вокруг универсальности правозащитных норм есть акт политической борьбы. В ходе этого конфликта традиционные, религиозные и авторитарные источники власти подрываются защитниками прав человека, многие из которых являются выходцами из местных культур. Они оспаривают эти источники власти во имя тех, кто чувствует себя исключенным и угнетенным. Авторитарное сопротивление правозащитному натиску неизбежно облекается в форму спасения местной культуры как таковой от агрессивных нападок культурного империализм Запада. Но на деле посредством этой релятивистской линии отстаивается политическая или патриархальная власть»

Теория государственного суверенитета национальных государств — это профанация правового государства античности, греческого полиса и римской цивитас. Вот что доказывала теория естественного права института прав человека. Государственные суверенитеты национальных государств — это Левиафаны Гоббса, не имеющие ничего общего с правовым государством: с народным суверенитетом, с разделением властей, с правами

человека, с верховенством закона. Это — правовые государства наоборот, все в них противоположно тому, как было в античных республиках, с которых теоретики Нового времени (Руссо, Пейн, Локк) писали свои правовые государства.

Теоретики естественного права признают не всякую власть, а только справедливую власть, и критерии справедливости они черпают в естественном праве. Они чтут не каждый закон, а только справедливый закон. Это они и называют народным суверенитетом. Это и называют разделением властей, когда народ решает судьбу законов, а правительство контролирует исполнение законов. Верховенство естественного права, совести над властью правительства — и есть верховенство закона. Потому правовые государства естественного права — это часть международной организации прав человека, это мировой народный суверенитет единой природы человека, это признание общей истины и абсолютной этики совести и справедливости.

Иначе обстоит дело с теоретиками государственного суверенитета национальных государств. Для них власть — самоцель и источник законов, которым всегда подчиняется население. Закон исходит от правительства, устанавливается им, и никак не связан с природой человека. Он может быть принят большинством, но «кризис правового самосознания» давно показал, что теория большинства и представительная демократия легко поддаются манипуляциям власти (через контроль партий, механизмов выборов, СМИ и тп). Верховенство закона означает верховенство правительства, потому что человек не имеет права или инстанции обжаловать законы правительства. Это теоретический базис относительной этики самобытных культур, уникальных обществ, которые не имеют аналогов в другом человечестве. И потому не имеют общей базы для сравнения, осуждения и возмущения. «Все действительное — правильно». Государственный суверенитет раздавил народный суверенитет, разделение властей стало фикцией, права человека — выдумкой, так как нет никакой общей природы человека, а верховенство закона стало верховенством правительства. Этот национальный Левиафан на-

дежно защищен от вмешательств внешний силой философией самобытности своей культуры и права наций на самоопределение: нет ни общей истины, ни общей абсолютной этики, ни добра и зла, ни единой цивилизации, ни международных институтов, которые бы воплощали позиции абсолютной истины и этики, то есть естественного права для всего человечества.

В итоге такого самоопределения наций, народ оказывается надежно изолирован от всякой помощи, гарантируя правительству право на абсолютизм власти. Вот собственно те следствия «государственного суверенитета» Макиавелли, Гоббса и Бодена, которые стали нововведением Нового времени в теорию правового государства античности. Важно уяснить, что попытки соединить народный суверенитет и суверенитет национальных государств — это откровенная профанация прав человека или откровенный обман населения.

«Отказ от сотрудничества со злом — это такой же священный долг, как и сотрудничество с добром», говорит Ганди. Теория гражданского неповиновения Ганди исходит из противоположных национализму принципов — из принципов естественного права: закон совести выше установленного правительством; плохое правительство — не есть правительство; только достойное правительство и справедливый закон могут требовать подчинения. В этом суть естественного права и народного суверенитета:

М. Ганди:

> «То, что мы должны подчиняться любым законам, независимо от того, хороши они или плохи, — новомодная идея. В прежние времена такого не было. Люди игнорировали плохие законы, которые им не нравились, несли за это наказание, но не сдавались. Мы распишемся в отсутствии у нас мужества, если подчинимся законам, противным нашей совести.
> Лишь тот, кто умеет подчиняться закону, способен овладеть искусством неподчинения закону. Только те люди могут выказывать гражданское неповиновение, которые верят в добровольное подчинение даже раздражающим законам правительства, если те не противоречат совести и религиозным убеждениям, и готовы страдать за свое

гражданское неповиновение. Сатьяграх повинуется законам сознательно и по доброй воле, потому что он считает это своим священным долгом. Только человек, неукоснительно выполняющий законы общества, в состоянии судить, какие из них хороши и справедливы, а какие дурны и несправедливы.

Оправданием существования государства может быть только то, что оно заботится о благополучии народа. Это единственное, что придает ему законность и легитимность в глазах подданных. Потому без лишних слов ясно, что как только государство перестает выполнять эти свои обязанности или начинает проводить в жизнь меры и принимать законы, противоречащие совести и высшим интересам народа, оно немедленно теряет право на верность со стороны граждан. Отказ от сотрудничества с таким государством становится не только необходимостью, но и религиозным долгом народа. Отказ от сотрудничества с государством ни в коем случае не означает анархии или беспорядков, он означает более тесное взаимодействие людей между собой. Таким образом, я считаю отказ от сотрудничества с властью эволюционным процессом. Лучше всего описать такой отказ термином «эволюционная революция».

Отказ от сотрудничества со злом — это такой же священный долг, как и сотрудничество с добром. Первичный побудительный мотив отказа от сотрудничества — самоочищение путем неоказания поддержки неправедному и нераскаявшемуся правительству. Вторичная цель — избавление от чувства беспомощности через уничтожение зависимости от контроля и надзора правительства, то есть через самоуправление во всех возможных делах. Добиваясь этих двух целей, мы воздерживаемся от насилия и его пропаганды и не покушаемся на людей и их собственность. И еще одно, о чем я не хочу умолчать. Вы обратились к нам с призывом забыть о внутренних раздорах. Если это обращение предполагает нашу терпимость в отношении тирании и злоупотреблений чиновников, то здесь я бессилен. Всеми силами я буду оказывать великое противодействие организованной тирании».

Теперь, с открытием психической энергии, ребята могли предложить своим оппонентам неоспоримый аргумент истинности теории естественного права — наличия единой истины и абсолютной этики, универсальных ценностей добра и зла для всего человечества, вытекающих из общих закономерностей человеческой природы. Все те проницательные мыслители, которые с осевого времени, со времен Платона и Спинозы гово-

рили о двух энергиях в психике человека, теперь получали свое подтверждение в открытие двух силовых полей психики. Естественное право больше не было отвлеченной абстракцией, но становилось настоящей эмпирической наукой, со стройными формулами, с единицей измерения, с общим законом сохранения силы, природной энергией, поддающейся измерению и контролю. И критика национализма великими мыслителями, которые видели в национализме потерю этой общей истины, общей культуры накопленных цивилизаций знаний о духовной энергии человека, предательство интеллекта и добра, теперь получала мощное научное основание. И неизбежно такая общая истина и общая этика становилась выражением древнего социализма духа, получившего в евангелии Христа форму универсального закона. Ребята кропотливо собирали такие цитаты, все активнее вовлекаясь в полемику, и находя все больше отзывов и признания.

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Важнейшее достижение человечества — это стремление к моральности наших действий. От этого зависит наше внутреннее равновесие, даже само наше существование. Лишь моральность поступков придает нашей жизни красоту и достоинство. Не старайтесь стать успешным человеком, лучше стремитесь стать человеком ценным. Люди могут жить осмысленной и гармоничной жизнью, лишь, если сумеют избавиться от жажды исполнения материальных желаний. Необходимо поднять в общественном мнении духовные ценности. Я абсолютно убежден, что все богатства мира не помогут человечеству двигаться вперед. Пример величайших и честнейших личностей — вот единственное, что может привести нас к высоким идеям и благородным деяниям. Деньги взывают лишь к нашему эгоизму. Сила всегда привлекала низких людей. Страх или глупость причина большинства человеческих поступков. Единственное спасение — неиссякаемое чувство юмора, и люди обязаны сохранить его, пока дышат. Истинная цель человека определяется в первую очередь тем, насколько он добился освобождения от своей самости. Лишь жизнь для других стоит того, чтобы жить. Жизнь отдельного человека имеет жизнь лишь постольку, поскольку она направлена на облагораживание и украшение жизни всего живого. Жизнь, по-

> священная лишь исполнению собственных желаний, рано или поздно приведет к горькому разочарованию»

А. Швейцер «Упадок и возрождение культуры»:

> «Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению. К началу XIX столетия мышление признало за национальным государством право на существование. В обоснование этого указывалось на то, что национальное государство как естественный и гомогенный организм лучше всего способно осуществить идеал культурного государства. Современные массы требуют оградить национальные воззрения от влияния разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священнейших чувств. национальная идея в конце концов подменила подлинные идеалы культуры и еще больше стимулировала и усложнила состояние бескультурья представлениями и убеждениями, внушенными уродливо националистическим подходом к жизни. Итак, на деле реальная политика была нереальной, потому что напоказ она выставляла экономические интересы, а про запас держала националистические идеи величия и преследования «врагов» нации. Таково было возмездие за то, что мы отказались от собственного достоинства и принесли в жертву бескультурью последние остатки того общего достояния, которым некогда располагали. Показательным для нездоровой сущности так называемой реальной политики национализма было стремление во что бы то ни стало прикрыться розовым флером идеала. Борьба за власть стала борьбой за право и культуру. Коалиции, в основе которых лежали эгоистические интересы борьбы одних народов против других, выдавались за содружества, продиктованные исконным родством уз и судеб, и подкреплялись ссылками на прошлое, даже если история давала больше примеров смертельной вражды, чем проявлений внутреннего родства. В конечном счете национализму было уже недостаточно в своей политике отвергать любую надежду на осуществление идеи культурного человечества.
>
> Противоестественность такого развития проявляется не только в его непосредственных результатах, но и в той роли, которая по его вине выпадает на долю самомнения, высокомерия и самообольщения. Все ценное в личности или в ее действиях, объясняется национальным своеобразием. Считается, что под чужими небесами ничто подобное вообще невозможно. В большинстве стран это тщеславие зашло уже так далеко, что для него вполне достижимы и геркулесовы

> столбы глупости. Само собой разумеется, духовное начало в национальной культуре отступает далеко на задний план. Оно теперь в большей мере лишь внешний наряд ее. А на деле национальная культура носит ярко выраженный материальный характер. Так мир становится ареной конкуренции национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре. Мы уже больше не верим, что народы, которые в качестве наследников греко-римского мира вместе вступили в средневековье и затем в условиях интенсивнейшего взаимного обмена идеями на собственном опыте познали Ренессанс, Просвещение и мышление нового времени, составляют вместе со своими ответвлениями в новых частях света монолитное культурное целое. Но если различия в их духовной жизни проявлялись в новейшее время все сильнее, то причина здесь прежде всего в неуклонном упадке культуры»

К. Ясперс «Истоки истории и ее цель»:

> «*Мировой порядок* являет собой единство без единой власти. Порабощению всех из единого центра противостоит принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета. Поэтому путь к мировому порядку ведет через самоограничение тех, кто обладает могуществом, и это самоограничение является условием свободы всех. Там, где кроме суверенитета, принадлежащего мировому порядку человечества в целом, остается еще какой-либо суверенитет, остается и источник несвободы; ибо он может быть сохранен только в качестве силы, противопоставляемой другой силе. Между тем насильственная организация, захват и создание посредством этого захвата государства всегда ведет к диктатуре, даже в том случае, если отправным пунктом была свободная демократия. Там, где при совместном решении великих держав действует право вето, там в полной мере сохраняется требование абсолютного суверенитета. Мотивы отказа от права вето и суверенитета основаны на человечности, на стремлении к миру, на мудром предвидении того, что власть не может быть сохранена без объединения с другими, на предвидении того, что в войне, даже при победе над врагом, может быть столько потеряно, что эти потери превысят все остальное, на радостном стремлении прийти к соглашению в духовной борьбе и в создании единого мирового порядка, на радости совместной жизни с достойными людьми и на нежелании господствовать над побежденными и над рабами. Установление единого мирового порядка привело бы вместе с устранением абсолютного суверенитета и к устранению прежнего понятия государства во имя счастья людей. Другими словами,

результатом был бы глобальный федерализм. Мировой порядок был бы продолжением и повсеместным распространением внутриполитической свободы. То и другое возможно только при ограничении политической власти вопросами существования. В этой плоскости речь о том, что по самой своей сущности свойственно или может быть свойственно всем людям, что, несмотря на все различия, на отклонения в вере и мировоззрении, объединяет людей, другими словами, об общечеловеческом. *В естественном праве* с давних пор делались попытки выявить эти общие свойства, связывающие всех людей. Естественное право устанавливает права человека, стремится создать внутри мирового порядка инстанцию, которая защищала бы отдельного человека от насильственных действий со стороны государства посредством действенных правовых процессов под эгидой суверенитета всего человечества».

Ж. Бена «Предательство интеллектуалов»:

«Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой *национальной* духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам. ...Они призывают народы сознавать себя в том, что составляет их *наиболее характерное отличие*, — не столько в своих ученых, сколько в своих поэтах, не столько в своих философских системах, сколько в своих легендах, ибо, как они верно подметили, поэзия является неизмеримо более национальной, более разделяющей, нежели творения чистого разума. Они призывают народы дорожить своими специфическими чертами именно как частными, а не общими для многих. Они призывают народы сознавать себя во *всем*, что делает их отличными от других, — не только в языке, искусстве, литературе, но и в одежде, жилище, обстановке помещений, кулинарии. ...Отмечу еще одну черту патриотизма, свойственного современному интеллектуалу: ксенофобию. Ненависть к ≪человеку со стороны≫ (*чужаку*), неприятие его, презрение к тому, что ≪*не мое*≫. Все эти чувства, постоянные у народов и, вероятно, необходимые для их существования, усвоили в наши дни так называемые мыслящие люди и до того серьезно, *без тени наивности* претворяют в поступки, что это усвоение тем более достойно упоминания. Известно, с какой систематичностью сообщество немецких ученых вот уже пятьдесят лет провозглашает упадок всякой цивилизации, исключая созданную германской расой... Желанием — которого Баррес, например,

> вовсе не скрывает — умножить наслаждение самим собой, ибо сознание индивидуального ≪я≫ десятикратно углубляется сознанием ≪я≫национального (в этом втором сознании художник черпает и новые лирические темы). Таким образом, можно допустить, что художник не глух к собственному интересу, когда объявляет себя выражением гения нации и призывает целую расу рукоплескать себе самой, а не произведению, которое он ей дарит. ...Можно сказать, что в последние пятьдесят лет все авторитетные моралисты Европы — Бурже, Баррес, Моррас, Пеги, Д'Аннунцио, Киплинг, значительное большинство немецких мыслителей — одобряют готовность людей сознавать себя принадлежащими своей нации, своей расе, поскольку нация и раса отличают их от других и противопоставляют их другим, и стыдят их за всякое стремление сознавать себя в качестве человека, со всем, что есть в этом качестве общего, превосходящего этническое деление. Те, кто со времен стоиков не переставали проповедовать растворение национального эгоизма в чувстве отвлеченного вечного бытия, теперь порочат любое чувство этого рода и провозглашают высокую нравственность такого эгоизма. В наше время потомки Эразма, Монтеня, Вольтера обличают гуманитаризм как моральную деградацию; более того, и как умственную деградацию, поскольку он сопряжен с ≪полным отсутствием практического чутья≫, а практическое чутье стало для этих странных интеллектуалов мерой умственного достоинства»

Бертран Рассел «Education and social order»:

> «И так наш современный мир, в котором добро пассивно и только зло активно, катится, пьяно спотыкаясь к разрушению. На мгновения люди видят пропасть, но вскоре интоксикация иррациональными сантиментами вновь закрывает им глаза. Всем, кто не отравлен этими низменными эмоциями, опасность очевидна. И национализм — это основной двигатель, толкающий нашу цивилизацию к гибели»
> «Наш мир — сумасшедший мир. Уже с 1914 года он перестал быть конструктивным, потому что люди перестали слушаться своего интеллекта в создании международного сотрудничества, но настаивали в разделении человечества на враждебные группы. Этим коллективным провалом в использовании человеческого интеллекта, функцией которого является самосохранение, мы обязаны в основном нездоровым и деструктивным импульсам, которые спрятаны в бессознательном тех людей, кто получил нездоровое воспитание в детстве и юношестве. Несмотря на постоянно растущие возможности техники и производства мы напротив все больше беднеем. Несмотря на то, что мы знаем об ужасах, которые принесет следу-

> ющая война, мы продолжаем культивировать в молодежи те сантименты, которые сделают эту войну неизбежной. Несмотря на науку, мы препятствуем развитию рационального мышления. Несмотря на растущую власть человека над природой, большинство людей чувствуют себя более безнадежными и немощными нежели люди средних веков. Источник всего этого безобразия находится не во внешнем мире, и даже не в нашем сознании, поскольку мы знаем больше, чем люди когда-либо знали. Он находится в наших страстях; в наших эмоциональных привычках; в сантиментах, которые нам внушили в детстве, и в фобиях, проникших в нас в младенчестве. Лечение наших проблем в том, чтобы вернуть людям психическое здоровье, а для этого им необходимо давать здоровое образование. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели ведут к социальной катастрофе. Можно ли удивляться что мир, в котором силы государства направлены на то, чтобы воспитывать в молодежи невменяемость, тупость, готовность к человекоубийству, экономическую несправедливость и жестокость — можно ли удивляться, я спрашиваю, что такой мир не есть счастливый мир? Следует ли осуждать человека как аморального и подрывного только потому, что он желает заменить эти элементы в моральном воспитании сегодняшнего мира на интеллектуальность, вменяемость, доброту и чувство справедливости?»

А. Эйнштейн

> «Почему человек открыл атом, но не научился контролировать атомную энергию? Очень просто друг мой: потому что политика сложнее физики».
> «Я убежден, что проблема установления мира во всем мире может быть решена лишь применением метода Ганди в широком масштабе. Мои взгляды почти полностью тождественны взглядам Ганди. Однако я предпочитаю насильственное сопротивление (как индивидуальное, так и коллективное) попыткам убить меня или отнять у меня или моего народа средства к существованию. Я пацифист, убежденный, но не абсолютный. Это значит, что против использования силы при всех обстоятельствах, кроме столкновения с врагом, жаждущим уничтожения жизни как самоцели»

Институт прав человека учеников доктора Бене занимался не только популяризацией теории психической энергии и доказательством истинности естественного права. Он начинал активную политическую деятельность через утверждение разделения

научного и юридического контролей посредством так называемого «параллельного голосования». Электронной платформой для такого голосования стал Сайт Института прав человека, основанный друзьями, а целью его было — создать возможность народной альтернативы принимаемых правительством законов. По каждому закону проводилось «народное параллельное голосование», которое пока имело только значение этического суда. Настоящее разделение научного и юридического контролей должно было подчинить национальные правовые системы контролю института прав человека. Однако, и этический суд имел свое мощное воздействие на общественное мнение и не был только временной мерой: он всегда будет частью института прав человека. Именно такой этический суд в свое время в движении сатьяграхов Ганди показал всему миру на что способна духовная энергия, и кто является реальной силой — народ или правительство. И теперь политическая и науная активность ребят стала привлекать к ним внимание спецслужб. Тем большее, чем большим успехом начинал пользоваться Международный институт прав человека, и теория психической энергии, на которой они основали его базу естественного права. Дело пахло очередным скандалом об «экстремистской организации». Как раз в это время доктор Леви-Финкель успешно прошел защиту диссертации об открытии психической энергии. Только это и спасло ребят от немедленного объявления организации экстремистской. Но тем менее вся деятельность повисла в воздухе.

ГЛАВА 21. ЧЕРДАК ШЕЛЛИНГА-ГЕЛЬДЕРЛИНА

Сатьяграхи тратили на свое дело немного и пока справлялись с финансированием собственными силами. А вскоре и ютюб-канал стал приносить неплохую прибыль. Все вкладывались понемногу, в итоге самая большая статья расходов — аренда и оборудование офиса была им по карману. Потом подобрали дешевое помещение на чердаке, которое заодно оказалось и очень живописным, с «лепотой» открывающихся видов

на Москву златоглавую. О чердаке сатьяграхов в клинике Бене знали все, кроме самого Бене и Тамрико, которая в последние годы занималась только близнецами сына. Светлана Алексеевна и Михаил Исаакович, Нина Александровна и Винцент Григорьевич — все вносили свои посильные вклады, и как могли поддерживали ребят. Саша отдавал часть своих заработков программиста, Мзия отдавала половину всего, что зарабатывала на концертах, а ее концерты пользовались возрастающей популярностью. Последние два месяца появился какой-то тайный воздыхатель, который после каждого выступления присылал корзинку роскошных цветов с поздравительной открыткой. Даже Борис Тополев с энтузиазмом вкладывался в благородное дело сатьяграхов. Андрей и Верочка старались выделить часть доходов, но друзья им не позволяли: трое малышей требовали много внимания. К тому же мама Андрея тяжело болела последние два года, окруженная заботами Верочки. Они прекрасно поладили.

Дело, после которого сатьяграхи доктора Бене получили широкую известность в Москве, было делом экспериментов Стенли Милграма. Во всем мире ставили эти эксперименты на «Подчинение авторитету», и только в России о них никто не слышал. Ребята решили исправить это недоразумение.

Суть эксперимента очень проста. «Ученые авторитеты» приглашают людей по объявлению и говорят им, что они должны добровольно участвовать в эксперименте. Это настоящие ученые (Стенли Милграм — ученый Йельского университета, очень авторитетного научного института в Америке), но проверяют они как люди реагируют на приказы «авторитетов»: в данном случае ученых, но это не самый большой авторитет в современном мире, только в развитых странах наука имеет авторитет, в остальных наибольший авторитет — у денег и силовых институтов государства. Ученые проверяют реакцию на «авторитет», в данном случае, авторитет ученых — это авторитет государственного научного института. Это весь авторитет, который есть в распоряжении Йельских профессоров для эксперимента.

Они изначально обманывают приглашенных об их роли в эксперименте: им говорят, что они будут испытывать «учеников», на самом деле настоящими испытуемыми будут они сами. Их готовность подчиняться приказам авторитетов вопреки своей совести. «Ученые авторитеты» дают приказ наносить «ученикам», которые допускают «ошибки» удары током, причем за каждую следующую ошибку еще больше разряд тока, до самых опасных для жизни уровней. Если «учителя» начинают сопротивляться таким приказам, и говорить что «ученики» кричат и просят их пощадить, что они могут умереть или остаться инвалидами, «ученые авторитеты» продолжают настаивать“: „Эксперимент требует, чтобы вы продолжали! «Эксперимент требует, чтобы продолжали! Продолжайте, пожалуйста!». Суть в том, что никто не угрожал «учителям» ничем кроме приказа «ученых авторитетов»: они не знали, что никто не накажет их если они откажутся от эксперимента, что они вольны встать и уйти, но они не отказались! 70 процентов довели удары токов до самых высоких уровней, как бы не кричали «ученики», и как бы не просили о помощи, потому что просто не посмели отказать приказу авторитета! При том что «ученые» — не самые большие авторитеты в современном мире.

На самом деле никаких «учеников» и никакого тока нет: вместо настоящего устройства с передачей тока — бутафория с имитацией рычагов, так что испытуемые думают, что они дают удары тока «ученикам». Вместо «учеников» актеры, которые специально делают ошибки, они сидят в другой комнате, и кричат, когда «учителя» бьют их током. «Учителя» думают, что испытывают «учеников», на самом деле эксперимент протоколирует их поведение. Смысл в том, чтобы проверить, как далеко зайдут «учителя» подчиняясь приказам ученых, которые пригласили их на эксперимент, в нанесении ударов током невинным и беззащитным людям. «Учителя» и есть настоящие испытуемые, хоть они думают, что проверяют обучаемость «учеников» — нанятых актеров.

Милграм приходит к выводу, что гитлеровские заводы смерти, в которые постоянно звучали приказы «авторитетов чинов-

ников» против совести исполнителям таких массовых убийств работали именно по этой схеме: никто не жаждал убийства, это не было актом садизма, это был обнаруженный им механизм неспособности отказать «авторитету». Оставалось понять, что такое «авторитет» для людей, и почему этот механизм психики противоположен другой силе — совести. Людей раздирали два противоречивых чувства: совесть требовала прекращения эксперимента (и 30 процентов подчинились совести, просто отказавшись дальше сотрудничать), а тщеславие и страх стыда — требовали продолжать эксперимент, чтобы не опозорится перед «авторитетом». Почему в человеке две противоположные силы, недоумевает Милграм. Так Милграм обнаруживает два силовых поля психики: поле совести истинного Я и поле тщеславия Эго-системы.

Эрих Фромм называл эти две силы — авторитарной совестью и гуманистической совестью; Карен Хорни говорила о центральном личностном конфликте.

Стенли Милграм «Подчинение авторитету»:

> «Как мы должны интерпретировать факт обнаружения нервного напряжения? Во-первых, это указывает на присутствие конфликта. Если бы тенденция соглашаться с властью была единственной психической силой, действующей в этой ситуации, все испытуемые довели бы эксперимент до конца, и не было бы никакого напряжения. Напряжение, как принято считать, происходит от одновременного присутствия двух или больших несовместимых реакций. Если бы сочувствие жертве было единственной силой, все испытуемые спокойно отказались бы повиноваться экспериментатору. Вместо этого, наличествовали обе тенденции — и послушаться и отказаться от выполнения приказа, часто сопровождаемые крайним нервным напряжением. Конфликт развивается между глубоко укоренившейся предрасположенностью не причинять вреда другим и равно принудительной тенденцией подчиняться представителям власти. Испытуемый тотчас же оказывается перед дилеммой, и наличие сильного напряжения, говорит о значительной мощности каждого из антагонистичных векторов»
>
> «Хотя человек, работающий под влиянием авторитета, кажется нарушающим принципы своей совести, не будет правильным сказать, что

> он теряет свое моральное чувство. Вместо этого, моральное чувство приобретает радикально другой фокус. **Он не реагирует моральной сентиментальностью на свои действия. Скорее, его моральное чувство занято теперь вычислениями того, насколько здорово он справляется с ожиданиями уполномоченного властью лица. Во время войны солдат не спрашивает хорошо или плохо бомбардировка села; он не чувствует вины или стыда разрушая деревню: скорее он чувствует гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо он выполнил миссию, порученную ему»**

Милграма шокировали результаты эксперименты — 70 процентов довели удары током до самого высокого уровня, даже когда «ученики» (актеры) кричали от боли в соседней комнате, говорили, что у них больное сердце, и умоляли прекратить эксперимент (а иногда замолкали и уже не отвечали, словно с ними что-то случилось). При этом сами испытуемые очень нервничали, хотели и не могли остановить эксперимент, просто из чувства неловкости и страха перед «авторитетом ученого» который их пригласил. Им не угрожали ни физически, ни социально, — единственный дискомфорт был в том, чтобы сказать авторитету — я не буду выполнять ваш дурацкий эксперимент, человеку больно, и я не хочу дальше продолжать. Только тридцать процентов испытуемых у Миилграма смогли дать такой ответ ученым Йеля (где шел эксперимент). Остальные 70 процентов довели эксперимент до конца, продолжая следовать приказам авторитетов даже под угрозой смерти «учеников». Милграм писал в монографии, где подытожил выводы, что самая главная находка — это две противонаправленные силы в психике, что выдавало сильное напряжение испытуемых: они хотели остановить эксперимент и не могли. Словно было два силовых поля их деятельности: одно — совесть, сочувствие, а другое — тщеславие и стыд, желание выслужиться перед авторитетом, страх перед ним «опозорится». Фромм давно назвал эти два поля «гуманистической» и «авторитарной» совестью. Милграм писал, что этот важный обнаруженный эмпирическим путем механизм, еще предстоит объяснить.

Теория психической энергии объяснила этот обнаруженный Милграмом в тысячах экспериментов механизм (после Милграма его провели многие университета мира): две противоположные силы, которые раздирали волю испытуемых в разных направлениях — это два силовых поля психики, образованных физическим контролем сохранения силы психики (поле Эгосистемы) и интеллектуальным контролем сохранения силы психики (поле интеллекта). Теперь ребята пытались провести такие эксперименты на подчинение авторитету уже на базе теории психической энергии Леви-Финкеля. Это было важно и для доказательства базовой теории, и для доказательства основного вывода для политической теории: законы общества устанавливает не государство, они установлены природой. Бездумное подчинение авторитету — это болезнь, и она лечится образованием; здоровая совесть не боится авторитетов, а принимает взвешенные самостоятельные решения. Уже полгода эксперимент шел с неизменным успехом, если считать успехом предсказанную Милграмом статистику. Результаты эксперимента даже превзошли их ожидания: только каждый восьмой находил в себе силы отказать приказам «ученых авторитетов» наносить удары током «ученикам». В качестве «авторитетов ученых» работали врачи из клиники доктора Бене: Светлана Алексеевна, Миша Михельсон, Нина Александровна и Винцент Петров, ее муж. Ребята сами выступали в качестве актеров, изображали из себя учеников, которые получали за ошибки разряды тока в соседней комнате; кричали и просили прекратить эксперимент. Эксперименты Милграма, проводимые сатьяграхами доктора Бене, наделали много шума в Москве. О сатьяграхах и теории психической энергии стали много говорить. Тогда же, офис сатьяграхов получил название Чердак Шеллинга-Гельдерлина с легкой руки самих ребят, придумавших это название для домашнего обихода.

Шум вокруг экспериментов Милграма, проводимых «чердаком сатьяграхов», вскоре дал и свои первые следствия в виде интереса спецслужб.

— Будьте осторожны, они работают провокациями! — предупредил ребят Миша Михельсон. — Я говорю по своему опыту. В советское время у нас был свой интеллигентный клуб, где было несколько евреев, так меня пригласили в органы и официально попросили стать языком. Мы, говорит, в благодарность отпустим вас в Израиль, как только разоблачим смутьянов. Я не стал таким провокатором, а многие соглашаются и за гораздо меньшую цену.

Провокатора не пришлось долго ждать. Как то ребята дожидались у подъезда машину Мзии: она звонила, что едет с Машей с концерта, и просила подождать минут десять. Подниматься было трудно, 15 этажей на лифте, открывать и закрывать замок на железных дверях, ведущих на чердачную зону, потом два или три лестничных пролета: всегда было веселее сделать это нелегкое дело вместе. Как к ним подошел спортивный парень в сдвинутой на глаза кепке. Он изобразил такого ходульного либерала и «рви тельняшку» оппозиционера-фрондера, что ребятам поневоле стало смешно.

— Чуваки, здорова! Это вы что ли чердак знаменитый? Будем знакомы, либерал и крутой забияка, Стасик Белый. Даже не верю, что, наконец, вас в живую вижу.

— Мы, — сказал Андрей, усмехнувшись, — чем мы можем вам помочь?

— Я так же как вы ненавижу режим. Я за революцию и смену режима. Сдохли бы они все, иначе нам нет свободы, нет нам жизни простому народу. Чем смогу помогу. Не зассу, обещаю, чуваки. Сколько раз меня в кутузку забирали.

— Революцию? Мы за эволюцию, товарищ. Время революция прошло. Мы никого не ненавидим, — Андрей не умел становится спокойнее при виде опасности, как делал доктор Бене, он напротив начинал очевидно нервничать, — мы ученые и доказываем значимость естественного права. Мы боремся за международный институт прав человека.

— И что, вы будете сотрудничать с этими падлами, если они согласятся на ваш институт прав человека?

— Послушай, молодой человек, — сказал, выходя вперед Миша Михельсон, — «ты сер, а я приятель сед», и помню чем заканчивалась такая борьба еще с советских времен. Пока не пришел Горбачев, и с самого верху не отменил всю систему, таких как ты борцов просто танками давили. А мы помочь хотим. Если пишешь где-нибудь мои слова, запиши и для либералов и для консерваторов. Мы рассказываем про преступные законы, а судит — народ, голосованием. Мы не судьи, и не прокуроры. И если власть станет сотрудничать в том, чтобы уступить часть своей власти народу, чтобы отказаться от государственного суверенитета в пользу народа — судить власть будет народ, а не мы. Записал?

— Пургу гонишь, чувачок. Это не борьба, туфта какая-то. Да вы что мне не верите?

— Эх ты, век свободы не видать. Переигрываешь, азазело.

В тот вечер, отправив провокатора восвояси, ребята вспоминали то место из «Записок революционера» П. Кропоткина, где он рассказывает, как смешно им было, когда в их кружок Чайковского пытались втереться шпионы: «Каждый революционер встречает на своем пути известное число шпионов и агентов-провокаторов. Я тоже сподобился этого добра. Все правительства тратят значительные деньги на содержание этих гадин, но, в сущности, они опасны только для зеленой молодежи. Кто знает немного жизнь и людей, быстро научается узнавать этот сорт людей: что-то такое есть в этих людях, что заставляет сразу быть настороже. Вербуются они из подонков общества — из людей, нравственный уровень которых очень низок. Откровенность во взаимных отношениях — лучшее средство для установления хороших отношении между людьми, в подобном же случае она неоценима. Но шпионам по той или другой причине никогда не удавалось вкрасться к нам в дружбу. Шпион может назвать общих знакомых, он может дать самый лучший отчет подчас даже верный, о своем прошлом в России он может в совершенстве усвоить наши манеры и жаргон, но он никогда не может освоить нашей этики, создавшейся среди русской молодежи. И это одно

держало его вдали от нашей колонии. Шпионы могут притворяться во всем, но только не в этих правилах нравственности».

— Это настоящий самоактуал Маслоу, — сказал Александр Тополев. — Во-первых, он был большим ученым географического общества, и пишет в тех же записках, что наука сама себе стимул и что большего наслаждения, чем делать открытия не может быть. Во-вторых, как все самоактуалы — на первом месте у него совесть и человечность, и он идет против государства, в котором порочные законы, жестокость и хаос. Наконец, это кружок Чайковского — настоящая дружба самоактуалов: все близкие люди, круг людей, куда не втереться людям аморальным, лицемерам и манипуляторам.

Они всегда горячо обсуждали вопрос о принадлежности того или иного мыслителя, художника, общественного деятеля к самоактуалам Маслоу, стихийно продолжая это гениальное исследование ученого. Они уже значительно удлинили его список таким образом: Кропоткина там ждали Герцен и Рассел, Толстой и Прудон, Чернышевский и Ренан и многие другие. В конечном итоге, они стали называть свой чердак «чердаком самоактуалов» чаще, чем чердаком сатьграхов.

Примерно в это время Мзия написала статью «Убийство Цезаря: auctoritas и potestas», и подписала как обычно анонимным «чердак сатьяграхов». Она рассказывала в статье, что величие всей античности, от греческих полисов до римской цивитас, составляло разделение законодательной и исполнительной власти, которое у римлян получило название auctoritas и potestas. Что сам Цезарь был прекрасен, и милосерден и великодушен, и искренне желал помочь своими реформами, устранить хаос, в который впадала поздняя республика. Но он сделал большую ошибку, делала вывод Мзия. Он отнял у античных граждан то, что составляло самую сущность их самосознания, их достоинства и свободы — auctoritas и potestas, разделение законодательной и исполнительной власти. Он объявил себя царем, самостоятельно принимающим решения, без делегирования власти принимать законы народу, разрушив тем самым многовековую

культуру свободных государств. Сам он возможно не злоупотребил бы этой властью, будучи просвещенным и светлым человеком, но институт царства, который он создавал этим шагом, был гигантским шагом назад, в темное прошлое восточных деспотий. Двадцать два удара ножом, поразившие Цезаря — результат его собственной грубой ошибки. И тем не менее, это такая же трагедия древности как казнь Сократа. Цицерон, который как подобает настоящему римскому мужу, до последнего вздоха защищал auctoritas и potestas республики, его друг Катон, который лишил себя жизни узнав о победе Цезаря — все это акты той великий трагедии, которая продолжается до сих пор. Борьбы за разделение законодательной и исполнительной власти в обществе. Цицерон поможет утвердиться власти Августа, а тот вероломно позволит Антонию казнить великого философа и республиканца. Голову и руки Цицерона выставят на форму, где Цицерон столько раз блистал. А жена Антония, будет издеваться над этой головой, втыкая булавки в язык великого гуманиста и просто отважного человека. Август учтет ошибку Цезаря, он больше никогда не посмеет говорить, что отнимает у народа законодательную власть, восстановит сенат и назовет себя только «первым из равных». И эта мудрость сделает его правление долгим, а Рим простоит еще несколько столетий, так что увидит золотой век Антонинов, великих государей, которые сделают культ из auctoritas и potestas, свято чтя разделение законодательной и исполнительной власти, привлекая ученых философов на государственные должности, и ставя законы природы превыше всего. Тогда поднимется и расцветет Римское право, основанное на естественном праве. Величие этого золотого века закончится трагикомическим фарсом: убийством Коммода, сына великого императора, превратившегося в заурядного убийцу. Собаке — собачья смерть, в его убийстве не будет ничего трагического, тогда как убийство Цезаря остается трагедией. Коммод и ему подобные клоуны, отнимут у народа auctoritas и potestas, и этим подпишут себе приговор. Почему упал Рим? Потому что, такие клоуны как Нерон и Коммод лишили его auctoritas и potestas.

Почему он еще продержался несколько столетий после убийства Цезаря? Потому что Август, Антонины, Юлиан, Аврелий, Феодосий возвращали народу auctoritas и potestas. Почему победила католическая церковь при падении Рима? Потому что она заменила народу auctoritas и potestas, которого больше не могла обеспечить деградировавшая политическая система Рима. Так Мзия заканчивала очередную статью «чердака сатьяграхов».

Ответ пришел, откуда не ждали. Сам министр образования, Сырдонов Олег Маратович, обрушивался на «чердак нищих сатьяграхов», обвиняя их в невежестве и подтасовке исторических фактов. «Цицерон — злостный провокатор и предатель родины, как и его друг Катон, — писал в ответ министр образования, — о чем чердак нищих сатьяграхов намеренно умалчивает. Цезарь великий реформатор и государственник своего времени, который понимал всю нелепость „народного суверенитета". Он первым утвердил государственный суверенитет в лице суверена-правителя, чтобы спасти тем самым государство! Власть от бога, а божественным героем не может быть народ, героями становятся единицы, великие люди. И Коммод, и Нерон и все другие такие же великие императоры, как Цезарь, властители от бога, и их убийство такое же преступление против бога, как любое преступление против власти. Цезарь спас Рим от развала, когда заменил республику на империю, и все императоры Рима — великие патриоты своего государства, истинные цезари, спасители отечества. Кодекс Юстиниана не знает никакого естественного права в римском праве, зато знает царский закон: „Твоя воля есть закон", „Бог подчинил императору законы, посылая его людям, как одушевленный закон". Вот что говорит Юстинианов кодекс на самом деле. Разделение законодательной и исполнительной власти погубило всю античность, погубило Грецию также, как и Рим, а соединение власти в лице помазанника Божья — дало новую жизнь империи. Католическая церковь не потому победила, что укрепила разделение властей, а потому что соединила власть в лице помазанника божьего. И первым, кто поставил власть „божьей волей" христианских императоров над

народной властью — был император Юстиниан! Вот как далеко заходит вранье так называемых сатьяграхов, хвастающих нищетой поэтов на своих убогих чердаках. И Цицерон не знал ничего ни о каком естественном праве и разделении научного и юридического контролей — новая нелепость, которой хотят затушевать старую нелепость разделения законодательной и исполнительной власти. Самая нелепая выдумка античности разделение властей и народный суверенитет, и античность поплатилась за нее своим уничтожением. Церковь спасла государство вовремя поставив на место народного суверенитета помазанников божьих, а Новое время дало верную юридическую концепцию государственного суверенитета национальных государств. Против этой очевидной истины и выступили провокаторы со своего затхлого чердака, чтобы совратить народ смешной идее народного суверенитета. Выступили против нации и исконных народных традиций! За марксистский универсализм и революцию ленинских террористов! Они ненавидят власть, потому что власть охраняет народность, их конечная цель — революция и террор, даже если они прикрывают себя мирными целями каких то замков на песке, вроде „международных институтов прав человека“ и нелепых „разделений научного и юридического контролей“. Институт прав человека издох сам, доказав свою несостоятельность. А научный и юридический контроль — фикция, которой никогда не было в природе».

— Ай да министр, ай да молодец, — хохотал до слез Петров, читая вслух статью. — Так вам несмышленышам малолетним надо! С министрами тягаться вздумали! Я вот удивляюсь, как он все эти имена исторических деятель выговорил. Что не читал сам, и тем более статей сам не пишет, это я уверен. Ну, господа нищие с затхлого чердака, как отвечать будем министру?

— Да он примерно наш ровесник, ему до сорока, и он уже пять лет министр, сынок чей-то. Синекура, как всегда. Мзия писала, она пусть и отвечает. Это ее тема. — пожал плечами Андрей. — Согласен, писал не он. Видимо, они решили всерьез за нас взяться. Революционерами и террористами уже называют.

И того шпика помните? «Крутого забияку», готового хоть сейчас с гранатой на правительство? Вот какой они курс взяли. Там провалились с провокацией, теперь здесь провоцируют. Ответ должен быть максимально взвешенным, и главное хорошо исторически аргументированным.

Мзия приехала вечером с сестренкой Машей, которой стукнуло к тому времени 12 лет. Иногда, когда Маше удавалось отпроситься у родителей, она приходила на чердак с сестрой. Она любила сидеть на Чердаке с сатьяграхами, слушать их смешные споры, смотреть, как рисует Саша, и расчесывать длинные рыжие волосы Верочки. Миша Михельсон о чем-то горячо спорил с Андреем Орловым, что случалось очень часто.

— Саша, я расчешу волосы Верочке? — спросил ребенок заискивающе. Вера позировала Саше уже целых два месяца. Уговаривали ее всем чердаком. Она отказывалась и ничего не хотела слушать. Пока Борис Тополев, который подал идею создать портрет Веры, не сказал ей с трагическим вздохом: «Вы были моей последней надеждой, Вера. Он похоронил талант великого художника. Мне до него далеко. Я его учил рисовать, я знаю». Тогда Вера задумалась, а потом вдруг села позировать Саше. Если не считать ее взгляды, которые сильно изменились с тех пор, как она бедной провинциалкой пришла в клинику доктора Бене, Вера оставалось тем же прекрасным ангелом, вдохновлявшим всех своей добротой и самоотверженностью. Она, как обещала, прочитала все умные книги мужа, и знала теорию доктора Бене не хуже своих коллег. Решение стать частью чердака сатьяграхов она принимала самостоятельно, как и все свои решения.

— Нет, заяц, — ответила ей Вера, — после сеанса, а то у Саши еще двоиться в глазах начнет, и мы испортим всю грандиозность задуманного полотна. — Она не уставала шутить над своим портретом, которым все уже восхищались. Посмеивались только над Сашиным мастерством, единственным преданным поклонником которого пока оставался только его отец, Борис Тополев.

— Вот тебе еще корзина цветов для натюрморта, Саша. Мзия сказала тебе отдать, опять ее ухажер прислал. И открытку с по-

здравлениями: «волшебной фее музыки за неземное наслаждение, которое дарит ваше искусство»! Ха-ха-ха, Мзия! Как вам?

— Цветы дорогие, но безвкусные, как и открытка. Жаль, что нельзя назад отослать, там нет обратного адреса. Или тебе интересно кто кавалер? — спросил Саша с отсутствующим видом. Они все делали вид, что это личное дело Мзии, но в глубине души очень тревожились. Мзия всегда была и оставалась для них женой Бенедикта Яковлевича, и никому не нравился такой поворот событий.

Мзия не слушала лепета сестры, заинтересовавшись напряженно спорившими о ее статье Орловым и Михельсоном.

— Вот спорят опять, — засмеялась Верочка. — А когда мы вместе ездили в Израиль и они там также рассорились, Миша мне говорит: теперь главное, чтобы Андрей не пришел с отрезанным ухом, как Ван Гог после ссоры с Гогеном, представляешь? Как же я испугалась тогда, ни на шаг от них больше не отходила. Миша даже назвал меня мегерой, терроризируешь мужа, говорит.

— Чердак Шеллинга-Гельдерлина, — сказала Мзия. -Так, пожалуй, тоже подойдет. Поэт Шеллинга ведь живет на чердаке в «Ночных бдениях». Вот смотрите: «Я был рад увидеть высоко над городом в тесноте вольного чердачного пристанища одинокий тусклый огонек. Я-то знал, кто там царил в вышине; это был поэт неудачник, бодрствовавший в ночи. Я еще раз глянул наверх и увидел на стене его тень; он принял трагическую позу, запустив одну руку себе в волосы (другой рукой держал он листок, вероятно прочитывая с него свое бессмертие)». — засмеялась Мзия, прислушиваясь к их спору.

— На чердаке начинали все бедные поэты, возразил Андрей. — Бальзак и Золя, например. Или Мария Кюрри. Согласен, «Чердак Шеллинга-Гельдерлина» есть в этой метафоре и нотка трагизма, и признание дружбы великих людей, и ода смеху, которая звучит у Шеллинга, и наконец, идея всемирного государства, естественного права и прав человека, которые следовали из философии Шеллинга.

— Шеллинг должен быть признан самоактуалом единогласно, — сказала Светлана Алексеевна, заехавшая на чердак после работы, прямо перед приходом Мзии. — Я готова прочесть вам лекцию о теории самоактуалов Маслоу, чтобы у вас не было сомнений.

ГЛАВА 22. ЧЕРДАК САМОАКТУАЛОВ

Андрей показал Мзии ответ министра на ее статью. Они спорили с Михельсоном о тактике и стратегии ответа. Мзия прочла статью и сделала те же выводы, что Андрей.

— Да, это попытка морально уничтожить перед физическим нападением. Потому министру поручили, они давно знают про «подчинение авторитетам», и наши эксперименты им только бельмо на глазу. Если мы не сможем дать достойный ответ, следующим их жестом будет не разгромная статья, а разгром нашего чердака.

На следующий день ответ министру образования был готов и вывешен на официальном сайте чердака сатьяграхов, или чердака самоактуалов, как они еще сами себя называли.

Статья называлась «Естественное право и разделение научного и юридического контролей».

Мзия начала с саркастических замечаний о современных министрах, которые так стараются выступить «авторитетами», что забывают оставаться просто людьми. Она дала краткую историю понятия «авторитета» в психологии, где показала, что это не более и не менее как «загрузки СуперЭго» по выражению Фрейда, то есть отражение людей как сверхъестественных сил в кривом зеркале поля Эгосистемы. «Если Дюркгейм сравнивает тотемы аборигенов с авторитетами людей, чтобы доказать рациональность аборигенов, то мы сраниваем эти два феномена с противоположной целью: чтобы доказать нелепость современного поклонения обожествляемым авторитетам, — писала Мзия. — Действительно, это схожие феномены, Дюркгейм в этом прав, и это только значит, что современные люди мало продви-

нулись со времен аборигенов для которых „загрузками СуперЭго“ была обожествляемая в тотемах природа, а для современных людей социальный мир в виде авторитетов. Милграм показал обществу всю опасность этого поклонения авторитетам в своих знаменитых экспериментах. Мы, чердак самоактуалов, довели эти эксперименты до сознания российского народа. И за это нас называют революционерами и бунтарями. Если заниматься наукой — это революция, то что же такое эволюция, спрашиваем мы вас?» Дальше она писала о том, что сравнение с марксизмом такая же ложь и провокация, поскольку естественное право не имеет ничего общего с экономизмом Маркса: Маркс восставал и против естественного права, и против психологии, как основы естественного права и против самой идеи прав человека.

Карл Поппер, который тоже против естественного права, хвалит Маркса за его анти-психологизм в «Открытое общество и его враги»:

> «Милль считал, что изучение общества, в конечном счете, должно быть сводимо к психологии, а законы исторического развития должны быть объяснимы в терминах *человеческой природы*, „законов психики“ и, в частности, законов ее прогрессивного развития. Милль, как мы установили, верил в психологизм. Маркс бросил ему решительный вызов. „Правовые отношения, — утверждал он, — так же точно как и формы государства, не могут быть поняты… из так называемого общего развития человеческого духа…“ Глубокое сомнение в психологизме — это, пожалуй, величайшее достижение Маркса как социолога»

«Министр образования врет, называя нас марксистами, — заключает Мзия, — естественное право — это социализм духа, что в полной мере выразили работы Огюста Конта и Джона Милля, и естественное право не имеет ничего общего ни с государственной собственностью, ни с диктатурой пролетариата. Маркс утверждал государственный суверенитет мы, вместе с позитивистами, его отрицаем.

Огюст Конт «Система позитивной политики»:

> «Все науки следует рассматривать как части этики; заниматься ими следует имея ввиду эту последнюю, так что каждая отдельная наука

> рассматривается как подготовительная по отношению к ближайшей, более сложной, пока с этикой, заключительной наукой, мы не достигаем цели. Человечество предназначено к тому, чтобы разрешить великую проблему человеческой жизни, а именно обеспечить преобладание альтруизма над эгоизмом; такая задача может быть решена в действительности: назначение наше постоянно влечет нас к осуществлению вышеуказанного преобладания; его реализация никогда не будет достигнута, но служит наилучшим мерилом постоянного прогресса человечества»

П. Кропоткин «Этика»:

> «Этика, говорит Конт, создается на почве истории. Существует естественная эволюция, и эта эволюция есть прогресс, торжество человеческих особенностей над животными особенностями, торжество человека над животными. Высший нравственный закон заключается в том, что личность должна поставить на второе место свои эгоистические интересы, высшие обязанности — социальные обязанности. Таким образом, основой этики должен служить интерес человеческого рода, человечества — этого великого существа, которого каждый из нас составляет лишь атом, живущий одно мгновение и тотчас же погибающий, чтобы передать жизнь другим индивидуумам»

Что же касается теории естественного права в Римском праве и в разделении властей католической церкви об этом лучше нас скажут известные ученые. Кодекс Юстиниана действительно включил в себя многие бредовые идеи самого імператоры, не могло быть иначе, он составлял его для себя. Гиббон пишет, что Трибониан, которому было поручено составить кодекс «безнадежно его испортил» Ренан замечает то же самое. Само же римское право и его связь с естественным правом философии Платона и стоиков не стало хуже и меньше:

Э. Ренан «Марк Аврелий и конец античного мира»:

> «Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь которого, по неведению, присваивается компиляторам Юстиниана; но которое в действительности, было делом великих императоров 2 века., превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами 3 века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, чем христианству, но в известном смысле более прочное. Вы-

> тесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом вырождающегося мира и при небольшом изменении сделается законом новейших народов. Этим то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во 2 веке преобразовать мир и как казалось, испытавшая полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Севера они стали впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период».

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божием»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положитель-

ных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

Наконец, нас критикует за то, что мы якобы сами изобрели понятия разделения научного и юридического контролей, осно-

ванное на естественном праве законов природы. Извольте выслушать на сей счет господ Цицерона, Спенсера, Прудона:

Цицерон «О законах»:

> «Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу... И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей... И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «Хотя они этого и не высказывают, но, по смыслу своего учения, они вместе с Архелаем признают, что в сущности ничто не может быть правым или неправым — только чрез посредство решения государства оно делается тем или другим. Если верить им, то от правительства зависит определение, в чем должна заключаться нравственность, а не от нравственности, в чем должно заключаться управление. их дельфийский оракул — палата общин. Руководствуясь их понятиями, можно подумать, что люди живут и двигаются,

> и даже обязаны своим существованием исключительно законодательным дозволениям. Право человека делать то или другое не есть естественное право, а предоставленное ему право. Вопрос о том, имеет ли гражданин право на произведение своих рук, может быть решен только парламентским большинством. Если большинство выскажется утвердительно, то он получит это право, если отрицательно, то нет... Вот каким образом произошло учение об утилитарной идее правительства. Это самое последнее и самое утонченное проявление наклонности восхвалять государство за счет личности. Были написаны книги, чтобы доказать, что государи — безусловный закон для своих подданных: поставьте на место слова „государь" слово „законодательство", и вы будете иметь утилитарное учение. Оно только заменяет божественное право королей — божественным правом правительств. Это демократизированный деспотизм. Это среднее между старинным восточным взглядом, на основании которого граждане считались частной собственностью правителя и вовсе не имели никаких прав, и окончательным положением общества, где права будут вполне признаны и будут считаться неприкосновенными. Тут за гражданами признаются права, но только с разрешения парламента. Таким путем указывается естественное место для утилитарной философии — это явление, сопровождающее наш прогресс, от прошедшего рабства к будущей свободе»

Ж. Прудон «Что такое собственность»:

> «Но что же, наконец, такое суверенность? Это, говорят, есть власть издавать законы. Вот вам новый абсурд, позаимствованный у деспотизма. Что же, спрашивается, революционизировала так называемая революция? Путем приобретения знаний и понятий человек доходит до понятия науки, т. е. системы знаний соответствующей действительности и выведенной из опыта и наблюдений. Человек стремится открыть науку или систему неорганических тел, систему тел органических, систему человеческого духа, систему мира; может ли он не стремиться к открытию системы общества? Достигнув этого предела, человек узнает, что политическая истина или политическая наука совершенно независима от воли суверена, от мнения большинства и народных верований, что короли, министры, администрации и народы, как носители воли, для науки ничто и не заслуживают никакого внимания. Он начинает понимать, что истинным его вождем и королем является доказанная истина, что политика есть наука, а не хитрость и что функции законодателя в конечном счете сводятся к методическому исследованию истины. И так во всяком данном

> обществе власть человека над человеком обратно пропорциональна интеллектуальному развитию, достигнутому обществом, и вероятная продолжительность этой власти может быть определена сообразно с более или менее общим стремлением к истинному правительству, т. е. правительству, опирающемуся на данные науки».

Г. Уеллс «Люди как боги»:

> «– Мои книги учат меня, что другим путем наше государство не могло бы и возникнуть. Нельзя было обойтись без всех этих профессиональных посредников между людьми: политиков, юристов — это был неизбежный этап в политическом и социальном развитии. Так же, как нужны были солдаты и полиция, чтобы удерживать людей от насилия друг над другом. Правда, потребовалось много времени, чтобы и политики и юристы поняли, что даже для их деятельности нужны какие-то знания. Политики проводили на карте границы, не имея элементарных знаний в этнологии и экономической географии, юристы решали вопросы о человеческой воле и намерениях, *не смысля ничего в психологии*. Они с серьезным видом вырабатывали нелепые, ни к чему не пригодные правила и законы»

На закуску г-ну министру цитата из Герцена «С того берега» о том, как опасно увлекаться авторитетами в «курульных министерских креслах»:

> «Если бы люди смотрели друг на друга как они смотрят на природу, смеясь сошли бы они со своих пьедесталей и курильных кресел. Не будет миру свободы пока все религиозное политическое не превратиться в человеческое простое подлежащее критике и отрицанию. Пора человеку потребовать к суду: республику, законодательство, представительство, все понятия о гражданине и его отношениях к другим и к государству».

Успех статьи был колоссальным. Над министром потешались все, кто только мог. Количество просмотров видеороликов с экспериментами Милграма набирало рекордные цифры. Понятие «авторитет» склоняли на все лады. В этот вечер все было как обычно. Миша Михельсон и Андрей спорили о происхождении слова «Палестина». Орлов утверждал, что оно берет начало в слове «филистимляне», Михельсон категорически не соглашался с этой версией. Они начали с правления Папы Сикста Чет-

вертого, утвердившего инквизицию Тарквемады, дошли до заговора Пацци, организованного Папой, о победе Лоренцо Медичи и о двух его потомках Папах Римских, потом говорили об антисемитизме Тарквемады, погубившего и выславшего сотни тысяч евреев из Испании, и оттуда плавно перешли к теме исконных земель евреев. Саша и Верочка спорили о принадлежности к самоактуалам Шеллинга и Гельдерлина.

Мзия вернулась с концерта совершенно разбитой, и уселась на диван пить чай.

— Ты сегодня без корзинки цветов, и даже без открытки, — пошутил Саша Топоплев.

— Может, инкогнито, наконец, оставил меня в покое, — устало вздохнула Мзия. — Статья имела большой успех. Мы уже говорили о Спенсере, Прудоне, Уеллсе, Цицероне как самоактуалах Маслоу? Их цитаты оказались решающими аргументами.

— Светлана Алексеевна обещала прочитать нам лекцию на тему. - сказал Андрей.

— Работа Маслоу о самоактуалах — гениальна, и как многое гениальное сегодня, не оценена по достоинству. Его имя связывают с самой незначительной его доктриной — теорией пирамиды потребностей: и не остроумной и неверной. Он сам пишет, что теория самоактуалов, которые часто «метапотребности» считают приоритетными перед биологическими — подрывает его теорию пирамиды. Что нам рассказал Маслоу в теории самоактуалов. Он открыл «синдром здорового человека», то есть систему характеристик личности, которые идут всегда в связке, и характеризуют здоровую личность. Он опровергает банальную ложь о «гении и злодействе». Среди его «подопечных» Спиноза, Эйнштейн, О. Хаксли, Брамс, Э. Рузвельт и многие другие, и он уверяет, что это люди самых высокий этических идеалов. Он подчеркивает: что мистика им несвойственна, так что внешне они часто нерелигиозны, но «практически» все в высшей степени религиозны, то есть этичны. Действительно, самоактуалы «не –эгоцентричны», они видят своей задачей «служение обществу или нескольким близким людям». Итак, Маслоу подчеркивает, что здоровье свя-

зано со снятием Эгозащиты, с нейтрализацией поля Эгосистемы, если говорить на языке теории психической энергии. Действительно поле интеллекта — его мощь и активность, — это ведущие характеристики личности самоактуалов. Они мыслят абстрактными категориями научного сознания: никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес, говорит Маслоу об этой способности обобщения. Вся их жизнь подчинения какой-то цели вне их личной жизни: они решают какую-то важную задачу, общественную или профессиональную. Это люди сильной воли, мощного интеллекта, чувствительной совести. Они лучше видят реальность и не обманывают себя. Пока все соответствует описанию здорового поля интеллекта, свободного от Эгозащиты. Это люди свободные от влияния своего традиционного окружения, никогда не конформисты, всегда принимают решения самостоятельно, их этика связана с совестью и разумом, а не с принятыми в данном обществе ценностями (они могут совпадать). Они умеют дружить лучше, чем другие люди. Они умеют любить лучше, чем обычные люди. Их отношения искренни, спонтанны, лишены ролей и масок, а главное полны философского юмора. Они любят одиночество и ни в ком не нуждаются, кроме своей работы. И при этом все равно умеют преданно и горячо любить и дружить, умеют быть близкими людьми, и при этом оставаться независимыми людьми. Невротики так не умеют: они либо явные аутисты, когда прячутся от всего мира (шизоиды со сломанным цикличным гомеостазом), либо скрытые аутисты, когда болезненно нуждаются в других (гомеостаз Самолюбия и Влюбленности). Оставаться независимыми, уметь любить одиночество и любить одновременно других людей — умеют только здоровые люди.

А. Маслоу «Мотивация личности»:

> «Самоактуализирующиеся люди, как правило занимаются интеллектуальной деятельностью; это ученные исследователи, поэтому можно утверждать, что главное в их случае — интеллектуальная мощь. За некоторыми исключениями можно утверждать, что эти люди озабоченны базовыми проблемами и вечными вопросами, которые

> принято называть этическими или философскими. Такие люди существуют обычно в максимально широкой системе координат. Образно говоря, они никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Они работают с универсальными жизненными ценностями, ориентируясь на долговременные, а не сиюминутные интересы. В известном смысле всех их можно считать философами, хотя и самоучками. История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея».

Этот «лес», который самоактуалы видят вместо деревьев, по выражению Маслоу, эта способность абстрагироваться от себя, от карьеры и личной жизни, эта концентрация на умственных задачах, на общественных проблемах, на службе обществу или решении профессиональных задач — это другое качество движения. Это линейное движение в пространстве интеллекта, которое свойственно и естественно для поля интеллекта, где «Я» — общее, а цель всегда достижение истины. Те вопросы, которые простым людям кажутся далекими от жизни абстракциями, для мыслителей — жизненно важные вопросы. Возьмите любой пример такой личности: Сократа, Цицерона, Фому Аквинского, Данте, Спинозу, Альберта Швейцера, Бартрана Рассела, Эйнштейна, Теслы, самого Маслоу? Любого из тех, кто посвящает жизнь искусству, науке, обществу, профессии (не карьере)? Что ими движет? Вульгарные материалисты говорят, что они обманывают себя и других, потому что им невыносима мысль, что есть люди, для которых уровень материи — это низший уровень существования. И таковы все великие мыслители, или просто здоровые люди, у которых неактивно поле Эгосистемы. «Стена», которая их отделяет от окружающих обычных людей, это стена пространства интеллекта, в котором они движутся, и которое пока недоступно окружающим. Эйнштейн много раз подчеркивает в своих высказываниях, что мотивация познания всегда является сама страсть, потребность в познании. Что процесс научного мышления так абстрагирован от быта повседневности, что трудно объяснить мотивацию настоящего ученого вне метафизики:

только потребности духа как познания ради самого познания могут дать удовлетворительное объяснение такой самоотверженной мыслительной деятельности. «Женихом истины» называл себя Ницше, «роженицей» Маркс, «мы движемся к истине со страстью влюбленных», говорил Платон. «Любовью к Богу» назвал познание Спиноза.

— Стоп! — сказала Верочка. — Остановись мгновение, ты прекрасно! Уважаемая Светлана Алексеевна, мы дадим вашу речь в защиту Шеллинга и Маслоу, как второй ответ министру образования. Он ведь так неблагородно обзывал наш чердак всякими нехорошими словами. Расскажем ему и всему миру о Чердаке Самоактуалов. Только надо подобрать цитаты к этой статье. Архив цитат по моеей части. И она села подбирать цитаты. — Вот послушайте, как в точности о Чехове!

А. Чехов:

> «Работать надо — а все остальное к черту. Главное быть справедливым — а все остальное приложится. Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни. Я был на Сахалине и не получил еще за это ни копейки, а потратил 4—5 тысяч, и из этого ровно ничего не следует. Желание служить общему благу непременно должно быть потребностью души, условием личного счастья. ...Разговоры же на общие, широкие темы никогда не клеятся, потому что когда вокруг тебя тундра и эскимосы, то общие идеи как неприменимые к настоящему, так же быстро расплываются и ускользают как мысли о вечном блаженстве».

Л. Малюгин, И. Гитович «Чехов»:

> «Где-то за стеклами пенсне, за юмористической усмешкой, за теми шутками, которым он отдавался со страстью, стояла невидимая стена, разделявшая его и остальных. Потому что в отличии от своих московских, петербургских и иных знакомых, Чехов не просто жил, но и пересоздавал весь видимый ему мир — этот хаос, этот калейдоскоп — и искал в нем свои законы, свои закономерности»

Лев Ландау:

> «Я просто физик-теоретик. По настоящему меня интересуют только неразгаданные явления природы. Это высочайшее наслаждение, это

> огромная радость жизни, это самое большое счастье, которое суждено познать человеку! В этом состоит моя работа»

Г. Олпорт:

> «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие»

Б. Рассел «Брак и мораль»:

> «Наука, таким образом, за исключением соответствующих ответвлений биологии и физиологии, должна рассматриваться как лежащая вне сферы влияния сексуальных инстинктов. Поскольку Император Фридрих Второй уже мертв, нашему мнению суждено оставаться более или менее гипотетическим. Если бы он все еще жил, он бы без сомнения решил проверить справедливость гипотезы, приказав кастрировать самых выдающихся математиков и композиторов, чтобы посмотреть, как удаление половых органов скажется на их умственных способностях. Я полагаю, что на математиков бы это не возымело никакого эффекта, а композиторам был бы нанесен существенный урон. Таким образом, постольку, поскольку жажда знания является одной из самых существенных составляющих человеческой природы, очень важная часть деятельности человека вне зоны влияния сексуальности»

Спиноза «Этика»:

> «Человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме. Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти».

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Однако сознание, внутреннее сознание — это решающий фактор. Решающий всегда, когда речь идет о Я. Оно дает этому Я меру. Чем больше сознания, тем больше Я; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше Я. У человека без воли не существует и Я; однако чем больше воли, тем более он осознает самого себя. ...Подобно тому как чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол — это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почему же? Попросту он является жертвой чувственности, и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств — приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего... Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом. Несмотря на все свое тщеславие и самолюбие, люди обыкновенно имеют весьма смутное представление или даже вовсе никакого о том, что значит быть духовными, быть тем абсолютом, каким может быть человек».

— Я закончила с подбором цитат, Саша, опубликуй статью на сайте, у тебя лучше получается. Кто к нам стучит в такое позднее время?

— Принесли твою корзинку с цветами и открытку, Мзия!

— Сюда? Давай скорее, посмотрим. Вы только послушайте: «Неизменный поклонник вашего таланта. Или ваших талантов, у вас, как оказалось их много. Глубокий поклон Мзии Лурия, презирающей авторитеты и государственные суверенитеты, от министра образования, г-н Сырдонов О.М». Вот это да! Теперь, по крайней мере я могу отослать его цветы назад. Специально прислал сюда, чтобы мы не сомневались, что он знает, где искать наш чердак! Презирающие авторитеты и государственные суверенитеты, как вам новое название нашего чердака?

ГЛАВА 23. ГРИША БЕЛОГОРОДСКИЙ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Бенедикт Яковлевич сидел в глубокой задумчивости в своем кабинете на следующее утро после защиты диссертации. Он все еще не верил, что диссертацию пропустили, и все прошло хорошо. Бомба, которую заложил ему в самом конце Манкевич с вызовом Мзии в качестве свидетеля, была таким же неожиданным и таким же шоковым ударом, как его нападение на Андрея в первую защиту. Он все еще не оправился от этого удара. Нина Александровна приходила его утешать, поздравила с защитой, и сказала, что Мзия превратилась в прекрасного лебедя, о котором все говорят. Доктор Бене видел, что Нина счастлива с Винцентом Григорьевичем, и радовался за обоих. Радовался, что в свое время принял правильное решение, как бы трудно оно ему тогда не далось. Он пришел в кабинет ранним утром, еще никого не было, он ждал своих сослуживцев на утреннее совещание. Однако, увидел в дверях Гришу Белогородского.

— Здорова, Бенедикт? Ты не рад меня видеть? Традиция у нас теперь с тобой такая, встречаемся после твоей защиты диссертации. Или еще можно иначе сказать: встречаемся по поводу твоих жен.

— Что ты сказал? Что это значит, Гриша? Что с Мзией? — Бенедикт Яковлевич стал бледным как полотно. Образ его жены, такой хрупкой, и такой уверенной за кафедрой, когда она защищала его от целого света, вдруг встал перед ним во всей своей завораживающей силе.

— Да это ты мне расскажи. Жена твоя, не моя. Мне говорили, что ты ничего не знаешь про чердак сатьяграхов, я не верил. Неужели правда не знаешь?

— Какой чердак?! Ты издеваешься надо мной? Пришел, говори прямо. Что случилось? Ты же знаешь, я занимался диссертацией, я свету белого не видел, а ты чердак какой-то.

— То не какой-то чердак, то — твой чердак, Беня Финка. Твои воспитанники организовали: Андрей Орлов, Саша Тополев,

Вера Газданова и Мзия Лурия. Будешь отрицать, что это твои ребята? А знаешь тема какая у чердака этого? Они занимаются пропагандой теории психической энергии, твоей теории, между прочим. И на основе этой теории — естественным правом и международным институтом прав человека. Да ты же слышал вчера, что жена твоя на защите диссертации говорила — вот она и рассказала тебе теорию и практику ихнего значит чердака.

— Да, почему чердак именно? Не пойму. Или ты так издеваешься?

— Ничуть не издеваюсь. Сняли они себе двухкомнатную квартиру на чердаке московского «небоскреба» в 15 этажей, и там себе значит, офис обосновали. В публикациях своего сайта имен не пишут, а подписываются: чердак сатьяграхов, или чердак самоактуалов, чердак Шеллинга-Гельдерлина. Вот какие они у тебя выдумщики. Нам пришлось постараться, пока мы узнали, кто стоит за этим «чердаком»! Не могли найти, пока ко мне не обратились. Я увидел теорию психической энергии, и сразу понял, где искать надо.

— А почему это к вашему ведомству отношение имеет? Они делают что-то противозаконное?

— Задача нашего ведомства выяснять противозаконные замыслы до того как они станут реальностью. А твои птенцы вообще законы отменить хотят. Слышал, что супруга твоя говорила вчера — сначала естественное право, а потом юридическое. Это значит, что мы, государство, уже не хозяева своей собственной системе права, а должны спрашивать все ли у нас правильно у какого-то международного института прав человека, где ученые всего мира будут править и нас уму разуму учить. Как ты думаешь, относится это к нашему ведомству или нет? В точности как ты мне в прошлую нашу встречу сказал: Государство для людей, а не люди для государства. Сначала истина и совесть, а потом законы государства. И что истина и совесть общие для всего человечества, космополитизм твой. Вот твои птенцы и повторяют слово в слово. Я ведь помню все, что ты мне сказал.

— Рад, что ты так высоко меня ценишь, Гриша. И очень горд своими товарищами. Они делают правильное и нужное дело. Я тебе сказал, как сумел сформулировать на простом языке. Грамотную юридическую формулировку, и теории права уже они сами подвели. Естественное право, надо же! Мзия говорила, естественное право против позитивного права, я не знал, что это так называется. Ты мне скажи, в чем ты их обвиняешь?

— Да много в чем. Они провели так называемые эксперименты Милграма на «Подчинение авторитетам», и очень нашумели в либеральной среде этими экспериментами. Высмеивают авторитеты, как тотемизм аборигенов. Это их собственные слова. Говорят, что нельзя верить правительству и чиновникам только потому, что они «авторитеты», а надо спрашивать их знания и дела. Учат, стало быть, народ уму-разуму. И с одной стороны не придерешься ведь. Кто не знает «не сотвори себе кумира», старо как мир. А с другой стороны подняли на смех министра образования, и теперь у нас дилемма: или увольнять его и доказать, что «естественное право» нас победило, или закрывать твоих птецов как экстремистов.

— Ты что такое говоришь, Гриша? Какого министра образования? Пацан там какой-то был последние годы, забыл его фамилию. Какое он к ним отношение имеет?

— А самое прямое. Он взялся выступить от лица авторитетов, чтобы посмеяться на твоей теорией психической энергии, над экспериментами Милграма, и над естественным правом и институтом прав человека. Надо сказать, твои ученики не оплошали. Дрались зубами и когтями. И уложили таки министра на лопатки. Они смеялись последними.

— Это что был какой-то «баттл»? Так сейчас говорят? Как они дрались то? Полемика в печати? Комментарии на сайте? Видеоролики на ютюбе?

— И так тоже дрались — и эту часть они выиграли шутя. Министр наш небогат воображением, и как там в твоей теории говорится «способностями мышления мало одарен» оказался.

Но у него еще другая цель была, попроще. Он решил соблазнить твою жену, профессор, Мзию Давыдовну, нашу.

Леви-Финкель молча смотрел в глаза Белогородскому, ожидая продолжения. Как всегда в минуты большой опасности, он стал чрезвычайно спокоен, словно все чувства затормаживались перед бурей.

— Да, — повторил Гриша, опуская глаза перед сосредоточенным взглядом доктора Бене, — Мзию Давыдовну нашу, прекрасного музыканта и выдающегося сатьяграха из московского чердака. Цветочки и открытки присылал после концертов, и не знал, что эта хрупкая муза из него посмешище сделала в онлайн полемике. Они ведь имен своих не писали — только чердак такой-то, любят свой чердак, имена разные придумывают. А тут чердак оказался Мзией Давыдовной. И она не знала, что он цветочки присылает, он не подписывал открытки, ждал, когда она созреет для соблазна.

— Что значит посмешище сделала? В каком смысле?

— Ну, дурака дураком выставить несложно. Как это говорят, ума нет, считай калека. А у чердака еще культура философского юмора. Полистай их сайт, тебя гордость за учеников возьмет. У философов пишут настоящий юмор — над эгоизмом всего человечества смеются, над общей болезнью человечества, говорят. Это значит, якобы, из твоей теории следует. И цитатами подтверждают, цитат у них очень много, никогда столько цитат не видел. А шуты, значит, это такие как мы простые злые люди, смеются друг над другом, злорадство у них значит, вместо юмора общечеловеческого философского, Эгоизм у них активный. Правильно я понял или нет? Я ведь тоже что-то в твоей теории уже соображаю. Они называют это юмором самоактуалов, а себя еще чердаком самоактуалов. Чердаки твои милые.

— Прекрати клоуничать. Дело серьезное. Как он узнал кто за чердаком стоит? Ты что ли подсобил?

— Ясное дело, к нам обратились члены правительства.

— И?

— Министр представился поклонником, тем, что ей цветочки слал и попросил благосклонности своей музы. Ясное дело, Мзия Давыдовна на дабы, цветочки ему в морду, как кавказская пленница какая. А министр решил нажать. Сестренку ее Машу увез самовольно со школы на официальный прием в министерстве образования, сказал ей, что Мзия придет давать там концерт, а Мзия ему отказала резко. Все перенервничали, где ребенок, а ребенок вот он, веселый и довольный, и не придерешься. В полицию не напишешь, а угроза повисла.

— И? — не выдержал Бене. — Вы будете защищать такую суку, если он нападет на ребенка? До чего вы докатились? Ты ведь не был сукой, Гриша.

— Так в том то и дело, что он уже обидел ребенка. Ученики твои ему ответили и на эту угрозу, не сомневайся, им палец в рот не клади. Они перекопали интернет, нашли его бывшего заместителя Ирину Мельникову, которая уволилась два года назад сразу после громкого дела об изнасиловании ее дочери-аутиста в год ее совершеннолетия. Дело висит, виновных никак не могут найти, хоть там все визитеры записаны на видеонаблюдение, и пленку сама Ирина в полицию отнесла: те даже пленку снять не потрудились. Твой чердак к ней в гости, а она знает чердак, активная их поклонница. Обрадовалась, все им рассказала. Что уволилась сразу после преступления — не совпадение. Оно пока работала с ним, набирала на него компромат: он растратил сотни миллионов бюджетных средств, предназначенных, в том числе, для детей-аутистов. Она писала заявления в прокуратуры с просьбами проверки траты бюджетных средств по целевому назначению. Прокуроры с ним в доле. Потом сменился прокурор, они испугались, и стали угрожать. Тогда и случай этот страшный произошел. И Ирина перестала воевать — хоть дети живые остались, говорит.

Твои ученики все выслушали, записали, и на своем сайте вывесили. Вот какую нам дилемму сделали: или их закрывать, или пятно на все правительство ставить.

— Ты мне все это рассказываешь, ты сам хорошо понимаешь: что теперь вопрос стоит или-или. Или вы его в кутузку и закатаете по всем статьям его дерьма, или он уже не оставит в покое Мзию и ребят. Не понимаю, какой у вас может быть выбор? Вы готовы смотреть сквозь пальцы на насильника и педофила, вы готовы позволить новые преступления, лишь бы не дать хода науке? Мой чердак, как ты его называешь, ничего противозаконного не сделал. Ваша паранойя в отношении естественного права и института прав человека — это ваше дело, а я тебе еще 10 лет назад говорил, при нашей последней встрече в этом кабинете, что будущее за космополитами и международными правительствами. Я тебя спрашиваю Григорий Петрович, какой у вас выбор между невинными ребятами, отдавшими жизнь служению науке и человечеству и чиновником, погрязшем в самой низкой коррупции?

— Выбор не мой, ты хорошо знаешь, что мы пешки. Для меня бы выбора не было. Иначе, я бы тебе по другому всю картину изобразил. Я тебе сказал правду, все как было. Чтобы предупредить тебя. Потому что ты мой друг. Да, министр — говно, но его будут защищать, потому что он министр. А чердак ваш просто прикроют как экстремистов, или как секту. Такие разговоры я тоже слышал. Все, что я мог для тебя сделать, я попросил компромисса. Вы сами закрываете чердак. Они объявили о публикации новых результатов экспериментов Милграма. Надо сказать, что результаты ошибочны, и что сайт закрывается по техническим причинам. А мы закроем министра, по крайней мере будет суд. Приговора я не гарантирую, только суд. Сам знаешь, там не только связи, престиж государства на кону. А для вас дело получит огласку, это уже какая-никакая безопасность. Это все, что я смог для тебя сделать. Откажешься, начнут вязать твоих ребят по статье экстремистов.

— Мне надо с ними поговорить. У тебя есть компромат на министра? Уязвимые точки? Что-нибудь что может нам помочь в борьбе с преступником?

— Я не могу тебе сказать.

— Пошел вон отсюда, Гриша. И никогда больше не смей называть себя моим другом. Ты в такой страшной ситуации для меня боишься утечки информации, чтобы тебя не уволили из офицеров?

— Я дам тебе его адрес, в Москве и на даче. Это все, что я могу для тебя сделать. Вот, возьми. Я тебя предупредил, Бене, будьте умницами и закройте чердак сами.

— Что мне его адрес? Если убивать его придется, так мне легче его в министерстве пристрелить. Меня там знают, шмонать инвалида никто не будет. А домой он меня не пустит. Слышал уже небось и про диссертацию и про скандал с Мзией на диссертации.

— Никто ничего пока не слышал. Нужен ты больно министру образования. И наши постарались, зажали рот СМИ, не хотят вам зеленый свет давать, пока не приручат вас. Наука наукой, как говорится, а табачок врозь. А Мзия уже 4 года в разводе, никто не знает в ее окружении, что она Леви-Финкель была. А ты его убивать надумал? Тебя ведь закатают по полной.

— Для того ты мне дал адресочки? Одним выстрелом двух зайцев? — засмеялся Леви-Финкель. — Знаю я вас, хитрожопых. Ничего я не надумал. О таких вещах не думают, Григорий Петрович. Их или делают или не делают. Не дай бог мне придется это сделать. На костылях не изобразишь Брюса Уиллиса, даже бывшего разведчика не изобразишь.

— Сделай, как я говорю, и не придется.

— Как сделать, Григорий Петрович? Закрыть чердак и лишиться последней поддержки, которая у нас есть? Поддержки общества? Мне стыдно за тебя, Гриша. Что бы сказал сейчас Петр Николаевич? И интересно: ты правда таким мудаком стал, или просто не понимаешь, что делаешь?

— Каким мудаком? Я между прочим, пришел и рассказал тебе все как есть. Я пришел тебе помочь. А Петр Николаевич гордился бы мной, потому что я не убежал и бросил страну в самый ответственный момент. Как ты это сделал.

— Давай, я тебе объясню, Григорий Петрович, что происходит на самом деле. Ответственность чувствую за тебя перед отцом твоим, который и мне отцом был, и перед Анной. Нет их, и некому тебе объяснить, что ты себя обманываешь.

Ты что мне в прошлый раз говорил? Что Петр Николаевич сделал тебя демократом и социалистом, и что он научил тебя тому, что Россия несла миру настоящий, демократический социализм. И что диктатура пролетариата марксизма-ленинизма — это предательство дела революции, что это отход от истинного пути, а вовсе не сам путь социализма. Что Лев Ландау понимал это, и, оставаясь убежденным социалистом, восстал против диктатуры Сталина и писал о предательстве дела Революции. Что истинными социалистами и истинными демократами были русские ученые и писатели — Герцены, Кропоткины, Бакунины, Толстые, Чеховы, Достоевские, Чернышевские, Некрасовы, Белинские, Огаревы, Гончаровы, Гоголи. Что Достоевский написал роман «Бесы» о коммунистах, а Герцен называл их «царизмом наоборот». Что Россия несла миру свет научного просвещения и демократических свобод, что она показала миру уникальный пример движения декабристов, разбудивших герценых и кропоткиных, когда вся интеллигенция страны, которую представляло дворянство, встала на сторону закабаленного и развращенного рабством народа.

И что теперь, когда Горбачев, продолжая эту линию просвещенного социализма, спустя 70 лет вернул страну на рельсы демократического социализма, все восприняли это как слабость, и как признание ложности социализма вообще. Словно бы социализм был виноват в диктатуре пролетариата, которую не признавал ни один российский социалист: от Бакунина до Ландау. И что тебя, воспитанника диссидента-профессора Петра Николаевича Белогородского глубоко оскорбляет такая несправедливость. Я правильно передаю твои мысли, Гриша? И поэтому ты остаешься на службе государства, чтобы защитить Россию от ложных наветов? Так или не так, Григорий Петрович?

— Все верно, Беня. Все так. И что из этого следует? Где я ошибся? Разве отец не говорил и тебе все то же самое?

— Говорил, Гриша, потому я так хорошо все помню. Где ты ошибся, я тебе сейчас расскажу.

!9—20 века — это века просвещения, когда наука сделала вторую попытку взять в руки руль, и опять потерпела крах. Первая попытка была в античность, когда потерпела поражение греческая философия и римское право, и когда пришлось вновь возвращаться к языку мифологий, пусть уже частично смешанному с философией духа. Но все же возврат к мистике был следствием крушения первой попытки научного мышления стать у руля человеческих отношений.

Вторую попытку сделали тогда, когда вновь встали на ноги и окрепли демократические государства, которых не видели со времен античности. Это было время второго пробуждения разума, время поисков научного управления государством — управления, которое обязательно рано или поздно утвердиться, поскольку человек есть разум и научное мышление.

В это время утверждается философия материализма и эмпиризма, по всему миру. Дарвин и Маркс — мировые авторитеты современной научной парадигмы. Экономизм Маркса до сих пор в основе всей западной философии. Ты читал Карла Поппера, самого либерального либерала в Америке? Он хвалит Маркса именно за экономизм. А знаешь, за что он упрекает Маркса? За то, что тот не уделил должного внимания роли государства, назвав его надстройкой! Потому что Поппер считает, что государство должно активно вмешиваться в работу всех институтов общества. Но ведь это Маркс говорил о диктатуре пролетариата, куда еще активнее вмешиваться! Вот представь себе значение Маркса для всего современного мировоззрения, не только для варварской России 19 века, если даже Карл Поппер, друг австрийской школы радикальных либералов Фридриха фон Хайека и Людвига фон Мизеса, уже в 21 веке хвалил Маркса за его философию свободы (!), и за его философию дарвинизма и экономизма.

На философии материализма далеко не уедешь. Модель советского государства и модель государства с капиталистической демократией — одинаково ущербные социальные организации, выросшие из ущербной философии материализма. Об этом говорил нам Петр Николаевич, когда рекомендовал читать Бетрана Рассела, всегда подчеркивавшего несовершенство обеих систем. Знаешь, в чем та смешная крохотная разница в философии этих двух систем-близнецов, которая породила холодную войну двух супердержав? Обе системы построены на дарвинизме и экономизме; обе системы признают только денежную экономику, а богатство считают нарастание стоимости в процессе капиталооборота. Обе системы научное исследование человека понимают как исследование мозга; обе системы считают движущей силой человечества «научный эгоизм», который обосновывали Давид Юм и Адам Смит вслед за Дарвином и Марксом; обе системы считают вопрос о собственности — краеугольным камнем строения и развития всего человеческого общества.

И единственное различие, которое они признают в своих системах, состоит в том, признают ли они научное управление государством, когда все решает государственный план и научные советы, или же стихию рынка, когда жизнь общества пущена на самотек подобно суденышку в океане, когда всеобщее противостояние называется «конкуренцией» за выживание и считается движущей силой прогресса, и когда случайные выборы решают, кому править государством. Выборы всегда случайность, потому что редко когда там участвует даже половина населения, и давно доказано, что они не представляют общественного мнения. Помнишь, Петр Николаевич рекомендовал нам читать «Кризис современного правосознания» П. Новгородцева на эту тему. Тогда он сделал нас скептиками в отношении капиталистической демократии.

Понимаешь, что вышло? Просвещение искало научного управления обществом, а вместо этого получило две системы лже-науки, которые восстали против науки. Почему провалилась попытка научного управления в советской стране? Потому что,

весь философский и научный базис был лже-наукой. Они утверждали материализм и научный эгоизм и при этом насильно загоняли людей в коллективы, которые лишали инициативы всех и каждого, кроме местных царьков. Они проповедовали научное мышление, а при этом превратили марксизм-ленинизм в катехизис, который надо было знать наизусть, под угрозой расстрела, не отходя от буквы священного писания. Они утверждали братство и равенство, а власть сосредоточили в руках прослойки жандармов, как в любой классической древней деспотии. Коллективизм из под палки, когда нет настоящего духовного единства, как это было в знаменитых пифагорейских или раннехристианских сообществах, это тот самый «племенной дух» древних деспотий, полный возврат к варварству магических ритуалов и убийств по обвинению в колдовстве. Ты думаешь, карательная психиатрия чекистов или массовые репрессии были чем-то другим? Нет, все очень банально. Эта попытка научного управления провалилась с треском на глазах у всего мира. Это просто возврат к варварству первобытного сознания.

Почему провалилось научное государство капиталистической демократии, тоже вышедшее из просвещения времен рационалистического оптимизма? Они были более последовательны в том, что признавая философию дарвинизма и «научного эгоизма», они отдали индивиду свободу. Но они ошибались в самом определении свободы и научного мышления, которого искала их цивилизация. Свобода следует из научного мышления, а не наоборот. Чтобы люди стали свободными, нужны не декларации всех свобод индивида, а система образования, которая научит их контролировать свою энергию, и энергии окружающей среды. Если же утвердить само понятие свободы (вместо науки) в базисе общества, то получится хаос противостояния всех против всех, та шизоидная интоксикация, которая приводит к инфляции раздутого эгоизма. Фромм и Ремарк называют европейскую культуру шизоидной. Корни этого обвинения именно в этом предпочтении свободы — науке, когда индивиды в поисках абсолютной свободы теряют связи с действительностью,

и в итоге теряют всякую свободу. Идеализм, скольких философов ты привел к своему реализму?, — говорит Шеллинг. Эти короли без королевства вскоре оказываются прикованными к цепи законов необходимости, — говорит Кьеркегор.

Не то ли случилось и с «научным эгоизмом» капиталистической демократии, которая зашла в своих поисках свободы так далеко, что в конечном итоге отказалась и от самого разума, потому что ее тяготили оковы научного мышления. Философия немецкого идеализма, философия экзистенциализма Ницше и Сартра, Гуссерля, Хайдеггера и Бергсона, философия эмпиризма Юма и Поппера — это все блестящие примеры шизоидной интоксикации, в которой мысль, стремясь освободиться от всех законов мышления, от связи с законами природы, теряет себя, и разум совершает самоубийство. Как здорово пишет об этом Альбер Камю в «Бунтующем человеке», Жюльен Бенда в «Предательстве интеллектуалов», Ален Финкелькраут в «Уничтоженном разуме», Лев Клейн в «Истории антропологической мысли». Действительно, разве выводами блестящей философии этих господ не стала антропология К. Леви-Стросса, отменившего разницу между варварским сознанием дикарей и научным мышлением цивилизованных людей? Разве Мирча Элиаде не вещал тоже самое со всех кафедр европейских и американских университетов? И разве С. Хантингтон не признает в «Столкновении цивилизаций», что идеологическое противостояние времен холодной войны было только недоразумением, глупостью идиотов, возомнивших, что на свете есть научное мышление и различные способы теоретического понимания мира? И что на самом деле только теперь, когда все вернулось к мифологически-религиозному сознанию, люди выступили со своим истинным лицом?

Итак, научное управление, вдохновленное рационалистическим оптимизмом времен просвещения, не справилось, опиравшись на философию материализма, дарвинизма, «научного эгоизма». На западе «научный эгоизм» стал вытеснять научное мышление в стихию рыночных сил и философию субъективизма, на востоке марксизм-ленинизм вытеснил научное мышление

в заурядную деспотию времен военно-жреческих элит и племенного духа садомазохизма. Важно понимать чего искали обе системы, которые столкнулись лоб в лоб во времена холодной войны, и почему они этого не нашли. Они искали научного управления зрелого разума и культурной цивилизации, и не нашли его, потому что философия дарвинизма и научного эгоизма — ложная философия. Потому что свобода — это осознанная необходимость научного мышления, а не порождение «самоопределяющегося разума» как считает вся философия научного эгоизма со времен Канта.

И что происходит сегодня в мире и в России?

— Ты меня прямо заинтриговал? — нервно задергался Григорий Петрович. — Что же происходит?

— Больше никто не ищет научного управления, Гриша. Больше никому не нужно научное мышление, правда и объективность. Хантингтон прав в том, что все попытки людей во второй раз доказать, что они разумные существа с треском провалились. Мир превратилось в то, что он описал: католическое и протестантское сознания, православное и сунитское сознания, конфуцианское и индуистское сознания, иудейское и шиитское сознания. Понимаешь, уже даже вопрос не ставят западные идеологи о противостоянии научного мировоззрения, о поисках единой научной истины! Они прямо заявляют, что человек — это ворох суеверий, а разум наносное и искусственное, и что каждый должен бороться за свое, родное суеверие против чужих суеверий. Хантингтон при этом имеет наглость заявлять, что их суеверия — это универсальные суеверия для всего мира, и что весть мир должен их принять как благо. Понимаешь, какая бездонная глупость? Как бы он не назвал эти суеверия, правами человека или милосердием христиан, пока он остается на почве субъективизма, абсурдно утверждать, что чьи-либо ценности должны быть приняты всем миром как универсальные. Я хочу, чтобы ты понял, о чем говорит, такое положение вещей. Это полный провал научного мышления во всем мире! Понимаешь? Во всем мире!

— Так ведь Россия и выступила против такого положения дел, Бенедикт! И я тебе о том же говорил в прошлый раз! Они сами националисты, а нас хотят пристыдить национализмом! У них ценности универсальные! Вот почему я согласен с нашей политикой, как ты не понимаешь! Потому что, если так, то и у нас есть свои ценности. И пусть они принимают наши ценности как универсальные!

— Национализм, Гриша, это следствие убогой философии субъективизма, которая отказывается от разума и общей истины научного мышления. Поэтому Эйнштейн называл национализм — детской болезнью человечества. И тот, кто хочет бороться с национализмом должен противопоставить его субъективизму — философию рационализма и научного мышления, единую истину общей человеческой природы, возврат к поискам научного управления. В третий раз все получится.

Россия сегодня выпячивает грудь вперед и говорит, что она противостоит универсальным ценностям Запада, и что она защищает право наций на самоопределение, защищая национальные суверенитеты и свои национальные ценности.

Знаешь, как перевести этот диалог между Россией и Западом на народный язык? Запад говорит, мы умнее и сильнее и власть будет наша. Россия отвечает, мы тоже умные и сильные и власть будет наша. Потом Россия видит, что она не такая уж умная и сильная и добавляет: давайте, поделимся властью, давайте править миром вместе, а не то мы вас превратим в ядерный пепел. Это заурядная борьба за власть, Григорий Петрович, борьба за власть двух силовиков, где каждый трясет мускулами и угрожает другому. Я не говорю сейчас о том, что мы на грани ядерной войны, это очевидно. И это не так страшно, как предыдущий вывод: мы на грани полной деградации рационалистической культуры.

Россия, Григорий Петрович, вступилась сейчас вовсе не за просвещение 19-го века, когда кропоткины и герцены, толстые и чеховы выступали против деспотии государства и искали братства и равенства духовного единства человечества.

Она выступила за свой кусок в дележе власти, они называют это «национальными интересами» как всякая националистическая пропаганда, но на самом деле — это просто интересы властной деспотии, поработившей народ. Потому уже неправильно говорить от имени России, Григорий Петрович. Россия — это народ и русская культура. Современная политика государства российского — это элита власти, которая отняла у народа и государство, и его культуру, подчинив все своим интересам власти. Государство больше не служит народу, оно обслуживает интересы властной элиты. Назовем их тиранами, как называли их мудрецы античности, что не поминать всуе Россию, которая здесь не причем.

Тираны выступили с совсем другими целями, Гриша, когда противопоставили себя властной элите запада. Они приняли курс прямо противоположный тому, который должны были взять, если хотели действительно показать Западу его ошибки и утереть ему нос. А у него глобальные ошибки и можно было бы очень эффектно этим воспользоваться и утереть ему нос под аплодисменты мирового сообщества.

Нужно было только развернуться к фундаментальным мыслителям западного сообщества, к Шеллингу и Ясперсу, к Швейцеру и Расселу, к Эйнштейну и Ренану, ко всем тем столпам западной культуры, которые поносили национализм со всех кафедр и во всех своих монографиях и статьях. Нужно было уткнуть их носом в потерю философии рационализма, в катастрофу материализма, дарвинизма и эмпиризма, из которой родилась антипсихиатрия, в катастрофу субъективизма, которая породила «столкновение цивилизаций», в катастрофу «научного эгоизма», которая привела к неслыханной нравственной деградации, к оправданию самого низкого и подлого поведения как «выживания сильнейшего». Современный запад, который ушел так далеко от основ своей научной и этической цивилизации, легко пристыдить этими простыми истинами, потому что истина с ним, дремлет в недрах его культурного наследия еще с осевого времени. Вот это бы-

ло бы, Григорий Петрович, выступлением против субъективизма и злоупотреблений современной западной элиты.

Разве так повели себя тираны России? Разве они противопоставили субъективизму и национализму — философию рационализма и космополитизма? Нет! Они уподобились ему во всем самом худшем, выпячивая свое уродливое эго в этом всемирном дележе власти, который идет со времен падения советской империи. Они требуют свою часть территории и свою часть власти, для себя и своих людей. Они дерутся за власть, не умея драться за правду и совесть! Они приспосабливаются, торгуются, прогибаются, просят принять их в мировую элиту власти, обещают быть послушными, и хамят, угрожают, трясут ракетами. Все как в обычной хулиганской разборке, Гриша, и с обеих сторон, с обеих сторон! Разве те делают не то же самое? Разве они не торгуются? Они, тираня, рвут на части зоны влияния на глазах у народа, который демонстративно выпал из этого мирового дележа власти. Мы больше не участвуем, Гриша, в управлении своими странами, чтобы ты себе не возомнил. Ты — просто пешка, обслуживающая интересы разных групп власти.

Давай, я докажу тебе это на примере твоего социализма, несправедливым отношением к которому на западе ты оправдываешь свое сотрудничество с тиранами. Разве ты не видишь, что социализм одинаково ненавистен всем тиранам: и местным и западным? Разве ты не видишь, что местные тираны так боятся революционного пафоса, что объявили экстремистами всю революционную философию искателей свободы, равенства и братства века просвещения? Вспомни когда такое было даже при совке? Разве революционная философия не была в основе всех катехизисов марксизма-ленинизма? Во что они сегодня превратили философию свободы, равенства, братства первых социалистов? Они утверждают, что диктатура пролетариата Маркса — единственно правильное, что было в этой философии. Послушай, интервью Путина Оливеру Стоуну. Он говорит Стоуну, что Сталин — всего лишь один из русских царей, что в России никакого народовластия никогда не было, что русская культу-

ра — это диктатура власти, и что Сталин и был таким вот заурядным диктатором, русским царем. Какая революция и какой там коммунизм! Просто новая формулировка старых идей монархии и военно-жреческой элиты! Об этом весь диалог Оливера Стоуна и Путина, а том, что демократия никогда не имела корней в русской культуре, что коммунизм никогда не был частью борьбы за свободу, что диктатура коммунистов — часть российской культуры испокон веку.

Вот, Григорий Петрович, они превратили твой социализм в часть своей иерархии власти. Твой левый протест против царизма в органическую часть царизма. Они первые враги социализма, а выдают его в форме диктатуры пролетариата за часть своей национальной истории царизма! Запад до сих пор знает социализм в виде мощного левого движения, потому что разум и научная культура там в хоть в агонии, но еще живы!. Россия уже не помнит и не знает что такое социализм, она сделал его частью своей истории царизма, она изгнала и уничтожила все, что было думающего и ищущего в России! Горбачев был последним социалистом России, последним, кто не вкладывал в это слово противоположного смысла.

— Разве духовность не есть один из лозунгов и знамен современной идеологии России? Разве в этом она не противопоставила себя материализму и дарвинизму запада? — Белогородский сидел взмокший от тревоги, нервно теребя в руках платок. Он словно бы опять слышал голос Петра Николаевича, всегда посмеивавшегося над недалекостью своего сына.

— В том виде, в котором она противопоставила материализму и дарвинизму — «духовность», Григорий Петрович, они только сделали материализм и дарвинизм еще привлекательнее. Знаешь почему? Потому что, это хоть ложные попытки найти научное мышление, но все же искренние! Это все же дорога к научному мышлению, пусть и петляющая. А «духовность» в виде выхолощенной философии христианства до мифологии и мистики, то есть именно до того несущественного, и даже больше того! Того вредного и противоречащего духу философии христиан-

ства, что в ней содержится — это насмешка над разумом, над всеми попытками найти энергию духа. Знаешь, о чем писали все историки христианства эпохи просвещения? Ренан и Штраус? Об этом! О том, что мистика и мифология — это не только не главное в философии христианства, а это та муть, которая закрывает его существо, как философии метафизики и энергии разума, духа, этики. Закрывает потому что тянет назад, к магии первобытного мышления варваров, где религия — это магические ритуалы и ничего большего. Поэтому да, Гриша, лучше дарвинизм и марксизм, чем «духовность» в виде мистики!

— Ты только что говорил другое. Что материализм и дарвинизм уничтожили цивилизацию разума. Значит, как минимум, они одинаково плохи, Финкель. — Белогородский уже не смотрел в глаза доктору Бене. — И чтобы ты не говорил, а государства всегда будут, и всегда будут противостоять друг другу. И всегда нужны будут офицеры на службе государства. Ты ведь не анархист?

— Я вижу, ты уже и сам все понял. Только ты всегда был упрямый, гордый слишком, чтобы признать правду. Петр Николаевич говорил, ты все делал ему назло. Ты все еще чувствуешь себя ущемленным родительской любовью мальчиком, Гриша? Теперь мне мстишь, что я твое место занял? Гриша, разве ты видишь, что происходит?

— Будь здоров, профессор. Мне надо идти. Как видишь, моя служба тоже приносит пользу. Это я тебе все рассказал, не забывай.

Доктора Бене оглушили эти страшные новости. Он не знал, что думать, не знал, что делать. С одной стороны он гордился ребятами, он понимал, что чердак сатьяграхов с его экспериментами Милграма, теорией ПЭ, естественным правом и институтом прав человека уже стал частью мировой политической истории. С другой стороны жизнь самых дорогих ему людей повисла в воздухе. Последовать совету Белогородского было невозможно: это значило бы трусливо дезертировать с поля боя, испугаться трусов и подлецов. И в то же время, нельзя бы-

ло и просто подставлять себя под нож, как жертвенное животное, надо было защищаться. «Я должен узнать все на месте», — подумал Бене, и собрался ехать на чердак своих сатьяграхов, как открылись двери и вошли его коллеги.

— Мы видели Белогородского, что он здесь делал? Ты уже все знаешь?

— Знаю. Почему никто мне не сказал?

— Ты занимался диссертацией, ребята решили, что нельзя тебя отвлекать до защиты. Сегодня мы сами собирались все тебе рассказать на торжественном банкете в честь защиты: это был сюрприз. Мы готовили тебе банкет и сюрприз.

— Сюрприз удался, ничего не скажешь. Где Мзия? Ей нельзя оставаться одной. Ее жизнь в опасности.

— У нее сегодня два концерта. Вечером мы все собирались на чердаке, сегодня и тебя пригласить планировали.

— Хорошо, отложим разговор до конца рабочего дня. Спасибо, друзья, я тронут вашей заботой, но, я думаю, вы понимаете, что в сложившейся ситуации нам праздновать нечего.

Когда товарищи ушли работать, Бене набрал в интернете «чердак сатьяграхов», и удивился популярности сайта. «Как они успели за год так раскрутиться», — думал Финкель, переходя со страницы на страницу. Сайт Чердака объявлял о скорой публикации очередной серии результатов экспериментов Милграма, и эта новость вызвала большой ажиотаж на сайте. Тут же он увидел новый прекрасный «Мем» сайта Чердака: картина Тополева-младшего, которая называлась «Мадонна Чердака сатьяграхов». Это был портрет Веры Орловой прекрасной работы на фоне златоглавой Москвы, видневшейся из-за ее спины из распахнутого настежь окна чердака. Солнце, небо, облака были переданы прекрасно, ощущение было такое что Мадонна парит в облаках. Картина имела неожиданно большой успех на выставке во Франции, где ее выставлял со своими картинами Тополев-старший. За нее предлагали большие деньги и суммы все росли. Подписчики сайта строили предположения и делали ставки о потолковой цене картины. Вера Орлова становилось

мемом и символом чердака сатьяграхов. Доктор Бене украдкой вытер слезы. Каким бы сюрпризом стал для него Чердак, если бы не эта история с насильником-министром.

Он задержался на странице сайта, посвященной философскому юмору: чердак объявлял конкурс на лучшие цитаты о философском юморе. Он вспомнил ерничанье Белогородского и внимательно посмотрел страницу. Речь шла о четком разделении философского юмора, который есть смех над полем Эгосистемы вообще, и цель которого доброта, как все, что происходит из отказа от поля Эгосистемы; и осмеяния, злорадства, которое есть агрессия, и цель которого уничтожение другого человека, а вернее его Эго, поскольку борьба происходит на поле Эгосистемы. Чердак обосновывал первое — как удовольствие от высвобождения здоровой энергии в результате отказа от поля Эгосистемы; а второе как боль от ударов по Эго, боль, которая могла привести к психозу, к распаду всей энергии психики. «Это больше, чем я им давал, — подумал доктор Бене, — они творчески развили мои идеи и теории».

Спиноза «Этика»:

> «Зависть, осмеяние, презрение, гнев, месть и другие аффекты, относящиеся к ненависти или возникающие из нее, дурны. Все, к чему мы чувствуем влечение, будучи одержимы ненавистью, постыдно и в государстве несправедливо. Между осмеянием, которое дурно, и смехом я признаю большую разницу. Смех точно так же, как и шутка, есть чистое удовольствие, и. следовательно, если только он не чрезмерен, сам по себе хорош».

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Сила всегда привлекала низких людей. Страх или глупость причина большинства человеческих поступков. Единственное спасение — неиссякаемое чувство юмора, и люди обязаны сохранить его, пока дышат».

А. Маслоу «Мотивация и личность» :

> «Своеобразное чувство юмора — одна из первых характеристик самоактуализирующихся людей, которую мне удалось обнаружить, оно

было присуще абсолютно всем моим испытуемым. Вам не удастся заставить этих людей улыбнуться в ответ на плоскую шутку, на то, что кажется смешным обычному человеку. Злобные, обидные или пошлые шутки нисколько не позабавят их. Им по нраву юмор мягкий, философичный, юмор, который можно назвать сущностным юмором. В их шутках всегда заметен легкий оттенок грусти, их юмор нацелен на глупость, недостатки, претенциозность, их забавляет высокомерие человека, возомнившего себя венцом творения и „пупом Земли", забывшего, сколь ничтожно малое место отведено ему в универсуме. Самоактуализирующийся человек способен к самоиронии, однако, она никогда не перерастает в мазохизм или в шутовство. .... Чувство юмора этих людей объемлет собой самые разные аспекты человеческого бытия и проявляет себя в самых разных формах. Можно сказать, что юмор пронизывает само восприятие жизни этих людей. Тщеславие, гордыня, стремление к успеху, суета, амбиции, борьба, — все человеческие недостатки могут показаться им забавными и комичными. ....Так же легко, с юмором эти люди воспринимают и свою профессиональную деятельность. Работа, сколь бы ответственно они ни относились к ней, служит для них одновременно и развлечением, и игрой».

Гордон Олпорт «Становление личности»:

«Быть может, самый поразительный коррелят самопонимания — это чувство юмора. Тесную связь этих двух черт демонстрирует личность Сократа. Легенда рассказывает, как на представлении „Облаков" Аристофана Сократ встал, чтобы развлекающаяся публика могла лучше сравнить его лицо с маской, предназначенной для его осмеяния. Обладая хорошим самопониманием, он был способен беспристрастно воспринять карикатуру и помочь шутке, посмеявшись над собой вместе с другими. Что собой представляет чувство юмора? Настоящий юморист видит за каким-то серьезным предметом (собой, например) контраст между видимостью и сущностью. Чувство юмора необходимо резко развести с более грубым чувством комического. Последним обладают почти все люди — как дети, так и взрослые. То, что обычно считается забавным — на сцене, на юмористических страницах журналов, на телевидении, — состоит из абсурда, грубых шуток или каламбуров. Большей частью смех вызывается унижением некоего воображаемого оппонента. Агрессивные импульсы лишь слегка замаскированы. В этом „внезапном торжестве" собственного Эго Аристотель, Гоббс и многие другие видели главный секрет смеха. С агрессивным остроумием (высмеиванием других) связан смех над непристойностью, вызываемый освобождением подавленного. В ос-

> нове многого, что мы зовем комичным, лежат агрессия и секс. Маленький ребенок остро чувствует комическое, но почти никогда не смеется над собой. Даже юноша воспринимает свои неудачи скорее со страданием, чем со смехом. Есть свидетельства, что менее интеллектуальные люди с мало выраженными теоретическими и эстетическими и ценностями предпочитают комическое, но им недостает чувства юмора, основанного на реальных жизненных взаимоотношения. Причина того, почему понимание себя и юмор идут рука об руку, вероятно, в том, что оба они связаны с общей основой, каковой является самореализация. Человек с наиболее полным чувством пропорции между собственными качествами и лелеемыми ценностями способен воспринимать их несоответствие и абсурдность в определенных условиях....Будет справедливо сказать, что к настоящему времени психологи не достигли большого успеха в измерении понимания себя и чувства юмора. Здесь мы имеем дело с более тонким достоянием личности — территорией, которую психологии еще предстоит исследовать»

В. Новиков «Высоцкий»:

> «Иногда, объявляя на концертах очередную песню, Высоцкий называл ее „шуточной", но в самом эпитете ощущалась ирония: мало ли кто в зале сидит, в доносчиках у нас недостатка никогда не было. Но настоящие слушатели всегда понимали, что к чему. Творческая независимость поэта, его прямой контакт с аудиторией обеспечили его песням необычайно прочную связь смешного с серьезным. Обратите внимание, какие у него были ориентиры в смеховой работе со словом: „Я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя..." А это все не просто высокие и престижные имена, это творцы серьезного смеха»

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Как можно, действительно, живописать этот вид отчаяния, не прибегая к сатире! Самое комичное в его отчаянии — это то, что он говорит о нем в прошедшем времени, а самое ужасное — что то, что после, как он считает преодоления этого отчаяния его состояние как раз действительно причастно отчаянию. Бесконечный комизм, присутствующий под всей этой житейской мудростью, столь восхваляемой в мире, под всем этим проклятым потоком добрых советов и мудрых речений, все этих „посмотрим", „все устроится", „занести в книгу забвения" и так далее — этот бесконечный комизм состоит в том, что в идеальном смысле они суть совершенная глупость кото-

> рая не разбирает ни откуда ждать истинной опасности, ни в чем опасность может заключаться. Но здесь есть и ужасное — характерная для него этическая глупость. Да, будем же смеяться и плакать при виде того, как столько знания и понимания остается без всякого воздействия на жизнь людей, в которую не переходит ничего из того, что они поняли, но скорее прямо противоположное этому! При виде такого расхождения, столь же печального, сколь и гротескного, невольно воскликнешь вновь: но как же, черт возьми, возможно, что они это понимают? разве это правда? На что старый ироник и моралист отвечает: не верь этому, друг мой; они не понимают, иначе сама их жизнь выражала бы это, а их действия отвечали бы их знанию».

Ф. Шеллинг «Ночные бдения»:

> «Нет ничего выше смеха, и я ценю его также высоко, как другие образованные люди ценят плач, хотя слезу легко вызвать пристальным взглядом в одну точку, механическим чтением драм Коцебу и наконец одним затяжным смехом. Имеется ли более действенное средство противостоять глумлению мира и самой судьбе, чем смех? Эта сатирическая маска устрашает врага во всеоружии, и даже несчастье отступает в испуге передо мной, когда я отваживаюсь высмеять его. Черт возьми! Чего стоит вся эта земля со своим сентиментальным спутником месяцем, если не насмешки, да и ценность земли разве что в том, что на ней обитает смех. На земле все было так слащаво и благостно оборудовано, что дьявол взглянув на нее скуки ради, разозлился, и чтобы насолить строителю, послал смех, а смех ухитрился искусно и незаметно закрасться в маску радости, которую люди охотно примеряли; тогда смех сбросил эту личину, и на людей злобно глянула сатира. Оставьте мне только смех на всю мою жизнь, и я продержусь здесь, внизу»

А. Герцен «О развитии революционных идей в России (письмо к Мишле):

> «Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания? Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестанную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце, которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия? Первым русским произведением, снискавшим огромную популярность, было не послание, обращенное к императрице, не ода, на которую вдохновили поэта бесчеловечные опустошения и кровопролитные победы Суворова, а комедия, ед-

кая сатира на провинциальных дворянчиков. Тогда как Державин сквозь ореол славы, окружавшей трон, видел одну лишь императрицу, Фонвизин, ум сатирический, видел изнанку вещей; он горько смеялся над этим полуварварским обществом, над его потугами на цивилизованность. В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией. В этой иронии, в этом бичевании, не щадящих ничего, даже личность самого автора, мы находим какую-то радость мести, злорадное утешение; этим смехом мы порываем связь, существующую между нами и теми амфибиями, которые, не умея ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества. Неутомимый протест неотступно преследовал эту аномалию. Он был горячим, беспрестанным. ...Под московским небом все в душе Гоголя становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем прежде, но это другой смех: он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне народ и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника, Смеясь, он безжалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, зловредной души. Комедия Гоголя „Ревизор", его роман „Мертвые души" — это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина в XVII веке. Присутствуя на представлениях „Ревизора", император Николай умирал со смеху!!! Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что „за его улыбкой кроются горячие слезы". После „Ревизора" Гоголь обратился к поместному дворянству и вытащил на белый свет это неведомое племя, державшееся за кулисами, вдалеке от дорог и больших городов, схоронившееся в деревенской глуши, — эту Россию дворянчиков, которые втихомолку, уйдя с головой в свое хозяйство, таят развращенность более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок,

> без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребенок сосет грудь своей матери. „Мертвые души“ потрясли всю Россию. Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно сознается в своих слабостях и недостатках, чувствует, что они не являются сущностью его натуры, что он не поглощен ими целиком, что есть еще в нем нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может еще искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапала-неженки — Сарданапалом-героем».

Марк Твен:

> «Юмор приводит в действие механизм мысли. Все человеческое грустно. Сокровенный источник юмора не счастье, а горе. На небесах нет юмора. Рассказы бывают различных видов, но из них только один по настоящему труден — юмористический рассказ»

В. Высоцкий:

> «Шут был вор: он воровал минуты —
> Грустные минуты, тут и там, —
> Грим, парик, другие атрибуты
> Этот шут дарил другим шутам.:
> Только — балагуря, тараторя —
> Все грустнее становился мим:
> Потому что груз чужого горя
> По привычке он считал своим.
> В сотнях тысяч ламп погасли свечи.
> Барабана дробь — и тишина…
> Слишком много он взвалил на плечи
> Нашего — и сломана спина.
> Он застыл — не где-то, не за морем —
> Возле нас, как бы прилег, устав, —
> Первый клоун захлебнулся горем,
> Просто сил своих не рассчитав».

Цитат было очень много. «Откуда столько цитат?»» — вспомнил он вопрос Григория Петровича. «Оттуда, Гриша, что настоящее открытие — это точка, в которой сходятся мысли и поиски всех думающих людей».

Вечером он думал ехать на Чердак с друзьями, но никого из них в клинике не нашел. Он пожал плечами и поехал сам, руководствуясь оставленным подробным адресом. Внизу у подъезда его ждала Мзия. Он вздрогнул как удара током, когда увидел ее изящную нервную фигуру. Она вся была словно из пены морской, такая воздушная, всегда немного не от мира сего, и в то же время настоящая, живая, близкая. Ему стало страшно оказаться с этой новой Мзией один на один. Он первый раз устыдился своего уродства, и только превозмогая стыд, заставил себя встать на костыли. Мзия бросилась ему помогать.

— Где все? — спросил он хриплым от волнения голосом.

— Они сказали, что ты запретил праздновать. Что нет повода для торжества.

— Они оставили нас одних? — спросил Бене, и его глаза не скрыли глубокого волнения

— Да, Бенедикт. Мы будем сегодня одни, как семь лет назад. Опять совсем одни. — она улыбнулась ему с таким теплом, с такой детской непосредственной радостью, что он наконец узнал свою Мзию. Узнал и перестал бояться. Он невольно улыбнулся, вспоминая ее детскую любовь, которая тогда такой нежностью разливалась по его сердцу.

— Мзия, — тихо сказал он, — я всегда тебя любил. И тогда я тоже любил в тебе все, и твою романтику, и твою серьезность, и твою мечту всегда мне нравится. Теперь ты любишь не меня, ты стала серьезной, ты профессионал, у тебя столько интересов. А тогда ты была только моей. Могло ли мне это не нравиться? Я просто знал, что это иллюзия, а от иллюзий надо избавляться. Я знал, что сделаю тебе больно, но что ты в конечном итоге все поймешь.

— Это не было мечтой, это было смыслом жизни. Это и осталось смыслом жизни, Бенедикт. Я очень старалась тебя забыть, я

хотела себе доказать, что стала взрослой и серьезной, я встречалась с другими мужчинами. Только ты как был светочем в ночи, так и остался. Вот теперь сформулируй, как моя новая романтика называется, — расхохоталась Мзия, а Бене подумал, вот он этот смех над собой, этот философский юмор, раньше она не умела над собой смеяться. И он улыбнулся, вспомнив, как она была обижена: «Вы посмеялись надо мной со своим Шеллингом!»

ГЛАВА 24. МЗИЯ И ВЕРА ПОГИБАЮТ

Доктор Бене и Мзия договорились, что ребята до тех пор, пока все не утрясется, на чердаке больше появляться не будут. Работу по публикации экспериментов Милграма должны были закончить Андрей и Саша. О том публиковать или не публиковать результаты экспериментов никто не спорил, для всех было очевидно, что это долг перед обществом, перед самими собой, который выполнить необходимо. Для всех также было очевидно, что компромисс, который предлагал Белогородский не только не был выходом из ситуации, но напротив, был заведомым поражением. Только активная работа сайта, только репутация сатьяграхов, только научные и правовые институты, на которые опирался чердак, еще обеспечивали какую-то безопасность. Заяви они сейчас, как рекомендовал Белогородский, что эксперименты ошибка и чердак самоликвидируется, и они потеряли бы то единственное, что имели — общественную поддержку. А дальше можно было быть уверенным, что и суда никакого над министром бы не было, а если бы и был, то с оправдательным приговором. А вот сатьяграхов могли привлечь за клевету при таком повороте событий. Тем не менее, Бенедикт Яковлевич был благодарен Белогородскому за его визит, и за честное изложение всех фактов. Он не кривил душой, когда рассказал о положение вещей, а принимать решение чердак уже был волен сам. Доктор Бене не был младенцем, которого легко было ввести в заблуждение, единственное, в чем он нуждался, были факты.

И решение было принято: чердак оставить всем, зато сайт должен продолжать свою работу. Офис переносился по домам и квартирам до окончательного решения ситуации. Мзия и Вера должны были собрать свои вещи и съехать в течении ближайших дней, ребятам вменялось закончить работу с публикацией экспериментов прежде чем покидать офис. Начали всерьез думать о том, чтобы закрыть клинику и уехать всем из страны. Так или иначе, все должны были соблюдать осторожность. Однако никто, и прежде всего доктор Бене не мог предположить, что нависшая угроза так серьезна: дело достигло такой степени публичности, работа офиса была так очевидно в рамках закона, не говоря уже об этической и научной стороне, о поддержке общества.

Доктор Бене услышал страшную новость на рассвете, всего через сутки после того, как они расстались с Мзией на чердаке. Ему позвонил Гриша Белогородский и сказал, что Мзия и Вера покончили с собой, спрыгнув с 17 этажа своего знаменитого чердака, что ему очень жаль, и что он предупреждал доктора Бене о том, что чердак этот ничего хорошего никому не принесет, и его давно надо было закрывать: «Сейчас здесь работают, тебя все равно не пустят, приезжать бесполезно, тела в морге. Днем надо заехать за ними в морг». Бене ничего не ответил своему бывшему шурину, телефон выпал из его рук, его тело сотрясали рыдания. Первая его мысль была не о детях, которые привыкли обходиться без матери, его первая мысль была об Андрее: что будет с Андреем, когда он узнает, что Вера мертва. Леви-Финкель бросился к своей машине, чтобы ехать к Андрею: пусть узнает страшную новость от него. Как он не старался смягчить удар, он видел, что нанес Андрею смертельную рану, которой тот не в силах будет пережить.

Уже третью неделю Андрей жил у Бенедикта Яковлевича. Тамрико, которая глубоко переживала смерть Мзии, отвезла близнецов к бабушке и дедушке, к родителям Мзии, которые тоже очень страдали. Она одела черную косынку в знак траура по Мзии, чего не делала даже после смерти Анна. Она приняла

правильное решение в отношении переезда близнецов в это трудное для всех время. Особенно сильно переживала Маша, так что приезд близнецов был одинаково благотворен и для них самих, и для семьи Мзии в этой трагической ситуации. А Тамрико занялась детьми Андрея, и им самим, выделив ему комнату Мзии и разместив детей у себя в детской. Леви-Финкель принял решение закрыть клинику и уехать в Израиль к своим двоюродным братьям, с которыми он поддерживал отношения. Он передал все дела по завершению дел в клинике Петрову, Михельсону и своим адвокатам, а сам перестал там появляться. Нина Александровна и Светлана Алексеевна навещали Андрея и доктора Бене так часто как могли. Он с трудом пережил смерть своей первой жены, которую очень любил; с еще большим трудом он нашел вторую любовь, когда думал, что уже никто не согреет его сердца, и вот ее опять у него отняли. Он тешил себя надеждой, что спас жизнь Андрею, и вот Андрей рассыпался у него на глазах от горя. Это было больше, чем он мог перенести, у Бене просто опустились руки. Он не думал о мести, потому что не знал, кому мстить. Кто стоял за убийством Мзии и Веры? Контора или это личная инициатива министра? Кто принял решение выдать все за самоубийство? Разве одному министру по силам спрятать концы в воду? И все же он сомневался, что это дело рук товарищей Белогородскомго, слишком прямо он рассказал ему все накануне трагедии. Если бы они что-то замышляли, уже его бы точно не стали ставить в известность. Скорее всего, министр испугался, что они заключат сделку, и его участь будет решена. Он оспорил заключение о самоубийстве и настаивал на продолжении расследования. А сам не переставал прокручивать разговор с Гришей все снова и снова, каждый раз отмечая новые подробности, каждый раз приходя к новому решению: «да, конечно, — говорил он себе очередной раз, — это сделал министр, это же очевидно». Проходило немного времени, пластинка делала новый круг в его голове, и уже вывод был другим: «он бы никогда не сделал этого один, никогда бы не решился сам. Нет, это контора, конечно».

Дело получило широкий общественный резонанс. Кто-то выложил фото с места происшествия в интернет. Леви-Финкель долго не мог себя заставить посмотреть эти фото. Две прекрасные девы в огромной как море луже крови. Фото молниеносно облетело весь интернет. Его ставили рядом с наделавшим шума портретом Верочки: «Вот что стало с Мадонной Чердака сатьяграхов, — пописывали сравнительную картинку, — ее выбросили с то самое окно, на фоне которого она изображена. Эти облака и верхушки дубов видели, как летела мадонна вниз головой. Известная пианистка Мзия Лурия разбилась вместе с ней». Слухам о самоубийстве никто не верил, и чем больше настаивали на этой версии власти, тем менее правдоподобной она казалась людям. Картина подскочила в цене и стоила уже два миллиона долларов. Саша Тополев продал портрет Веры, и передал все вырученные средства Андрею: «Это ваш портрет и ваши деньги. А за картину не переживай, я нарисую еще одну точно такую же, для нас».

Андрей настоял, чтобы на похоронах вместо портрета Веры стояла репродукция картины Саши. Бене выбрал для Мзии ее последние фото с детьми, которые она со слезами показывала ему в их последнюю ночь на чердаке, которую они провели вместе. Он очень смутно помнил, что говорил в тот кошмарный день над закрытыми гробами девочек; у него до сих пор стоял в ушах только надрывный плач родителей Мзии, помертвевшие опухшие от слез глаза Машеньки, серое лицо Андрея, превратившегося в эти дни в живого призрака. Он только помнил хорошо, как он начал свою речь:

— Мне уже доводилось хоронить родных людей, — сказал Леви-Финкель, вытирая слезы, — нет ничего страшнее этого в жизни. Даже когда уходят пожилые и отжившие — родные люди становятся частью нас, и уносят часть нас с собой в могилу. А когда речь о молодых, прекрасных полных сил людях. Когда нам надо хоронить не только безвременный уход, но хоронить страдания, которое варвары причинили нашим близким, лишая их жизни. Да, друзья, нет страшнее дня в жизни человека, нет

неподъемнее скорби. Эти молодые женщины не причинили никому вреда. Напротив, они посвятили свои жизни служению обществу. Вся их жизнь — тяжелый труд и страдание, самоотречение и риск личным счастьем для нас, для нашего благополучия. Они гордились тем, что были сатьяграхами и самоактуалами. Так они любили себя называть. Они гордились тем что читали и были знакомы с мыслями и жизнями всех выдающихся представителей человечества. Там, среди вдохновенных вершин этих прекрасных людей обитали эти молодые женщины, собирая по крупицам мудрость веков, и подобно пчелам передавая мед этой мудрости нам на страницах своих статей и сайтов. Сколько хорошего они могли сделать! Скольким людям помочь? Скольких просветить и направить? И скольким живым людям вырвали сердце, лишив эти юные побеги жизни? Моя Мзия, моя дорогая женушка, уносит мое сердце в могилу вместе со мной. Моя грудь пуста и холодна, в ней больше не бьется сердце. Нам было дано три счастливых года, полных любви и нежной заботы друг о друге, потом Мзия решила, что нельзя отдавать божий дар жизни только личному счастью, что мы помимо своего благополучия имеем долг и должны его выполнять. Она оставила меня и посветила себя учебе и искусству. Она стала инициатором чердака сатьяграхов, она показала юридические и политические следствия теории психической энергии, которой была посвящена моя жизнь. И она вернулась ко мне. Вернулась когда посчитала, что выполнила свой долг перед людьми, что теперь, когда она знает, как служить обществу, как быть полезной людям, а не только себе, она тоже имеет право на счастье. У нас был всего один день, — голос Бене сорвался на рыдания, — вернее всего одна ночь. Еще только одну ночь мы принадлежали друг другу, бог дал нам попрощаться, дал мне обнять мою женушку перед тем как вечный холод и мгла навсегда отняли ее у меня. Она радовалась, что опять будет жить с детьми. Плакала над их фотографиями и мечтала подарить им все тепло, которого они были лишены. Она уже никогда не сможет этого сделать. Бертран и Руфь, наши близнецы, вырастут без матери. Без матери суждено расти прелестным малышам Веры Газдано-

вой, которая уходит от нас сегодня с Мзией. Я прочту им вдогонку их любимые цитаты, которые они собирали, словно драгоценные жемчужины в свои совсем неженские шкатулки мудрости. Я выбирал те цитаты, — голос Леви-Финкеля опять сорвался в рыданиях, — в которых наши дорогие сатьяграхи видели себя продолжением в цепочке всех мыслителей и деятелей, приходивших служить человечеству, и где самым ясным образом раскрывается понятие пространства и времени нашей общей психической энергии. Никто не сможет отнять у нас дорогих людей:

Б. Рассел «Образование и здоровое общество»:

> «Прежде всего, индивид подобно монадам Лейбница должен отражать мир. Почему? Я не могу привести других причин кроме тех, что знание и способность объять сознанием вселенную представляются мне достойными восхищения, в связи, с чем я предпочитаю Ньютона устрице. Человек, который всегда сконцентрирован и чье сознание искрится как в камер-обскура, отражая глубины космоса, эволюцию солнца и планет, геологический возраст земли, и краткую историю человечества, представляется мне выполняющим исключительно человеческую миссию, максимально разнообразя потенции природы. Знание, эмоции и сила контроля — все это должно быть максимально развито в стремлении к совершенствованию человечества»

Бертран Рассел «Борьба за счастье»:

> «Если, с другой стороны, ваши привычные мысли всегда содержат исторический взгляд на человеческий путь, начиная с его постепенного зарождения из варварства, и краткость общего существования человека в сравнении с размерами астрономических эр, если, повторяю, такие мысли всегда при вас, вы поймете, что сиюминутная борьба, в которую вы вовлечены, не может быть такого масштаба, чтобы рисковать вернуться назад в темные века варварства, из которых мы с такими трудами выбирались. Нет, больше, если вы переживаете неудачу в достижении сиюминутной цели, вас поддержит та же мысль о преходящем, которая сделала невозможным обращение к разрушительному оружию. В вашем распоряжении окажутся помимо промежуточных целей, также задачи отдаленные и медленно раскрывающиеся, задачи, неличные, где вы только один из воинов огромной армии великих людей, прокладывавших дорогу человечеству к цивилизации. Если вы сумеете развить в себе этот взгляд

> на человечество, ваша жизнь станет продолжением жизни всех великих людей, имевших общие цели, и с вашей смертью эта нить общей жизни не оборвется, и поэтому покажется вам лишь незначительным инцидентом»

Абрахам Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

Длинными ночами доктор Бене и Андрей плакали вместе, и говорили, говорили, говорили. Оставаясь один, Леви-Финкель предавался воспоминаниям, которые рвали и терзали его душу каленным железом.

В ту последнюю ночь они не сомкнули глаз ни на минуту, и расстались только утром, когда Бене собрался, наконец, ехать на работу. Если бы они знали, что расстаются навсегда! Всю ночь они строили планы на новую совместную жизнь, плакали и смеялись огромному счастью, которое подобно снежному кому свалилось им на голову в виде трепетной любви, соединившей их в одно существо. Мзия рассказывала как жила

без своего Бенедикта, как старалась во всем быть самостоятельной.

— Сначала я так жаждала этой самостоятельности, что почти ненавидела тебя. Я знала, что не выжила бы без твоей заботы, но я также знала, что дальше я должна научиться справляться со всеми жизненными задачами сама. И первая задача, которую я себя поставила была задача забыть тебя. Ты сказал, что моя любовь к тебе была ненастоящая, иллюзия, где я была влюблена в образы кьеркегоровского кривого зеркала. И мне было стыдно сознавать, что ты прав, стыд жег меня каждый раз, как я вспоминала свои романтические глупости, и думала, как я тебе была смешна. Значит, надо было выкинуть тебя из головы. Я стала реже ездить к детям, а потом перешла на видеосвязь. Я запрещала себе думать о тебе, но ты словно маяк в ночи, стоял перед моим мысленным взором каждый, раз как я ложилась спать. Труднее всего было преодолеть соблазн близости с тобой. Мне так тебя хотелось, что я физически заболела. Я погибала от тоски, мне хотелось бежать к тебе и просить на коленях принять меня обратно. Пусть смеется надо мной, думала я в такие минуты сама не своя от боли, только пусть обнимет меня, только пусть опять каждую ночь будет моим, пусть наши дети будут рядом со мной. Мне было так хорошо с тобой, и мне казалось, что это всегда так хорошо. Бежать к тебе назад я не могла, я преодолела эти минуты слабости. Я тогда решила что «клин клином вышибают», и решила завести себя парня. Я поставила себе такую цель. Я учла все, что ты говорил, и все что я уже знала психике и об отношениях мужчин и женщин. Я поняла, что любовь и отношения мужчин и женщин не одно и то же. Что первое — очень редко, а второе очень примитивно. Я перестала быть искренней, Бене. Я переспала с парнем просто, чтобы избавится от наваждения наших с тобой ночей. Я играла роль, и я видела что он не увидел разницы между искренностью и ролью. Я больше не старалась быть идеальной как романтики, я старалась ему угодить, польстить, и очень презирала и себя и его за эту роль. Но роль сработала — и то, что раньше казалось таким сложным и таким восторженным стало

таким мелким и таким обыденным. Я поняла, что секс — это не любовь, и что не каждый секс прекрасен, а только близость с любимым человеком. Я научилась отделять одно от другого. И ты знаешь, тогда я впервые почувствовала себя взрослой. Я научилась быть самостоятельной, научилась сама ориентироваться в социальном мире, видеть людей как они есть и контролировать свои отношения с ними. Тогда меня впервые отпустило наваждение наших ночей с тобой. Место жгучей страсти, которая меня убивала, стала постепенно занимать нежность. Меня уже не тянуло к тебе всеми силами гравитации, но ты все равно сиял словно солнце в моих воспоминаниях. Это уже не был болезненный свет, ослеплявший меня как раньше. Это был прекрасный восход солнца, и он не только не мешал мне, он помогла мне жить, твой ясный образ. И я оставить попытки выжить тебя из своей души — пусть этот мягкий нежный свет разливается и согревает меня, подумала я. Это был уже четвертый курс университета, с тем первым парнем я давно рассталась к тому времени. Я уже три года была с тобой в разводе, я развелась специально, чтобы быть честной с тобой. Теперь у меня появился новый парень, приезжий, мы говорили с ним на английском и он звал меня уехать с ним. С ним мне не было так плохо как с первым. Он был умнее и добрее, не унижал меня и не строил из себя бог весть что. Но у него не было никакой глубины, не было того духовного поиска без которого для меня нет отношений. Я смеялась его плоским шуткам, и старалась не говорить на серьезные темы, потому что знала, что он не поймет. И второй раз я убедилась, что нет для меня прелести в этих отношениях, если нет духовного контакта. И когда он позвал меня замуж, позвал ехать с ним в Англию после института, я даже не задумалась с ответом. Я уже знала, что никогда не брошу детей и тебя и не уеду так далеко от вас. Тогда я перестала искать, Бенедикт, тогда я поняла, что стала взрослой, и что знаю разницу между романтикой и настоящими отношениями, или между просто сексом и любовью. Я поняла, о чем ты мне говорил в тот вечер, когда я решила от тебя уйти: и настоящая любовь у нас тоже была. Теперь я знала, что действительно была,

потому что нас соединила не романтика, а духовный поиск, который сразу во мне увидел за хаосом болезненных восприятий. И того что я искала и не находила в других, я давно нашла в тебе, и потому ты оставался светочем моей души все это время, и потому только близость с тобой была для меня священна как храмовые омовения. И только эта близость была чудесной как сказка, и настоящей как вода из живого источника.

Тогда я поняла, что единственное предназначение всей моей жизни быть с тобой, работать с тобой, любить тебя, потому что твой духовный поиск был моим духовным поиском. Тогда я села и написала дипломную работу «Естественное право и разделение научного и юридического контролей» на основе твоей теории психической энергии. Тогда я нашла ребят и увлекла их идеей чердака сатьяграхов. Как же смешно мне было, когда Манкевич обратился ко мне с просьбой говорить против тебя на защите диссертации! Ни о чем я не мечтала так, как о твоей удачной защите!

Не видеть детей было не так трудно, пока я ставила себе задачу забыть тебя и устроить свою жизнь отдельно от тебя. Я думала, устроюсь, у меня будут еще дети, а наших детей я буду видеть иногда пока они маленькие, если ты мне позволишь и буду делать для них все что смогу. А когда они вырастут мы будем общаться сколько угодно. Эти мысли давали мне силы не видеть их. Но как только я поняла, что возвращаюсь, меня потянуло к ним так, что закружилась голова. Я плакала ночи напролет, вспоминая все мелочи, все жесты. И я не смогла дождаться твоей защиты. Я была на прошлой неделе у Тамрико, рассказала ей все про наш чердак и про то, что мы готовим тебе сюрприз. И если ты меня простишь, я к вам вернусь. Посмотри, сколько фотографий мы сделали с детьми! Как ей идет имя твоей бабушки, Руфь! — смеялась Мзия счастливым смехом. — А Бертран как хмурит лобик, точно будущий философ.

Бене вспоминал, как она просила снова и снова рассказывать все забавное и смешное, трогательное и интересное из жизни детей. И как он смеялся, рассказывая ей, что дети те-

перь подросли и объявили вооруженную войну властной Тамрико, хитрят и интригуют против нее, не слушаются, а спасаться бегут к Бене.

— И не знаю, что мне делать, — смеялся он, разводя руки в беспомощности, — когда то в детстве я сам так делал, когда Тамрико натягивала вожжи, как она умеет. Но видишь неплохого человека и гражданина из меня вырастила. Я сердцем за этих маленьких хулиганов, а внешне всегда поддерживаю Тамрико, конечно!

Теперь Бене с мучительной болью вспоминал, каким счастливым он тогда себя почувствовал. Эта душевная тонкость, которую приобрела Мзия, сделал ее частью его души. В ней больше не было ни грамма того смешного Эго, романтика которого мешала им соединится до конца. Она поняла его, она сумела довести его терапию до конца самостоятельно, и она была права, для этого надо было пожить врозь, ей надо было учиться самостоятельной жизни. Как она говорила, вспоминал ее слова Бене. «Наваждение наших ночей»? Он с нежностью вспоминал об этих ночах, но наваждением они для него не были. Эта последняя ночь залечила в нем все душевные травмы, только в эту единственную их встречу, он почувствовал, как неиссякаемым потоком нежности они могли стать друг для друга. Они касались друг друга мыслями, чувствами, душами; они видели и понимали боль друг друга; они видели то что есть, и уважали и восхищались тем что видели. Их переполняла нежности, и они с радостью делились ей друг с другом.

Бене уходил, чтобы навсегда соединиться с Мзией через каких-нибудь пару дней. Ее ждали, счастливые встречей с мамой, дети, и Тамрико. И вот всего сутки спустя звонок Гриши Белогородского вновь погрузил его в ад. Ее больше нет. Кто-то жестоко отобрал у нее жизнь. Кто-то в ком нет сердца, убил это большое и нежное сердце. Убил его жену и его друзей, которых он любил также сильно, только иначе. Доктор Бене чувствовал себя мертвым, и только мысли об Андрее еще держали его в этом мире. Он чувствовал свою ответственность за него, и не мог бросить

его сейчас, когда на него свалилось такое несчастье. Все эти дни траура они говорили только об одном: что есть бог и почему он допускает столько зла на земле. Говорили о новой теодицеи, находили ответы и искали снова. Эти разговоры спасали их от других, более опасных мыслей. О своих детях он переживал меньше, у них была бесконечно преданная им Тамрико, он оставил им все свое состояние, накопленное за долгие годы работы, и все что придет после продажи клиники, и он принял твердое решение отправить их в Израиль, к своим братьям. Они молоды, любовь Тамрико их поднимет, а родственники и обеспеченность помогут получить хорошее образование. Они смогут читать книги отца, когда вырастут. И вот только матери своей они никогда не узнают по настоящему. Да, если бы не Андрей, Бене ничего не держало здесь. А вот туда, к холодному покою Мзии, его, как она выразилась, теперь тянули все силы гравитации.

Наверное, они так бы и уехали в Израиль, дождавшись продажи клиники и завершения всех своих дел в Москве. Если бы однажды, Леви-Финкель не включил телевизор как раз во время речи министра образования, Сырдонова О. М. Он говорил с такой злостью, что Бене сердцем почувствовал, что речь идет о них, увеличил громкость и стал внимательно слушать каждое его слово.

— Посмотрите, до чего нас довела эта западная культура! — брызгал слюнями министр образования. — Уже год всей Москве морочила голову секта самоубийц с какого-то там чердака чокнутых поэтов! Шеллинг и Гельдерлин! А ведь поэт Шеллинга повесился на этом чердаке! А Гельдерлин был шизофреником! Они считали себя сектой художников, и считали, что художниками могут быть только шизофреники! Как Ван Гог, который застрелился! Как Тассо, который умер в сумасшедшем доме! Ха-ха! Это они называли наукой! Антипсихиатры, которые оказались обычными психами! Настоящие врачи не будут выступать против признанной во всем мире науки, не назовут себя антипсихиатрами! Они морочили нам головы чердаком сатьяграхов и самоактуалов, сами не понимая

значения этих слов, а оставались всего лишь чердаком самоубийц. Это бывшие пациенты слишком амбициозного еврейского ученого, который хочет убедить весь мир, что он открыл какую-то там психическую энергию! И для этой цели он объявляет своих шизофреников — художниками и поэтами, которых он якобы излечил! На эту тухлую начинку наложили сверху слои других нелепостей: какое-то естественное право и какой то институт прав человека. И все это с одной целью: достичь власти, отнять ее у настоящих вождей народа, заморочить людям головы, опускаясь даже до такой низости, как пользоваться больными людьми! Я прощаю этим несчастным всю клевету которую они на меня возвели, ибо они не ведали что творят! Но так называемую защиту диссертации Леви-Финкеля я никогда не смогу понять! Я призываю к ответу организатора и инициатора этого чердака, как главного виновника смерти ребят, которым он задурил головы своими эфемерными открытиями!

Леви-Финкель заставил себя дослушать эту речь до конца. Комментатор завершил эфир с министром образования краткой сводкой о патриотическом настрое министра, выращивающего у себя на даче такие замечательные овощи и фрукты для собственного стола.

Вот тогда доктор Бене вспомнил об адресе дачи министра образования, который ему оставил Гриша Белогородский. Все было решено в считанные минуты. Он пригласил Андрея, Сашу, Мишу Михельсона, Винцента Петрова, и изложил все им. Они выразили самое горячее одобрение его плана. Он встал и показал им арсенал своего оружия, оставшийся у него еще с боевых времен молодости.

— Вы не обязаны в этом участвовать, — сказал он им. — Если вы не согласитесь, так тому и быть. Пусть остается безнаказанным. Забудем об этом.

— Никогда! — сказал Андрей с такой горечью, что у Бене защемило сердце. — пусть никто не едет, но я поеду с тобой даже если наступит апокалипсис.

— Это оружие, — сказал Бене, — вам стрелять не придется, надеюсь и мне не придется. Но если вы хотите взять оружие на всякий случай, у него вооруженная охрана, возьмите.

Он раздал им бронежилеты и коротко изложил план.

— Вот это дорога на дачу, — показал он им карту. — Мы будем ждать министра вот здесь. Вы перекроете ему дорогу вот отсюда. Я заеду отсюда. Из машины не выходить, пригнуться и ждать пока не подъеду я. В машине два охранника, я буду смотреть на их активность. Нам надо заставить министра говорить. Одно дело, когда убиты невинные люди и убийцы неизвестны. Совсем другое дело, когда убийца публично измывается над своими мертвыми и живыми жертвами. Это тот случай, когда надо применить сатьяграху Ганди: наш долг сотрудничать с добром также, как не сотрудничать со злом. Если они не отдают под суд человека против которого столько очевидных улик, мы заставим его говорить сами. И никто не помешает нам отдать его под суд.

У них бы все получилось, и все могло бы обойтись без жертв. Только у Андрея сдали нервы. Он не послушал приказа доктора Бене сидеть в машине пригнувшись, пока он не подъедет. Андрей увидел ненавистное лицо министра и выйдя из машины направился к нему. «Зачем ты убил мою жену?» — кричал он в беспамятстве. «Зачем ты убил ее, объясни? Что тебе сделала моя жена?» Он, конечно, искал смерти, думал потом Бене, вспоминая их бесконечные разговоры о непротивлении злу, где Бене стоял на позиции Эйнштейна, а Андрей на позиции Ганди. Где-то в душе, он не мирился с тем, что они взялись за оружие, даже для того чтобы заставить признать вину убийцу. Как бы то ни было, охранники министра открыли огонь на поражение. У Андрея потом оружия не найдут. Бене предложил брать оружие по желанию. Андрей отказался. Он был тяжело ранен. Леви-Финкель подоспел вовремя и открыл ответный огонь. Убедившись, что охранники стрелять больше не будут, он сделал условный знак Саше, Мише и Вене, и те выскочив из машины, направились к машине министра.

— Это мой друг. Он умирает. А может уже умер. — показал министру на истекавшего кровью Андрея Леви-Финкель. — Твои люди открыли огонь на поражение по безоружному человеку. Еще двух невинных девочек вы убили до этого. У тебя две минуты чтобы рассказать все, подробно отвечая на мои вопросы. Мне даже не придется тебя убивать, ты истечешь кровью, у тебя разорвано плечо. И мне за это ничего не будет. Вы убили безоружного человека, это самозащита. Я очень хочу, чтобы ты не ответил и сдох от потери крови. Но если ты ответишь, я вызову скорую и отдам тебя властям, потому что я человек совести и я уважаю законы.

Министр рассказал все, и Бене все записал на диктофон. Он умел спрашивать. Министр рассказал все подробности, так что сослаться потом на показания под угрозами не удалось. Министр разоблачил себя полностью, и прокуратуре ничего не оставалось, как осудить его по обвинению в двух убийствах и покушении на жизнь Андрея. Оба охранника выжили, а жизнь Андрея висела на волоске. Доктор Бене, как прежде, дежурил у дверей его палаты, только теперь это было отделение реанимации. Он снова и снова прокручивал их разговоры о теодицее, и снова и снова спрашивал себя, имел ли он право брать с собой Андрея, даже если тот сам выразил горячее желание ехать?

ГЛАВА 25. ТЕОДИЦЕЯ. ГРИША БЕЛОГОРОДСКИЙ БОЛЬШЕ НЕ БОИТСЯ ВЫСОТЫ

Андрей умер через 16 дней после ранения, которое он получил в перестрелке. Его дети по-прежнему жили в доме доктора Бене с Тамрико. Близнецы Леви-Финкели тоже вернулись домой, что повлекло сетования родителей Мзии. Они больше ни за что не хотели расставаться с внуками, и даже повздорили на этот счет с Тамрико. Но Тамрико твердо стояла на своем: Бертран и Руфь были единственной отрадой ее сердца. Смерть Андрея подсказала другое решение: дети Верочки и Андрея всегда были родными для семьи Бене. Их и до этой трагедии часто оставляли

у Тамрико с близнецами, ведь Верочка была так занята на чердаке сатьяграхов весь последний год. Дато и Раиса, родители Мзии и Маши, были рады идее усыновить детей Верочки и Андрея, со смертью последнего оставшихся круглыми сиротами. Чтобы никто не думал, что они согласились взять себе детей из-за двух миллионов долларов, Давид предложил сделать из денег общий фонд сатьяграхов. Ведь картина, в конце концов, была результатом совместного творчества, а дети теперь уже ни в чем не нуждались под любящим присмотром своих новых родителей.

Бенедикту Яковлевичу было о чем подумать эти печальные шестнадцать дней. Ему стало немного легче после публичных признаний и осуждения бывшего министра, но он чувствовал, что ранен насмерть, и что ничего уже не сможет залечить этой раны. Может только если выживет Андрей. Он вспоминал свои оживленные беседы с ним после трагедии с их женами, в горячечном бреду кровоточащих сердечных ран. Он вспоминал всю историю своего знакомства с этим удивительным человеком, священником по самому признанию своего сердца, посвятившего себя реформе христианства со всем пылом и мужеством Лютера. Их философский дискурс, который они вели со времен первого знакомства, был богословским дискурсом. Ни до, ни после, доктор Бене уже не встречал человека, так глубоко владевшего темой, жившего метафизикой богословия в прямом смысле этого слова, и болевшего ей подобно протестантам эпохи Реформации. Попытки Андрея после ухода из лютеранской церкви воплотить задуманные им реформы в виде церкви рационализма успеха не принесли. Тогда он с головой погрузился в работу чердака сатьяграхов, правовую и политическую программу которого составила Мзия. И он всегда говорил Бенедикту Яковлевичу, что теория психической энергии — это научное евангелие, которое дает философию и психологию духа на научном языке, тогда как писания откровения — на языке мифологическом.

— Прошло время мифологических Евангелий, Бене, — говорил ему Андрей. — Теперь они несут больше вреда, чем пользы.

Помнишь, как в «Воспитании человеческого рода» у Лессинга? Каждому этапу человеческого развития свое откровение. Тогда в осевое время Ясперса — это было великое откровение. Сейчас — это тормоз, который работает в обратном направлении, нежели дух самого евангелия указывает. Мифологический язык евангелий не только скрывает смысл, который в них содержится, он позволяет трактовать их в противоположном смысле, что и делали все эти демонические инквизиции, индульгенции и проч, вплоть до наших дней. Помнишь, с чего начался мой личный кризис? С осознания глубокого кризиса церкви. Я усвоил только одно с тех пор: никогда церковь не выйдет из этого кризиса, если будет придерживаться своих детских мифологий. Это яд, который ее добьет.

— В чем же богословский смысл теории психической энергии, Андрюша? — спрашивал его доктор Бене, который никогда не размышлял в этом ключе о своей научной работе. — Какой ты видишь ее богословскую трактовку? Что есть добро и зло, где бог между ними?

— Метафизическую часть я изложил в понимании новой философии рационализма в предисловии к твоей диссертации. Очень важно отличать бога-интеллекта от их бога-откровений, который творит чудеса и капризничает как малое дитя. А что до части этической, до теодицеи, то и над этим я много думал. И знаешь, Бене, получается интересная картина, как в мифе о Геракле, задушившем в колыбели двух змей.

Бог как космический интеллект. Вообрази эту вселенскую мощь прекрасных абстракций интеллекта, держащих своими очертаниями закономерностей форму всего космоса. Вот этот грандиозный купол ослепительного солнца божественной мудрости. Больше нам знать о нем ничего не дано. Только то, что есть законы природы и что есть космический интеллект, установивший их.

Мы знаем, что мы, люди, человечество — посвященные в мудрость бога. Мы не мудрецы как говорил Пифагор, который изобрел слово «философ», потому что мудр один Бог. Мы те, кто

любит мудрость, посвященные, философы. Действительно, как и почему сотворил себя этот ослепительный вселенский купол интеллекта, этот эфирный мир идей Платона мы не знаем, и знать не можем — это мудрость бога. Но мы обладаем поистине волшебной способностью познавать законы природы, установленные этим чудесным интеллектом! Здесь бог приобщил нас к своей мудрости, сделал совсем крохотной, но все же частью этого ослепительного источника света. Духом назвали люди эту чудесную энергию интеллекта, эту частицу божественной мудрости, способной проникать в тайны природы и открывать законы, заложенные в ней испокон веку ее творцом и создателем. Энергий бог создал великое множество, но то — материальные энергии, они имеют форму интеллекта, законы которые ими движут, но не имеют способности познавать эти законы. Они не приобщены к божественной мудрости, а мы, люди, приобщены. У нас эта чудесная духовная энергия, которая дает нам дверь, окно, путь в божий дом интеллекта. Вот в чем значение мифа о происхождении человека «от духа святого».

Только трудно сказать, была ли эта дверь, которую бог оставил нам в свой дом интеллекта, даром или наказанием. Ибо зависли мы между адом и раем. И тут то и начинаются все самые трудные вопросы человечества. Добро и зло, свободная воля и необходимость законов природы, сила духа и материя природных автоматизмов.

Вот они аборигены, первые люди с первобытным сознанием. В них еще совсем ничего нет от божественной энергии, от интеллекта и от духа. Э. Ренан говорил в этой связи, что не видит оснований для бессмертия дикарей. Бессмертна душа, а души, то есть энергии интеллекта, у них еще нет. Вернее она есть, но она еще в зачаточном состоянии, едва-едва теплится, но достаточна уже для того, чтобы стать базисом психики. Аборигены — совсем не животные, их качественное отличие от животных в том, что у них есть психика, энергия психики, а у животных только биология. Но пока — это мертвая психика.

На фундаменте энергии духа, из которого через тысячи лет родиться все величие цивилизации науки, свободы, искусства и гуманизма, сегодня растет страшный урод-паразит: поле эго-системы, превращающее поведение человека в безумный хоровод бессмысленных автоматизмов.

Что значит эта мертвая душа у первобытных людей с богословской точки зрения, ты никогда не задумывался, Бене? Что бог хотел сказать нам людям, давая нам такую сложную задачу. Он дал нам мощь интеллекта, но спрятал его глубоко-глубоко под отрепьем автоматизмов мертвой энергии: найдете, будет вам справедливость, свобода, доброта и радость; не найдете, пеняйте на себя, мертвая энергия превратит вашу жизни в муки ада, издеваясь над всем добрым, умным и прекрасным!

Какая страшная и какая величественная задача, Бене! Думал ли ты об этом когда-нибудь всерьез? Что это значит с точки зрения этики, с точки зрения греха и воздаяния? С точки зрения теодицеи?

Главное, врут те, кто говорит, что бог несправедлив и попустил злу цвести безнаказанно. Нет. Он себе на уме, но он не подлец (как точен Эйнштейн как всегда!). Да, он сотворил и мертвую энергию психики в виде поля Эгосистемы, и живую душу, в виде поля совести и интеллекта. Да, первобытные люди еще слишком глупы, чтобы найти эти два поля, нейтрализовать одно, и многократно усилить другое. И да, они будут тяжело страдать до тех пор, пока не найдут и не сделают то, что должны сделать.

Но Бог не подлец, Бене! Он не сделал зло сильнее добра, и не отдал ему добро в качестве жертвы! Мертвая энергия поля Эгосистемы — ничтожна, слаба, и главное, она мертва! Она болезнь всех и каждого! Когда злой человек заставляет страдать доброго — это не значит, что зло победило, потому что тот злой человек глубоко болен! Он действует как алкоголик или наркоман! Зло — всегда психическая болезнь, потому что всегда происходит из мертвой энергии поля Эгосистемы! Значит, никогда не может быть такого, даже временно, что зло где-то победило,

что одни злые люди победили других добрых. Потому что жертвы все — и злые, которые не ведают, что творят, и добрые, которым они наносят страдания. Зло — болезнь, и даже когда эти больные люди побеждают, они все равно чувствуют боль и мертвенность этой страшной энергии, овладевшей ими. Значит, нет тех кто выиграл несправедливо! Пока есть зло — проиграли все, и все страдают, но нет несправедливости.

Вот почему, как правильно говорил Шеллинг, однажды, когда узнают, как зло маскируется под добро, оно исчезнет, потому что не имеет своей силы. Нет такого человека, которому было бы выгодно сохранять эту болезнь мертвецов. Как только механизмы психики станут общеизвестны, зло исчезнет. Бог предусмотрел это. Бог не подлец, он не закладывал несправедливости.

— Как красиво ты рассказываешь, Андрюша. — говорил ему зачарованный его речью Бене, — А что же ты ответишь Достоевскому, на его вопрос в «Братьях Карамазовых» об искуплений стольких страданий невинных людей? Кто или что заплатит за невинную кровь, которая лилась все эти ужасные тысячелетия торжества мертвого тока? Чей это грех? Есть ли тогда грех? И как его искупить?

— Чтобы творить грех, надо его осознавать. Тот кто осознает что делает зло, и продолжает делать его, тот грешит перед богом. Осознать грех можно, потому что никогда зло мертвой энергии не живет в человеке само по себе — всегда только как паразит на теле его духа, на теле совести и интеллекта. А значит, если совесть и ум развиты, они увидят эту болезнь. Это и называется угрызениями совести. Очень сильные люди могли избавляться от поля эгосистемы сами, интуитивно, еще до открытия психической энергии. Потому неправда про гений и злодейство: настоящие гении сразу видят болезнь и избавляются от нее. Значит, если грех понимаешь, то уже и отвечаешь за него: и перед богом, и перед людьми, и перед совестью своей. Если угрызения совести замучают — освободился человек от греха, не признает эту болезнь собой, снял эгозащиту. А если осознает грех и про-

должает — вина на нем, грех на нем. Это и есть грех — осознавать зло, видеть болезнь и продолжать делать зло.

— И что же тогда, Андрюша? Не видит он греха! Поражен, мертва совесть и мертв его ум. Кто ответит за его злодейства? Как аборигены, например, разве они понимают, что когда убивают друг друга по обвинению в колдовстве, делают страшное зло? Что с них взять, машинкам подобно их сознание, и не таковы ли современные психопаты? И там и там автоматизмы садомазохизма? Как в этом случае понимать грех, вину и наказание?

— Всегда эти понятия имеют отношение к сознанию, потому что душа есть разум, сознание. Только тот кто осознает, может грешить, быть виновным и нести ответственность. Кто виноват когда бешенный бык топчет вокруг себя людей? Бык или те, кто отвязал его, и не усмирил, когда тот разбушевался? В ответе те, кто имеет разум. Так и здесь: если люди не сознают себя, отвечают за их действия люди разумные.

— Значит, в ответе те кто мешает становлению науке, а не те, кто непосредственно применяет насилие? Первые осознают свой грех, будучи развитыми людьми, вторые будучи людьми очень примитивными его не осознают, правильно? Пусть так. Но ведь все равно нет ответа на вопрос Достоевского. Невинная кровь течет реками. Мы уже знаем, что это временно. Мы знаем, что однажды маленький Геракл, то есть человечество, задушит змеенышей, подосланных в его колыбель в виде поля эгосистемы мертвой энергии. Однажды, когда человечество поумнеет настолько, чтобы открыть и контролировать психическую энергию. Мы уже знаем, что никто не выиграл от этих рек крови, потому что палачи такие же жертвы этого тока садомазохизма как и те, кого они казнили. Если никто из людей не повинен в этой крови, если вся эта бездна боли — только недочет в расчетах бога, не сумевшего покрыть окно между детской болезнью человечества и его взрослым научным интеллектом, то выходит виноват во всем сам бог? Выходит, либо он так слаб, что не смог устранить эти страшные и бессмысленные потоки крови, либо он так недобр, что ему все равно что живой дух людей претерпева-

ет такие мучения без всякого смысла, просто в ожидании когда найдутся знания, и болезнь пропадет сама собой?

— На этот вопрос у меня ответа нет, — говорил понуро Андрюша. — Зачем протекут потоки невинной крови до того момента когда люди поумнеют, я не знаю. Бессмысленно? Да, бессмысленно. Не может быть в этом смысла эсхатологии: то есть рай и ад как воздаяние это нелепость, если зло происходит от мертвой энергии. Одно могу сказать точно: зло, которое мертво здесь, мертвым и останется. Люди, в которых нет духа — прах, и во прах вернутся. А люди духа, которые есть часть интеллекта, останутся его частью всегда. Да, здесь нет ответа на вопрос в чем смысл боли и кто за нее ответит? Но ведь мы не спрашиваем, кто ответит за жертвы стихийных бедствий? Попал человек под цунами, кто будет отвечать? Зло и есть такое цунами, и есть такая стихия мертвой энергии психики. А люди через которых оно приходит уже мертвы, как же им нести наказание? «Должно прийти соблазну, но горе тому через кого он придет». Об этом эти строки.

— Но разве ты не понимаешь, что тогда непротивление злу Христа получает двоякий смысл? — спорил с ним бывало доктор Бене. — С одной стороны — да, он прав, все человечество есть дух совести и интеллекта, а зло — всеобщая болезнь этого духа, которая его разъедает на мертвые автоматизмы. Да, жалейте всех, любите всех — все жертвы одного зла. В этом есть смысл. Но посмотри и с другой стороны. Как избавится от этого зла, если не противиться ему? Когда придет время от него будут избавляться через систему образования: нейтрализация поля эгосистемы станет центральной целью всякого образования во всех концах света. Это и будет правильной борьбой со злом, а не войной человечества друг с другом, что всегда было и есть нелепость. Но как соблюдать непротивление злу, пока зло активно в людях? Пока люди с активной эгозащитой во главе государств и военных ведомств? Когда у них вся сила? Как не противится злу, Андрюша? Наоборот, получается, что наш священный долг бороться с этим злом, чтобы освободить

человечество от этой раковой опухоли, иначе она никогда нас не оставит.

— Да, и мы делаем это единственно возможным способом — открываем законы психической энергии и доносим их до человечества в виде научного знания. Пропагандируем это знание. А что нам даст борьба с конкретными чиновниками, даже самыми злостными? Только новых злостных чиновников. Вспомнить, все попытки убрать плохих людей и поставить хороших: все всегда заканчивалось одинаково. Уничтожали много невинных людей с горсткой злодеев, а потом на место глав правительств опять приходили злодеи уже во флере новой идеологии, умея каждый раз, как говорил Шеллинг, притворится добром. Так было когда церкви боролись с язычниками и еретиками, а оказывалось что нет больше язычников и еретиков, чем они сами. Так было когда республиканцы боролись с монархиями, а потом становились сами королями больше, чем сам король. Так было когда рабочий класс боролся с тиранией буржуазии, а оказывалось, что рабочий класс такой же тиран. Всегда когда люди пытаются убить плохих людей, зло ускользает от них, потому что зло не в конкретных людях, оно есть общая болезнь человечества, и зло в закономерностях поля психики. Какой же смысл опять бороться против плохих чиновников? Чтобы пришли другие плохие чиновники?

— Это я понимаю, ты прав конечно. — ерзал Леви-Финкель. — Ты мне скажи, что делать в споре Ганди и Эйнштейна, Толстого и Рассела? Все они однажды стояли на позиции непротивления злу. Ганди и Толстой так и остались на этой позиции. А вот Эйнштейн и Рассел передумали после прихода Гитлера и второй мировой войны. Рассел писал, что против Гитлера метод Ганди бы не сработал, потому что его бы не остановило уничтожение миллионов невинных людей. И Эйнштейн говорит, что во всем согласен с Ганди и его сатьяграхой: совесть выше юридизма, и юридизм должен равняться на совесть, а не совесть на юридизм; народ не обязан сотрудничать с правительством, чьи законы не отвечают совести. Но не со-

гласен с тем, что если правительство в ответ на требования народа давит его танками, то не должно быть сопротивления злу. Нужно злу сопротивляться.

Так они спорили до той страшной трагедии, когда в реальной жизни не оказались перед выбором бороться со злом в лице конкретных людей или не бороться. Андрей решил сделать в конечном итоге как Рассел и Эйнштейн после Гитлера, но так и не смог отказаться от непротивления злу и подставил себя под пули в лучших традициях сатьяграхи Ганди.

И вот теперь его не стало. Не стало той единственной преграды, которая еще держала Бене над пропастью, зияющая бездна которой давно звала его к себе. Словно оборвался последний нерв, лопнула натянутая струна. Он даже не мог больше плакать. В его воспаленном мозгу вдруг возникла мелодия «конченного человека» Высоцкого и уже не отпускала его. «Устал бороться с притяжением земли, — звучала в голове заезженная пластинка, — Лежу — так дальше расстоянье от петли, И сердце дергается, словно не во мне, Пора туда, где только ни, и только не». Он просмотрел свои звонки: опять несколько пропущенных от Белогородского. Тот не уставал набирать ему со времени разоблачения бывшего министра, но Леви-Финкель никогда не отвечал. У него не хватало сил обсуждать все это с кем-то, он чувствовал себя живым мертвецом. Он знал, что должен Белогородскому и за адрес дачи, и за то, что он объективно изложил ему все факты. Но где-то в глубине души он продолжал не доверять ему, ведь он мог бы и раньше ему все рассказать, пока не стало слишком поздно. Он мог бы не помогать противной стороне. Он мог бы наконец уволится оттуда много лет назад, вместе с ним, когда после ухода Горбачева стало ясно, что правительство примет обратный курс, в бюрократию и автократию. Нет, говорить по приятельски он с ним не мог, а говорить по другому не хотел, да и смысла уже никакого не было. Когда-то очень давно, он ему верил, даже любил его, и не только как брата Анны. Но с тех пор между ними встала целая жизнь, и та жизнь, которой те-

перь жил Гриша, была ему непонятна и чужда в самом своем основании.

Бенедикт Яковлевич вспомнил что аренда чердака заканчивается только в конце месяца, и что он все еще в их распоряжении. Саша Тополев, Петров и Михельсон вывезли оттуда все вещи и мебель, так что там, и присесть было негде. Бене положил свой пистолет за пояс, сел в машину и поехал в направлении чердака. Он уже час сидел у входа, не шевелясь, вспоминая, все ли он сделал, все ли нужные бумаги оформил, чтобы после его смерти у родных и друзей не возникло проблем с его наследством. Потом его мысли сами собой ушли в другом направлении. Он увидел как несколько недель назад он впервые подъехал к этому злосчастному подъезду и ему навстречу вышла Мзия. Как она улыбнулась ему своей детской, доверчивой улыбкой, от которой солнце засияло в каждом ее глазу. Страшная боль придавила доктора Бене к сиденью машины, и он уже не чувствовал в себе сил подняться наверх, туда, где они провели свою единственную ночь после семи лет разлуки, и где на следующий день ее так жестоко убили. Сколько раз он видел как Мзия и Вера, перепуганные насмерть умоляют палачей оставить их в покое. Как те их волокут и грубо толкают в распахнутое окно. Окно на чердаке открывалось прямо от пола, так что не надо было особый усилий, чтобы вытолкнуть туда двух слабых женщин. И потом время останавливалось. Их душераздирающий крик замирал в его ушах, он видел каждую подробность полета, словно в кадрах замедленной съемки. А там, внизу их уже ждала та огромная лужа крови, в которой они лежали на облетевшей весь интернет фотографии. И вот их тела со страшным шумом врезаются в эту лужу, и он чувствует кровь везде: на лице, во рту, в ушах. Эта навязчивая картина повторялась снова и снова, и только разговоры с Андреем, пока он был еще жив, его немного отвлекали и успокаивали. Это было их общее горе. Теперь его нет, и вместо того чтобы помогать нести боль, он окончательно раздавил его своей смертью.

Доктор Бене сделал еще одно усилие встать, и подняться на чердак. Ноги не слушались его. Тогда его вдруг осенило. Он взял телефон и набрал Грише Белогородскому: «Гриша, приезжай на чердак, здесь поговорим. Поднимешься, дверь будет открыта. Я видел твои звонки, не мог ответить. Все нормально. И не вздумай кого-нибудь привести с собой. Ты пожалеешь. Ты знаешь, я никогда не бросаю слов на ветер». Это был трюк, которым Леви-Финкель хотел себя обмануть: отвлечь приездом Гриши и предстоящим разговором с ним от тяжких переживаний, которые парализовали его энергию. И помимо того, почему бы и не сказать Грише всего, что он думал о нем перед смертью. И… почему бы не наказать его, умерев у него на глазах? Финкель знал, что Грише будет больно видеть его смерть. Эти мысли, в самом деле, настолько отвлекли его от страшных воспоминаний, что он вскочил на костыли и побежал на семнадцатый этаж. Надо было успеть занять боевые позиции на чердаке прежде, чем приедет Белогородский.

Когда Григорий Петрович вошел, Финкель сидел у самого окна, которое он прежде открыл настежь. Ему оставалось только наклониться, чтобы последовать в ту почину, которая поглотила Мзию и Веру. Это было самое начало сентября, теплый ветер трепал его густые черные кудри, изрядно поредевшие на макушке. Белогородский зажмурился и машинально шагнул назад:

— Ты рехнулся, Финкель, слезь сейчас же! Ты же знаешь, я боюсь высоты. Я не могу даже смотреть на тебя. У меня кружится голова. Закрой окно и отойди оттуда, иначе я не буду с тобой говорить. Я ухожу. Меня уже тошнит от головокружения!

— Я не шучу, Григорий Петрович. Ты же меня знаешь, я бы не сел здесь просто пошутить с тобой. Если я сел, то уже не встану, уже сделаю, зачем пришел. Ты можешь уйти, а можешь поговорить со мной, перед тем как… перед тем как я пойду вслед за Мзией и Верой. Эта лужа крови давно меня зовет. Там, в ней, разбились остатки моего сердца. Честно говоря, Гриша, мне плевать на тебя, уходи. Я позвал тебя, потому что не мог отвлечься от мыслей о них, не мог себя заставить войти сюда. Вспомнил,

как мы с тобой когда-то, когда вместе служили, всегда выручали друг друга в опасных ситуациях. И ты знаешь, помогло. Вот я сижу у этого самого окна, смотрю вниз и вижу на асфальте очертания той страшной лужи. Я смог сюда прийти. И скоро она меня поглотит. Все, твоя миссия выполнена, Гриша.

Белогородский стоял в дверях, закрыв глаза руками и не смел сделать ни шагу вперед. Он слушал слова Бенедикта Яковлевича словно в тумане, тошнота подступила к горлу, сильное головокружение повалило его с ног. Он медленно пополз к противоположному краю квартиры, чтобы быть как можно дальше от этой страшной картины, где Бенедикт сидел у окна семнадцатого этажа, свесив с него свои больные ноги.

— Я здесь Бенедикт, — сказал он слабым голосом, отворачиваясь от него и устраиваясь в углу квартиры. — Я пришел, ты меня звал и я пришел. Я закрыл дверь, как ты сказал. Я тебя слушаю, друг. Говори все, что ты хочешь мне сказать. Я один, со мной никого нет. Я тебе звонил много раз, когда узнал, что этот гад сделал с девочками. Я хотел выразить сочувствие, хотел извиниться. Ты столько пережил с Анной. Я знал, что это тебя добьет. Пожалуйста, не делай ничего, Бенедикт. Я не могу на тебя смотреть, иначе я потеряю сознание. Ты знаешь, как я боюсь высоты. Ведь это ты меня спас тогда на вертолете, когда ты прыгнул вместо меня. Ты помнишь, Беня, друг как ты прыгнул вместо меня? Пожалуйста, не прыгай, я тебя слушаю, говори.

Доктор Бене едва его слышал. Это пятно внизу притягивало его словно гипнотический круг. Еще немного и эта лужа вновь оживет, наполнится новыми красками живой и теплой крови.

— Да, Гриша, я прыгнул тогда вместо тебя. И я очень гордился, что смог тебе помочь, что ты остался на службе, что ты поверил в свои силы. Я думал мы друзья, я тебя любил, Гриша. Любил не только как брата моей Анны, любил, как друга, как моего брата, которого у меня никогда не было. Чем ты мне ответил, Гриша, когда на нас с Анной совершили покушение? Ты встал на их сторону, ты остался на службе, ты никогда даже не сделал попытку поговорить со мной об этом. Тогда ты умер для меня,

Гриша, умер вместе с Анной. Я никогда тебе этого не говорил, но я носил в себе эту боль все эти годы. Трудно потерять сразу и жену и лучшего друга. Мне было одинаково больно потерять вас обоих, Гриша.

Когда после аварии я пришел в сознание, я видел раздробленную голову Анны на соседнем сиденье. Я знал, что она мертва, и что у меня считанные минуты, чтобы выбраться из машины. Но я не смог оставить ее даже мертвую им, понимаешь? Я вытащил ее труп на себя, и когда машина взлетела на воздух, один осколок попал мне в позвоночник. Этот последний жест любви стоил мне 25 лет инвалидного кресла, Гриша.

— Ты никогда не рассказывал об этом, Финкель, — голос Белогородского все слабел и слабел, он судорожно отирал пот со лба, не смея развернутся в сторону Леви-Финкеля, — бедняга. Я не знал. Я думал, тебя покалечила авария, а ты был цел и мог остаться на ногах.

— 25 лет инвалидного кресла, Гриша, знаешь, что это такое для такого человека, как я? Я был вертляв и энергичен как пущенная из ствола пуля, меня усадили в железобетон мертвых нервов. Хорошо, я и это принял, никогда, ни разу, никому не пожаловавшись. Ты ведь тоже не знал до сегодняшнего дня, что я сам решил рисковать своей жизнью. Вот тогда вся моя жизнь стала разваливаться на мелкие кусочки, чтобы однажды стать одной большой кучей мусора.

Сначала я верил в Горбачева. Я и сейчас его уважаю, только он оказался слабаком. Да-да, он был слабаком во всем, и в том, как он боролся с Ельциным, и в том как он ему уступил страну, и в том как он не смог использовать такой громадный капитал каким был его авторитет в мире, чтобы бороться дальше за свои идеалы. Я перестал ему верить, даже ему. Знакомство с Петром Николаевичем перевернуло всю мою жизнь. Он стал мне вторым отцом. Он научил меня думать, он увлек меня наукой, научил понимать историю и политику. Это было самое большое и самое светлое событие во всей моей жизни. А потом брак с Анной стал кульминацией этого счастья. Я верил Анне, своей

жене. Знаешь почему я так ее любил, Гриша? Она научила меня рефлексии. До нее я смотрел только вперед, видел цель и шел к ней. Она научила меня смотреть внутрь себя, анализировать себя, отличать очки в сознании, через которые ты смотришь в мир. И это сделало меня совсем другим человеком. Тогда я впервые понял, что то что внутри нас важнее того что снаружи. Ее тоже у меня отобрали.

Пятнадцать лет я жил без любви, отдав себя работе, молча глотая унижения в своем инвалидном кресле, делая вид, что мне это ничего не стоит. Я работал, я отдал себя работе. И тогда мне повезло снова, я встретил Андрея Орлова. Какого космического духа это был человек Гриша! Какое огромное сердце билось в его груди! Он растопил и мою заледеневшую грудь. Я помогал ему, а он помогал мне. Мы были друзьями и товарищами с пастором Орловым с самой первой нашей встречи. — Бене больше не сдерживал рыданий, заворожено наблюдая точку пятна далеко на асфальте. — ты знаешь, что Манкевич сделал с Андреем на моей первой защите? Он чуть не убил его только за то, что я сумел вытащить его из психоза без таблеток, только за то, что я не был таким же мясником как они. Они считают своих пациентов скотом, подопытными кроликами, засовывают руки по локоть в мозг, и убивают этим последнюю надежду на выздоровление. И тогда Андрюшу спасла Верочка. И Андрюшу и меня вместе с ним, потому что я чувствовал себя виноватым за то что с ним случилось. Потом, я спас Сашу Тополева, и мою Мзию. Жизнь налаживалась. Мне удавалось делать добро. Вокруг меня были прекрасные люди. Я был счастлив, счастлив даже тогда, когда Мзия ушла от меня. Я знал, что она вернется. У меня было больше опыта чем у нее, и я знал, что то, что было между нами забыть нельзя, что мы всегда будем вместе. А потом навалились эти страшные новости, которые ты принес, и жизнь опять превратилась в кошмар. Именно тогда, когда я думал, что может быть я смогу немного вздохнуть, может быть оживу наконец. Не успел я прижать свою Мзию к сердцу, как звонит мой бывший друг, и нагло врет мне

в трубку: твоя Мзия и Вера спрыгнули с 17 этажа. Ты сам верил в то, что ты говорил, Гриша?

— Я позвонил тебе сразу как убедился, что девочки мертвы. — Белогородский сидел, упершись головой в стену, стараясь глубоким дыханием перебороть тошноту от головокружения. — Я звонил с места происшествия, вокруг было много людей, я был на службе. Я сказал то, что мне велено было говорить всем. Я ведь тебе набирал потом сто раз, ты никогда не взял на меня трубку.

— Верно говоришь, складно. А если бы я взял, ты бы мне сказал, что их сбросил тот кусок дерьма. Никогда больше я не мог тебе верить Гриша после того случая с Анной. И если бы мне живьем не вытащили сердце из груди этими тремя смертями подряд, ты никогда бы не услышал этой исповеди. Она льется из пустой и вспоротой груди сама собой. Ты тогда пришел, рассказал мне про министра, когда было уже поздно. И что ты мне посоветовал? Ты посоветовал мне закрыть чердак сатьяграхов и сказать что эксперименты Милграма были ошибкой? Ты сам понимал, что ты говорил? Это было худшее, что можно было посоветовать в такой ситуации.

— Я сказал то, что мне сказала контора. Я пытался найти компромисс. Я пытался тебя как-нибудь вытащить. Все было против вас.

— Вот именно Гриша, не бывает компромисса между добром и злом. Если смешать добро и зло всегда получится только зло. Можно либо быть на стороне добра, либо на стороне зла. Мы с тобой давно выбрали разные стороны. Андрей говорил, что еще немного и добро окончательно победит. Мы с ним не успели увидеть победы добра. Его поглотила пучина зла, и я послушно иду за своими друзьями. Знаешь, что я вижу все последние дни? Неотвязно настойчиво в ярких красках? С какой отчетливостью я слышу их последний крик? Я все это время знал, что я пойду вслед за ними. Я каждый раз говорю им: подождите, не бойтесь, я иду за вами. Я уже скоро приду. Я еще нужен был Андрею, а теперь я должен идти к ним. Они меня

ждут. Гриша, уходи оттуда, уходи, если в тебе осталось что-то человеческое.

— Финкель, подожди! — Григорий сделал над собой страшное усилие и развернулся к своему бывшему другу. — Я тебя слушал, послушай теперь и ты меня!

Бенедикт Яковлевич выпрямился и откинулся назад, повинуясь настойчивой просьбе Белогородского.

— Говори, Гриша, теперь у нас много времени.

— Ты решил меня наказать своей смертью, да, Бене? — развернулся к нему Григорий Петрович. — Ты выбрал правильный путь, пристыдить меня, друг. Пожалуйста, пожалей меня, не делай этого. — Белогородский спешил говорить, и слова заплетались у него на языке. — И ты и отец вы всегда считали меня вторым сортом! Да, да, теперь отрицать бессмысленно. Пока ты не появился у него в жизни, у Петра Николаевича была Анна, его любимая дочь, умница и красавица, которая всегда его понимала. А я был так, тенью тени, Гришка, балбес, он никогда не воспринимал меня всерьез. Он старался вести со мной свои долгие умные беседы, как с Анной, как потом с тобой, но я не мог его слушать. Не потому, что я тупой, Финкель, я знаю все, что он говорил и тебе и Анне. А потому, что я не мог выносить этого тона, которым он говорил, словно бы пророк, вещающий чревом откровение господне. Я не верил в его премудрость, которая открыла ему истину, не верил, что он и в самом деле имеет, что сказать для науки и для человечества. Все эти его разговоры о новой парадигме, о психической энергии, о материи и духе казались мне фантазиями юродивого. Я стыдился его, Финкель! Говорил я тебе когда-нибудь об этом?!

Доктор Бене был поражен тем, что услышал настолько, что позабыл о том, где и зачем он сидит. Он развернулся к Григорию Петровичу, и посмотрел ему прямо в глаза:

— Ты стыдился Петра Николаевича, Гриша?! Ты никогда мне этого не говорил. Мне казалось...

— Что я тупой, да, Финкель? Я конечно, не так умен, как ты, ты ведь сразу понял, что мой отец был гением. Но все же я

не был тупым, Финкель, я понимал, о чем он говорил, но не верил ни единому его слову. Он говорил, что я все делал ему назло. Это не совсем так: я делал все так, чтобы перестать чувствовать стыд за юродивого отца, который везде прославился этими своими идеями, сделавшими ему репутацию диссидента. А мне казалось, что он просто несет чепуху, понимаешь? Я его любил и хотел им гордиться, я просил его ради нас всех, не выступать везде с этими своими революционными идеями о новой парадигме и об открытии психической энергии. Говорил, над нами будут смеяться, отец, подумай о нас, если не думаешь о себе. Но ведь ты помнишь, Финкель, каким упрямым стариком он был. Он мне не простил того, что я его стыдился, Бене. Он ведь был очень умен, он все сразу понял. Он перестал меня замечать. Только Анна, а потом, — ты, больше никого не существовало в его жизни последние годы. И знаешь, что меня убило в твоем открытии психической энергии, друг? Сознание того, что отец был прав! Что он был гением, а я его стеснялся! И я дал ему это почувствовать. Это была незаживающая рана в его сердце, и только ты облегчил его страдания.

Леви-Финкель молча смотрел в глаза Белогородскому.

— И я все это понял, когда говорил с тобой последний раз, Бенедикт. Понял, что отец был прав, что он был гением, и что я не имел право считать себя обиженным мальчиком. А я всегда считал, что он позорил меня своими выступлениями, и что он несправедливо пренебрегал мной. А виноватым и неблагодарным оказался я, Бенедикт! И это твой гений мне доказал.

Когда ушел Горбачев, и ты ушел вместе с ним, отец даже не посчитал нужным мне выговаривать за то, что я остался на службе. Но я знал, что разочаровал его опять, очередной раз. И я разозлился на него еще больше. Я говорил себе, что ты как дезертир бросил поле боя в самый ответственный момент, а отец и здесь на твоей стороне. После катастрофы с Анной, вы стали говорить о покушении, я вам не поверил. Я был уверен, что вы опять все придумали, чтобы посмеяться надо мной, чтобы доказать мне какое я ничтожество, тогда как ничтожеством были

вы! Так я тогда думал. Я сейчас тоже не знаю Бенедикт, что случилось с Анной на самом деле, а ты? Ты знаешь? Ты не должен ставить мне в вину того, в чем не уверен, на мне итак много вины. Все в чем я уверен, я признаю и каюсь, друг. Никто не может наказать меня больше моей совести, больше моих воспоминаний. Я вижу глаза старика, когда я просил его не позорить нас, когда я жаловался, что все надо мной смеются. Я пошел в офицеры разведки назло ему, это правда. Я хотел, чтобы ему было также больно как мне, когда я просил его молчать ради нас, а он все равно говорил. А теперь оказалось, что он и был пророком, что в самом деле предсказал открытие, которое мне казалось смешными фантазиями старика.

Ты научил меня понимать, что истину нельзя умолчать, особенно такую, революционную. Что это долг, который давит того, кому открылась истина, тяжкая ноша, которую он должен нести. Бене, что я должен чувствовать, вспоминая глаза отца и то, как я его ранил своими словами? Своим отношением к нему? — Гриша заплакал, отирая глаза рукавом пиджака.- Если у тебя есть сердце, Финкель, если в тебе осталось хоть что-то человеческое, ты не сделаешь со мной такого. Твоя смерть меня уничтожит, друг.

— Почему ты не сказал мне всего этого в те два раза, что ты ко мне приходил?

— Боже мой, Бенедикт, что я мог тебе сказать. Я сейчас, когда увидел тебя почти в могиле, смог понять, что я чувствовал, и почему говорил то, что говорил. Я боялся себе признаться, как несправедлив я был к старику, к тебе, к Анне. Я все это время винил во всем вас, каждого, я находил вам вину. И все эти годы, Бене, я думал о тебе, жил воспоминаниями о нашей юности, когда были живы папа и Анна. Я думал, как все могло быть хорошо, и как вы все разрушили своим упрямством, своими бреднями о какой-то антипсихиатрии и каком-то открытии психической энергии. Как вы выставили нас на посмешище. Я потом стеснялся и твоего открытия, Бене, как до этого папина. И этого увлечения Анны антипсихиатрией, и того что она прославилась как лидер этого движения в стране. И когда она погибла, я не мог себе

простить, что злился на нее все время, пока она была жива, когда я мог бы быть ей добрым братом.

Белогородский плакал, не скрывая больше своих слез.

— Казалось, ты должен был уже понять, что теории старика были бреднями: после краха Горбачева, после краха всего левого движения в мире, после краха антипсихиатрии и гибели Анны. Но нет, ты упорно продолжал нести это знамя, и я ненавидел тебя за это. Я не мог понять, почему я так ненавижу тебя за это. А потом понял, что очень боялся, что ты окажешься прав, Финкель, — зарыдал опять Гриша, — что ты докажешь правоту моего отца и Анны и мою чудовищную несправедливость к ним! И ты доказал! Ты сделал свое открытие, а твои ученики показали мне, что должен был делать я тогда, когда отец говорил мне о новой парадигме и новой научной эре. Что я должен был слушать и помогать, или хотя бы не мешать. Я все это уже знал в прежнюю нашу встречу, я знал, что ты прав в отношении политики в стране, и что оставаться на службе мне больше нельзя. И все же я упрямо ушел, потому что признать свою вину значило вскрыть такую рану в сердце, которой я бы не вынес, Финкель. Я звонил тебе все это время, чтобы предложить свою помощь, деньги, документы, эмиграцию, — все что угодно, но я не думал о том, чтобы сказать тебе то, что я сказал сейчас. Потому что это бы меня убило. И только когда я увидел тебя там, где ты сейчас, рана открылась сама собой, и гной вытек, облегчив, наконец, боль стольких лет.

Белогородский напрягал все силы организма, чтобы заставить себя смотреть на Леви-Финкеля. Потом он постепенно выпрямился и встал на ноги. Бене резко развернулся к нему:

— Сиди, где сидишь! Неужели остановить меня вздумал? Брось на пол пистолет!

Белогородский медленно вытащил оружие и положил на пол.

— Ничего я не вздумал, Бенедикт. Оружие на полу. Я сейчас подойду к тебе и сяду с тобой.

Доктор Бене расхохотался от неожиданности.

— Придумал бы чего-нибудь поумнее, Гриша. Вытаскивай все, что у тебя есть на пол. — он держал его на мушке с тех пор как Белогородский вошел.

— Больше оружия нет, — упрямо повторил Гриша, отирая пот со лба. — Я иду к тебе. Я сяду с тобой, или прыгну с тобой, или уйду отсюда вместе с тобой. А ты стреляй, если хочешь. Или смейся, мне все равно.

И Белогородский маленькими шагами, превозмогая головокружение и тошноту, направился к распахнутому окну, у которого сидел Леви-Финкель. Бене был настолько заинтригован, что почти уже забыл о своем намерении прыгать из окна: профессионал победил в нем отчаяние. Он тоже все это время думал о Белогородском как о предателе, и никак не ожидал услышать такую исповедь. Он никогда не понимал его жестокости в отношении к отцу, и не мог ему простить боли старика. Теперь Финкелю стало стыдно, что он так бесцеремонно использовал Гришу только как фон для своего самоубийства. Он замолчал и стал с напряжением следить за мелкими шагами бывшего друга. А Гриша упорно двигался вперед.

— Ты думаешь, у тебя у одного совесть есть, — сказал он Финкелю, щурясь от подступавшей к горлу тошноты. — Ты думаешь, я никогда не страдал, тысячу раз спрашивая себя, кому и чему я служу. Ты не прав, Финкель. И ты всегда много значил для меня в этом моем выборе, я всегда слушал и ловил каждое твое слово.

Белогородский уже совсем подошел к окну, остановился, перевел дух и сказал.

— Я не допущу, чтобы ты умер, Финкель. Я уже однажды не заметил рядом с собой гения, когда смеялся над своим отцом. Второй такой ошибки я не допущу. тебе я помогу всем, чем смогу. Я теперь знаю в чем мой долг, Финкель, и чему я должен служить. Ты — великий ученый, ты — светоч науки, который может изменить весь мир, и ты не можешь умереть просто потому, что тебе хочется перестать страдать.

— Все, что я знаю и всем чего я достиг, я обязан Петру Николаевичу.

— Ты многим ему обязан, Финкель, но и твоя роль в этом научном перевороте громадна. Вспомни, что я тоже был рядом с профессором Белогородским, и не стал его слушать. Чтобы выслушать и правильно понять гения, самому надо быть гением.

— Никогда я не думал услышать этого от тебя, Гриша! Ах, если бы ты пришел раньше, когда я был еще жив! Как я ждал тебя все эти годы, Гриша, эти долгие пятнадцать лет до первой нашей встречи! Ждал, что ты поймешь, как ты был к нам ко всем несправедлив! да, ты прав, я хотел тебя сегодня наказать своей смертью. Теперь мне стыдно, что я так эгоистично сделал тебя фоном для своей смерти. Но остановить ты меня не сможешь, друг. Тебя я прощаю, а себя простить не смогу.

Белогородский подошел к Бенедикту и опершись на его плечо, заглянул ему в глаза.

— А все-таки я опять сделал это, Финкель, — хитро подмигнул он бывшему сослуживцу, — я опять сумел быть смелым, посмотрев на твой пример. И он захохотал во все горло. — Скажи, Финкель, на кого ты оставишь свою науку?

Бене стало его жаль. Он превозмогал чудовищный страх, и действительно в любой момент мог сорваться. Удивляясь самому себе, Бене не стал его останавливать. Все его рефлексы перестали работать. Он уже чувствовал себя по ту сторону окна. И тем не менее, эти героические усилия Гриши заставили его внимательно слушать.

— Как на кого? — усмехнулся он в ответ. — Все врачи моей клиники. Михельсон, Нина и Веня Петровы, Птицына, Саша Тополев.

— Не смеши меня, Финкель. Никому твой когнитивный метод кроме тебя не нужен Ты и сам это знаешь, только врешь себе. Кому нужны твои дети? Тамрико? Она — старушка. И твоя смерть ее убьет. Подвинься, я сяду рядом с тобой.

Бене почти в ужасе посмотрел на Белогородского.

— Я не шучу, Финкель, я не дам тебе умереть. Я знаю сейчас, что в любой момент могу сорваться, но лучше я, чем ты. Ты нужен людям, а я так, пешка. — сказал он усаживаясь, рядом

с Финкелем. — Теперь я могу сказать это тебе прямо, а я столько лет потратил, чтобы доказать себе обратное. — и он опять засмеялся своим мыслям. — Знаешь, о чем я хотел спросить тебя на похоронах Анны? О чем я хотел спросить тебя, когда ты мне первый раз позвонил после ее смерти 15 лет спустя, и я побежал делать тебе визит? Знаешь, о чем я хотел тебя спросить тогда, когда зашел к тебе последний раз? Хотел и не мог? Я хотел спросить, Беня, что же делать то? Что же делать нам простым людям, которые не могут уйти в профессию и посвятить себя науке? Бросать гранаты в правительство? Сдать страну на распил? Я выучился на офицера, Беня, я больше ничего не умею. И у меня есть одна страна, другой у меня нет. Я не такой талантливый как ты. Я не заканчивал в 17 лет Бауманку, и не мог после разведки стать профессором психологии и психиатрии. Я делаю только то, что умею, Беня. Я — офицер, и служу своей родине. Ты сказал в прошлый раз, не клоуничай, дело серьезное. Да разве ж я не знаю, какое все это серьезное дело, Финкель? Только как жить, не клоуничая, если никто не знает что делать? И другого я ничего делать не умею. Вот я и хотел у тебя профессора спросить все это время, только стеснялся, что же делать нам простым людям: Как и родину сохранить и честь не потерять? Хотел, да только боялся перед тобой себя дураком выставить. Ты такой солидный честный и совестливый против меня суетливого клоуна. Скажи теперь Финкель, что делать, и вот тебе крест, я сделаю так, как ты посоветуешь

— Гриша, Гриша, — вздохнул Бенедикт, — много суетишься, а главного не видишь. Перед твоими же глазами было дело, которое всех нас бы спасло. Эксперименты Милграма чердака сатьяграхов, естественное право и институт прав человека. — Бене запнулся, перед его мысленным взором возникла Мзия в элегантном брючном костюме, когда она так поразила его, раскрыв правовые следствия из его теории психической энергии. — Мзия все рассказала на защите, ты прав. Вот только это единственное и нужно делать. А больше ничего не сделаешь. Родина у нас одна, Гриша — человечность, ее и надо беречь. О том я тебе и го-

ворил: государство служит человеку, а не человек государству. Сначала совесть и справедливость Гриша, а потом уже кто мы по нации. Космополитизм естественного права. Я тебе и в первый, и во второй раз сказал. Только ты все мимо ушей пропустил. У тебя все наоборот. Твоя родина не люди и не человечность. Твоя родина государство российское.

Странное дело, но с тех пор как Белогородский превозмогая головокружение и тошноту, рискуя жизнью, уселся с доктором Бене рядом, Финкель уже не чувствовал себя таким оглушенным одиночеством как за двадцать минут до этого.

— Я тебе обещал, что сделаю, как ты скажешь? — Григорий Петрович вытащил свое удостоверение офицера, порвал и бросил вниз. — Пусть сегодня кроме этих бумажек ничего больше вниз не упадет. Международный институт естественного права! Мне нравиться, как это звучит! Я тебе не заменю Андрея, Беня, у меня нет такого глобального ума и большого сердца, но я всегда буду рядом и буду верным солдатом этого международного института. Пойдем отсюда домой, Бенедикт, родной? Никто кроме тебя этого не сделает, Финкель! Ни одна душа! Я ведь чувствовал, что правда за твоими словами, но ломался из гордости. А теперь, когда ты такой серый весь пришел у меня на глазах вниз бросаться, мне эта правда в горло и прыгнула. Я знаю, что ты прав Финкель, давно знаю. Только никто кроме тебя этого не сделает, слышишь! Не обманывай себя! Тебя еще никто не отпускал со службы!

Доктор Бене продал клинику и уехал в Израиль, где он открыл новую клинику, пригласив своих старых друзей занять свои прежние позиции. Петровы остались в Москве, Светлана Алексеевна тоже не смогла уехать, все они приезжали в гости почти каждое лето. Миша Михельсон и Саша Тополев переехали с доктором Бене в Израиль. Родители Мзии со всем своим многодетным семейством перебрались поближе к Леви-Финкелям, так что близнецы по прежнему росли вместе с детьми Верочки и Андрея. Белогородский сдержал свое слово: из органов он уволился, и уехал в Израиль вместе с Бенедиктом Яковлевичем,

где они вплотную занялись международным институтом прав человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011

2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011

3. Аристотель «О душе»

4. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018

5. Лосев А. Ф. Аристотель И: Молодая гвардия 2014

6. Пейн Т. Здравый смысл

7. Пейн Т. Век Разума И: Академия наук СССР 1959

8. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011

9. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

10. Толстой Л. Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009

11. Толстой Л. «Царство Божие внутри вас» 2011

12. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий M:T8RUGRAM, 2017

13. Толстой Л. Исследование догматического богословия Editorial URSS 2016

14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

16. Плутарх Избранные жизнеописания в 2 т. И: Правда 1987

17. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

18. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

19. Фишер Куно Фихте И: Русского христианского гуманитарного института 2004

20. Фишер Куно От Канта до Фихте И: Ленанд 2006

21. Гегель Г. Философия духа Эсксмо 2016

22. Гегель Г. Феноменология духа Академический проект 2016

642

23. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

24. Ницше Ф. Воля к власти И: Азбука классика 2010

25. Ницше Ф. Генеалогия морали И: Азбука аттикус 2011

26. Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

27. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности И: Азбука аттикус 2016

28. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

29. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

30. Фрейд З. Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

31. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности И: Лениздат, Команда А 2013

32. Фрейд З. Будущее одной иллюзии И: Фолио 2013

33. Фрейд З. Тотем и табу И: Лениздат Команда А 2013

34. Фрейд З. Я и Оно И: Эксмо 2016

35. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия АСТ 2015

36. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я АСТ 2018

37. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

38. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

39. Russell B. «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

40. Russell B. «Political ideals»

41. Russell B. «The Power» London Allen & Unwin, 1938

42. Рассел Б. Автобиография. Выдержки.

43. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

44. Рассел Б. Практика и теория большевизма И: Наука 1991

45. Рассел Б. Брак и мораль И: Крафт 2004

46. Russell B. The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

47. Рассел Б. «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

48. Russell B.«Proposed roads to freedom»
49. Рассел Б. Избранные труды Сибирское университетское издательство 2009
50. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009
51. Платон Диалоги М: Астрель 2012
52. Платон Государство И: Эксмо 2018
53. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979
54. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012
55. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011
56. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010
57. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011
58. Руссо «Эмиль, или о воспитании» И: Книговек 2018
59. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС-Ц 1998
60. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012
61. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011
62. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003
63. Гете И. В. Страдания юного Вертера И: Детская литература 1982
64. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007
65. Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008
66. Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008
67. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009
68. Ленин В. И. «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984
69. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007
70. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» 1974
71. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011
72. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903 644 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА
73. Лауэ Макс История физики Москва 1956

74. Мах Эрнст Познание и заблуждение Москва 2003
75. Маркс К. Капитал 1985
76. Фромм Э. Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
77. Фромм Э. Искусство любить М: АСТ, 2010
78. Фромм Э. Здоровое общество М: АСТ, 2005
79. Фромм Э. Иметь или быть? М: АСТ, 2000
80. Фромм Э. Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000
81. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 1998
82. Адлер А. Наука жить Киев 1997
83. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии
84. Адлер А. Понять природу человека Спб 1997
85. Адлер А. О нервическом характере АСТ 1997
86. Адлер А. Воспитание детей Ростов на Дону 1998
87. Маслоу А. Мотивация и личность Спб Питер 2003
88. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999
89. Маслоу А. Психология Бытия М: 1997
90. Франкл В. Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990
91. Франкл В, Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004
92. Франкл В, Доктор и душа Спб: Ювента 1997
93. Олпорт Г. Становление личности М: Смысл 2002
94. Роджерс К. О становление личности Киев 2004
95. Роджерс К. Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002
96. Роджерс К. Консультирование и психотерапия
97. Левин К. Динамическая психология М: Смысл 2001
98. Юнг К. Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997
99. Юнг К. Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991
100. Юнг К. Проблемы души человека
101. Хорни К. Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997

102. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001
103. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.
104. Мади С, Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.
105. Хъелл. Л. Зиглер Д. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.
106. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.
107. Спиноза Этика М, Хар, 1998
108. Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998
109. Спиноза Богословско-политический трактат Минск Литература 1998
110. Делез Жиль Эмпиризм и субъективизм. Кант. Бергсон. Спиноза. ПЕР СЕ 2001
111. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007
112. Коников И. А. Материализм Спинозы Наука 1971
113. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013
114. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012
115. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993
116. Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005
117. Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003
118. Васильев Л. С. История Востока М Высшая школа 2005
119. Людвиг Э. Наполеон М. Вагриус 1998
120. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994
121. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001
122. Юнге Таудль Воспоминания секретаря Гитлера

123. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив-Пресс 2001 646 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА

124. Макиавелли Н. Государь М: Эксмо 2009

125. Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

126. Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

127. Мортон Э. История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

128. Дробанская — Ландау К. «Как мы жили». Воспоминания.

129. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?

130. Хитченс К. Томас Пейн Права человека

131. Блекберн С. Платон Республика

132. Браун Д. Дарвин Происхождение видов

133. Вин Ф. Маркс Капитал

134. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

135. Майерс Д. Психология Минск Попурри 2008

136. Майерс Д. Социальная психология Спб: Питер 2009

137. Аронсон Э. Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

138. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999

139. Ясперс К. Смысл и назначение истории Издательство политической литературы 1991

140. Ясперс К. Общая психопатология И: КоЛибри 2019

141. Кемпинский А. Психология шизофрении СПб. Ювента 1998

142. Критская В. П. Мелешко Т. К. Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991

143. Каплан Г. И. Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.

144. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

145. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000

146. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002

147. Цвейг С. Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука-классика 2001.

148. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

149. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

150. Ганнушкин П. Б. Клиника малой психиатрии

151. Леонгард К. Акцентуированные личности

152. Кречмер Э. Строение тела и характер

153. Кречмер Э. Гениальные люди Москва 1998

154. Ильин Е. П. Эмоции и чувства СПб 2001

155. Кьеркегор С. Или-Или СПб: Амфора 2011

156. Кьеркегор С. Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996

157. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

158. Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

159. Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006

160. Сартр Дьявол и Господь Бог

161. Юровская Э. П. Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006

162. Сартр Экзистенциализм — это гуманизм

163. Сартр За закрытыми дверями

164. Сартр Ж-П Слова

165. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010

166. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г

167. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996

168. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998

169. Гренвилл Дж. История 20 века. М. Аквариум 1999

170. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973

171. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967

172. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996 648 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА

173. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма-Инфра-м 1998

174. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма-Инфра 1998

175. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. Де лоЛтд 1994

176. Ядгаров Я.С, История экономических учений М. Экономика 1996

177. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов-Ключ 1993

178. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

179. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999

180. Хрущев Н. Воспоминания М. Вагриус 1997

181. Коуз Р. Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

182. Бовуар С. «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997

183. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956

184. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990

185. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017

186. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979

187. Кропоткин П. Этика Юрайт 2019

188. Кропоткин П. Государство и его роль в истории И: Женева 1904 (репринт 2012)

189. Кропоткин П. Нравственные начала анархизма И: Лондон 1907 (репринт 2012)

190. Кропоткин П. Анархия и нравственность АСТ 2018

191. Кропоткин П. Современная наука и анархизм И: Книгоиздательство Иванова 1906 (репринт 2012)

192. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

193. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

194. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

195. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

196. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

197. Герцен А. С того берега Вольная Руская Книгопечатня 1855 (репринт 2012)

198. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

199. Чернышевский Н. Лессинг И: T8RUGRAM 2018

200. Лессинг Г. Избранное Художественная литература 1980

201. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

202. Тургенев И. Дневник лишнего человека

203. Милль Дж. С. Автобиография М: Либроком, 2013

204. Милль Дж О гражданской свободе Либроком 2017

205. Милль Дж Рассуждения о представительном правлении Социум 2017

206. Милль Дж. Система логики силлогической и индуктивной Ленанд 2011

207. Петрушевский Д. Великая хартия вольностей Социум 2016

208. Чаадаев П. Философические письма

209. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

210. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

211. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

212. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

213. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

214. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005 650 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА

215. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

216. Хомский Ноам Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002

217. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012

218. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

219. Хомский Н. Картезианская лингвистика Либроком 2010

220. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013

221. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

222. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

223. Малюгин Л. Гитович И. «Чехов» М: Советский писатель, 1983

224. Так говорил Ландау Феникс 2014

225. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014

226. Эйнштейн А. Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967

227. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015

228. Эйнштейн А. «Сумасшедший я или мир вокруг меня», Рассел Б. «В этом безумном мире» Алгоритм 2020

229. Эйнштейн А. Как изменить мир к лучшему» И: Алгоритм 2013

230. Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе АСТ 2013

231. Уеллс Г. Люди как боги

232. Хофман Б. Альберт Эйнштейн Творец и бунтарь М: Прогресс 1983

233. Чехов А. Собрание сочинений в 8 томах Правда 1970

234. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

235. Спенсер Г. Личность и государство И: Социум 2020

236. Спенсер Г. Этика общественной жизни Социум 2015

237. Спенсер Г. Научные основания нравственности ЛКИ 2013

238. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

239. Милль Джон «Огюст Конт и позитивизм» М: ЛКИ 2017

240. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: КоЛибри, Азбука-атикус 2016

241. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

242. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016

243. Конт О. Дух позитивной философии 2016

244. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989

245. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016

246. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017

247. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017

248. Оруэлл Дж «1984» М: АСТ 2017

249. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

250. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981

251. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017

252. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма И: T8RUGRAM 2018

253. Вебер М. Политика как призвание и профессия Рипол Классик 2018

254. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

255. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002

256. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017
257. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008
258. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977
259. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016
260. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018
261. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018
262. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017
263. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013
264. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981
265. Карлейль Т. Теперь и прежде И: Республика 1994
266. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994
267. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017
268. Асмус В. Ф. Рене Декарт Госполитиздат 1956
269. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011
270. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988
271. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014
272. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012
273. Фуко М. История безумия в классическую эпоху
274. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018
275. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017
276. Юм Д. Исследование о человеческом разумении И6 Эксмо 2018
277. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016
278. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956
279. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015
280. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015
281. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009
282. Мудрость Ганди: Мысли и изречения © Homer A. Jack,

1951, 1979 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

283. Мутаххари Муртаза Иран и ислам И: Петербургское востоковедение 2008

284. Хорри П. Чиппендейл К. Что такое ислам? И: Амфора 2007

285. Кардини Франко Европа и ислам И: Александрия 2016

286. Массе Анри Ислам 1982

287. Георгиевский С. Принципы жизни Китая И: Ленанд 2015

288. Торчинов Е. Введение в буддизм Азбука 2020

289. Шапошников А. Заратустра Эксмо 2002

290. Под ред Рака И. Авеста в русских переводах И: Журнал Нева, Летний сад, 1998

291. Хайам Омар Рубайат Наука 1972

292. Шураки А. История иудаизма АСТ 2008

293. Августин Аврелий О граде Божьем в 2т. 2006

294. Трубецкой Е. Философия христианской теократии в пятом веке. Учение Августина Блаженного о граде Божием И: Либроком 2012

295. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017

296. Тауфик Ибрагим Коранический гуманизм И: Медина 2015

297. Аль-Газали И: Возрождение наук о религии Махачкала Нуруль Иршад 2011

298. Дильтей Вильгельм Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации И: Центр гуманитарных инициатив 2013

299. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе Три квадрата 2004

300. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир М: АСТ 2019

301. Камю А. Бунтующий человек М: Издательство политической литературы, 1990

302. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

303. Леви-Стросс Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М: Академический проект, 2008

304. Леви-Стросс Печальные тропики АСТ 2018

305. Леви-Стросс Мифологики Флюид Фрифлай 2007

306. Леви-Стросс Клод, Эрибон Дидье Издалека и вблизи И: Ивана Лимбаха 2018

307. Клейн Лев История антропологический учений Издательство СПбГУ 2014

308. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009

309. Санд Жорж, Спиридион Изд. Текст, 2004

310. Моруа А. «Лелия или жизнь Жорж Санд», Изд. Беларусь, 1983

311. Пузиков А. «Портреты французских писателей», М: Изд. Художественной литературы, 1981

312. Дидро Д. Монахиня Племянник Рамо Художественная литература 1960

313. История в энциклопедиях Дидро и д Аламбера. Наука 1978

314. Золя Э. Творчество И: Онер 1984

315. Флобер Г. Воспитание чувств Азбука 2018

316. Флобер Г. Госпожа Бовари Азбука 2012

317. Гайто Газданов в 3 т. И: Согласие 1996

318. Набоков В. Лекции о русской литературе Азбука 2020

319. Набоков В. Лекции о зарубежной литературе Азбука 2020

320. Роллан Ромен Жизни великих людей Бетховен. Микеланджело. Толстой. Вышейшая школа 1985

321. Роллан Ромен Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды И: Экополис и культура 1991

322. Роллан Ромен Вселенское Евангелие Вивекананды Самарский дом Печати

323. Древние тексты Вед М: Амрита 2013

324. Гири Свами Вишну Ведические боги и их символы М: Амрита 2012

325. Аквинский Фома Учение о душе Азбука-классика 1918
326. Боргош Юзеф Фома Аквинский М: Мысль 1975
327. Аквинский Фома Сочинения М: Ленанд 2015
328. Пифагор Золотые законы и нравственные правила. Сост Нечаев М: Астрель 2012
329. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008
330. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010
331. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982
332. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011
333. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012
334. Честертон Г. Франциск Ассизский И: T8RUGRAM 2019
335. Сорель Ж. Размышления о насилии Ленанд 2018
336. Монтень Избранное Советская литература 1988
337. Ренан Э. Святой Павел. Антихрист М: Советский писатель 1991
338. Ренан Э. Жизнь Иисуса Издательство политической литературы 1991
339. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира Терра 1991
340. Мильтон Дж Потерянный и возвращенный рай Азбука 2018
341. Шопенгауэр Краткий курс истории философии Эксмо 2018
342. Достоевский Ф. Записки из подполья Азбука 2020
343. Достоевский Ф. Записки из мертвого дома Карелия 1979
344. Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе Петрополис 2011
345. Ливий Тит История Рима от основания города Эксмо 2017
346. Крист Карл История времен римских императоров от Августа до Константина. В 2 т. Феникс 1997
347. Историки античности в 2 т. Правда 1989

348. Светоний Гай Жизнь двенадцати цезарей Азбука 2015
349. Лесков В. Спартак Молодая гвардия 2011
350. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991
351. Игнатьев Майкл Права человека как политика и как идолопоклонство И: Новое литературное обозрение 2019
352. Ковалев А. Международная защита прав человека Статут 2013
353. Все о правах человека. Сборник нормативных актов. Проспект 2019
354. Эразм Роттердамский Похвала глупости Азбука классика 2016
355. Фон Мизес Людвиг Теория и история Социум 2013
356. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы
357. Леони Б. Кошкин В. Свобода и закон 2008
358. Жувенель Б. Власть: естественная история ее возрастания ИРИСМЕН 2010
359. Бентам И. Тактика законодательных собраний 2006
360. Паскаль Б. Августин А. Лабиринты души Реноме 1998
361. Паскаль Б. Мысли АСТ 2018
362. Кампанелла. Бэкон. Мор Классическая утопия АСТ 2018
363. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2017
364. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2018
365. Элиаде М. Трактат по истории религий И: Академический проект, 2018
366. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки И: Нобель Пресс, 2019
367. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011
368. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012
369. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

370. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

371. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

372. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

373. Хугаева Л. Любовь и ненависть в Корнеллском университете Издательские решения Ридеро, 2020

374. Хугаева Л. Романтизм и реализм или Лелия и Леля Издательские решения 2019

375. Хугаева Л. Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета. Издательские решения 2020

376. Хугаева Л. Рационализм против эмпиризма. Издательсике решения, 2020

377. Хугаева Л. Корневые группы в английском языке. М: Энас, 2003

378. Хугаева Л. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни. М: Энас, 2005

379. Хугаева Л. Проблемы развития духа. Критика структурализма. Издательские решения, 2020

380. Ксенофонт Сократ М: РИПОЛ классик, 2020

381. Биографические очерки. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М: Республика, 1995

382. Булгаков М. Мастер и Маргарита СПб: Азбука, 2020

383. Гардинер П. Кьеркегор М: Астрель: АСТ, 2008

384. Э. Ренан История израильского народа М: Издательство В. Шевчук 2001

385. Хугаева Л. Ось мировой истории. Издательские решения Ридеро, 2020

386. Хугаева Л. Коррупция в РСО-Алании. Издательские решения Ридеро, 2021

387. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса М: Республика, 1992

388. Гельдерлин Ф. Огненный бег М: Водолей, 2016

389. Гельдерлин Ф. Гиперион М: Наука, 1988

390. Гулыга А. Шеллинг М: Молодая гвардия, 1982
391. Бонавентура Ночные бдения М: Наука, 1990
392. Власова О. Антипсихиатрия: становление и развитие. Москва, РГСУ «Союз», 2006

Тесла Лейла Хугаева

Клиника доктора Бене Финкеля

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero